ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

НИМӇАКАР

СŌ БЭЕ СŌДĀНӢ МĀТĀ

ИҺĀРДАН-ДЭВЭ̄РДЭН ТЭТЫ̄ЛКЭ̄Н ДЭГИЛТЭР СŌӇКУ ДЭВЭЛЧЭ̄Н

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

ХРАБРЫЙ СОДАНИ-БОГАТЫРЬ

ВСЕСИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ ДЭВЭЛЧЭН В РАСШИТОЙ-РАЗУКРАШЕННОЙ ОДЕЖДЕ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»,
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ УЧАСТВУЮТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

●

ИНСТИТУТЫ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

●

СОВЕТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

●

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМИССИЯ ПО НАРОДНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

ИНСТИТУТ ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ им. Н. К. ЧЕРКАСОВА

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ РСФСР

КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА

ВСЕСОЮЗНОЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ФИРМА МЕЛОДИЯ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н. А. Алексеев, Э. Е. Алексеев, В. М. Гацак (зам. главного редактора), *А. П. Деревянко* (главный редактор), *Н. В. Емельянов, И. И. Земцовский, Х. Г. Короглы, А. И. Крушанов, Е. Н. Кузьмина* (отв. секретарь), *Д. С. Лихачев, Ю. С. Мелентьев, Б. Н. Путилов, В. М. Санги, Ю. И. Смирнов, А. Б. Соктоев* (зам. главного редактора), *М. И. Тулохонов, Е. И. Убрятова, Ю. И. Шейкин.*

Художественное оформление серии
А. А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СО АН СССР
ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ СО АН СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ КОМИССИЯ ПО НАРОДНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ
СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР
КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ РСФСР
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РСФСР

Сказитель
Н. Г. Трофимов

Вступительная статья, подготовка текстов, перевод,
комментарии и словари
А. Н. Мыреевой

Редактор перевода
А. Е. Аникин

Музыковедческая статья
А. М. Айзенштадта, Ю. И. Шейкина

Нотные записи
Ю. И. Шейкина

Фотоиллюстрации
В. Т. Новикова

ББК 82.3 Сиб+82.3Э
Э 15

Рецензенты

кандидат филологических наук *Б. В. Болдырев*
кандидат исторических наук *Ю. А. Сем*

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Ответственные редакторы тома
кандидаты филологических наук
Н. В. Емельянов, Е. П. Лебедева

Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. —
Э 15 Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 392 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
ISBN 5—02—029389—X.

Книга открывает серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Вступительная статья к серии характеризует ее концепцию, историко-культурный контекст и новизну. В томе впервые публикуются два уникальных эвенкийских нимнгакана (героические сказания) — о богатырях Содани и Дэвэлчэне — в исполнении крупнейшего рапсода Н. Г. Трофимова (1915—1971), открытие которого стало научной сенсацией. Тексты даются с параллельным русским переводом. Оригинальность поэтики сказаний, их музыкального строя и стиля, этнографические реалии раскрываются в статьях, нотных записях и комментариях к тому. Прилагается грампластинка, запечатлевшая «личные» песни персонажей.

Издание рассчитано на фольклористов, литературоведов, этнографов, широкий круг читателей.

Э $\frac{4702000000-039}{042(02)-90}$ 718—90 II полугодие

ББК 82.3 Сиб+82.3Э

ISBN 5—02—029389—X

© Издательство «Наука», 1990

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Данное издание — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов, оно ориентировано на публикацию избранных памятников, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т. е. произведений памятных и значимых и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Отправным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т. е. оставаясь в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыкальные особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии призваны точно документировать публикацию, снабдить текст и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом (а также в музыковедческой статье), либо в особом приложении. Все специальные условные обозначения оговариваются в конце музыковедческой статьи. В нотных записях фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение.

Не поддающиеся нотированию особо специфические элементы интонирования (тембр и т. п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому варианту.

Грампластинки иллюстрируют самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании. Можно услышать звучание текстов на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Книги серии печатаются фотонаборным способом. На единой основе — гарнитуре Лазурского — созданы комплекты универсальных шрифтоносителей, отвечающие потребностям многоязычной серии.

Сектором фольклора народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национального алфавита и шрифтов для ряда бесписьменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших изданий советского времени (в том числе — двуязычной академической серии «Эпос народов СССР», выпускаемой Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР) и зарубежных публикаций.

В состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Бурятский фольклор (в 7 т.)
«Аламжи Мэргэн». Героический эпос
«Осодор Мэргэн». Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Сказки волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Эвенский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Якутский фольклор (в 6 т.)
«Кыыс Дэбилийэ». Героический эпос
«Модун Эр Соготох». Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский

Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Азиатских эскимосов
Юкагирский

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1990 г.

Бурятский героический эпос. «Аламжи Мэргэн».

1991 г.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока.

«Кыыс Дэбилийэ». Якутский героический эпос.

Бурятские волшебные сказки.

1992 г.

Нанайский фольклор: нингманы, сиохор, тэлунгу.
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных.
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые.
Тувинские сказки.
Бурятские новеллистические сказки.

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ[1]

I

Сибирь и Дальний Восток — обширный удивительный край нашей страны, край настоящего и будущего. В нем имеются не только минеральные и природные ресурсы, не только бурно развивающаяся экономика, но есть и еще одно необыкновенное богатство: культурное и историческое наследие народов, в нем проживающих.

Сибирь и Дальний Восток населяют десятки народов, говорящих на разных языках. Все они имеют богатейшую историю, удивительное по богатству и разнообразию культурное наследие, истоки которого уходят в давность, исчисляемую тысячелетиями[2].

Далекое прошлое Сибири и Дальнего Востока, его историческая глубина постепенно раскрываются во всей своей огромности и неустранимом воздействии на последующие эпохи и времена. Предысторию и преемственность фольклорного развития двух регионов невозможно представить себе без учета этой впервые возникающей археологической ретроспективы. Обычно она почти не принимается во внимание. Однако в данном случае «стыкование» с археологией насущно необходимо и принципиально значимо, поскольку сразу создает представление о масштабности времени и пространства истории.

* * *

. . .В 1871 г. при строительстве военного госпиталя в Иркутске была открыта палеолитическая стоянка, которая оказалась первой не только в Сибири, но и в России. Примечательно, что в слое вместе с костями давно вымерших животных, каменными орудиями найдены предметы искусства и украшения. Известный исследователь Восточной Сибири И. Д. Черский, изучавший культурные отложения стоянки, высказал идею о том, что предметы искусства и украшения сделаны человеком постплиоценового времени (так в то время называли плейстоцен) с помощью каменных орудий. В условиях, когда археология не только в России, но и в мире делала свои первые шаги, это была смелая и неожиданная догадка, поскольку речь шла не о Франции, Средиземноморье, а о Сибири, и не о человеке недавнего прошлого, а жившем 15—20 тыс. лет назад.

---

[1] Авторы разделов I — А. П. Деревянко, II — В. М. Гацак, III — А. Б. Соктоев.

[2] *История* Сибири. — Л., 1968. — Т. 1.

В 1880-е гг. большую серию палеолитических стоянок удалось открыть на Енисее жителю г. Красноярска И. Т. Савенкову. В конце XIX в. эти стоянки посетил известный французский археолог Ж. де Бай, который сделал несколько докладов об открытиях в Сибири во Французской академии и Парижском географическом обществе. Еще одно неожиданное открытие было сделано в 1896 г. в Томске. Оно связано с работами профессора Н. Ф. Кащенко. Им были найдены скопления костей мамонта, а рядом с ними — остатки кострищ, каменные орудия. В коллекции с этой стоянки совсем недавно обнаружена пробирка с углем, который Н. Ф. Кащенко собрал с кострищ. Он, конечно, не предполагал, что более чем через полвека будет разработан метод радиоуглеродного датирования, но интуитивно чувствовал, что мельчайшая деталь, любая находка, связанная с жизнью древнего человека, представляет величайшую ценность, и благодаря его стремлению все сохранить и зафиксировать по этому углю удалось установить возраст стоянки — 18300 ± 1000 лет.

Открытия в Сибири, видимо, не остались незамеченными. В конце XIX в. в Европе стала достаточно широко известна гипотеза о североазиатско-европейской прародине человека [3]. Она была высказана австрийским ученым М. Вагнером и французскими исследователями А. Катрфажем и Э. Картальяком. Кратко суть идеи сводилась к тому, что впервые человек сформировался в северных широтах, где быстрее всего наступило похолодание, а затем расселился и в более южных районах. При всей возможной привлекательности этой гипотезы она, конечно, не имела сколько-нибудь серьезного научного обоснования: к началу XX в. палеолитических стоянок в Сибири было известно мало, исследовались они лишь частично и возраст их не превышал 20 тыс. лет.

Немало крупных находок выпало на долю исследователей в первой половине XX в., но стоянок древнее 25 тыс. лет в Северной Азии так и не было обнаружено. Большинство ученых считало, что древнее этого времени, вследствие суровости климата в плейстоцене и низкого уровня культуры человека, стоянок в Сибири не будет открыто.

Однако в 1961 г. на Алтае (в г. Горно-Алтайске на р. Улалинке) и на Дальнем Востоке (у с. Филимошки на р. Зее) А. П. Окладников впервые нашел очень древние орудия труда. Возраст открытых здесь стоянок превышал 200—300 тыс. лет.

Длительное время большинство исследователей отвергало идею о столь раннем заселении Северной Азии человеком. Многие продолжали считать Сибирь далекой окраиной человеческой культуры и цивилизации. Но продолжались напряженные поиски, накапливались новые факты о древности культуры человека в Сибири. Еще в 1968 г. во Владивостоке один из крупнейших советских антропологов — профессор Г. Ф. Дебец, просматривая коллекцию каменных орудий, собранную на ряде древнейших местонахождений юга советского Дальнего Востока, заметил: «Если будут найдены серии артефактов, то я признаю ранний палеолит Дальнего Востока». Проходили годы. . . Археологи открывали новые стоянки, и в настоящее время уже нет сомнений в том, что человек впервые заселил Северную Азию в раннем палеолите, т. е. более 300 тыс. лет назад.

---

[3] *Ларичев В. Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск, 1969. — Ч. 1. — С. 17—66.

А. П. Окладников в течение ряда лет проводил раскопки на Улалинке[4]. На этой стоянке-мастерской собран огромный материал, насчитывающий несколько тысяч изделий. По древности каменного инвентаря стоянка-мастерская на речке Улалинке — уникальный памятник ярко выраженной галечной культуры, в нем обнаружены обработанные человеком кварцитовые желваки и примитивные орудия из галек. Это местонахождение представляет целую эпоху в истории каменного века Северной Азии. Его возраст, видимо, не менее 300—400 тыс. лет. В 1960-е гг. раннепалеолитические комплексы исследовались А. П. Окладниковым и А. П. Деревянко на Дальнем Востоке[5].

Важное значение имеет открытие в конце 60—70-х гг. Г. И. Медведевым и другими иркутскими археологами стоянок на Братском водохранилище. Благодаря их целенаправленной работе удалось собрать обширный сравнительный материал для характеристики верхне- и среднеплейстоценовых разрезов и, что особенно важно, найти каменные орудия в слое.

Нужно отдать должное иркутским археологам: они не спешили с выводами, а постоянно накапливали материал, прокладывали десятки шурфов по нескольку метров глубиной каждый, чтобы получить хорошие стратиграфические разрезы, а главное — вели поиск каменных орудий непосредственно в слое, что позволяло точно установить время находок. Терпение и упорство были вознаграждены блестящими открытиями. В настоящее время нет сомнений в том, что 200—300 тыс. лет назад и в Приангарье расселялся древний человек[6].

Совсем неожиданными, в прямом смысле сенсационными, стали находки якутских археологов под руководством Ю. А. Мочанова в местности Дюринг-Юрях на Лене, в 120 км выше Якутска. С 1983 г. он и его сотрудники ведут раскопки на этом местонахождении, вскрыто несколько тысяч квадратных метров площади. Найдено около двух тысяч изделий. Они очень грубы и примитивны. Ученым предстоит еще многое сделать, чтобы по достоинству оценить открытие в Якутии. Результаты исследования флоры и другие данные свидетельствуют о том, что в то время в этих районах было холоднее, чем в настоящее время. У ученых справедливо возникает много вопросов, в том числе вопрос о датировке. Но несомненно, что находки очень древние, и это открытие одно из интереснейших в Сибири.

Столь древние комплексы на юге Сибири и Дальнего Востока ставят перед учеными важные вопросы, на которые необходимо найти ответ: откуда и когда пришел первый человек в Сибирь? Кто он был, этот первопроходец Северной Азии? Какова последующая его судьба?

Многие исследователи убеждены, что человек впервые заселил юг Сибири в раннем палеолите. Наиболее вероятным районом, откуда происходила инфильтрация древнейших популяций в Сибирь, могла быть Монголия. Только за 1983—1988 гг. археологами Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (ИИФиФ СО АН СССР) в Монгольском

---

[4] *Окладников А. П.* Улалинка — древнепалеолитический памятник Сибири // Палеолит и неолит СССР. — Л., 1972. — Т. 7. — С. 7—19.

[5] *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток, 1973; *Деревянко А. П.* Палеолит Дальнего Востока и Кореи. — Новосибирск, 1983.

[6] *Медведев Г. И.* Палеолитические обитатели юга Сибирского плоскогорья и древние культуры Северной Америки // Позднеплейстоценовые культурные связи Азии и Америки. — Новосибирск, 1983. — С. 36—41.

и Гобийском Алтае открыто более 20 раннепалеолитических комплексов. Некоторые из них могут быть отнесены к древнейшим в Азии.

Появление первого человека в Сибири в раннем палеолите еще не решает всей проблемы заселения этой территории человеком. Стоянки раннего палеолита оставлены нашим далеким предком, так называемым архантропом. В связи с этим встает еще одна не менее важная и увлекательная проблема — дальнейшее развитие культуры и самого человека в Сибири. Здесь возможны два варианта решения: или в период максимального, среднеплейстоценового оледенения он вынужден был уйти на юг, или, расселяясь в наиболее благоприятных экологических нишах, продолжал обитать на юге Сибири в среднем и верхнем палеолите, совершенствуясь сам и совершенствуя свою культуру.

Человек современного физического типа, как традиционно считается, появился в верхнем палеолите. Сибирь до недавнего времени исключалась из районов, где происходило его формирование. Исследования последних лет внесли существенные коррективы и в решение этой проблемы. Особенно важные открытия сделаны археологами ИИФиФ СО АН СССР на Алтае [7].

Ануй — одна из многих алтайских рек, которые питают бассейн Оби. На Ануе на небольшом расстоянии друг от друга раскапываются три уникальные пещеры: Каминная, Денисовая и имени академика Окладникова. В Каминной и Денисовой пещерах выявлены мощные (до 4—5 м) культурные отложения. В Денисовой хорошо фиксируются 13 культурных горизонтов, относящихся к плейстоцену. Различные орудия труда, обнаруженные во всех этих горизонтах, позволяют проследить последовательность изменения форм и техники обработки каменных орудий на протяжении нескольких десятков тысяч лет. Наиболее ранние предметы относятся к мустьерскому времени и сделаны палеоантропами или неандертальцами — нашими непосредственными предками.

Самые интересные находки, пожалуй, связаны с пещерой им. академика Окладникова. Пещера обнаружена в 1984 г. Расположена на северо-западной окраине с. Сибирячиха. Открывается она гротом небольших размеров, от которого в глубь пещеры ведет узкий и низкий ход — галерея. Работы в пещере начались раскопками в гроте, где удалось определить три культурных горизонта. Два из них — мустьерские. Несмотря на небольшую площадь (около 24 $м^2$), при раскопках найдено большое количество мустьерских скребел, встречались остроконечники, скребки, ядрища и другие изделия. Из неожиданных находок — зубы и другие остатки самого обитателя этой пещеры, как оказалось, неандертальца. Это первые находки останков столь древнего человека в Северной и Центральной Азии. Пещера была безымянной, и археологи по согласованию с местными руководителями, которые постоянно помогали в работе, назвали ее именем одного из выдающихся исследователей древних культур Азии — академика Окладникова.

Бассейн Ануя интересен не только уникальными пещерами, но и открытыми стоянками. На левом берегу реки, почти напротив Денисовой пещеры, обнаружена многослойная стоянка на мысу с очень сложной стратиграфией. При раскопках найдены большое количество орудий труда, кости плейстоценовых животных. В среднем слое открыты кострища, угольки из них позволили

[7] *Деревянко А. П., Молодин В. И., Маркин С. В.* Археологические исследования на Алтае. — Новосибирск, 1987.

установить, что слой древнее 31 тыс. лет. Для стоянки характерно наличие таких принципиально важных типов изделий, как крупные и небольших размеров двусторонне обработанные изделия — бифасы; ядрища, близкие к торцовым, с пластинчатыми негативами снятия; пластины, обработанные крутой ретушью, похожей на мальтинскую. В нижележащем, более древнем горизонте также найдены двусторонне обработанные изделия, леваллуазские пластины и острия. На Ануе известны и другие пещерные и открытые стоянки, которые пока не раскапываются.

Что же дали исследования последних лет в бассейне р. Ануй? Впервые в Северной и Центральной Азии получен массовый материал из хорошо стратифицированных многослойных пещерных комплексов и открытых стоянок. Тщательный анализ артефактов позволил выработать эталонную типологию основных категорий каменных орудий, установить технику их первичного расщепления и вторичного оформления. Важно, что стоянки разного типа сконцентрированы в одном районе. Материалы их заполнят имеющиеся хронологические лакуны, а также дополнят друг друга, потому что при разных типах заселения — в пещерах и открытых стоянках, даже относящихся к одному и тому же времени, наблюдается преобладание разных типов и категорий каменных орудий.

Наиболее ранние комплексы, открытые на Ануе, древнее 50 тыс. лет. В ранних и более поздних слоях хорошо прослеживается преемственность в типологии и технике обработки каменных орудий. Такая преемственность фиксируется вплоть до комплексов верхнего палеолита, оставленных уже человеком современного физического типа. Все это свидетельствует о непрерывности в развитии культуры человека в позднемустьерскую эпоху и в верхнем палеолите. А это является основанием для утверждения, что в Горном Алтае расселялись популяции неандертальцев с хорошо выраженными сапиентными чертами, тех самых неандертальцев, которые «вышли в люди». Причем этот процесс хорошо прослеживается на материалах раскопок в бассейне Ануя. Таким образом, мы с полным основанием можем включить и южные районы Сибири в регион формирования человека разумного.

Традиционно считалось, что человек современного физического типа сформировался 35—38 тыс. лет назад. Однако, сжав переходный период от неандертальцев к Homo sapiens до нескольких тысяч лет, специалистам трудно ответить на многие вопросы. И один из главных — причины, которые привели к такому качественному скачку: от неандертальца — к человеку разумному. Называются многие причины, в том числе и мутации, происходившие под влиянием более активного в то время радиационного излучения. Сейчас среди антропологов и археологов все чаще стала обсуждаться точка зрения о том, что человек разумный формировался в течение гораздо более продолжительного времени. Нам представляется, что вообще не следует проводить резкой границы между физическим типом неандертальцев и физическим типом ныне живущих людей. Различия в особенностях физического типа (как и в орудийном наборе) неандертальцев и человека верхнего палеолита объясняются малочисленностью и палеоантропологического материала, и исследованных стоянок, особенно относящихся к так называемому переходному периоду. Проблема эта сложная и многоаспектная, но имеющиеся в настоящее время факты, в том числе и полученные на Алтае, позволяют утверждать, что основные типы каменных орудий, технические приемы их обработки, характерные для верхнего палеолита, оформились более

40 тыс. лет назад. Продолжение раскопок в бассейне Ануя позволит получить новые материалы, которые будут способствовать решению не только названных, но и целого ряда других проблем.

Исследования на Алтае привлекают большое внимание наших зарубежных коллег. Только в 1986 г. в раскопках принимали участие японские, американские, кубинские, канадские археологи. Был проведен советско-канадско-американский симпозиум, посвященный проблеме первых американцев. И это не случайно. Открытия на Алтае дают обширный фактический материал для дальнейшей разработки проблемы первоначального заселения человеком Нового Света. Специалистов, занимающихся этими вопросами, можно разделить на оптимистов и пессимистов. Оптимисты полагают, что первый человек пришел из Азии в Новый Свет ранее 20—30 тыс. лет. А пессимисты считают самой древней стадию наконечников, памятники которой появились не ранее 14 тыс. лет назад.

Открытие на Алтае мустьерских и верхнепалеолитических комплексов, тесно связанных генетически, не исключает расселения прогрессивного типа неандертальцев в северных районах Сибири и даже возможности миграции их по сухопутному мосту древней Берингии, из Азии в Америку. Отмечая возможные параллели и связи древних культур Сибири и Нового Света, следует отметить находки двусторонне обработанных изделий в среднем слое стоянки Усть-Каракол, датируемой с помощью радиоуглеродного метода временем древнее 31 тыс. лет. Бифасы также обнаружены в нижележащем, древнем горизонте Усть-Каракола, что предполагает их дальнейшее распространение в Сибири и даже в Америке.

Полученные в процессе раскопок на Алтае материалы позволят решить целый ряд других проблем, которые в течение длительного времени волнуют археологов, занимающихся изучением древних культур Северной Азии и Тихоокеанского бассейна.

Человек современного физического типа имел, бесспорно, более высокую и развитую культуру, что позволило ему неудержимо двигаться вслед за стадами диких животных. Люди шли все дальше, в новые области, богатые дичью. Одной из таких областей, наиболее удобных для расселения охотничьих племен, были долины Лены, Алдана, Зеи, Амура.

Совсем недавно палеолитические поселения были известны ученым только в южных районах Сибири — у Томска, на Алтае, в долине Енисея у Красноярска, на Ангаре вблизи Иркутска и за Байкалом — в долине Селенги. Уже в отдаленном прошлом, по крайней мере 35—30 тыс. лет назад, древние охотничьи племена начали осваивать север, спускаясь по долине Лены все дальше на север, к Ледовитому океану.

Историческая заслуга первых обитателей Сибири бесспорна. Именно они — пионеры Севера — в погоне за мамонтами и носорогами, за стадами северных оленей и быков открыли эту совершенно новую для человека страну, заложив основу для дальнейшего развития культуры и завоевания человеком необозримых пространств Севера.

В 1928 г. у с. Мальта, расположенного на левом берегу р. Белой при впадении ее в Ангару, молодой археолог и антрополог М. М. Герасимов начинает длительные раскопки палеолитического поселения [8]. По своему значению Мальта не

[8] *Герасимов М. М.* Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Палеолит СССР: Материалы по истории дородового общества. — М.; Л., 1935. — С. 93—100.

уступает крупнейшим мировым памятникам позднего палеолита. Здесь обнаружена богатая фауна — кости северного оленя, шерстистого носорога, мамонта и др. На поселении найдены несколько тысяч обработанных камней, остатки жилищ, которые позволили М. М. Герасимову выделить три типа сооружений. Инвентарь стоянки дал ученому возможность реконструировать технику и приемы обработки кости в период палеолита. Чрезвычайно обильно представлены здесь разнообразные украшения и типы орнамента. Раскопки поселения Мальта имели исключительное значение для сибирской археологии.

Раскопки Мальты только разворачивались, когда на небольшом расстоянии от нее, у с. Нижняя Буреть на Ангаре, А. П. Окладников обнаружил второе поселение древнего человека, столь же яркое и уникальное[9].

Мальта и Буреть дают наиболее полное представление о жизни и быте человека, жившего в Сибири 20—25 тыс. лет назад. Их древние обитатели, подобно эскимосам, строили постоянные или сезонные деревни вдоль берегов Ангары. Так же как эскимосы и чукчи, они сооружали большие дома из костей гигантских животных — мамонтов и носорогов, которые водились здесь в те отдаленные времена. Подобно современным эскимосам, жилища их имели углубленные в землю основания, а сверху были покрыты куполообразной легкой крышей, опирающейся на эластичный каркас из жердей и оленьих рогов.

Обитатели Мальты и Бурети создали не только оригинальную культуру охотников на мамонта и северного оленя, но и оставили после себя первоклассные образцы первобытного искусства. При раскопках на Ангаре были обнаружены удивительные скульптурные и резные изображения животных, змей, птиц, а также скульптурки женщин и украшения, которые поражают мастерством и живостью исполнения.

Чтобы в полной мере оценить впечатление, произведенное на ученых вновь открытыми в глубине Сибири художественными сокровищами людей ледникового времени, достаточно сказать, что Мальта и Буреть дали более 20 женских статуэток — почти половину «мирового запаса» этих изделий палеолитических скульпторов. Стало ясно, что в Сибири того времени, на берегах Ангары и Байкала, существовал мощный очаг первоначальной художественной культуры. Культура эта находилась на том же уровне, что и синхронные центры палеолитического искусства в Западной Европе.

Искусство палеолитического населения Сибири, судя по его образцам, найденным в Мальте и Бурети, было в основе реалистическим, наполненным отзвуками реальной жизни. Богатство находок по искусству древних обитателей Мальты и Бурети связано с реальной жизнью людей того времени. Так же как эскимосы, оседлые чукчи и коряки недавнего прошлого, древние обитатели Мальты и Бурети, жившие в условиях арктической природы, имели, как считал А. П. Окладников, достаточно пищи зимой и свободного времени, чтобы тратить его на художественную резьбу. В зимнее время, когда кругом бушевала пурга и лежали горы снега, эта работа могла служить им развлечением и отдыхом. Кроме того, в их распоряжении в изобилии был первоклассный материал для резьбы: бивни мамонтов и кости животных, а также мягкий камень, который сам «просился» в руки мастеров. По-видимому, именно поэтому здесь так пышно

[9] *Окладников А. П.* Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1939—1940 гг.) // Краткие сообщ. Ин-та истории матер. культуры. — 1941. — Вып. 10. — С. 16—31.

развивалась пластика, так многочисленные антропоморфные изображения животных и птиц[10].

Древние обитатели таежных просторов Сибири были не только прекрасными скульпторами, но и графиками-живописцами. Замечательные открытия искусства каменного века связаны с исследованием писаных скал у старинного русского села Шишкино на Лене.

Рисунки на скалах у с. Шишкино стали известны благодаря участнику первой Камчатской экспедиции XVII в. живописцу Й.-В. Люрсениусу, который по поручению руководителя экспедиции академика Г. Ф. Миллера сделал с этих рисунков несколько копий.

В 1929 г. А. П. Окладников обследовал эти петроглифы и скопировал десятки великолепных рисунков неолитической эпохи возрастом 5—6 тыс. лет. Позднее в 1941 г., во время второй своей экспедиции на Шишкинские скалы, проходя в очередной раз мимо скал, А. П. Окладников вдруг заметил на потрескавшейся и побелевшей от времени одной плоскости еле видимую под косыми лучами заходящего солнца полосу красной краски. Краска от времени, дождей и снега настолько выцвела, что почти сливалась с фоном скалы и ее мог обнаружить только опытный глаз, да и то при определенном освещении. А. П. Окладников, сдерживая волнение, подошел к скале. На смоченном водой месте показалась линия рисунка, и он увидел широкий, слегка волнистый лошадиный хвост. Сомнений не было — это рисунок, причем выполненный, судя по его сохранности, гораздо раньше, чем все другие рисунки на Шишкинских скалах.

Долго пришлось «колдовать» у этого рисунка, прежде чем вся композиция, нанесенная много тысяч лет назад, была восстановлена полностью. Перед археологами, освещенное ярким июльским солнцем, предстало уникальное и, вероятно, самое древнее изображение лошади на всем протяжении Шишкинских скал. Опытная рука художника смело и уверенно одной размашистой контурной линией передала реальные черты дикой лошади: ее тяжелое, почти квадратное туловище, голову с характерным горбатым носом, массивное отвислое брюхо, короткие толстые ноги, покрытые длинной густой шерстью, и длинный пышный хвост. Так могла выглядеть только знаменитая лошадь Пржевальского, чудом дожившая в глубинах Центральной Азии вплоть до XX в.

Изображение лошади по своей реалистической манере напоминало доисторические рисунки лошадей из знаменитых палеолитических пещер Западной Европы. Сравнивая шишкинский рисунок дикой лошади с другими доисторическими рисунками, можно отчетливо видеть поразительное сходство с изображениями лошадей Пиндаля и Костильо (Испания), Фон-де-Гом и Ляско (Франция). О древности этого изображения свидетельствовали реалистичность рисунка и манера исполнения. Древний художник сделал изображение лошади почти в натуральную величину, скупой контурной линией, точно так же, как делали подобные рисунки палеолитические художники Испании и Франции в ледниковом периоде. Все другие изображения лошадей на Шишкинских скалах, относящиеся к более позднему периоду, выполнены в совершенно другой манере. Глубокую древность рисунка подтверждало и то, что поверхность скалы с изображением очень сильно выветрилась и пострадала от времени — побелела и вздулась пузырями. Сама скала треснула, а нижняя ее часть осела, отчего смести-

---

[10] *История* Сибири. — Т. 1. — С. 49.

лись линии самого рисунка. Изображение было выполнено светло-красной краской, сильно вылинявшей. Позднее этот вывод о древности рисунка был подтвержден новыми открытиями.

Прошло шесть лет, и в ближайшем соседстве с первым изображением при тщательном обследовании скалы археологам удалось обнаружить еще один рисунок лошади. Он был выполнен в той же манере и по сути являлся как бы копией первого изображения. Краска настолько выцвела и сливалась с фоном скалы, что пришлось потратить много усилий, прежде чем удалось проследить всю композицию [11].

В том же, 1936 г., Шишкинские скалы подарили ученым еще один рисунок такого же стиля и той же глубокой древности. На одной из плоскостей вначале была обнаружена косая линия выветрившейся и выцветшей красной краски. При тщательной промывке скалы на конце этой полосы обнаружилась отчетливо прорисованная широкая кисточка. Затем появилось туловище зверя, ноги и голова. Из глубины скалы так же неожиданно, как два первых рисунка лошадей, выступил еще один новый представитель исчезнувшего животного мира далеких эпох. На этот раз перед исследователями предстал дикий бык, изображенный в такой же стилистической манере и такими же техническими приемами, как и первые палеолитические фигуры лошадей. Древнему художнику удалось талантливо передать не только общий вид массивной фигуры животного, но и его характерную позу. Рисунок насыщен первозданной мощью. Вытянутый хвост, опущенная вниз голова и крутой горб при переходе от шеи к спине усиливают это впечатление. Животное полно неудержимой внутренней энергии и стремления вперед. Этот рисунок также имел много общих черт с известными древними изображениями быков в Испании. Бык из Шишкино такой же далекий северный собрат замечательных быков Альтамиры в Испании, как лошади Шишкино — двойники лошадей пещерных росписей франко-кантабриской области древнекаменного века. Интересно, что, несмотря на колоссальные пространства, разделяющие долину р. Лены и Пиринеи, может быть установлено не только самое общее соответствие между памятниками палеолитического искусства, но и некоторые более близкие совпадения.

Открытие рисунков ледникового периода на Лене совершенно по-новому осветило историю искусства Сибири. Оказалось, что глубинные районы Сибири были заселены человеком в неожиданно раннее время и что древним людям, расселявшимся в тайге и лесотундре, было свойственно чувство прекрасного. Они оставили после себя неповторимые шедевры первобытного искусства, внесли свой вклад в мировое искусство на заре человечества. Находки в Мальте, Бурети, рисунки в Шишкино еще раз подтвердили важную мысль, что для человеческого общества были характерны одни и те же законы развития мышления и сознания независимо от того, где расселялись коллективы: в степях и лесостепях Испании или Франции, на необозримых просторах Центральной Азии или в Сибири. Человек, оторвавшийся от животного мира, медленно, постепенно, но уверенно делал первые шаги в искусстве, которые затем воплотились в бессмертные шедевры эллинского искусства, Возрождения и нашего сегодняшнего дня.

Искусство первых сибиряков характеризуется еще одной важной особен-

---

[11] *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Ленские писаницы. — М.; Л., 1959; *Окладников А. П.* Петроглифы верхней Лены. — Л., 1977.

ностью, на которую обратил внимание еще в 1960-е гг. Б. А. Фролов[12]. Изучая орнаментальные мотивы из Мальты и со стоянки Мезин на Десне, он пришел к выводу, что в ритме их построения и нанесения на предмет имеются определенные закономерности, которые выражались в повторении деталей орнамента одинаковое число раз. Чтобы выяснить, насколько закономерно присутствие числовых ритмов в искусстве палеолита, он стал рассматривать орнаментальные мотивы, встречающиеся на предметах искусства и из других палеолитических памятников. Им была разработана специальная методика анализа, исключающая возможность субъективных или случайных суждений о ритмическом «каркасе» орнаментов. Б. А. Фролов проверил и выразил статистически все способы чередования орнаментальных элементов в коллекциях палеолитической графики, собранной в СССР, прежде всего в таких крупнейших комплексах, как Мальта и Буреть в Сибири, Костенки, Авдеево, Мезин на Русской равнине. Результаты оказались во многом неожиданными и заставили предполагать не только начатки системы счета у доисторических мастеров — создателей орнамента, но и применение ими счета в простейших наблюдениях за циклическими процессами в природе.

В палеолите возникают также геометрические представления о таких, например, формах, как круг, шар, квадрат, прямоугольник, меандр, спираль и т. д., которые были известны людям той эпохи. Все это приводит к выводу, что еще в глубокой древности люди, осваивая природу, вплотную приближались к тому уровню, с которого начинаются математика и другие науки в более позднее время в земледельческих цивилизациях древнего мира.

Истоки древних культур уходят в глубокое прошлое. Но и в последующее время не оборвалась связь времен. Начальный фундамент культуры, заложенный далекими поколениями, продолжал развиваться и совершенствоваться.

В неолитическое время в Сибири и на Дальнем Востоке происходит формирование многих обширных культурно-исторических центров, где прослеживаются десятки культур с особой индустрией каменных и костяных орудий, отличительными особенностями в хозяйстве, искусстве, образе жизни.

Особый интерес представляют два наиболее характерных района развития неолитических культур: Приангарье и юг Дальнего Востока. В Приангарье продолжает развиваться образ жизни охотников и рыболовов — номадов сибирской тайги, характерный для более древних этапов[13]. На Амуре племена, оставаясь рыболовами и охотниками, рано переходят к оседлому образу жизни и создают свою оригинальную и самобытную культуру ихтиофагов, многие элементы которой прослеживаются вплоть до XX в.

В исаковское время (VI—V тыс. до н. э.) складывается вполне зрелый культурный комплекс прибайкальского и сибирского неолита. Появляются локальные формы шлифованных тесел, треугольных и трапециевидных в поперечнике. Сосуды параболоидные в вертикальном разрезе, покрытые снаружи отпечатками

---

[12] *Фролов Б. А.* О чем рассказала сибирская мадонна. — М., 1981. — 111 с.; *Он же.* Числа в графике палеолита. — Новосибирск, 1974. — 239 с.

[13] *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование // Мат-лы и исследования по археологии СССР. — 1950. — № 18; *Он же.* Неолитические памятники Ангары. — Новосибирск, 1974; *Он же.* Неолитические памятники средней Ангары. — Новосибирск, 1975; *Он же.* Неолитические памятники нижней Ангары. — Новосибирск, 1976.

сетки-плетенки. Двусторонне ретушированные наконечники стрел с асимметричными жальцами и основанием в виде хвоста ласточки. Такие элементы этого комплекса, как крупные полулунные скребла, большие вкладышевые наконечники и ножи, а также явная любовь к мамонтовой кости как материалу для изготовления охотничьего вооружения свидетельствуют о сильных палеолитических традициях.

Дальнейшим развитием той же в основе культуры отмечен следующий, серовский этап. Формы сосудов становятся более разнообразными, обогащается орнамент. Вместо простого горизонтального пояска из ямок под венчиками сосуды украшаются поясками из параллельных линий, выполненных гребенчато-пунктирным штампом или зигзагообразным пояском.

На китойском этапе находят распространение погребения без каменных кладок, с обильной засыпкой костяков охрой, символизирующей жизненное начало, «кровь ушедших в иной мир». Основная типологическая форма инвентаря китойских захоронений — оригинальные стерженьки для рыболовных крючков с полулунными выступами на обоих концах. Широко представлены также нефритовые тесла, линзовидные в сечении, треугольные ножи-острия из нефрита, плоские ножи из плиток аргиллита, поверхность которых уплощена широкими диагональными фасетками отжимной ретуши, а также песчаниковые «выпрямители» древков стрел — лощила, каменные круглые плитки-палетки и другие характерные вещи. Среди украшений выделяются кольца из белого мрамора.

Продолжает развиваться реалистическое искусство, анималистическое в основе. В китойских захоронениях встречены изображения рыб, в том числе плоские костяные, вероятно служившие шаманскими амулетами. Имеются и изображения лосиных головок, вероятно представляющие собой навершия шаманских жезлов-тростей типа бурятских шаманских конных тростей. Появляются антропоморфные скульптурки, предшественницы скульптур человека, характерных для глазковской культуры (конец III тыс. до н. э.). Одно из лучших произведений китойских скульпторов — высеченная из белого мрамора голова бородатого мужчины с тщательно и умело моделированным лицом: у него небольшой узкий лоб, длинный прямой нос с хорошо выраженной переносицей, глубокие впадины глаз и короткая треугольная борода. Черты этого лица более европеоидны, чем у неолитического населения Прибайкалья.

Но наиболее многочисленные памятники искусства, оставленные древними племенами ангарской и ленской тайги, — петроглифы. Крупный вклад в изучение наскальных изображений Сибири внес А. П. Окладников.

Наиболее ярко и полно искусство неолитического периода представлено на Ангаре, знаменитых Каменных островах, открытых еще в прошлом веке Н. И. Витковским. Исследование этой замечательной галереи каменного века начал А. П. Окладников в 1935 г.[14]

На всех трех Каменных островах сотни прекрасных рисунков. Одни выбиты искусной рукой мастера, другие прорисованы краской — то темной, густого тона, то светлой, нежной. Рядом с изображениями животных видны как бы эскизные наброски, по какой-то причине так и оставшиеся незаконченными. Вероятно, древнему художнику достаточно было нанести часть рисунка, чтобы

[14] *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. — М.; Л., 1966.

мысленно представить всю композицию. Многие рисунки можно рассмотреть при определенном освещении. Особенно четко и рельефно они выступали при восходе солнца, когда его первые лучи, прорываясь из-за горизонта, высвечивали композиции, выполненные древними художниками несколько тысяч лет назад, а также при закате, когда под косыми лучами из глубины скал как бы выплывали четко очерченные изображения животных.

Удивительно богатым был внутренний мир древних художников. Вот задумчиво стоит красавец лось. Тяжелая голова его низко опущена. Несколько шагов вперед вдоль скалы — и новая композиция. Вверх по склону бесшумно «мчится» группа лосей, целое стадо. «Бег» их мощный и стремительный. Сколько экспрессии в этом непреодолимом движении вперед! А рядом уникальное изображение — любовно очерченный контур головки самки лося. Длинные уши напряжены, они словно живые, и создается впечатление, что она сейчас неторопливо переберет ими, чутко прислушиваясь к лесным шорохам. Широко раздуты ноздри, четко очерчена губа. Но самое удивительное — глаза. Они внимательно и настороженно смотрят на мир сквозь тысячелетия. Недаром этот рисунок был назван «Лесная мадонна».

На скалах Каменных островов много рисунков своеобразно стилизованных антропоморфных фигур, изображений рыб, загадочных фантастических знаков. На десятки метров тянется эта удивительная картинная галерея каменного века. Нередко одни рисунки налегают на другие. Конечно же, наскальные изображения Каменных островов созданы не одним художником и даже не одним племенем или народом. Десятки поколений древних людей сменялись у этих скал и оставляли своим потомкам все новые рисунки.

Однако писаные скалы — это не просто «картинная галерея». В древних безмолвных рисунках как бы застыли молитвы охотников тайги, обращенные к неведомым грозным силам природы. Писаницы — своего рода священная книга тысячелетий. Прочтению этой книги помогают легенды и сказки лесных племен.

У эвенков вплоть до недавнего времени существовал особый обряд, «шингкэлавун», который, как считалось, приносил охотникам счастье, удачу. Он совершался всем родом сообща в течение многих дней у священных мест — скал, камней, деревьев, носивших древнее имя — бугады. Ряженные в оленьи шкуры, с рогами на голове, охотники тайги исполняли здесь колдовские танцы, которые якобы должны были приманить, зачаровать лесных зверей.

Среди наскальных изображений Лены, Ангары и в других местах Сибири имеется много композиций магических мистерий каменного века. Это и изображения лосей во время гона, и сцены, символизирующие размножение, а на писанице в устье р. Синей, притока Лены, — композиция, символизирующая охоту на лося людей, вооруженных луками.

В писаницах нашли отражение не только обряды, связанные с охотой на дикого зверя, но и космогонические представления древних людей. Это подтверждается изображениями «солнечного» лося, змей и другими рисунками, которые хорошо расшифровываются на основании легенд и преданий коренных народов Сибири. Племена каменного века также пытались понять тайны окружающей природы, заглянуть в будущее.

Наскальные изображения представляют собой в высшей степени интересный, хотя столь же трудный для понимания материал. Не будет преувеличением

сказать, что это окно в исчезнувший мир, через которое можно видеть древнюю культуру человечества в самых сокровенных ее проявлениях. Неудивительно поэтому, что к наскальным изображениям прошлого постоянно обращались и обращаются все, кто хочет как бы заглянуть в самую душу древнего человека, понять его мировоззрение, его искусство — эстетические представления и этические «нормы», его взгляд на себя самого и на окружающий мир. Обо всем этом петроглифы могут рассказать исследователю полнее и ярче, чем какой-либо другой археологический документальный источник — свидетель прошлого.

В Сибири известно множество подобных рисунков в самых различных местах: по утесистым крутым берегам таежных рек, начиная от предгорий Урала и до Амура, в бескрайних степях Забайкалья, Тувы и Минусинской котловины, на Алтае, а также на скалах вдоль «внутреннего моря» глубинной Азии — Байкала.

Так открылась неожиданно яркая страница истории народов Сибири в каменном веке — номадов тайги — охотников и рыболовов, художников и философов.

Не менее самобытные культуры каменного века открыты на Дальнем Востоке в бассейне Амура[15]. Древние народы, жившие здесь 5—6 тыс. лет назад, оставили глубокий след во всей дальнейшей нашей истории народов Северной Азии.

Еще в 1854—1865 гг. академик Л. И. Шренк собрал коллекцию различных предметов изобразительного искусства малых народов Амура. Это искусство глубоко поразило ученого. Он был удивлен, что у нанайцев, орочей и нивхов, затерянных на крайнем востоке, такое высокое чувство прекрасного, выразившееся в орнаменте на одежде, обуви, изделиях из бересты, дерева, кости.

Л. И. Шренк обратил внимание на часто встречающиеся «изображения человеческого лица». Они выполнены в стилизованной манере и скорее всего напоминали маски, от которых веяло какой-то грозной силой. Нередко они выполнялись как бы одной непрерывно раскручивающейся спиралью. Такая спираль встречается очень часто у нанайцев и других жителей Амура на халатах из рыбьей кожи, на обуви, изделиях из бересты.

Тогда же ученый подметил одну особенность: «. . .вкус к орнаментике и развитие ее в Амурском крае. . . возрастает по мере удаления от китайцев. . .»[16].

Позднее, в 1899—1902 гг., на Амуре работал крупный американский ученый Б. Лауфер в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции. Его внимание также привлекло богатое по содержанию и оригинальное по исполнению искусство амурских народов. Но в отличие от Л. И. Шренка истоки этого искусства он видел в Китае.

Два крупных ученых пользовались, по существу, одними и теми же источниками, но пришли к совершенно противоположным выводам. Кто же прав? Ответ на этот вопрос, возможно, мы найдем в одной из старинных легенд, услышанной нами от старика нанайца.

«Это было давно, давно. В начале Света жили три человека. И было три лебедя-ныряльщика. Однажды послали люди трех лебедей-ныряльщиков на дно реки достать для Земли камней и песка. Птицы нырнули. Семь дней были под

---

[15] *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья.

[16] *Laufer B.* Petrogliphs on the Amoor / Anthropologist. N. s. 1. — 1899. — P. 754.

водой. Вышли, смотрят: земля ковром цветет, в реке Амур рыба плывет, тогда три человека сделали человека по имени Кадо и женщину Джулчу. Потом деву по имени Мамилджи. Народ размножался и заселял всю землю по Амуру».

Старый нанаец глубоко затянулся дымом из коротенькой трубочки и надолго замолчал. . . Нет, он вспоминал не легенду, потому что много раз рассказывал ее своим детям и внукам. Он думал о своем маленьком народе, о его прошлом и настоящем.

Постучав трубочкой о бревно и выбив остатки табака, рассказчик продолжал:

«Кадо сказал: „Есть три солнца на небе. Жить слишком горячо. Я хочу застрелить два солнца!» И он пошел к восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелил его. Выстрелил во второе солнце, но мимо. Третье — убил. Одно среднее осталось.

Вода кипела — горой стала. Гора кипела — речкой стала. А пока камни не остыли, Мамилджи нарисовала на них птиц и зверей. Потом камни стали твердыми. . .»[17].

Так вечным памятником о великих делах первого охотника остались древние рисунки, застывшие на гранитных валунах и скалах у нанайского села Сакачи-Алян, раскинувшегося в 60 км от Хабаровска ниже по Амуру. В этой нанайской легенде сделана попытка объяснить происхождение «писаных» камней, как их называют в народе, или петроглифов.

Скалы, подмытые водами Амура, рухнули вниз, и «писаные» камни лежат на берегу. Некоторые из них можно увидеть только весной и осенью, когда падает уровень воды и седой Амур на короткое время отдает их в распоряжение археологов.

А ранним утром, когда первые лучи солнца позолотили верхушки сосен, старый нанаец на узкой лодке-оморочке, сшитой из коры деревьев, привез нас к тому месту, которое многие сотни лет считалось священным.

Здесь на берегу могучего Амура-батюшки громоздились глыбы черного базальта[18]. С одного из базальтовых валунов на путешественников «взирало» чудище. Казалось, что с илистого дна реки, из мутной воды всплывает само подводное страшилище, властитель Амура Черный дракон. Его узкие, по-монгольски раскосые глаза смотрели на пришельцев с немой угрозой. Образ чудища, выбитый на сакачи-алянском камне, как будто рожден самой матерью землей, создан ее стихийной силой, той самой, что гонит из глубин весенние буйные соки и дает начало всему живому на свете.

На каменных глыбах имелось много различных рисунков: изображения масок-личин, змей, животных, птиц. Они поражали необычностью сюжетов, смелостью и точностью линий, хотя все изображения выбиты на прочном и твердом базальте. Особенно выразительны антропоморфные маски-личины. Широкая верхняя часть, огромные круглые глаза, раскрытая пасть с двумя рядами больших острых зубов и непропорционально узкий округлый подбородок — все это обладало демонической притягательностью. В верхней части некоторые маски окружены ореолом расходящихся лучей.

---

[17] *Деревянко А. П.* Ожившие древности. — М., 1986. — С. 149.
[18] *Окладников А. П.* Петроглифы нижнего Амура. — Л., 1971.

На одном из камней друг под другом изображены две антропоморфные маски-личины.

Память подсказывает: маски на изделиях из бересты, на одежде, обуви нанайцев и ульчей нижнего Амура удивительно похожи на эти изображения.

На самой скале выбита фигура змеи в виде широкого зигзага, заполненного внутри тончайшей редкой сеткой. Нанайцы объяснили, что это изображение гигантской змеи или дракона — мудура. Мудур в нанайских преданиях — могущественное существо, то благодетельное, то страшное, — непременный персонаж шаманских мистерий. Неудивительно поэтому, что этот божественный змей Сакачи-Аляна рядом с масками-личинами грозных шаманских духов. Мифический змей высечен в таком месте, куда можно было добраться лишь по воде, на легкой нанайской лодке.

Среди изображений животных особенно поражает удивительной экспрессией и тонкостью исполнения образ космического лося. На большом камне, который наполовину затоплен водами Амура, а во время высокой воды камень совсем скрывается под водой, выбит лось. Вытянутое туловище, ноги, длинная шея и маленькая голова с роскошными рогами — все устремлено вперед, готово к стремительному бегу. На туловище выбито несколько концентрических кругов, знаков, связанных с солнцем. Это не простой лось, а небесный, живущий в легендах и преданиях многих народов, охотившихся на лося и северного оленя. С этим лосем связывали свое благополучие, обилие стад и хорошую охоту. Несомненный культовый смысл имели и маски-личины. Не потому ли изображения в Сакачи-Аляне находятся на берегу Амура в месте, окруженном густым лесом?

Конечно, сейчас трудно установить, какое имело значение каждое из этих изображений, но одно остается неизменным: все фигуры сделаны очень талантливой рукой мастера. Но когда? Легенды рассказывают, что это было очень давно, в назапамятные времена, когда на «небе было три солнца» и на земле жило три мифических существа.

Многие изображения птиц и животных, масок-личин часто встречаются в изобразительном искусстве народов нижнего Амура, что отмечали в свое время и Л. И. Шренк и Б. Лауфер. Значит, источники этого искусства не в Китае, как традиционно считалось, а в далекой древности народностей Амура.

Рядом с петроглифами археологи находят каменные долота (с помощью которых выбивали рисунки), фрагменты сосудов неолитического времени и другие предметы людей, живших 5—6 тыс. лет назад.

Несколько лет А. П. Окладников с сотрудниками вел раскопки большого неолитического поселения в с. Кондон, раскинувшемся на быстрой речке Девятке. Над селом, по левому берегу Девятки, стоит высокая скала, круто обрывающаяся к реке. В старинной нанайской легенде рассказывается, что один охотник из рода Самар долго гнал раненого оленя. Он зашел так далеко, что не знал, как найти дорогу обратно. Вокруг шумела тайга, и солнце еле-еле проглядывало сквозь стену деревьев. И вдруг он вышел на эту скалу, и перед ним раскрылась чудесная залитая солнцем долина. На это место охотник привел своих родственников. Так возник здесь поселок. И действительно, в селе — все Самары. Народ приветливый и дружный. Они постоянно оказывали археологам во время раскопок неоценимую помощь.

Древний поселок каменного века располагается в центре нынешнего нанай-

ского села на берегу холодного и чистого ручья. Здесь раскопками было вскрыто несколько жилищ, рассказавших ученым много интересного и волнующего из жизни, быта и культуры племен в этот период. Как в заполнении котлована, так и на полу, особенно на дне ям и около стен, встречались при раскопках многочисленные каменные изделия и обломки сосудов.

Изделия из камня поражают удивительно тщательной отделкой. Ножи и наконечники копий с большой, поистине ювелирной, точностью выструганы тончайшей ретушью. Большие массивные топоры, использовавшиеся для рубки деревьев, строительства лодок и других хозяйственных целей, зашлифованы и отполированы до блеска. Наконечники стрел, проколки, скребочки и другой мелкий каменный инвентарь обработаны особенно тщательно на специальных подставках — крупных гальках или массивных плитах песчаника. На этих наковальнях каменные орудия обрабатывались отбойниками и отжимниками с изумительной ловкостью и изяществом. Некоторые орудия труда, особенно совершенные по отделке, применялись, по-видимому, для различных ритуальных целей.

Из нефрита древние амурские мастера делали различные украшения. Из него изготовлены и блесны нежного беловатого цвета со светло-зелеными прожилками.

Нигде в мире на неолитических стоянках, возраст которых более 4 тыс. лет, не найдено блесен. Оказывается, блесны изобретены в каменном веке на Амуре. Это и неудивительно, если учесть, что главным занятием нижнеамурских племен в неолите было рыболовство. Его развитие в полной мере компенсировало здесь отсутствие земледелия. Рыба была основной пищей, а рыболовство — основным источником существования местного населения, особенно вблизи моря и вдоль крупных рек.

При раскопках в Кондоне рядом с целой группой сосудов, украшенных спиральным орнаментом, найдена скульптурка молодой женщины. По совершенству техники исполнения и выразительности она является одним из ярчайших образцов искусства каменного века. Заметим, что почти все женские скульптуры того времени в Европе, Средней Азии передавали в основном отличительные признаки женского пола. Эти скульптуры связывали с культом плодородия. Совсем по-иному выполнена скульптурка из Кондона. Главное внимание художник уделил лицу, черты его вылеплены тщательно и любовно. Нежная красота, юность, спокойствие и строгость запечатлены искусной рукой древнего мастера в небольшом портрете. Это, скорее всего, индивидуальный портрет. Трудно даже предположить, что древние мастера могли одновременно создавать и наводящую ужас маску божества, и образ совсем земной, обаятельной женщины.

Не только думы о завтрашнем дне, о пище и крове беспокоили народы Амура 5 тыс. лет назад. Чувствуя прекрасное, они могли выразить это чувство, оставив нам яркие рисунки на камнях, своеобразный орнамент на сосудах и, наконец, воплощение идеала красоты в образе женской фигуры.

Облик скульптурки из неолитического поселения в Кондоне удивительно напоминает лица нанайских девушек, работавших на раскопе. Но не только внешнее сходство сближает племена, жившие на Амуре 5 тыс. лет тому назад, и современных нанайцев и ульчей. В одежде, на резных украшениях из березы и бересты — всюду можно увидеть спирали, нижнеамурскую плетенку и орнамент, напоминающий маски-личины Сакачи-Аляна и сосуды из Вознесенского.

Десятки и даже сотни тысяч поколений сменяли друг друга, развивая и совершенствуя свою материальную и духовную культуру на нижнем Амуре. Истоки культуры нанайцев, ульчей и других народов нижнего Амура уходят в глубокую древность — каменный век. Именно тогда шло вызревание интереснейших, очень ярких и самобытных традиций в искусстве, преданиях и верованиях. Уже в неолите произошло формирование своеобразного этнического мира бассейна нижнего Амура. Там зародилась его богатая и самобытная культура, которая привлекла внимание Леопольда Шренка и Бартольда Лауфера и дошла до наших дней.

Выявить историческую специфику развития древних культур Амура, проследить исторический путь носителей этих культур — задача увлекательная и захватывающая. Работами археологов было установлено, что на Амуре издавна кипела собственная культурная жизнь, шел процесс развития местной, по-своему богатой и оригинальной культуры. Раскрылся новый художественный мир, настолько своеобразный, полный такой могучей творческой силы, что отныне уже нельзя сомневаться в его самостоятельности, в его собственных исторических корнях.

* * *

В начале III тысячелетия до н. э. древние племена Южной Сибири познакомились с металлом и у них стал складываться новый тип хозяйства — скотоводство. В Сибири и на Дальнем Востоке выделены десятки культур бронзового века, каждая из которых отличалась оригинальностью и самобытностью. Одни из этих культур стали широко известны еще в XIX в., другие — в начале XX в., а многие открыты совсем недавно, и их изучение интенсивно продолжается.

Начинается эпоха металла в южных районах Сибири с афанасьевской культуры, а в Прибайкалье — с глазковской. На примере этих двух культур, которые разделяет почти тысяча лет, можно проследить, насколько самобытно шло развитие всего многообразного жизненного уклада и быта племен Сибири.

Афанасьевцы занимались скотоводством, но в их хозяйстве прослеживаются и зачатки земледелия. Жили они в небольших поселках в жилищах двух видов — землянках и срубных. Хорошо было развито и домашнее производство: гончарное, резьба по дереву и кости, прядение, выделка кожи. Сложным был у них обряд захоронений.

Глазковцы продолжали вести традиционный кочевой образ жизни охотников, рыболовов и собирателей даров тайги. Жили они в легких переносных жилищах типа чумов. Большого совершенства у них достигают орудия лова: крючки, гарпуны, имитации рыб для подледного лова, широко используются сети. Раскопки могильников позволили восстановить костюм глазковцев. Характерной и наиболее яркой деталью его является передник, украшенный кольцами и кружками из нефрита и бусами. Ближайшие аналоги такому переднику встречаются у эвенков, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи. В глазковское время появляются бесспорные доказательства зарождения шаманизма у народов Сибири. В некоторых погребениях исследователи находят антропоморфные изображения из рога или мамонтовой кости, амулеты из челюстей щуки или клюва крупной птицы и даже колотушки из рога, которые применялись шаманами при камлании.

Глазковцы и афанасьевцы отличались не только по многим элементам материальной и духовной культуры, но и антропологически. Первые были монголоиды, вторые — европеоиды.

В последние годы предприняты попытки исследовать не отдельные памятники бронзового века, а вести раскопки на больших площадях. Получил известность комплекс погребений, объединенный под общим названием Сопка-2, который исследуется членом-корреспондентом АН СССР В. И. Молодиным в Венгеровском районе Новосибирской области на высоком останце надпойменной террасы в месте впадения р. Тартас в Обь[19]. Раскопки первых курганов показали, что насыпи не всегда возводились строго над могилами, и это, видимо, связано с особенностями погребального обряда. По этой причине изучение памятника ведется на сплошных участках, включая как курганы, так и межкурганные пространства. В настоящее время вскрыта площадь свыше 70 тыс. $м^2$. Исследовано 700 захоронений, 60 курганов, относящихся практически ко всем историческим периодам западно-сибирской археологии — от эпохи неолита до II тысячелетия н. э. Основную часть памятника составляют захоронения кротовской культуры (середина II тыс. н. э., развитая бронза).

Актуальность изучения погребений кротовской культуры заключается прежде всего в том, что погребальный обряд этого времени на территории Сибири известен очень плохо. Выяснилось,что погребальный обряд данной культуры чрезвычайно богат и многообразен. Умершего хоронили в вытянутом положении на спине, с подогнутыми вверх коленями, реже — в сидячем положении или в скорченном на боку. Все погребенные ориентированы головой на северо-восток. Встречаются ярусные, коллективные (от двух до восьми человек), вторичные захоронения, погребения голов или черепов; отмечено несколько случаев частичной кремации трупа в могильнике. Важно отметить, что нередко в одной могиле сочетались различные виды обрядов. Чаще костяки посыпали охрой. Инвентарь могил богат и разнообразен — это каменные и костяные наконечники стрел, гарпуны, бронзовые ножи и кинжалы, шилья, иглы, костяные проколки, украшения из бронзы, серебра и золота (височные подвески), браслеты, серьги, пронизки, разнообразные бляхи, подвески, в том числе с орнаментом, выполненным гравировкой и чеканкой.

Особо следует отметить находки захоронений литейщиков с набором литейных форм для изготовления бронз сайминско-турбинского типа (кельты, копья, дротики), льячек, тиглей. В ряде погребений найдены впечатляющие произведения искусства: скульптурные изображения птиц, животных, змей и т. д.

Андроновские захоронения (эпоха развитой бронзы) характеризуются стандартным для этой культуры погребальным обрядом и инвентарем.

Исследовано несколько курганов скифо-сарматского времени с могильными ямами больших размеров, где совершались явно коллективные захоронения. Обнаружены глиняные жертвенники, серебряные серьги, бусы, поделки из бронзы, железный меч с бронзовой рукоятью.

Еще одно крупное открытие сделано в последние годы при раскопках могильника бронзового века у с. Каракол в Онгудайском районе в Горном

---

[19] *Молодин В. И.* Раскопки могильника Сопка близ Новосибирска // Археологические открытия 1985 г. — М., 1987. — С. 270—271; *Он же.* О соотношении кротовской и окуневской культур // Некоторые проблемы сибирской археологии. — М., 1988. — С. 6—15.

Алтае[20]. При раскопках могильника В. Д. Кубаревым выявлен особый обряд захоронения. Необычны и многие предметы, положенные в могилу вместе с умершими. Особое внимание исследователей привлекли рисунки на крупных каменных плитах, из которых выкладывался саркофаг для погребенного.

Каракольские рисунки удивительно самобытны и в то же время просты и прекрасны. Они источник не только научных сведений, но и представлений об эстетических вкусах и даже мировоззрении первобытных людей.

Рисункам с небольшой горной речушки Урсул — этим современникам египетских пирамид — более 40 веков. Скрытые толщей земли, они прекрасно сохранились до наших дней. Поражает необычайная свежесть красок. Фантастическим фигурам, выполненным сочной красной охрой, противопоставлены не менее таинственные изображения, нанесенные густой черной краской. Имеются и полихромные фрески, сочетающие черную, белую и красную минеральные краски. Ничего подобного на Алтае, да и в Сибири до сих пор не было известно.

Кто же эти фантастические существа? Древние колдуны или шаманы в звериных шкурах и масках? А может быть, это древнейшие антропоморфные божества? Особенно часто на каменных плитах Каракола повторяется рисунок человека-солнца. Эти солнцеголовые существа похожи друг на друга, различны только их размеры и отдельные детали. Они изображены с головой в виде сплошного диска или овала, от которых отходят радиальные лучи-перья, иногда заканчивающиеся круглыми углубленными ямками.

Известно, что традиция изображать солнце в виде фигуры человека сложилась в глубокой древности. В те времена почиталось солнечное божество, дарующее человеку тепло и жизнь на земле. Таким же его представляли себе древние индийцы. В их священной книге «Ригведа», датируемой второй половиной II тыс. до н. э., солнечный бог Сурья наделен эпитетами: «Владыка лучей», «Лучащийся блеском», «Лучезарный». И не случайно на голове одного из солнцеголовых персонажей Каракола изображено 12 лучей. Вероятно, они символизируют двенадцать месяцев года. Это число часто фигурирует в древнейших верованиях, связанных с солнцем. Так, в русских сказках солнце владеет двенадцатью царствами.

Необычайно любопытны человеческие фигурки, костюм которых украшен птичьими перьями. Одни из них держат в руках сложенные и опущенные вниз крылья птицы. Другие показаны с широко раскинутыми в стороны руками-крыльями. Перья отходят также от туловища человека и его ног, у которых вместо ступней — птичьи когти.

Для расшифровки идейного содержания этих редчайших рисунков особый интерес представляют сохранившиеся в алтайском шаманстве мифологические понятия о хищных птицах — орлах и беркутах, которые были спутниками и помощниками шаманов.

Совпадение древних рисунков с фольклорными описаниями образа хищной птицы не случайно. Оно свидетельствует о глубоких культурных традициях у многих народов Сибири. Одной из древнейших черт такой традиции и является широкое распространение культа орла. Так, у тюркоязычных якутов орел — хозяин и повелитель солнца; возродитель природы. Но чаще всего он — перво-

[20] *Кубарев В. Д.* Древние росписи Каракола. — М., 1988.

учитель шамана, помощник в его действах и призывании духов.

Отсюда легко объяснить и ту роль, которую играют фигурки людей, как телохранители, окружающие со всех сторон погребение мужчины из Каракола. Это, несомненно, изображения духов-предков, хранителей и защитников от сил зла. Они, по воззрениям древних, должны были в таком необычном облике принимать участие в погребальной церемонии вместе с живыми. Ведь, покидая мир живых, умерший уходил в иной, потусторонний мир — страну предков. А путь туда был полон опасностей, поэтому сын племени Орла нуждался больше всего в помощи и поддержке своих предков-проводников.

Бурные события, которые происходили на обширной территории Великого пояса степей — от Венгрии на западе до Ордоса на востоке, оставили заметный след и в истории народов Сибири. С этим связано распространение пазырыкской культуры, памятников гуннской эпохи, начало формирования первых государственных объединений в Сибири и на Дальнем Востоке.

* * *

Большую известность во всем мире получила пазырыкская культура скифского времени. Раскопки ее курганов на Алтае и в Туве привели к открытиям мирового значения. Все крупные курганы, которые изучались С. И. Руденко, М. П. Грязновым и другими исследователями, оказались ограбленными еще в древности. Но даже в грабленых захоронениях найдены уникальные вещи, ныне относящиеся к выдающимся экспонатам Эрмитажа. Они свидетельствуют о широких культурных связях народов Алтая, о преемственности в культуре древнего и аборигенного населения.

Раскопки позволили установить, что Алтай в VII—III вв. до н. э. заселяли племена, культура которых имела много общего с хорошо известной культурой скифских племен юга Восточной Европы. Курганы, где были захоронены племенные вожди и знать, поражают исследователей огромными размерами[21]. По подсчетам М. П. Грязнова, на сооружение первого Пазырыкского кургана потребовалось заготовить 1800 $м^3$ камня для насыпи, около 500 бревен для монтажа камеры и перекрывавшего ее наката, вырыть могильную яму объемом 196 $м^3$. На это ушло не менее 2500—3000 человеко-дней. Каменные насыпи в условиях высокогорья создавали особые климатические микроусловия, которые способствовали образованию под курганом вечной мерзлоты, сохранившей до наших дней удивительные произведения искусства. В курганах археологи находили ткани и ковры умельцев Востока, украшенные сложнейшими узорами и сюжетами из героических преданий и мифологических сюжетов, ювелирные изделия из золота, изумительную резьбу по дереву, вооружение и предметы мирного труда. Вместе с воинами в могильных камерах были погребены лошади, лежали седла, крытые войлоком, украшенные аппликациями и изделиями из золота и других благородных металлов. В пятом Пазырыкском кургане найдены парадная четырехколесная повозка и четыре лошади, которые в нее запрягались.

Много лет археолог В. Д. Кубарев в урочище Улындрык и в других местах на Алтае ведет раскопки небольших курганов, в которых производились захоро-

---

[21] *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. — Л., 1950.

нения простых общинников. В массивных лиственничных срубах Уландрыка, заполненных древним льдом, обнаружены неграбленые погребения пазырыкской культуры. Благодаря особым условиям в них сохранились самые разнообразные предметы: деревянные блюда на четырех ножках, деревянные ковши, бронзовые кинжалы в деревянных ножнах, чеканы с деревянными рукоятями, детали луков и стрел, ткани и изображения из золотой фольги. Совершенно уникальным можно назвать украшения сакральных головных уборов, которые входили в состав погребальной одежды. Среди изображений различных мифических персонажей, выполненных из дерева и помещенных на головных уборах, главное место занимают образы оленя и коня. В набор деревянных фигурок входили и другие популярные персонажи алтайского «звериного» стиля. Это фантастические грифоны, петухи, орлы.

Головные уборы украшались также многочисленными золотыми бляшками в виде птиц, розеток и стилизованных бычьих голов. Нижний край головного убора в отдельных случаях украшали налобные повязки или деревянные диадемы, на одной из которых вырезаны изображения оленей. На погребенных воинах найдены также великолепной работы изображения снежного барса, которые служили наконечниками гривны. Несомненно, что все эти многочисленные фигурки различных зверей не только были украшениями, но и отражали определенные образы древнеалтайской мифологии. В них заложена богатейшая информация об идеологических представлениях древних кочевников. Удивительные деревянные и глиняные сосуды, орнамент на коже и дереве, мифические персонажи и многое другое было пронесено через многие столетия, сохранялось, обогатилось и нашло вторую жизнь у алтайцев и других народов Южной Сибири.

В Сибири и на Дальнем Востоке ведется широкое изучение досредневековых и средневековых памятников, относящихся к древним тюркам, уйгурам, мохэсцам, чжурчжэням и другим народам.

Важное значение для понимания исторических процессов обширного региона Восточной Азии имеют раскопки на Дальнем Востоке поселений, городищ и могильников мохэских племен и их непосредственных потомков — чжурчжэней [22]. Хотя об этих тунгусоязычных народах, которые в начале XII в. создали сильное государство, а в дальнейшем захватили весь Северный Китай, сохранились обширные письменные источники, значение материалов, получаемых в результате раскопок, очень велико. Особенно важна информация о ранних государственных этапах, когда у них зарождалась и крепла оригинальная культура с устойчивым комплексом своеобразных традиций, когда в их обществе происходил процесс аккумуляции творческого, созидательного начала. Эту информацию, предельно объективно отражающую характер культурно-исторического развития населения амурского бассейна I—начала II тыс. н. э., дают археологические исследования. Они существенно дополнили исторические данные о чжурчжэнях в целом, а также позволили уточнить многие факты, известные из летописных и литературных источников, и дать некоторым из них объективную оценку.

Чжурчжэни Приамурья в основном проживали в неукрепленных поселках.

---

[22] *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья I тыс. н. э. // Очерки этнической истории и культуры. — Новосибирск, 1981. — 230 с.; *Медведев В. Е.* Приамурье в конце I—начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. — Новосибирск, 1986. — 208 с.

Такие поселки, исследованные у сел Русская Поляна, Дубовое, Сакачи-Алян, Петропавловка, Дада Хабаровского края, строились либо в поймах рек на песчаных возвышенностях — рёлках, либо на высоких террасах коренного берега Амура. Большой интерес представляют городища, поселения и могильники, раскопанные в последние годы в бассейне нижнего Амура.

Сделанные при исследовании погребений наблюдения позволили судить о мировоззрении, религиозных представлениях чжурчжэней. Следует считать, что почти все они были шаманистами. Однако постоянные контакты чжурчжэней с южными и западными соседями — населением Кореи, Китая, киданьского государства Ляо — привели к появлению в их среде ростков новой формы религиозных представлений — буддизма. Об этом в первую очередь свидетельствует ряд находок буддийской культовой атрибутики, в том числе изящная статуэтка Будды из позолоченной бронзы, найденная в одном из погребений Корсаковского могильника.

При раскопках чжурчжэньских памятников найдено большое число самых различных изделий из железа, бронзы, серебра, золота, а также из нефрита, стекла, халцедона, кости. Не менее важны находки костей животных и зерен культурных растений, помогающих воссоздать облик многоотраслевого хозяйства чжурчжэней. Установлено, что в их хозяйстве преобладающими были земледелие и скотоводство: выращивали чумизу и другие зерновые культуры, разводили много лошадей, свиней, коров. Заметное место в экономике занимали такие промысловые отрасли хозяйства, как охота и рыболовство. В письменных источниках много говорится о высоком профессионализме чжурчжэньских охотников, в особенности стрелков из лука.

Чрезвычайно интересными и важными во многих отношениях являются тесная связь и контакты чжурчжэней Приамурья с населением Центральной и Средней Азии, а также других азиатских областей. Особенно заметно влияние культуры тюркоязычных уйгуров и кыргызов. Археологические данные говорят о том, что формирование чжурчжэней как народности шло длительным и сложным путем. Кроме того, с их помощью удается рассмотреть ту основу, на которой не случайно и не внезапно, а в результате объективных законов общественного развития была создана чжурчжэньская цивилизация.

Археологические исследования свидетельствуют о большой самобытности и оригинальности древних культур Сибири и Дальнего Востока на протяжении десятков тысяч лет и, что еще важно отметить, об органической связи многих элементов культуры древнего коренного населения данного региона. Это прослеживается в искусстве, духовной культуре, в живой связи традиций многих сотен поколений. Последнее является еще одним доказательством того, что не существовало народов без культуры и вне общей истории человеческой цивилизации. Начиная с глубокой древности на этой территории формировались оригинальные и самобытные культуры, которые внесли большой вклад в мировую культуру. Это пример нерасторжимой связи времен и эпох, неразрывной связи археологии и истории. Во всех уголках нашей земли, издавна заселенных человеком, хранятся неисчислимые сокровища прошлого.

Постепенно, шаг за шагом, от одного факта к другому раскрывается вся красота и величие сделанного сотнями и тысячами представителей предшествующих поколений.

* * *

С приходом в Сибирь русских богатейшее культурное наследие коренных народов, имеющее глубинные истоки, не исчезло, а постоянно умножалось. Именно с этого времени, с приходом русских, начался важнейший исторический процесс, в результате которого за короткий срок русская культура, обогащенная культурой коренных народов, быстро распространилась от Урала до Тихого океана. За Ермаком, о котором Н. М. Карамзин сказал, что он «был роду безвестного, но душою великой», потянулись другие ватаги крестьянской вольницы. Это именно она, безвестная крестьянская вольница, пролагала пути сквозь тайгу, и тундру, шла через волоки, по малым и великим сибирским рекам, двигалась неутомимо и неудержимо навстречу солнцу, на восток и на север Сибири. Это он, крестьянин, мастер на все руки, строил переправы, рубил остроги и города, вышел к Тихому океану, на Сахалин и Курилы, Камчатку и Аляску.

Как во все времена и у всех народов, художественные ценности в Сибири создавались руками простых людей. Об отменном вкусе безвестных древних зодчих дает представление, например, Спасо-Зашиверская церковь, построенная в 1770 г. в г. Зашиверске на Индигирке, за Северным полярным кругом. Поражает не только строгая выразительность, ясность пропорций, пластичность этого историко-культурного памятника, но и выбор места для постройки церкви с его неповторимой красотой и удивительной природной акустикой.

В XVII—XVIII вв. идет быстрый процесс освоения Сибири русскими. Освоения не только экономического, но и духовного. В начале XVIII в. в Тобольске была открыта первая в Сибири и вторая в России провинциальная школа. К этому времени относится и зарождение театра. Позднее школы начали функционировать не только в крупных административных центрах Сибири, но и на окраинах. Есть сведения о существовании школы в начале 1730-х гг. в Якутске. В середине XVIII в. на Камчатке и Курильских островах работало 20 школ, в которых обучалось несколько сотен человек. В это время в Сибири открываются школы, готовящие специалистов по геодезии и картографии, навигации, горному делу. Развивается и библиотечное дело. В 1764 г. в Барнауле, при правлении Колывано-Воскресенских горных заводов, была открыта библиотека, скоро ставшая одной из крупнейших в России технических библиотек. В начале XIX в. в ее фондах насчитывалось 7152 тома на русском, немецком, латинском, английском и других языках.

Экономические и духовные преобразования охватили и коренные народы Сибири, которые приобщались к более передовым методам хозяйствования (о чем свидетельствует широкое распространение земледелия и огородничества) и в целом к русской культуре. Особая роль здесь принадлежит политическим ссыльным, демократической интеллигенции, народным учителям, ученым, которые были проводниками передовой русской культуры среди народов Сибири. Они изучали экономику, историю, этнографию, народное творчество аборигенов, несли просвещение.

Народы Сибири сохранили прикладное изобразительное искусство. Оно было разнообразным по форме, содержанию, вместе с тем глубоко самобытным и талантливым. Изобразительное искусство коренных народов Сибири имело как общие для них черты, так и специфические особенности, свойственные тому

или другому народу. Сказывалось влияние природных условий, хозяйства и быта, прежних традиций, общения между народами, их экономических, бытовых и культурных связей.

Одним из величайших духовных богатств народов Сибири является фольклор, который имеет глубочайшие исторические корни, что еще раз свидетельствует о непрерывной связи времен и эпох. Это хорошо можно проследить, в частности, по наскальным изображениям. Многие из них, созданные 3—4 тыс. лет назад, ярко и убедительно иллюстрируют сюжеты и мотивы фольклора народов Сибири, истоки которого, как оказывается, в железном, бронзовом, а быть может, и в каменном веке.

Вслед за археологическим открытием Сибири и Дальнего Востока естественно следует — в общерегиональных масштабах — открытие фольклористическое, подготовленное большой работой по изучению каждой из групп народов в отдельности.

II

Современная этническая карта Сибири и Дальнего Востока определилась к началу XX в. Ее главная особенность — исторически сложившееся сочетание большого числа аборигенных народов и русского (а также украинского, белорусского и др.) населения, для которого эти регионы становились родными в ходе их освоения Россией начиная с XVII столетия[23].

Коренные сибирско-дальневосточные народы принадлежат к нескольким языковым группам: тюркской (южно-сибирские тюрки — *алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, тофалары*; западно-сибирские — *сибирские татары*; северо-восточные тюрки — долганы, якуты), монгольской (буряты), финно-угорской (восточные или обские угры, по-древнерусски «югры»; к ним относятся *манси* — летописные вогуличи, богуличи, гогуличи — и *ханты*, или *остяки*), самодийской (*ненцы, энцы, нганасаны, селькупы*), тунгусо-маньчжурской (*эвенки*, или *тунгусы, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, ороки, орочи, удэгейцы*), палеоазиатской (чукотско-камчатской — *чукчи, коряки, алюторцы, кереки, ительмены*, эскимосско-алеутской — *эскимосы, алеуты* и генетически изолированные палеоазиатские — *нивхи, юкагиры, кеты*)[24].

Русских в Сибири и на Дальнем Востоке около 22 млн, украинцев — 1 млн, белорусов — 200 тыс. Они принесли в места нового проживания свои общие национальные («материковые») фольклорные традиции, получившие продолжение в сибирско-дальневосточных условиях и локальном этническом контексте[25]. К богатейшей совокупности аборигенных традиций и многовековых

---

[23] *Сибирский* этнографический сборник. — М., 1952—1963. — Вып. 1—5; *Народы* Сибири. — М.; Л., 1956. — (Народы мира); *История* Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л., 1968—1969. — Т. 1—5. Об этническом составе и численности населения Сибири и Дальнего Востока см.: *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1986. — С. 176—182.

[24] *Языки* народов СССР. — М., 1966. — Т. 2: Тюркские языки; Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки; 1968. — Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки; *Народы* и языки Сибири. — Новосибирск, 1980; *Палеоазиатские* языки. — Л., 1986.

[25] *Локальные* особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск, 1985 (с библиогр.).

межэтнических фольклорных коммунитетов в исторически короткое время — за три, два и даже одно столетие — прибавилась восточно-славянская (и некоторые другие) фольклорная реальность. Ее «материковая» история в основном произошла и реализовала себя еще до освоения Сибири, а здесь предстала уже как бы в снятом виде, со многими формационными особенностями.

Таким образом, в сибирско-дальневосточном регионе замечательно сочетаются местные (аборигенные) и принесенные (но уже пустившие корни) фольклорные традиции. Это придает духовной культуре региона дополнительные черты уникальности.

* * *

Богатой прелюдией научного открытия многоязычного фольклорного континента явились сибирские экспедиции петровского времени и последующих десятилетий XVIII в. (понятие Сибири включало в то время и Дальний Восток). Например, созданная историком академиком Г. Ф. Миллером (с учетом рекомендаций В. Н. Татищева) программа для второй Камчатской («Великой сибирской») экспедиции 1733—1743 гг. содержала свыше 900 вопросов, в том числе чрезвычайно важных для изучения фольклора. Она предусматривала собирание сведений о космогонических представлениях местных народов, их мифологии, обрядах, музыкальных инструментах, сказках, танцах и т. д. (например, «о вокальной музыке и что составляет содержание песен», «о рассказывании всевозможных сказок» с требованием записи их образцов и вариантов [26]).

Большой вклад в осуществление этой программы внесли И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников и другие участники экспедиции. Труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1756), содержащий наблюдения автора над этнографией северо-востока Сибири, стал одним из самых основательных в страноведческой литературе XVIII столетия (во Франции уже в 1767 г. был напечатан его перевод). Книга не утратила значения и в наши дни, о чем свидетельствует недавнее издание ее на английском языке [27].

В ходе исследований Сибири в XVIII—начале XIX в. русскими и европейскими учеными и путешественниками был накоплен ценный материал о местных народах, их этнографии и фольклоре (вплоть до первых нотных записей, например, бурятской, хакасской и ительменской мелодий), еще не в полной мере опубликованный и учтенный историками фольклора [28]. Все это позволяет считать, что «в ту пору, когда этнография и фольклористика даже в самых передовых странах мира делали только первые шаги, исследователи Сибири уже стали в ряд пионеров. . .» [29].

На основе материалов академика А. Ф. Миддендорфа на север и восток

---

[26] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. — М., 1958. — Т. 1. — С. 84—85; *Кошелев Я. Р.* Русская фольклористика Сибири. — Томск, 1962. — С. 15—16.

[27] *Krasheninnikov S. P.* Explorations of Kamchatka. — Vaughan, Portland, 1972.

[28] *Роменская Т. А.* Об источниках изучения музыкальной культуры народов Сибири XVIII—первой половины XIX века // Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1986. — С. 154—192. См. также: *Дугаров Д. С.* О первой музыкальной записи бурятской песни // Музыкальная культура Бурятии. — Улан-Удэ, 1967.

[29] *Роменская Т. А.* Об источниках. . . — С. 175.

Сибири (1842—1845) были напечатаны, в частности, первые записи якутского олонхо и песен, описания обычаев, народной хореографии[30].

С середины XIX в. развернулось изучение русского фольклора Сибири. Большой вклад в него внесло Русское географическое общество, а позднее — Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское его отделения. Активности корреспондентов и членов общества, его периодическим изданиям и отдельным публикациям наука обязана широким набором местных коллекций русского и всего многоязычного фольклора зауральской части России. Особо надо отметить многолетнюю собирательскую деятельность С. И. Гуляева в Южной Сибири. В 1871 г. он открыл выдающегося сказителя былин Леонтия Гавриловича Тупицына[31].

В 1845—1849 гг. подвижническую собирательскую работу у обских угров, самодийцев, тюрок Западной и Южной Сибири, бурят, тунгусов и палеоазиатов вел М. А. Кастрен. В результате им создано 20 грамматик языков и диалектов, зафиксирован многообразный этнологический и фольклорный материал[32]. Собирание фольклора у манси и хантов в конце XIX—начале XX в. продолжили венгерские ученые Б. Мункачи, И. Папаи и др.[33].

С 1866 г. Российская Академия наук начала издание серии «Образцы народной литературы тюркских племен», получившей международную известность. Идея и ее осуществление связаны с именем В. В. Радлова. Серия открылась книгой записей народной поэзии и прозы алтайской зоны («поднаречия племен, живущих между Тянь-Шанем и рекою Енисеем»), сделанных В. В. Радловым в ходе пятилетней работы[34]. В предисловии В. В. Радлов говорил о необходимости «избрать исключительным предметом исследования разговорный язык простого народа». Тексты фиксировались «по изустной передаче». Ученый отказался от арабского алфавита, так как им «нельзя точно выразить звуки, свойственные живым народным наречиям» (с. XII). Подобно О. Бетлингку, он использовал буквы русского алфавита с добавлением целого ряда специальных букв и диакритических знаков, что в целом позволило фиксировать 10 гласных и 30 согласных с их оттенками.

---

[30] *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. — Спб., 1878. — Ч. 2, отд. 6; Коренные жители; *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten: Grammatik, Text und Wörterbuch. — Spb., 1851. — S. 79—95 (*Бётлингк О. Н.* О языке якутов / Пер. с нем. В. И. Рассадин. — Новосибирск, 1989. — С. 112—120).

[31] *Былины* и песни Южной Сибири / Собр. С. И. Гуляева. — Новосибирск, 1952. Подробнее о русской фольклористике в Сибири, включая деятельность «областничества», см.: *Кошелев Я. Р.* Указ. соч.

[32] *Памяти* М. А. Кастрена: к 75-летию со дня смерти. — Л., 1927; *Путешествие* Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849). — М., 1860. — (Собрание старых и новых путешествий; Ч. 2); *Samojedische* Volksdichtung / Gesamm. von M. A. Castrén. — Helsinki, 1940.

[33] *Munkácsi B.* Vogul népköltesi gyüjtemény. — Budapest, 1892—1921. — Vol. 1—4; *Pápay I.* Sammlung ostjakischer Volksdichtungen. — Budapest; Leipzig, 1905. — (Dritte Asiatische Forschungsreise des Grafen E. Zichy; Bd 5).

[34] *Образцы* народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи / Собр. В. В. Радлов. — Спб., 1866. — Ч. 1: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. Своеобразным путеводителем по этому изданию служит «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым» (Сост. Н. Ф. Катанов. — Спб., 1888). В нем систематизированы, в частности, развернутые эпитеты фольклорных персонажей (в оригинале и переводе) и другие сведения о них.

В. В. Радлов помещал в «Образцах» только тексты на языках оригинала. Но одновременно выходили немецкие варианты ряда книг серии, содержащие переводы[35]. Записи В. В. Радлова вошли в международный научный актив. Первая книга «Образцов» переиздана в «Уральской и алтайской серии», выпускаемой профессором Т. А. Себеоком в Индианском университете[36].

Во второй части «Образцов»[37] дано «значительное число геройских сказок (речь идет о богатырских сказаниях. — *В. Г.*), которые произвела фантазия татар (имеются в виду хакасы, тувинцы и др. — *В. Г.*), живущих к востоку от р. Томи» (с. XIII). В. В. Радлов писал о своем стремлении отразить «постепенный переход от одного наречия к другому», «дать ясную картину всех оттенков этих поднаречий» (с. XIV).

В четвертой части «Образцов»[38] помещены записи от сибирских татар, «живущих по системе рек Оби, Иртыша и Тобола» (с. XI).

В 1870—90-е гг. первый ученый-хакас Н. Ф. Катанов продолжил работу В. В. Радлова «в той части, которая включала собирание материалов по языку, народной словесности и этнографии современных турецких (тюркских. — *В. Г.*) народов». Ему удалось «достигнуть результатов, увенчавших его широкой известностью в кругу соответствующих специалистов в Европе»[39]. Хакасские, тувинские, тофаларские и другие записи Н. Ф. Катанова (сказания, песни, мифы, предания и легенды) составили специальную (девятую) часть «Образцов», состоящую из двух книг[40]. В сущности, это была первая крупная двуязычная публикация фольклора Южной Сибири. Обогащение принципов собирания и издания состояло и в том, что Н. Ф. Катанов фиксировал даты и места записей, имена исполнителей, их возраст, занятия и другие существенные подробности.

Богатое собрание хантыйского фольклора (богатырский эпос, сказки, мифологические песни, загадки) трехъязычным хантыйско-немецко-русским изданием с комментариями выпустил в 1900 г. С. Патканов[41].

Особая роль в истории изучения фольклора народов Сибири и Дальнего Востока в XIX—начале XX столетия принадлежала политическим ссыльным — деятелям российского освободительного движения от декабристов до народников и социал-демократов, — революционерам и ученым.

---

[35] *Die Sprachen* der türkischen Stämme süd Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. — Spb., 1866. — Vol. 1, Abt. 1.

[36] *South-Siberian* oral literature: Turcic texts / With and introd. by D. Sinor. — Bloomington, 1967. — Vol. 1. — (Uralic and Altaic series; Vol. 79 / I. / Ed. Th. A. Sebeok).

О многоохватности собирательской методики В. В. Радлова свидетельствует его книга «Из Сибири. Страницы дневника» (М., 1989).

[37] *Образцы* народной литературы тюркских племен. . . — Спб., 1868. — Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское, кызылское и чулымское (кюэрик). К этой публикации Н. Ф. Катанов также составил «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым» (Спб., 1888).

[38] *Образцы* народной литературы тюркских племен. . . — Спб., 1872. — Ч. 4: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар.

[39] *Самойлович А. Н.* Профессор Н. Ф. Катанов — первый ученый из абаканских турков // Жизнь Бурятии. — Верхнеудинск, 1925. — № 6. — (Отд. отт.).

[40] *Образцы* народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. — Ч. 9; Наречия урянхайцев (сойтов), абаканских татар и карагасов // Тексты, собранные Н. Ф. Катановым. [1 книга] Тексты [2 книга] Перевод. — Спб., 1906.

[41] *Die Irtysch-ostjaken* und ihre Volkspoesie / Von. S. Patkanov. — Spb., 1990. — T. 2; Ostjakische Texte mit deutscher und russischer Übersetzung nebst Erläuterung.

Сосланный в Верхоянск И. А. Худяков, изучив якутский язык, вел записи народного творчества, составившие многожанровый «Верхоянский сборник», в котором представлены в оригинале и переводе образцы якутского фольклора [42].

В. Г. Богораз, В. М. Ионов, В. И. Иохельсон, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский и другие приняли участие в Сибиряковской экспедиции 1894—1896 гг., названной так по имени сибиряка-патриота И. М. Сибирякова, субсидировавшего ее проведение [43]. Издание материалов экспедиции, предпринятое Академией наук, положило начало принципиально новому этапу в развитии сибирско-дальневосточного фольклористического источниковедения и текстологии (главным образом в этнологическом и лингвистическом планах). Можно назвать двуязычные публикации В. Г. Богораза по чукотскому фольклору [44], В. И. Иохельсона по народной словесности юкагиров [45] и др. (Однако некоторые коллекции увидели свет лишь после революции [46].)

Э. К. Пекарский, будущий почетный академик АН СССР, стал инициатором и руководителем фундаментальной серии «Образцы народной литературы якутов», которая отличается особой тщательностью подготовки и филологического комментирования текстов. Подготовка им к печати олонхо, записанного В. Н. Васильевым от И. Г. Тимофеева-Теплоухова (т. 3 «Образцов», изданный в 1916 г.), показывает, в частности, что для Э. К. Пекарского характерны: «1) исключительно бережное и внимательное отношение к народному слову, требование точного его воспроизведения в записи и в издании; 2) блестящие знания особенностей языка, всех оттенков слова; 3) умение находить в записи малейшую неточность речи». И вместе с тем — чрезвычайная осторожность при работе с текстом, глубина его лингвистического комментирования [47].

Обширнейшая география собирательских поездок Г. Н. Потанина по местам бытования тюркоязычного и монголоязычного фольклора была во многом обусловлена его интересом к культурным взаимосвязям народов. Он, в частности, записал «ворох народных сказок» от бурят, тунгутов, алтайцев и т. д., но не ограничивался сказками, придерживаясь широкого взгляда, который охватывал

---

[42] *Верхоянский* сборник Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. — Иркутск, 1890. — (Зап. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва; Т. 1, вып. 3). См. выверенное переиздание материалов сборника, осуществленное Э. К. Пекарским: *Худяков И. А.* Образцы народной литературы якутов. — Спб., 1913. — Вып. 1; 1918. — Вып. 2.

[43] *Кошелев Я. Р.* Из истории изучения фольклора северо-востока Сибири (Сибиряковская экспедиция) // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. — 1959. — Т. 18.

[44] Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом. — Спб., 1900. — Ч. 1.: Образцы народной словесности чукоч: Тексты с переводом и пересказы.

[45] *Материалы* по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. И. Иохельсоном. — Спб., 1900. — Ч. 1: Образцы народной словесности юкагиров: Тексты с пер. См. также: *Материалы* по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом. — Спб., 1908. — Т. 1: Образцы народной словесности. Ч. 1: Эпос (поэмы и сказания, первая половина): Тексты с пер. и примеч.

[46] *Иохельсон В. И.* Материалы по изучению алеутского языка и фольклора. — Пг., 1923. — Т. 1, вып. 1; *Ястремский С. В.* Образцы народной литературы якутов. — Л., 1929. — (Тр. Комис. по изучению Якутской АССР; Т. 7).

[47] *Пухов И. В.* Работа Э. К. Пекарского над текстом олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» // Текстологическое изучение эпоса. — М., 1971. — С. 173.

все устно-поэтические жанры, — писал В. А. Гордлевский [48]. И хотя в конечном итоге метод исследования — возведение европейского эпоса к восточному — неприемлем, считал В. А. Гордлевский, «колоссальный труд, затраченный Потаниным, невольно заставляет преклониться перед неутомимостью исследователя» [49]. У Г. Н. Потанина находили поддержку ценные собирательские начинания — например, под его редакцией вышли бурятский «Балагатский сборник» М. Н. Хангалова (1903) и алтайский «Аносский сборник» Н. Я. Никифорова (1915).

Другому русскому ученому — А. Д. Рудневу — принадлежит двуязычный сборник бурятского фольклора, в том числе песен с напевами [50]. А. Д. Руднев писал о том, что, передавая бурятскую сказку на русском языке, нельзя «перелицовывать» «обстановку, весь колорит сказочной жизни, который рисуется рассказчику-буряту» [51]. Мысль А. Д. Руднева не утратила актуальности и в наши дни.

В 1903 г. начинает свою уникальную собирательскую работу бурятский фольклорист Ц. Ж. Жамцарано — сначала по поручению Академии наук, затем — Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии [52]. При его активнейшем участии по образцу тюркологической радловской серии предпринимается издание фольклорных памятников монголоязычных народов. Начатое в 1913 г. печатание первых трех выпусков бурятских записей Ц. Ж. Жамцарано в этой новой серии завершилось, однако, лишь после Октября — в 1918 г. (распоряжения Российской Академии наук по этому поводу, скрепленные подписью академика С. Ф. Ольденбурга, помечены мартом и июнем) [53].

В редакционном предисловии отмечалось, что Ц. Ж. Жамцарано записал «такое изумительное количество текстов, какого не собрал, кажется, ни один другой собиратель ни у какого другого народа» [54]. Особое внимание Ц. Ж. Жамцарано, работавшего в основном среди бурят «к востоку от Иркутска до реки Лены и о. Ольхона», привлекли эпические поэмы — улигеры. Поскольку «чудный слог улигеров и <. . .> особенности языка эх[и]рит-бул[а]гатов или аларцев исчезали почти совершенно в транскрипции монгольским алфавитом» [55], исследователь, ссылаясь на пример Радлова, применил специальное написание на основе русского алфавита с дополнительными буквами и сопроводительными

---

[48] *Гордлевский В. А.* Г. Н. Потанин как народословесник. — М., 1916. — С. 70.

[49] Там же. — С. 74.

[50] *Руднев А. Д.* Хори-бурятский говор: Опыт исследования, тексты, пер. и примеч. — Спб., 1913—1914. — Вып. 1—3.

[51] Там же. — Вып. 3. — С. 0121.

[52] Одна из первых публикаций: *Сборник* монголо-бурятской народной поэзии / Под ред. Аламжи Мэргэна [Д. Ринчина]. — Спб., 1910 (записи Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднева; монгольская графика).

[53] *Образцы* народной словесности монгольских племен. Т. 1. Произведения народной словесности бурят: Эпические произведения эх[и]рит-бул[а]гатов / Собр. Ц. Ж. Жамцарано. — Спб., 1913, 1914, 1918. — Вып. 1—3. (Судя по датам на титульных листах, первые два выпуска были набраны в названные годы. Но последовала значительная задержка с их выходом в свет, так как оба они тиражированы (или допечатаны) под общей обложкой, на которой значится 1918 г., т. е. одновременно с третьим выпуском. В книге с этой общей обложкой корпусу текстов первого выпуска предпослано обширное исследовательское введение Ц. Ж. Жамцарано, подписанное 1 июля 1914 г. и тоже, видимо, задержавшееся с печатанием).

[54] Там же. — Вып. 1. С. III.

[55] Там же. — С. XII.

знаками. Много нового внес он в методику собирания, стремясь «поспевать за поющим непринужденно рапсодом, не останавливая его» [56] и предпочитая записывать улигер в естественных условиях исполнения — «во время вдохновенной передачи его для толпы» [57]. Тексты печатались «по возможности в неприкосновенном виде» [58]. В первых трех выпусках содержались улигеры: «Аламжи-Мэргэн», записанный «в течение двух дней и двух ночей» от Е. Шалбыкова (вып. 1), «Айдурай-Мэргэн» — от слепого певца Б. Бурлаева и «Еренсей» выдающегося улигершина М. Имегенова (вып. 2), «Хан-Ошир-хубун» — Е. Шалбыкова (вып. 3).

В 1930-е гг. публикация записей Ц. Ж. Жамцарано была продолжена. В качестве совместного издания Академии наук СССР, Института культуры Бурят-Монгольской АССР и Ученого комитета Монгольской Народной Республики вышел т. 2 серии «Образцов народной словесности монгольских племен», вобравший в себя грандиозную эпическую трилогию об Абай Гэсэре, Ошор-Богдо-хубуне и Хурин-Алтай-хубуне (22 069 стихов), записанную от М. Имегенова в 1906 г.[59]

Записи и публикации Ц. Ж. Жамцарано составили классическую текстологическую основу бурятского эпосоведения и активно функционируют в науке. М. П. Хомоновым переизданы, снабжены переводом и примечаниями трилогии о Гэсэре, Ошоре и Хурине и «Еренсей» [60]. Четыре улигера, опубликованные в 1913—1918 гг., перевел на немецкий язык Н. Н. Поппе [61].

Крупный вклад в создание сибирской фольклористической школы внес М. К. Азадовский, открывший для науки замечательных русских сказочников из верховьев Лены — Н. О. Винокурову, Ф. И. Аксаментова, и Тункинской долины — Е. И. Сороковикова (Магая), Д. С. Асламова [62]. Его работа, посвященная принципам изучения мастеров народной сказки (на примере Н. О. Винокуровой), получила международную известность [63]. Своей ориентацией на поиски одаренных носителей фольклора, выявление локальных исполни-

---

[56] Там же. — С. XIV—XV.

[57] Там же. — С. XV.

[58] Там же. — С. V.

[59] *Образцы* народной словесности монгольских племен. Тексты, т. 2. Произведения народной словесности бурят / Собр. Ц. Ж. Жамцарано; Под ред. В. Я. Владимирцова. Эпические произведения эх [и] рит-бул [а] гатов. — Л., 1930. — Вып. 1: Гэсэр-Богдо: Эпопея; Л., 1931. — Вып. 2: Ошор-Богдо-хубун; Хурин-Алтай-хубун. (В сверке текстов принимали участие: Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, А. К. Богданов.) В этой же серии (т. 5) под редакцией А. Н. Самойловича вышла книга бурятской народной поэзии и прозы в лингвистической транскрипции (на латинской основе): *Поппе Н. Н.* Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. — М.; Л., 1936.

[60] *Абай* Гэсэр-хубун: Эпопея / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; Зап. Ц. Ж. Жамцарано. — Улан-Удэ, 1961—1964. — Ч. 1—2; *Еренсей* / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. — Улан-Удэ, 1968. См. также публикацию и перевод записи «Боллор-эзена» (1911 г.): *Улигеры* ононских хамниган / Подгот. текста, пер., вступ. ст. и примеч. Д. Г. Дамдинова. — Новосибирск, 1982.

[61] *Poppe N.* Mongolische Epen, IX/ Übers. der Samm. C. Ž. Žamcarano. Произведения народной словесности монгольских племен. — Т. 1: Эпические произведения эх [и] рит-бул [а] гатов (Спб., 1913—1918. — Wiesbaden, 1980. — (Asiatische Forschungen; Bd 65).

[62] *Сказки* Верхнеленского края. — Иркутск, 1925. — Вып. 1; *Сказки* из родных мест Сибири. — Иркутск, 1928; *Сказки* Магая (Е. П. Сороковикова)/ Зап. Л. Элиасова, М. Азадовского; Под ред. М. А. Азадовского. — М.; Л., 1940.

[63] *Asadowskij M.* Eine Sibirische Märchenerzählerin. — Helsinki, 1926. — (Folklore Fellows Communications; N 68).

тельских традиций и «династий» деятельность М. К. Азадовского оказала стимулирующее влияние на собирательскую, эдиционную и исследовательскую практику последующих десятилетий.

С течением времени сибирско-дальневосточная фольклористика постепенно заявляет о себе как о науке многонациональной, развивающейся в общесоюзном контексте. Она вбирает в себя деятельность исследовательских институтов автономных республик и областей, специалистов из университетов, консерваторий, педагогических институтов, сибирских и дальневосточных центров академической науки, ведущих институтов Москвы и Ленинграда (включая Институт народов Севера в Ленинграде).

В 1930-е—40-е гг. главным в собирательской и эдиционной практике было начало формирования национальных библиотек фольклора, в большой мере, а иногда и исключительно базирующихся на новых записях. Этот вопрос, протекающий неравномерно и противоречиво, с отставаниями и утратами, пробелами в экспедиционных программах, неустроенностью архивов, приносил неоднозначные результаты. На первых порах зачастую преобладали формы популяризаторской, научно-нестрогой работы с фольклорными текстами, включая ориентацию на литературное редактирование[64] (что, впрочем, имело место и в зарубежной сибирике[65]). Движение шло скорее вширь чем вглубь. Но и в таких условиях отчетливо обозначались неизведанное богатство многоязычных фольклорных традиций Сибирского и Дальневосточного регионов и новые горизонты освоения наследия. Еще в довоенные годы были выявлены многие выдающиеся народные исполнители (например, Н. У. Улагашев на Алтае, Пеохон Петров в Бурятии, искусные олонхосуты в Якутии и т. д.).

В последние десятилетия фольклорные традиции как бы идут навстречу всесоюзному читателю. В научно-эдиционной области этому служат двуязычные издания памятников (на языке оригинала с русским переводом). Пионерами в реализации идеи таких изданий на *фольклористической* основе — что придает существенную новизну самой демонстрации национальных произведений и научному их сопровождению[66] — явились Г. Д. Санжеев, Г. М. Василевич, Н. П. Дыренкова (которая пользовалась советами А. М. Горького при подготовке публикации шорского фольклора с русским переводом), Г. У. Эргис, М. Г. Воско-

---

[64] Конечно, публикации такого рода могли играть и определенную положительную роль, причем это относится и к некоторым опытам литературного переложения новооткрытых уникатов. См., например: *Плотников М. А.* Янгал-мал. Вогульская поэма со статьей автора о вогульском эпосе; *Клычков С.* Мадур Ваза — победитель: Вольная обработка поэмы «Янгал-мал». — М.; Л., 1933. — (Academia). Полезной в этом отношении была, например, деятельность П. В. Кичияка и других поэтов-переводчиков.

[65] *Siberian* and other folk-tales / Coll. a transl. by C. F. Coxwell. — L., 1925; *Siberiani.* A cura di R. Bertani. — Nasi, 1967. — (Poesie dei popoli dell' URSS. Coll. del Basilico, 1).

[66] Этому, несомненно, способствует совершенствующееся научно-фольклористическое профилирование публикаций русского народного творчества Сибири и Дальнего Востока, включая современную серию сборников сказок, песен, преданий, инициатором которой был Л. Е. Элиасов, а также первые словесно-музыкальные издания.

бойников, А. И. Уланов, З. Н. Куприянова, С. С. Суразаков, М. П. Хомонов, Е. В. Баранникова, Н. В. Емельянов и др.[67]

Развитие изданий подобного типа знаменует научное открытие — и для местного национального читателя, и для международной аудитории — ряда неосвоенных или малоизвестных прежде разделов народного творчества. Например, впервые осуществлена словесно-музыкальная публикация бурятских народных песен[68] и выпущен систематизированный трехтомник бурятских сказок: волшебно-фантастических, о животных и бытовых[69]. Большой и оригинальный пласт народной поэзии предстал в четырехтомнике якутских песен о природе, труде и быте, песен советского времени и традиционных поэм-тойуки (составители Г. У. Эргис, Н. М. Алексеев, Н. В. Емельянов и С. П. Ойунская)[70].

Высоким уровнем текстологической достоверности и ценностью помещаемых текстов-раритетов примечательны двуязычные публикации документально-лингвистического характера, главным образом по фольклору народов Севера. В этой области значителен вклад В. А. Аврорина, Н. А. Баскакова, Г. М. Василевич, А. П. Дульзона, Е. П. Лебедевой, Н. Н. Поппе, О. П. Суника, В. И. Цинциус, их языковедческой школы[71]. Достойно внимания, что в этих работах все заметнее ощущается присутствие фольклористического аспекта. С учетом народных представлений и терминологии дифференцируются жанровые и видовые категории, на этой же основе выясняется своеобразие публикуе-

[67] *Санжеев Г. Д.* Песнопения аларских бурят// Зап. Коллегии востоковедов. — Л., 1928. — Т. 3 («хороводные», «плясовые» песни, состязания певцов, «театральные» песнопения, шаманские гимны и др. — бурятские тексты с русским переводом); *Василевич Г. М.* Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. — М.; Л., 1936; *Исторический* фольклор эвенков/ Зап. текстов, пер. и коммент. Г. М. Василевич. — М.; Л., 1966; *Шорский* фольклор/ Зап., пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой. — М.; Л., 1940; *Нюргун* Боотур Стремительный/ Текст К. Г. Оросина; Ред. текста, пер. и коммент. Г. У. Эргиса. — Якутск, 1947; *Исторические* предания и рассказы якутов: Тексты и переводы/ Изд. подгот. Г. У. Эргис. — М.; Л., 1960. — Ч. 1—2; *Якутские* сказки/ Подгот. текстов Г. У. Эргиса. — Якутск, 1964. — Ч. 1, 2; Абай Гэсэр/ Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. — Улан-Удэ, 1960; *Воскобойников М. Г.* Эвенкийский фольклор. — Л., 1960; Эпические песни ненцев/ Сост., вступ. ст. и коммент. З. Н. Куприянова. — М., 1965; *Алтын-Бизе*: Героическое сказание/ Сказительница Е. К. Таштамышева; Пер. с алт. Г. Голубева; Предисл. С. Суразакова. — Горно-Алтайск, 1965. См. также упомянутые ранее двуязычные публикации записей Ц. Ж. Жамцарано, осуществленные М. П. Хомоновым, Д. Г. Дамдиновым.

[68] *Дугаров Д. С.* Бурятские народные песни. — Улан-Удэ, 1964—1980. — Кн. 1—3.

[69] *Бурятские* народные сказки. — Улан-Удэ, 1973—1981. — Кн. 1—3.

[70] *Саха* народнай ырыалара: Якутские народные песни. — Якутск, 1976—1980. — Ч. 1—3; *Саха* народнай тойуктара: Якутские народные поэмы-тойуки. — Якутск, 1983. — Ч. 4.

[71] *Поппе Н. Н.* Материалы для исследования тунгусского языка. — Л., 1927; *Он же.* Аларский говор. — Л., 1930—1931. — Ч. 1—2; *Рубцова Е. С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов: Чаплинский диалект. — М.; Л., 1954. — Ч. 1; *Баскаков Н. А.* Диалект черневых татар туба-кижи: Тексты и пер. — М., 1965; *Орочские* сказки и мифы/ Сост. В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. — Новосибирск, 1966; *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Фольклор эвенков Якутии. — Л., 1971; *Сказки* народов Сибирского Севера. — Томск, 1972—1981. — Кн. 1—4 (в издании содержатся кетские, селькупские, нганасанские, хантыйские, энецкие, чулымско-тюркские, долганские тексты); *Меновщиков Г. А.* Язык науканских эскимосов. — Л., 1975; *Он же.* Материалы и исследования по языку и фольклору чаплинских эскимосов. — Л., 1988; *Володин А. П.* Ительменский язык. — Л., 1976; *Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* Орочские тексты и словарь. — Л., 1978; *Аврорин В. А.* Материалы по нанайскому языку и фольклору. — Л., 1986; *Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. — Л., 1978; *Жукова А. Н.* Язык паланских коряков. — Л., 1980; *Она же.* Материалы и исследования по корякскому языку. — Л., 1988; *Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. — Л., 1982; *Цинциус В. И.* Негидальский язык: Исследования и материалы. — Л., 1982; *Суник О. П.* Ульчский язык: Исследования и материалы. — Л., 1985; *Эпос* охотских эвенов/ Зап. Н. П. Ткачика. — Якутск, 1986; *Булатова Н. Я.* Говоры эвенков Амурской области. — Л., 1987.

мых произведений: стадиальное, поэтическое, исполнительское. Комментируются опорные понятия и словосочетания текстов, архаическая и диалектная лексика. Можно сказать, налицо один из подступов к комплексной интерпретации фольклора, на этот раз — со стороны этнолингвистики [72].

Практика перевода и комментирования разноязычной, специфичной фольклорной материи, несомненно, обогащается и опытом русскоязычных изданий [73], в том числе современной серии «Сказки и мифы народов Востока», в которой вышел ряд сибирских и дальневосточных книг.

Во всесоюзной серии «Эпос народов СССР», в которой выходят и памятники народов Сибири и Дальнего Востока, предпринято преобразование двуязычных изданий на современной академической основе. Оно предусматривает: аргументированный отбор и выверенность публикуемого художественного текста соответственно его устной речевой природе (при возможности — по фонограмме) с отражением распевных модификаций; адекватное раскрытие стилевой системы и всей совокупности поэтических подробностей оригинала в фольклористическом переводе (также с привлечением звукозаписей); исследовательскую характеристику памятника, его поэтики и места в развитии духовной культуры и истории народа; комментирование текста и перевода на фоне фольклорной, языковой, этнобытовой традиции, в сопоставлении с другими версиями и вариантами; выявление исполнительских особенностей и музыкальной природы произведения (музыковедческая статья и нотное приложение) [74]. С ориентацией на этот круг задач и критериев в серии представлены алтайский, якутский, хакасский и бурятский эпосы [75].

Предпринимаемое ныне издание серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», несомненно, призвано быть открытым к зарубежному научному опыту в этой сфере. Он особенно значителен и весом в области публикации обско-угорского и самодийского фольклора.

---

[72] В этой области имеется значительная научная традиция. Назовем хотя бы одно из наиболее достоверных изданий 30-х гг.: *Алтайский* эпос «Когутэй» / Сказитель М. Ютканаков; Пер. Г. Токмашова; Ред. В. Зазубрина; Коммент. Н. Дмитриева. — М.; Л., 1935. — (Academia).

[73] *Тувинские* народные сказки/ Пер., сост. и примеч. М. Ватагина; Предисл. Д. С. Куулара. — М., 1971; *Сказки* и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, кереки, коряки и ительмены)/ Сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. — М., 1974; *Мифологические* сказки и исторические предания нганасан/ Зап., подг. текстов, введ. и коммент. Б. О. Долгих. — М., 1976; *Сказки* и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии/ Сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова; Пер. с эскимос. и англ. Г. А. Меновщикова, Н. Б. Вахтина, Е. С. Рубцовой. — М., 1985 (книга снабжена первым в своем роде типологическим анализом мотивов Г. А. Левинтона). См. также опыт объединенного научно-популярного сборника сказок: *Сказание* о просторе. Сказки Бурятии, Горного Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев / Сост., послесл. и коммент. Ч. М. Таксами. — Л., 1985.

[74] *Фольклор.* Издание эпоса. — М., 1977.

[75] *Маадай-Кара*: Алтайский героический эпос / Зап. текста, пер. и прил. С. С. Суразакова; Подгот. тома и вступ. ст. И. В. Пухова; Ст. об алтайском крае Б. М. Шульгина. — М., 1973; *Строптивый* Кулун Куллустуур: Якутское олонхо/ Сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; Зап. В. Н. Васильева; Подгот. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса; Пер. А. А. Попова, И. В. Пухова; Вступ. ст. И. В. Пухова, Г. У. Эргиса. — М., 1985; *Алтын-Арыг*: Хакасский героический эпос/ Зап., подгот. текста, пер. и коммент. В. Е. Майногашевой; Ст. об искусстве хайджи А. К. Стоянова. — М., 1988; *Гэсэр*: Бурятский героический эпос/ Подгот. текста и вступ. ст. М. И. Тулохонова; Пер. А. Б. Соктоева под ред. А. В. Кудиярова; Коммент. А. В. Кудиярова, А. Б. Соктоева; Музыковед. ст. Д. С. Дугарова. — М. (В печати).

Само представление о фольклорном наследии самодийцев и обских угров неизмеримо расширилось благодаря публикациям коллекций и сводов, сложившихся из записей ряда финских ученых в основном начала XX столетия. За последние десятилетия эти двуязычные (тексты на языках оригинала с немецким переводом) научные публикации, оснащенные богатым сопроводительным аппаратом, составили обширную группу томов международной серии «Mémoires de la Société finno-ougriénne»[76]. Их значение возрастает в связи с тем, что в них зафиксированы, зачастую в классических формах, многие явления, в дальнейшем исчезнувшие. Не будет преувеличением назвать их публикацию научной сенсацией.

А. Каннисто осуществил долговременное, можно сказать, *стационарное* — особенно ценимое в науке — собирание мансийского фольклора. «С 1901 по 1906 г. с небольшим перерывом (поездка на отдых в Финляндию на 4 месяца) он жил среди манси, всесторонне изучил их быт, фольклор, собрал сведения о мансийской мифологии, ритуальных жертвоприношениях, медвежьих праздниках, записал на фонограф около 150 мансийских мелодий, оставил свыше 200 документальных фотографий»[77]. Издание огромного собрания А. Каннисто (тексты в оригинале с немецким переводом), подготовленное М. Лиимола, составило шесть массивных томов и уникально по охвату явлений мансийского фольклора: тексты мифологического содержания (т. 1), боевые и героические песни-саги (т. 2); сказки (т. 3), «медвежьи» песни, обряды, драматические действа и магические акты (т. 4—5) — единственная в науке столь обширная подборка материалов подобного рода, песни судьбы, похоронные причитания, песни-заклинания, детский фольклор, загадки (т. 6)[78].

Из материалов поездок Т. Лехтисало к тундровым и лесным ненцам (1911—1912 и 1914 гг.) был составлен сборник героико-эпических и мифологических песен, сказаний, сказок, шаманских песнопений и рассказов, жертвенных заклинаний, песен судьбы и т. д.[79] Т. Лехтисало впервые опубликовал (с добавлением своих записей) собрание М. А. Кастрена (40-е гг. XIX в.), включающее юрако-ненецкие эпические и короткие песни, ханто-ненецкие (остяко-самоедские) песни эпического, мифологического и лирического характера, с соблюдением диалектного членения традиций[80].

Две большие публикации хантыйского фольклора осуществила венгерская исследовательница Эдит Вертеш. Изданное ею собрание К. Карьялайнена раскрывает многообразие прозаических форм эпоса хантов, женских импровизаций — песен судьбы, свадебных обычаев и других явлений в их географическом районировании[81]. Обширный свод Х. Паасонена (записи начала XX в.) сенсационен, напротив, совокупностью крупных произведений песенного эпоса

---

[76] *Микушев А. К.* Фольклор и фольклористика на страницах международного издания// Фольклор: Проблемы историзма. — М., 1988. (Далее название серии дается сокращенно: MSFou, с указанием номера тома.)

[77] Там же. — С. 6—8.

[78] *Wogulische* Volksdichtung// Gesamm., übers. von A. Kannisto; Bearb., hrsg., von M. Liimola. — Helsinki, 1951—1959. — Bdch. 1—6. — (MSFou; № 101, 109, 111, 114, 116, 134).

[79] *Lehtisalo T.* Juraksamojedische Volksdichtung. — Helsinki, 1947. (MSFou; № 90).

[80] *Samojedische* Sprachmaterialen/ Gesamm. von M. A. Castrén, T. Lehtisalo; Hrsg. von. T. Lehtisalo. — Helsinki, 1960. — (MSFou; № 122).

[81] *K. F. Karjalainens* südostjakische Textsammlungen/ Neu transkr., bearb. und hrsg. von E. Vértes. — Helsinki, 1975. — (MSFou; № 157).

(до 5 тыс. стихов в одном тексте), наличие которых в обско-угорском фольклоре не предполагалось; они входили, в частности, в репертуар двух замечательных исполнителей («сказителя из Каменской юрты в устье Конды» и «старика из Чингалинской юрты»), имена которых остались неизвестными. Само наличие подобных исполнителей сильно корректирует представление о типологии носителей обско-угорского фольклора[82].

Названные издания вносят значительный вклад в методику и практику двуязычных публикаций фольклора. В частности, в своде Х. Паасонена текст и перевод координированы до единой строки, что очень существенно при необходимых перестановках порядка слов и строк (даже при пятеричной их нумерации): стихи, переставленные в переводе, снабжены номерами, указывающими их место в оригинале. Примечательна и развитая система постраничных примечаний к публикуемому оригиналу.

Выдающаяся текстологическая и исследовательская интерпретация фольклора хантов содержится в трудах немецкого финно-угроведа В. Штейница, работавшего в середине 1930-х гг. в Советском Союзе. «Рыцарем духа» назвал В. Штейница Р. О. Якобсон в предисловии к четырехтомному изданию остякологических исследований ученого, выпущенному совместно Академиями наук Венгерской Народной Республики и Германской Демократической Республики[83]. Фольклорные материалы, собранные В. Штейницем у хантов с исключительной тщательностью, подготовлены им к печати на самом высоком филологическом уровне и получили глубокое комплексное освещение. Сказки и песни (т. 1 и 3) запечатлены в фонетической транскрипции и снабжены научным переводом на немецкий язык. Даются мелодии ряда песен — расшифровка фонографических записей, осуществленных В. Штейницем совместно с Е. В. Гиппиусом. Уникально по своей многосторонности толкование и комментирование материала (т. 2 и 4): лингвистическое (объяснение языковых форм, диалектных различий, этимологизация и т. д.); фольклористическое (характерные черты исполнительства, вибрация и «переиначивание» текстов в разных условиях и разновременных записях, соотношение с версиями у С. К. Патканова и других прежних собирателей, поэтический язык и его традиции, роль параллелизма и других композиционных форм, связь слова и напева, типы стихосложения); этнографическое (исторический и социальный контекст, манифестация древних воззрений и представлений, бытовые традиции и т. д.).

Если обобщить распределение и состояние источников по многоязычному фольклору народов Сибири и Дальнего Востока и оценить в совокупности материал, добытый поколениями ученых-собирателей и публикаторов, то нельзя не отметить грандиозность богатств, находящихся в распоряжении современной фольклористики. Не подлежит сомнению, что в массе печатных и архивных источников весьма высок удельный вес прямых изустных фиксаций. Они с большой достоверностью запечатлели фольклорные феномены в классических формах и активных фазах их манифестации. Поскольку в дальнейшем большое число явлений ушло из живого бытования или обрело сильно обедненный вид, аутен-

---

[82] H. Paasonens südostjakische Textsammlungen/ Bearb., hrsg. von E. Vertés. — Helsinki, 1980—1983. — Bdch. 1—4. — (MSFou; № 172—175).

[83] *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten: in 4 Bd. — Budapest, 1975. — Bd 1. — S. XIV. Подробнее см.: *Микушев А. К.* Проблемы хантыйского фольклора в трудах академика В. Штейница// Фольклор: Поэтика и традиция/ Отв. ред. В. М. Гацак. — М., 1982.

тичный материал, собранный в XIX—первой половине XX в., уникален и неповторим. Это наследие составляет отправную основу для познания фольклорного наследия народов Сибирско-Дальневосточного региона. Первоочередная научная ориентация на него принципиально важна и исторически обязательна, тем более, что оно аккумулировало в себе особый собирательский талант, непревзойденную текстологическую и исследовательскую компетенцию когорты виднейших деятелей фольклористики, народознания.

В то же время приходится констатировать, что собирание велось неравномерно, существующие записи в ряде зон Сибири и Дальнего Востока запечатлели традицию лишь фрагментарно, в большом числе случаев — только в переводе. В собирании и издании фольклора целого ряда народов остались большие пробелы (это, в частности, относится к системе жанров многих народов Севера, а также к фольклору украинского, белорусского и другого населения). Крайне недостаточно были в свое время зафиксированы народный мелос, фольклорная музыка в целом. Бедны имеющиеся материалы по искусству исполнительства, единичны сохранившиеся звукозаписи.

Конечно, огромное преимущество современной сибирско-дальневосточной фольклорной ситуации состоит в том, что устно-поэтическое творчество еще обладает здесь активным потенциалом бытования. Это сделало возможным проведение в ходе подготовки сибирско-дальневосточной серии памятников фольклора целевых комплексных экспедиций для добирания материала живых традиций, пополнения знаний о их составе и искусстве, условиях и контексте бытования, о современных носителях и интерпретаторах векового наследия. О результатах этой работы и их значении для пополнения серии будет рассказано в разд. III.

* * *

В сибирско-дальневосточном фольклоре наблюдается широчайший диапазон стадиальных форм и традиций народного творчества в его комплексных разновидностях. В своей многоликости они еще только начинают раскрываться в совокупных, объединяющих исследованиях — музыковедческих[84], общефольклористических[85].

В. Я. Пропп считал, что привлечение фольклора народов Сибири и Дальнего Востока открывает возможность исследовать практически все этапы истории народного устно-поэтического творчества. Сам он на основе нивхского, якутского, шорского и других эпосов восточного региона реконструировал возмож-

---

[84] *Айзенштадт А. М., Нарва Х. Я., Португалов В. В.* Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. — М., 1966; *Традиционный* и современный фольклор Приуралья и Сибири: Тез. докл. — М., 1979; *Музыка* Сибири и Дальнего Востока. — М., 1982. — Вып. 1; *Культура* народов Дальнего Востока: традиции и современность. — Владивосток, 1984; *Культура* народностей Селера: традиции и современность. — Новосибирск, 1986; *Музыкальное* творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1986; *Музыкальная* этнография Северной Азии. — Новосибирск, 1988. См. также западно-сибирские материалы в финно-угроведческих сборниках под редакцией И. Н. Рюйтель: *Музыкальное* наследие финно-угорских народов. — Таллинн, 1977; *Финно-угорский* музыкальный фольклор и взаимосвязь с соседними культурами. — Таллинн, 1980; *Музыка* в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. — Таллинн, 1986.

[85] *Эпическое* творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск, 1978; *Фольклорное* наследие Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986 (далее сокращенно: ФН).

ную предысторию русских былин [86]. Исследуя корни волшебной сказки, В. Я. Пропп находил в сибирских традициях объяснение загадочных ситуаций русской, европейской сказки (например, сибирские материалы позволяют ему заключить, что «мотив кормления орла создался на основе некогда имевшегося обычая», а между обладателем орла и орлом-помощником существует теснейшая связь, как между птицей и шаманом у нивхов, эвенков, телеутов, хантов; сказочный Горыныч — такой же «хозяин горы», каким он предстает у нивхов, и т. д.) [87].

На основе ранних форм повествовательного фольклора, в том числе народов Севера (сказания о культурных героях-первопредках и др.), Е. М. Мелетинский выясняет «роль доклассового фольклора как важнейшего источника формирования эпико-героического жанра» [88], его значение в складывании словесного искусства в целом [89].

Архаические типы нарратива предстают в структурной соотнесенности с обрядом, что обусловлено их порождением одной реальностью. «. . .Одни и те же сюжеты могут представать то как миф, то как предание, то как быличка. . . По мере движения от мемората (в котором героем является либо сам рассказчик, либо кто-то из его близких) через бытовой рассказ к преданию и мифу происходит укрупнение масштаба героя: он предстает как предок и, далее, мифологический первопредок (творец, демиург, добытчик)» [90].

В музыковедческом плане древний пласт фольклора содержит интереснейшее соотношение «допесенного» и песенного начала, демонстрирует начальные пути развития и эволюцию интонирования, ладообразования и т. д., позволяет выявить особенности ранних систем интонационной культуры этноса [91].

У сибирско-дальневосточного фольклора, особенно ранних формаций, весьма тесные и специфичные связи с древним общественным бытом, этническими традициями, ранними формами религии, материальной культурой и искусством. В свою очередь, фольклор, многое объясняет в перечисленных традициях и служит ценнейшим источником их изучения [92].

---

[86] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. — 2-е изд., испр. — М., 1958. — С. 32—58.

[87] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — 2-е изд. — Л., 1986. — С. 169, 176—177. См. также: с. 60, 66, 76, 189—191, 269 и др.

[88] *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. — М., 1963. — С. 425. См. главу «Первобытные истоки эпоса».

[89] *Он же.* Возникновение и ранние формы словесного искусства// История всемирной литературы. — М., 1983. — Т. 1.

[90] *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. — М., 1984. — С. 268—269.

[91] *Алексеев Э.* К проблеме формирования лада (на материале якутской народной песни). — М., 1976; *Он же.* Раннефольклорное интонирование. — М., 1986; *Шейкин Ю. И.* Допесенное и песенное в фольклоре удэ// Народная песня: Проблемы изучения. — Л., 1983; *Шейкин Ю. И., Цеханский В. М., Мазепус В. В.* Интонационная культура этноса (опыт системного рассмотрения)// Культура народностей Севера: традиции и современность. — Новосибирск, 1986.

[92] *Золотарев А. М.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. — Л., 1934; *Он же.* Родовой строй и первобытная мифология. — М., 1964; *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—нач. XX в. — М.; Л., 1954; *Он же.* Скульптура народов Севера Сибири. — Л., 1970; *Он же.* Маски народов Сибири. — М., 1975; *Анисимов А. Т.* Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. — Л., 1969; *Общественный* строй у народов Северной Сибири. — М., 1970; *Религиозные* представления и обряды народов Сибири в XIX—нач. XX в. — Л., 1971; *Социальная* организация и культура народов Севера. — М., 1974; *Фольклор* и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. — Л., 1974; *Материальная* культура народов Севера. — Л., 1976;

В свете данных фольклора явственно выступают, например, глубокие этногенетические, в том числе межконтинентальные (евразийско-североамериканские), связи и процессы [93].

Известный русский ученый А. Н. Веселовский открыл значение фольклора народов Сибири и Дальнего Востока для исторической поэтики как научной дисциплины. Он продемонстрировал критериальную роль сибирских традиций при воссоздании общих процессов развития жанров фольклора и его поэтической системы, их восполняющую ценность для цельного понимания общезакономерных процессов.

В «Трех главах из исторической поэтики» ученый обратился к сибирской «медвежьей драме», находя, что она всего ближе «к началу развития» [94]. «Что сохранилось в Европе как отрывочные переживания, то объединяется для нас на инородческой почве (исследователь привлекал материалы хантов, манси и др. — *В. Г.*) в самостоятельный цикл верований и обрядов, в их различных этапах, от охотничьего праздника с подражательной игрой до культового действа с божественным героем-медведем в его центре» [95], — подчеркивал А. Н. Веселовский. Двойственное отношение к медведю, писал он, «указывает на среду, еще не вышедшую из борьбы с природой» [96].

Глубокий сравнительный этюд, где выясняется, как «пробегают все стадии развития» запечатленные в народной поэзии представления о «воздействии пения» — «от космического влияния песни до сентиментально-психологического» [97], А. Н. Веселовский начинал, помимо «Гудруны», «Калевалы» и других известных памятников, с якутской песни, приходя затем к былинам и далее — к западно-европейским балладам (как пример «физического» воздействия пения на природу он приводил, между прочим, слова предания об одном якутском народном певце: «От его пения сохли деревья»).

В «импровизациях алтайцев и телеутов» — четверостишиях с вопросно-ответной формой — А. Н. Веселовский видел процесс складывания особого стилистического приема [98]. При изучении ранних этнобытовых основ повествовательных сюжетов он обращался к истории и легендам ряда народов Приморья и Камчатки (нивхов, айнов и др.) [99].

Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1976; *Памятники* культуры народов Сибири и Севера. — Л., 1977; *Этнография* народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978; *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980; *Он же.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири: Опыт ареального сравнительного исследования. — Новосибирск, 1984; *Семейная* обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. — М., 1980; Этнография Северной Азии. — Новосибирск, 1980; *Проблемы* истории общественного сознания аборигенов Сибири. — Л., 1981; *Этнографическое* изучение знаковых средств культуры. — Л., 1988; *Традиционное* мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск, 1988; *Традиционное* мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. — Новосибирск, 1989.

[93] *Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. — М., 1979 (гл. 8, 9).

[94] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика/ Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. — Л., 1940. — С. 292.

[95] Там же.

[96] Там же. — С. 294.

[97] Там же. — С. 332, 337, 343—346.

[98] Там же. — С. 168—169.

[99] Там же. — С. 523, 531.

С мыслями академика А. Н. Веселовского о значении сибирских традиций для теоретической истории фольклора и его поэтики перекликается суждение известного польского исследователя К. Мошиньского о том, что в Сибири эпос может наблюдаться в процессе своего рождения — in statu nascendi [100].

У фольклора народов Сибири и Дальнего Востока — в предлагаемой ими многофазовости воплощений — исключительно богатый «исторический словарь» поэтических общих мест и формул [101], «кадров, ячеек» поэтической мысли [102], запечатлевших движение художественного познания в истории и во времени. Этноисторическая характерность таких поэтических констант сочетается с межэтническими коммунитетами, пересекающимися связями, типологической последовательностью состояний. Продемонстрируем эту мысль на некоторых примерах.

Формулы длительности и «хроноакты» [103]. «Минимум полноты времени» [104] оказывается совершенно разным в эпосе архаическом (героико-мифологическом) и героико-историческом.

В ряде сибирских традиций — якутской, эвенкийской, долганской, эвенской, бурятской, алтайской, хакасской и шорской — «хроноакт» (длительность пути или поединка) вмещает в себя целые годы. Варьируется (иногда существенно) общая для всех названных традиций эпическая формула течения времени: «Бились / Ехали, узнавая лето по дождю, / Зиму узнавая по снегу» (в якутской и эвенкийской формулах различаются приметы всех четырех времен года). «Хроноакт» выступает здесь не просто мерой длительности, а своеобразным «множителем» силы, необычности, эпичности самого действия.

Специфическая близость формул длительности в большой группе разноязычных эпических традиций Сибири заслуживает особого внимания в свете концепции Г. М. Василевич о возникновении первоначального эпического ядра в период алтайской общности тунгусо-маньчжурских и тюркско-монгольских народов. Возможно, перед нами — редкостное древнее заложение в поэтико-стилевой традиции эпоса, еще не учтенное в специальных исследованиях первоначальной общности.

В героико-историческом эпосе — русских былинах — изменяется мера времени и его «полноты». Время членится до предельной дробности, особую разработанность получают обозначения малых его отрезков, что придает необычайную динамичность «хроноактам» эпоса. Особенно выделяются среди них: день, три дня (как в «Слове о полку Игореве»), три часа в разнообразных вариантах и сочетаниях — столько длятся, например, богатырские поединки. Время как бы уплотняется.

Если в формулах героико-архаического эпоса движение времени и действия соотносилось с частями года, то другая мера протяженности — дни, ночи —

---

[100] Moszyński K. Kultura ludowa słowian. — W-wa, 1968. — T. 2: Kultura duchowa. Część 2. Wyd. drugie. — S. 753.

[101] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. — С. 241.

[102] Там же. — С. 361.

[103] Подробнее см.: *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. — М., 1989. — С. 9—25.

[104] *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 296.

приносит с собой иных «свидетелей» (солнце и месяц), складывается новый образный ряд:

Они едут в день по красному по солнышку,
Они в ночь едут по светлому по месяцу.

Большие промежутки времени в русском, южно-славянском, восточно-романском и в других эпосах появляются только там, где «действие прерывается» (Д. С. Лихачев), т. е. герой отсутствует, находится в темнице и т. д. Другое проявление новизны — преобразование способов передачи течения времени. Оно особенно ощутимо в знаменитой былинной «метафоре времени» (С. Ю. Неклюдов):

День-то за день будто дождь секет,
А неделя за неделей как траваростет,
Год-то за годом да как река бежит...

Впечатление непрерывности и длительности достигается косвенно, метафорическим сравнением (см.: *будто, как, быв*, т. е. *словно*, и др.).

Богатырь в гневе[105]. Суть изображения гнева в героико-архаическом эпосе выражена якутской формулой «киэбэ-киэлитэ киирдэ» — «облик-внешность изменился». Причем имеется в виду изменение в самом прямом, «физическом» смысле; и в якутском олонхо, и в эпосе эвенкийском и др. с героем происходит нечто особенное. Певцы описывают: *вырастание от гнева* («вырос как скала», «с одежды начали пуговицы срываться», «как море вздувается», «От сильного гнева / Он чуть не лопнул в плечах, / Чуть не разорвался в пояснице»); *конвульсию гнева* («стянуло его назад, как изогнутое дерево»); *кипение, бурление крови* («храбрая кровь собралась в кулаках»); *огни гнева* («из обоих висков синие огни поднялись», «на макушке у него заплясал огонь величиною со средний горшок»), ср. в ирландской саге описание «боевой ярости» Кухулина: «От скрежета его зубов извергалось пламя... В облаках над его головой сверкали молнии, исходившие от его дикой ярости»; *источание гнева* («Из мощных серебряных пальцев его... / Светлая, чистая кровь его / Брызнула дрожащими струйками»; «Из десяти пальцев / Забила алая кровь»), ср. в описании гнева Кухулина: «била вверх струя крови из головы...»; *гневный порыв*: жест или слово («закричал, разрывая дно верхнего мира», «соединил в одном крике звуки тысячи громов»).

Тюркские эпические традиции Южной Сибири связываются между собой совпадающими звеньями специфичных описаний гнева («не сердившийся, рассердился», «как гром гремит», «как барс / медведь / волк рычит»).

Самая контрастная особенность изображения гнева в эпосе героико-историческом заключается в том, что изменение «вида-облика», столь впечатляющее в героико-архаическом эпосе (вырастание от гнева, излучение огня и т. д.), целиком уходит из описаний. Фактурную, субстанциальную новизну обозначения и изображения гнева хорошо выражает былинная формула «богатырское сердце нестерпчиво, неутерпчиво». Ясно, что речь идет о свойстве душевного склада, формула представляет метафору неуступчивости, горячности.

«Психологической» интерпретации состояние гнева служат и такие опорные понятия русского былинного «топоса» гнева, как *беда, досада*, входящие в частую формулу «за беду стало, за великую досаду показалось».

---

[105] Подробнее см.: *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция... — С. 25—36.

Антитетично перекликается с «натуральным» почернением богатыря в героико-архаическом эпосе (например, в шорском) фигуративное выражение былин «стемнел, как темная ночь». О том, что подобное сравнение непосредственно характеризует психологическое состояние, свидетельствует противопоставление, звучащее в одной из былин Кирши Данилова: «Тугарин почернел, как осенняя ночь, / Алеша Попович стал, как светел месяц».

Лавинообразное нарастание фигуративности находит проявление в том, что описание гнева-действия зачастую входит в состав отрицательного параллелизма («Не синее море сколыбалосе, / У Михайлы ли сердце разгорелосе. . .»).

От поэтики демонизма, протуберанцев гнева к своеобразному эпическому «психологизму» (обобщенно-ситуативному, долитературному) — таков один из важных путей историко-поэтического преобразования обрисовки богатыря в гневе.

Заговаривание стрелы. В архаическом фольклоре народов Севера существуют магические формулы, посвященные «теме стрелы». Легко уловима их связь с обрядовыми актами и традициями [106]. Характерен перечень разновидностей стрел: «брачные, стрелы войны, ритуальные (применяемые в момент инициации богатыря), гостевые стрелы, приносимые в жертву духам определенных мест» [107]. «Тема стрелы» [108] не чужда и фольклорным традициям последующих формаций.

Проследим за историко-поэтическими модификациями «заговаривания стрелы» в эпосе.

Некая инципиентная, присущая началам поэтичности, изобразительность улавливается в следующих примерах из сказок и эпоса ульчей, нанайцев, долган, эвенков:

Роговой лук свой, роговую стрелу свою сильно натянул. — «При удаче в грудь его точно попади!» — Затем отпустил тетиву и точно попал (ульч.).

Стрела, стрела! . . Попади так, чтобы войти прямо в сердце! (нан.).

Пронзая белое небо, пропарывая черное небо. . . вонзись по самое оперение! (долг.).

. . .не останавливайся даже перед чугуном, не отскакивай от камня и пронзи. . . атамана авахи! (эвенк.).

Действие, «испрашиваемое» у стрелы («Попади», «Пронзи» и т. п.), означено здесь как нечто обыденное, лишенное экстраординарности (хотя в двух последних случаях ощущается все же определенное эпическое измерение полета и пробивной силы стрелы). И «процедура» испрашивания тоже самая прямая: побуждение, призыв в изобразительном плане ничем не форсируются.

Однако все может выглядеть и совершенно по-иному.

Начать с того, что в другом варианте нанайского нингмана обращение к стреле содержит продолжение: «. . .Ты стрела человека, имеющего духа-помощника, и обладаешь адской силой». Тем самым раскрывается *представленческая* обусловленность ситуации: мифическая, магическая. Имплицитно и в остальных случаях обращение к стреле основывается на том, что стрела

---

[106] *Лебедева Ж. К.* О жанрообразовании в архаическом эпосе народностей Крайнего Севера// ФН. — С. 51.

[107] Там же.

[108] *Санжеев Г. Д.* Эпос северных бурят// Аламжи-Мерген. — М.; Л., 1936. — С. IX. — (Academia).

«способна» слышать и подчиняться. В контексте архаического фольклора это имеет скорее «воззренческий», нежели изобразительный, смысл.

«Живая» ипостась стрелы может представать в любопытных функциях. В сказании охотских эвенков *һэликэй* (волшебная заговоренная стрела) становится. . . средством передвижения: «Выстрелив заговоренную стрелу, сел на нее и поехал. Догнал человека, который ночью прошел. Тот так же, как и Делгэни, летит на стреле. . .» В одном уникальном бурятском улигере (записан у ононских хамниган) три брата поочередно посылают свои говорящие стрелы к Черной старухе колдунье, чтобы добыть три серых яйца из ее ящика («Заклинаю тебя, шепчу слова заветные. . .»). Каждой стреле обещана жертва — 50 овец. Каждая из стрел летит целый день до ночи, а добравшись к старухе, описывает вслух (и хозяин *слышит* ее), что́ происходит с нею («Достигла я истока моря Черного. . .»). Все три стрелы погибают. Но четвертая, посланная племянником братьев, оказывается неуязвимой для Черной старухи: крылья стрелы «Опекают тенгрии вышние, / Опекают восемь аймаков нижних». Она расправляется с колдуньей. . .

Другой путь — изобразительное развитие самого акта заклинания. Как отмечает А. И. Уланов, в бурятских улигерах «большая архаичность наблюдается в заговаривании орудий труда, охотничьего вооружения». Это своего рода «действие-слово» [109]. Сказанное справедливо и в отношении ряда других сибирских традиций. Примечателен огневызывающий эффект заговаривания:

И стал заклинать так, / Что огонь засверкал с острия, / Что пар повалил с оперенья (бур.).

Вынул стрелу, / На зарубке ее заклинал, / Из нее вызывая тем красное пламя, / На тетиве ее заклинал, / Из нее вызывая тем синее пламя. . . / — «Разметай / Его яд и отраву / . . .» (бур.).

«Стрела из камышинки / Пусть ударит», — такое заклинание произнес. . . / На кончике стрелы огонь появился, / С большого пальца искры брызнули (алт.).

При отсутствии или утрате заклинательных слов и стрела перестает быть одушевленной (пожалуй, только в алтайском эпосе, у А. Г. Калкина, по-прежнему идет речь о «живой стреле»). Но что касается огненной природы стрелы, извержения пламени при натягивании лука и выстреле, то они не только не пропадают, а, напротив, еще больше акцентируются, причем это наблюдается и за пределами сибирского ареала (см. ниже монголо-ойратские и калмыцкую параллели). По замечанию академика В. М. Жирмунского, такое изображение входит в арсенал фантастико-гиперболических характеристик в эпосе [110].

Положил девятигранную стрелу, / Пылающую огнем (як.).

Из-под руки, державшей стрелу, дым клубами выбивался, из-под руки, державшей лук, пламя вылетало (тув.).

С развилинки стрелы повалил тогда дым, а с железки закипел чугун, с древка же протянулась радуга (монг.-ойр.).

Полетела быстрая бешеная, белая стрела, протянув пламя с тьму овец величиной (монг.-ойр.).

Так натягивал он лук, что сверкало; так натягивал, что огонь высекался (калм.).

Проступающая здесь огненность стрелы (особенно нагляден якутский пример) побуждает вспомнить громовую, огнедышащую, огneблещущую стрелу в древнеиндийской «Махабхарате», а в еще более древней традиции — атрибу-

---

[109] *Уланов А. И.* Бурятский фольклор// Очерки истории культуры Бурятии. — Улан-Удэ, 1972. — Т. 1. — С. 53.

[110] *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. — Л., 1975. — С. 301.

тику индоевропейского «основного мифа» (о громовержце), реконструируемого В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым.

Так или иначе, примечательны сибирско-дальневосточные уподобления выстрела из лука грому:

(Лук) загремел, подобно раскатам / Двух разящих громов (як.).
Прогремел лук (эвенк.).
Тогда железный лук загремел, / Как сухой гром загремел (нен.).

Наглядной приметой раннестадиальности эпического изображения служит потрясение вселенной, земли, природы при богатырском выстреле из лука. Показательность этой приметы архаичности помножается на ареальную ее распространенность.

Как только Нелбуни натянул тетиву, как только пустил свои стрелы, небо будто вздрогнуло, земля будто застонала, снег выпал до колен, сильная метель замела (эвен.).

Он так натянул лук — земля зашаталась. В Катальте услышали — испугались (хант.).

Вокруг все задрожало, затряслось (бур.).

И пустил стрелу. Земля и небо чуть не перевернулись (тув.).

Дно неба зашумело, / Поверхность Алтая загудела, / . . .Поверхность Алтая затряслась (алт.).

Общему масштабу героико-архаического «хроноакта» (формулы длительности) вполне отвечает *срок* натягивания лука и прицеливания. В приводимых примерах (начиная с самой ранней записи олонхо, опубликованной в 1851 г.) опять-таки улавливаем переклички формул — якутско-эвенкийскую (не очень явную) и алтайско-тувинскую (более отчетливую):

Прицеливаясь ровно тридцать дней, спустил стрелу (як.).

Солкокчон-красавица. . . целилась трое суток, упиралась четверо суток, держалась пятеро суток, направляла шестеро суток, стояла устойчиво семеро суток, держала лук восемь суток. . . (эвенк.).

Утром натянув, до вечера ждал, / Вечером натянув, до утра ждал, / Ста силачам смерть несущую живую стрелу выпускал (алт.).

С утра до самого вечера тетиву натягивал, / С вечера до самого утра натягивал (тув.).

В одном из конкретных моментов тувинских изображений стрельбы из лука (сказание о Бокту-Кирише) любопытен «меченый атом» контактов с монголо-ойратской эпической традицией — с той, однако, оговоркой, что и на сей раз обоюдность совсем не трафаретна. В перечне опорных образов — не только совпадения, но и различия.

. . .Шестьдесят драконов, вырезанных на нижнем конце лука, / Зарычали на тех, что на нижнем упоре, / Тридцать драконов, вырезанных на верхнем конце лука, / Зарычали на тех, что на верхнем упоре; Горные козлы — козероги, изображенные на упорах, / Стали биться, бодаться, лягаться, / Тигры и львы, на спинке изображенные, / Оскалили-ощерили зубы (тув.).

. . .Концы лука спереди до того сгибаются. . . что сталкиваются вырезанные там головы аргали; так, что вырезанные на площадочках бараны и козлы сталкиваются головами, вырезанные на концах лука вороны и гуси сталкиваются крыльями, а вырезанные тигр и дракон забирают в пасть головы друг друга (монг.-ойр.).

Перенесемся теперь в мир русского эпоса с его иностадиальной изобразительной материей. В былинах, даже в пределах сибирских записей, тоже встречаем «заговаривание стрелы», выдержанное, однако, в ином, чем в героико-архаических традициях, стилевом ключе: без огнеизвержений, магических потрясений и т. д. Описание даже как бы контрастно к таким экстраординарным, фантастическим масштабам.

В Минусинской записи «Суровца»:

И он свой тугой лучишко стал потягивать,
А калену стрелу стал направлять;
А сам ко стрелочке стал приговаривать:
— Полетай ты, моя калена стрела,
Выше лесу, к небу, по-над небесью,
Ты убей на дубу черна ворона,
Черна ворона, птицу вещую.

Чаще всего стрела в былинах направляется в Соловья-разбойника (или в разбойников-станичников), во вражеского царя Кудреванка, Скурлы или даже «в турецкий град, самому салтану в белу грудь», из чего явствует, что эпизод предстает в контексте историзованной сюжетики. Адресуется стрела и своему же богатырю, а то и «Маринкину окошечку». В одной из былин сборника Кирши Данилова герой уже не прибегает к «приговариванию», а наводит стрелу «трубками немецкими» туда, где «сидит злодей Калин-царь». Все это тоже выразительные приметы новизны.

Встречается лишь отдаленная аналогия («воспоминание») героико-архаической традиции, где стрельба из лука связывалась с дымом-пламенем, а сама стре́ла была огненной. В «Михаиле Казарятине» в записи от барнаульского певца Л. Г. Тупицына: «Он днем стреляет, по ночам собирает; / Где стрела стоит — тут свеча горит». В таком же ряду — «зооморфное» сравнение при описании сгибаемого лука в «Добрыне Никитиче» у того же певца: «Стал натягивать Добрыня тугой лук, / И заревел тугой лук, как лютые звери» (в казацкой былевой песне «лук, как лев, ревет. . . стрелы, как змеи, свищут»).

Но прозаическая версия былины об Илье Муромце, записанная на нижней Индигирке, содержит и формулу могучего потрясения, вызываемого стрелой: «Выдергивал из тулуну калену стрелу, натягивал тетивочку шелковую, штрелил во мать—ширу землю. Громы гремели, молнии сверкали, было землятресения». Такое описание для былинного эпоса вовсе не чужеродно. У Кирши Данилова: «А спела ведь тетивка у туга лука, / А дрогнет матушка — сыра земля / От тово удару богатырскова» (ср. и формулу, довольно привычную в былинах: «Мать — сыра земля да колыбается»). И хотя такое описание словно противостоит другим, «более реальным» изображениям в былинах, само его появление симптоматично: оно позволяет уловить, что поэтика былинного эпоса двухслойна. В ней слились «архаический» и «неархаический» компоненты изображения.

Поразительно интересно в судьбе былинного заклинания стрелы — его попадание в свадебную поэзию. Состоявшееся при этом преобразование хорошо уловимо в сибирской записи песни свадебного обряда:

Полети-ка, моя калена стрела,
Ты убей, моя калена стрела,
Лебедь белую на тихой воде,
Серу птицу под кусточком,
Красну девицу во высоком тереме.

Как отмечал А. А. Потебня применительно к точно такой же песне, мотив «молодец подстреливает лебедь» означает здесь «берет за себя девицу»,

т. е. «имеет символическое значение» [111]. Этим оттеняется предельно ясная метафоризация описания, как итог историко-поэтических изменений.

Словно завершив кругооборот, художественное изображение заклинания стрелы возвращается в обрядовый контекст, но уже в качестве метафорического иносказания. Перед нами на редкость выразительная историческая последовательность (именно последовательность, а не генетический ряд) поэтических состояний. Сибирско-дальневосточный фольклорный репертуар предоставляет благодатнейший материал для наблюдения за подобными процессами и поднимает над ними завесу.

* * *

А. Н. Толстой выразительно передавал впечатление, которое способны производить образцы сибирского (в данном случае — мансийского) фольклора: «. . .недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов. Одним из присутствовавших описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленьи шкуры, изображают один — самку оленя, другой — детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый изображает птичку, предупреждающую об опасности. Драма в том, что охотник бежит по следу оленьей матки с детенышем. Олени убегают со сцены и снова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемым. Олененок измучен и жмется к матери. Самка останавливается, чтобы передохнуть. Охотник догоняет и целится. В это время птичка пищит, извещая оленей об опасности. Олени убегают. Опять преследование, и опять охотник приближается, догоняет и пускает стрелу. Стрела попадает в детеныша. Детеныш не может бежать, жмется к матери, мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители. . . замирают, и в публике слышатся тяжелые вздохи и даже плач. И я по одному описанию *почувствовал, что это было истинное произведение искусства*» [112].

А вот характеристики, идущие от исследовательского восприятия В. Г. Богораза-Тана (речь идет о палеоазиатском фольклоре) [113]. Они, в сущности, о том же, хотя строго «этнологичны» и учитывают этнобытовую, воззренческую специфичность, а не только эстетический аспект.

О *своеобразии существ*, «населяющих» повествования палеоазиатов, Богораз-Тан говорит так:

> Перед нами являются чудовища морского, полярного типа; оборотни-тингипчики, которые летом плавают в море в виде свирепых дельфинов-касаток, терзающих китов, а зимою выходят на берег, обращаются в волков и нападают на оленьи стада; сверхъестественный белый медведь Кочатку с туловищем из мамонтовой кости; кит-шаман; ледяные великаны, дремлющие среди океана в одежде из белого пуха; герои-путешественники по дальним неведомым морям; борцы-богатыри, которые по северному обычаю для борьбы обнажаются до пояса на лютом январском морозе. . . (с. 52—53).

---

[111] *Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. — Варшава, 1887. — Ч. 2. — С. 286.

[112] *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч. — М., 1951. — Т. 30. — С. 147 (курсив наш. — *В. Г.*).

[113] *Богораз В.* Народная литература палеоазиатов// Литература Востока: Сб. статей. — Пг., 1919.

О вере в силу устно-поэтического слова:

У чукчей существует поверье, что сказка есть лучшее средство для того, чтоб успокоить бурю. И чукотский сказочник кончает свою сказку так: «Конец. Я убил бурю!..» (с. 54).

О поэтике одухотворения природы (автор говорит, что «во всей мировой литературе не знает более яркого ее выражения») — в отрывке из «шаманских видений» оленного шамана Коравии:

В речном яру живет обладатель — «хозяин», голос там существует и оттуда говорит. Маленькая серая плиска с синей грудью шаманит, сидя в углу между суком и деревом, и призывает своих духов. Дерево дрожит и плачет под ударами топора, как бубен под колотушкой... Все сущее живет, светильник умеет ходить, стены дома имеют свой голос... Шкуры, лежащие в мешках, на запас для торговли, разговаривают по ночам. Оленьи рога на могилах покойников ходят обозом вокруг могил, а утром становятся на прежнее место... Камни и деревья, реки и озера живут человеческой жизнью. Особенно звери подобны во всем человеку. Люди — такие же звери, звери — такие же люди. Горностай — это статный молодец в одежде из белого меха. Зато, с другой стороны, человеческий шаман вынет из-за пазухи свой амулет, горностаевую шкурку, и вдруг перекинется сам горностаем и скользнет из шатра... (с. 59—60)

И о «реальностном» аспекте *веры в силу слова:*

Палеоазиатские заклинания имеют самое реальное, я сказал бы, деловое применение. Путник сокращает при их помощи предстоящую ему дорогу, дровосек старается сделать дерево более податливым топору, даже сказочник, рассказывающий сказку, но внезапно «проглотивший ее конец», по чукотскому выражению, — шепчет про себя заговор, который должен помочь ему... (с. 61)

Тексты, публикуемые в книгах серии, представят читателю мифические картины того, как «опоясалась небом земля» и «первый прыжок совершил соболь»; увлекут описанием великанских поединков богатырей, защищающих «улусы [селения] солнца»; позволят ощутить древнюю мощь, пластичность, изобразительную красочность слова «прапесни». Несомненно, запомнятся читателям и бурятский батор, мчащийся тысячу верст, словно ястреб, слетевший с горы, и едущий под светло-голубым, лучезарным, благодатным небом якутский богатырь, чьи «вытянутые брови напоминают пару сложенных в длину серых горностаев», и хантыйская девушка «в бреднях, [украшенных] бисером, подобным ноготкам белки», и «златокаменный Алтай», по которому стелется, словно черный туман, дыхание боевого коня, и движение весел нанайской лодки, словно взмах крыльев чаек... Наверное, западут в память образы юкагирской песни — «Ко мне старость пришла. / Как упавшее дерево свалила меня» — или тофаларской, совсем иной по тональности — «Желтая росомаха скучает о своей земле, бойкий и русый скучает обо мне». Фенологической точностью и особенным весенним настроением поразит картина преобразующейся природы в корякской песне: «Ранней весною гагара над речкой пропела. По речке лед уходил. / Прилетела кукушка. Чавычи в реке показались. / Жаворонок пропел. Снега совсем не стало. / Кукушка закуковала. Земля зацвела» и многое другое.

III

Разностадиальное фольклорное богатство во многом сохраняется до сих пор в Сибири и на Дальнем Востоке в его исконных формах живого бытования.

Это не тот фольклор, с которым можно познакомиться лишь в письменном виде: по записям столетней давности или по отдельным фрагментам. Известно,

ценой каких усилий, потребовавших многих лет, удалось исследователю германского героического эпоса Андреасу Хойслеру высказать несколько гипотетических соображений об исторических путях развития и существования древнего повествования «Песни о нибелунгах». В Сибири и на Дальнем Востоке иная ситуация — здесь и в наши дни не прервана связь времен, фольклор сохранил в известной степени воздействие на умы, воззрения и чувства людей. Он и до сих пор слушается, сохраняя извечную пленительность и очарование своей поэзии.

Для науки, изучающей закономерности развития мирового фольклора, происхождение искусства художественного слова, музыки, театра, народно-прикладного и изобразительного творчества, Сибирь и Дальний Восток как уникальные фольклорные регионы Советского Союза располагают материалами бесценного качества. В них отражены устойчивость древних художественных традиций, многообразие их воплощения. В фольклорных материалах Сибири и Дальнего Востока, собранных исследователями более чем на 30 языках, — тысячелетняя история народной словесности, начиная с самых ее истоков и архаичных форм («прапесня», «прасказка» и пр.) до ее современных развитых, веками кристаллизовавшихся жанров.

Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока — это огромный пласт их культуры, ее основа, суть, плоть и кровь. В нем особый способ видения жизни, ее поэтического осмысления и преобразования в духе выношенных и бережно сохраняемых с древних времен идеалов красоты, добра и гармонии, в нем история народа во всей ее самобытности, здесь сокровищница эстетического опыта звероловов-охотников, рыболовов и скотоводов, концентрированное воплощение богатств народного языка.

Вместе с тем это целый мир, наполненный музыкой, редчайшими мелодиями, звуковыми образами вселенной и природы, искусно имитируемыми голосами птиц, зверей, рыб, животных, раздающимися порой возгласами, командными сигналами чабанов и табунщиков. Но фольклор богат и зрительными образами, создаваемыми исполнителем при помощи мимики и разных движений. Фольклор — это и лицедейство.

Музыка пронизывает почти все жанры сибирского и дальневосточного фольклора — не только поэтические (эпос, песня, обрядовые действа), но и прозаические (сказки, мифы, легенды и предания). Одно дело, когда зафиксированы только слова, совсем другое, когда слышишь эти выдающиеся творения в исполнении такого мастера, как Алексей Григорьевич Калкин (1925 г. рожд.). Он поет эти сказания низким гортанным голосом («каем») в сопровождении национального музыкального инструмента «топшура», звуки которого усиливают красочность текста неповторимыми музыкальными образами и ритмами, создают иную атмосферу восприятия эпоса — явления не только словесного, но и музыкального, и исполнительского искусства. Так же надо слышать и видеть исполнение якутского эпоса «Модун Эр Соготох» современным сказителем (олонхосутом) Василием Осиповичем Каратаевым, чтобы почувствовать все его своеобразие. В научной литературе разнообразие песенных партий олонхо впервые отметил А. Ф. Миддендорф, которому принадлежит первая запись олонхо «Эриедэл Мэргэн» (по его определению — сказка): «Отдельные роли в сказке, — писал он, — произносятся рассказчиком нараспев, так что я очень был удивлен, когда, проснувшись в глухую ночь, услышал у соседней юрты

резкое пение, которым я был разбужен. На мой вопрос: что это значит, мне ответили: „Это старик рассказывает сказку. Вот поет девушка... вот лошадь"»[114].

В. О. Каратаев бережно сохраняет традиции героического эпоса. В его исполнении олонхо «Модун Эр Соготох» несет зачатки устной народной драмы и народной «оперы». И прозаическая и напевная части имеют свою драматургию. Каждый персонаж имеет свою мелодическую вокальную партию.

У многих сибирских народов до сих пор бытуют заклинания, которые произносят охотники в честь духов — хозяев тайги, рек, гор и озер, а также гимны, посвященные «светлым», «благодетельным» божествам Верхнего (небесного) мира. Вот, например, с каким заклинанием человек обращается к медведю при нечаянной встрече с ним в тайге:

Господин дедушка,
Твою широкую дорогу я не топтал,
По твоему длинному пути
Не бродили ни я, ни мои предки,
Смягчи свой гнев!
. . . .
. . . .
О, если бы ты в глубь леса,
Как сквозь щель между досками, отодвинулся,
На ширину подошвы бы отодвинулся!
Как прекрасно было бы,
Если бы ты смягчился, подобно печени налима,
Подобно нежному меху соболя!

Это заклинание замечательно не только своим содержанием, но и тем, как оно исполняется. Все краски слов и напевов возникают из глубокой веры в силу «магических» слов. Как тут не вспомнить замечание А. М. Горького: «Не сомневаюсь, что древние сказки, мифы, легенды известны вам, но очень хотелось бы, чтобы основной их смысл был понят более глубоко. Смысл этот сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом «заговоров», «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы»[115].

Сибирская и дальневосточная сказка то и дело включает в себя песенные вставки, различные звукоподражания. В устах замечательной удэгейской сказочницы Намики Джукеновны Кялундзюги из с. Гвасюги района Лазо Хабаровского края миниатюрная сказочка повествует: девушка, принимая облик различных птиц, сопровождает на охоте своего возлюбленного, чтобы помочь ему преодолеть препятствия, выйти из сложных ситуаций и в каждом случае находить правильную дорогу к цели. При этом каждый раз, затрудняясь, охотник спрашивает: «Где дорога?» Обернувшись кукушкой, девушка Киляэ принимается петь и куковать, указывая тем самым верное направление. В этом месте сказочница имитирует кукование, да так, что, заслушавшись, вы словно оказываетесь в тайге.

---

[114] *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. — Спб., 1873. — Ч. 2, отд. 6: Коренные жители Сибири. — С. 806.

[115] *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. — Т. 27. — С. 306.

Вообще искусство звукоподражания, которым виртуозно владеет удэгейская сказочница, представляя образы кукушки, филина, маленькой совки, журавля и других птиц уссурийской тайги, свойственно многим сказочницам Сибири и Дальнего Востока — мастерам создания звуковых образов окружающей природы. У них своя эстетика, основанная на наблюдательности охотников, рыболовов, скотоводов, истинных знатоков тайги, озер, морей и океанов, домашних животных, окружающей флоры и фауны.

Важно сохранить и донести до читателя живое звучание фольклора чукчей, коряков, эскимосов, эвенов и юкагиров, воспроизводящих в мифических и обрядовых песнях не только разгоряченное дыхание бегущих оленей, но и ритмы танцующих чаек и умеющих передать даже слышимые образы плывущей нерпы. Нуждается в бережной передаче совокупность красок, интонаций, возгласов сказочника, располагающего самыми разнообразными актерскими средствами.

Искусством «театра одного актера» свободно владеет «баба Феня», Федосья Свиридовна Заяц из поселка Прудки Хабаровского края — из тех белорусов, которые прибыли на эту дальневосточную землю из Могилевской губернии в самом начале нашего века — в 1905 г. В ее сказке «Коза лупленая» участвуют дед, принадлежащая ему коза, затем в сюжет втягиваются лиса, «лявонный» (волк), кум Мишка-медведь, «индычка» (индейка), петух, «шершень» (шмель), и вся сказка наполняется не только замечательными песенными вставками, но и голосами всех этих зверей, домашних животных и птиц. Здесь налицо синкретизм: и мастерство устного сказа, и прекрасное пение, и театрализованные диалоги.

Первые ученые России, столкнувшись в начале XX в. с таким богатством и мощью самого разнообразного жизнепроявления сибирского и дальневосточного фольклора, почувствовали необходимость фиксации произведений устного творчества не только в словесном (вербальном) воплощении. Уже тогда они начали использовать изобретение века — фонограф. На фонографе им удалось записать фольклор якутов (Д. Н. Анучин, Я. Строжецкий), бурят (Б. Э. Петри), эвенков (И. И. Суслов, Н. М. Ковязин, С. М. и Е. Н. Широкогоровы), нивхов, негидальцев, нанайцев (Л. Я. Штернберг), коряков, алеутов, ительменов (В. И. Иохельсон). Ценность этих записей в том, что они осуществлялись в самую «золотую пору»: фольклор был тогда в силе и расцвете, не имел недостатка в своих выразителях — крупнейших творческих исполнителях, обладал полной монополией в духовной и поэтической жизни народа.

К сожалению, в последующие десятилетия сибирская и дальневосточная фольклористика стала работать преимущественно в стиле расчлененного восприятия и эдиционной подачи записанных материалов: фольклористы-словесники заботились только о вербальной стороне, фольклористы-музыковеды — только о музыкальной, словно забывая, что устное творчество народов есть явление многокомпонентное, нерасчленимое и неделимое. Даже тогда, когда на помощь пришла магнитофонная техника, ее более успешно стали использовать фольклористы-музыковеды, стараясь фиксировать материалы, содержащие особенности интонационно-музыкальной культуры народа. Но эта же техника в руках фольклориста-словесника использовалась лишь как удобный инструмент быстрой и полной записи содержания произведений; причем лента зачастую эксплуатировалась многократно: после перенесения слов на бумагу прежняя

запись с ленты стиралась и на ней записывались новые тексты. Последние записи на «заезженных» лентах оказывались столь низкого качества, что даже слова в них были еле различимы.

Однако перечисленные трудности не столь существенны. Достаточно изменить подход к явлениям фольклора и четко определить встающие перед фольклористами более высокие задачи.

Куда более серьезна угроза, нависшая в наши дни над национальными культурами народов Сибири и Дальнего Востока. Даже на самых отдаленных их окраинах все пришло в движение, буквально на глазах уходит почва, на которой возникло и могло еще сохраняться древнее, самобытное поэтическое творчество сибирских и дальневосточных народов. Все меньше становится мастеров устного художественного слова, лучшие из них, блиставшие еще в 1920—30-е и даже в послевоенные годы, ушли из жизни, оставив, правда, после себя выдающиеся творения национального эпоса, сказки, песни, мифы, легенды и предания в записях собирателей произведений народно-поэтического творчества.

Особенно велика опасность исчезновения культур малочисленных (от одной до нескольких тысяч человек) народностей — юкагиров, тофаларов, негидальцев и др. А ведь и в их фольклоре запечатлено, как совершенно верно отмечал академик А. П. Окладников, «эстетическое восприятие, которое создавалось, укреплялось, росло в течение тысячелетий, не просто веков — тысячелетий!» [116].

Обладая таким уникальным духовным, эстетическим богатством и вообще культурным опытом стольких наций и народностей и трезво оценивая угрозу, нависшую над всеми этими замечательными художественными ценностями, советская наука должна предпринять экстренные меры по сбережению и языка, и народного искусства, и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока для всей культуры нашей многонациональной Родины, для культуры всего человечества. В связи с этим приобретает большое значение активизация фольклористических работ. Фольклор играл и еще может сыграть помимо всего прочего и свою созидательную роль, особенно в сохранении языка. Как фольклор не может существовать и развиваться без языка, так и язык не может рассчитывать на свое спасение без фольклора, в котором за многие века скопился почти весь арсенал языковых средств, прошедших длительный процесс фильтрации и отбора их наиболее жизнеспособных сил, выразительных и изобразительных возможностей. Нужно спасать и то, и другое одновременно.

Важным звеном в решении многих задач явилась большая и разноплановая работа по организации и изданию многотомной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Организаторы серии поставили перед собой прежде всего задачу подняться на новый, более высокий уровень научного подхода и осмысления фольклора, преодолеть по мере возможности наметившийся разрыв между двумя направлениями фольклористики — филологического и музыковедческого, попытаться объединить их и найти приемлемые пути согласованной работы над подготовкой и изданием лучших образцов фольклорной классики двух уникальных в этом плане регионов нашей страны. Необходимо было отразить фольклор в его живом звучании, в слитности слова — музыки — исполнительского мастерства наиболее выдающихся скази-

---

[116] *Диалог* ученых// Декоративное искусство в СССР. — 1982. — № 8. — С. 27.

телей, песенников, сказочников, хранителей мифов, легенд и преданий, а также знатоков и исполнителей устной обрядовой поэзии.

Филологи-фольклористы обратились за содействием к Союзам композиторов СССР и РСФСР, их фольклорным и музыковедческим комиссиям, всесоюзной фирме грампластинок «Мелодия».

Открывшаяся возможность участвовать в этом научно-издательском предприятии вызвала среди ученых-фольклористов глубокое понимание. Они проявили решимость подчинить всю работу по подготовке к публикациям вершинных достижений национального фольклора трудным, но ответственным задачам и требованиям, разработанным применительно ко всей серии «Памятников». Так без особых трудностей был найден общий язык между всеми фольклористами, музыковедами, этнографами и лингвистами, изъявившими желание включиться в совместную работу над серией.

Лучшие произведения отбирались из богатейших центральных и местных архивных фондов, в которых содержались замечательные, большей частью неопубликованные, а также опубликованные коллекции таких собирателей фольклора, как П. А. Ровинский, А. А. Савельев, А. А. Макаренко, Г. Н. Потанин, С. И. Гуляев, М. К. Азадовский, И. А. Худяков, В. И. Иохельсон, Э. К. Пекарский, Л. Я. Штернберг, В. В. Радлов, В. Г. Тан-Богораз, М. Н. Хангалов, Ц. Ж. Жамцарано, Н. Ф. Катанов, Г. У. Эргис, С. С. Суразаков. Кроме того, использовались материалы многочисленных фольклорных, этнографических, лингвистических и этномузыковедческих экспедиций, предпринимавшихся с конца XIX в. и на протяжении почти всего XX в.

Одним из принципов подготовки серии фольклорных памятников является максимальное отражение особенностей ж и в о г о, устного бытования сибирского и дальневосточного фольклора. В этих целях используются накопленный наукой XIX—XX вв. опыт собирания, изучения и публикаций его лучших образцов, а также результаты собирательской деятельности последних десятилетий. Все перечисленное подчиняется задаче более полно передать единство слова — музыки — исполнительского мастерства и самобытного этнокультурного контекста.

Решить данную задачу можно было, лишь осуществив новый подход к научному осмыслению и публикаторской подаче фольклорных произведений, а также развернув дополнительные к о м п л е к с н ы е экспедиции по тщательно продуманной научно-исследовательской программе. В соответствии с этой программой в первую очередь надо было заново обследовать все районы Сибири и Дальнего Востока, ликвидировать «белые пятна», получить новые материалы и сопоставить их с записями прошлых лет, установить моменты развития или потерь в современном бытовании фольклорных памятников. В ряде случаев оставались неясными, неучтенными некоторые жанры, особенно у народностей Севера и Дальнего Востока, формы их существования и функционирования. Наконец, следовало пополнить список выдающихся фольклорных исполнителей всех народностей, проживающих в этом обширном регионе, представить науке их богатый репертуар для дальнейших исследований, теоретических выводов и обобщений.

Необходимо было обеспечить техническое качество записей посредством применения современной высокочувствительной звукозаписывающей аппаратуры в стереофоническом режиме, а также метода многомикрофонной фиксации

устных произведений. Без этого поставленные задачи оказались бы невыполнимыми.

Особая роль отводится прилагаемой к каждому тому грампластинке: она должна сделать серию фольклорных памятников з в у ч а щ е й (не только в песенных жанрах, но и в прозаических), позволит услышать тексты на редчайших языках и живом исполнении талантливых певцов и сказителей, ощутить их повествовательное и интонационно-мелодическое искусство. Кроме того, можно будет познакомиться с такими специфическими музыкальными явлениями, которые не поддаются передаче ни буквами, ни нотами («голосо-свист», специальные вибрирующие призвуки — «кылысахи», как бы «орнаментирующие» протяжные песни, искусство игры на бубне или на «чирикающей трубке» — «кингуля чикчи», различные виды «горлохрипений» на вдох и выдох и т. п.). Наконец, грампластинка необходима для большей достоверности научной публикации фольклорных источников.

В круг задач комплексных экспедиций органически входил также сбор фотоиллюстративных материалов национальной культуры и явлений, образующих естественную среду бытования фольклора (фотопортреты носителей живой устной художественной традиции, произведения народно-прикладного, декоративного и изобразительного искусства, этнобытовые реалии, играющие активную роль в развитии национальных сюжетов, образных характеристиках, различных метонимиях, сравнениях, метафорах и т. п.).

* * *

В 1984—1989 гг. сектором фольклора народов Сибири Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР совместно с научно-исследовательскими институтами Сибири, Дальнего Востока, Москвы и Ленинграда с привлечением фольклористов, музыковедов из Союзов композиторов СССР и РСФСР и специалистов всего творческо-производственного объединения «Фирма Мелодия» было осуществлено шесть комплексных фольклорных экспедиций: в 1984 г. — по автономным областям и республикам Южной Сибири (Горно-Алтайская, Хакасская автономные области и Тувинская АССР), а также на территории Бурятской АССР, Усть-Ордынского и Агинского бурятских автономных округов Иркутской и Читинской областей; в 1985 г. — по Хабаровскому и Приморскому краям (в местах проживания нанайцев, удэгейцев, негидальцев, нивхов, русских, украинцев, белорусов, евреев); в 1986 г. — по юго-западным районам Якутской АССР (эвенки, якуты), в 1987 г. — по ее северным районам (долгане, эвены, юкагиры, якуты, русские); в 1988 г. — по Красноярскому краю, Иркутской области, Бурятской АССР (сбор дополнительных материалов к томам русского фольклора); в 1989 г. — по Магаданской области и Чукотскому автономному округу (фольклор чукчей и ряда других северных народностей).

Следующие комплексные фольклорные экспедиции согласно плану будут проводиться в 1990-е гг.

В результате экспедиций 1980-х гг. осуществлено свыше 3 тыс. записей фольклорных произведений, собрано 2 тыс. фотосюжетов для научных иллюстраций. Накоплен большой фонд фонозаписей, почти к 50 томам серии. Наработан-

ный в экспедициях фоно- и фотоиллюстративный материал продублирован, переписан и передан научно-исследовательским институтам Сибири и Дальнего Востока, что позволит многим поколениям ученых и работников культуры, композиторам, художникам, деятелям литературы, театра, кино, радио и телевидения продолжить работу по изучению и пропаганде устной словесности и музыкального творчества наций и народностей этих двух больших регионов нашей страны.

Многонациональный фольклор Сибири и Дальнего Востока принадлежит народам, прошедшим разные стадии исторического развития, и в каждом отдельном случае исключительно самобытен и разностадиален. Следовательно, отбор и подача текстов и их научная интерпретация должны строиться на дифференцированном конкретно-историческом подходе в полном соответствии с историческим опытом социального и духовного развития каждого из этих народов.

Экспедиционные исследования последних лет еще раз показали, что в Сибири и на Дальнем Востоке у одних народов довольно сильные художественные традиции в эпосе (русский, алтайский, бурятский, тувинский, хакасский, шорский, эвенкийский, эвенский, якутский фольклор), у других они менее развиты, а некоторые вообще не знали этого рода устного творчества. Зато у всех народов богато представлены сказки, песни, обрядовая поэзия. Интересные коллекции собраны для томов мифов, легенд и преданий.

В период фронтального обследования современного состояния эпоса удалось собрать обширный материал, касающийся русской эпической традиции в специфических условиях проживания русского населения в разных районах Сибири и Дальнего Востока. Образцы этой поэзии в прошлом фиксировались, да и сейчас записываются исследователями в Кургане и Притоболье, в Прииртышье, на Алтае и в Приангарье. Но самый значительный и ценный в научном отношении материал был получен на Колыме и Индигирке. Именно на эти отдаленные районы Севера приходится $^1/_3$ всех произведенных в Сибири и на Дальнем Востоке записей эпоса. Русские эпические песни были занесены в Сибирь из разных мест Европейской России, главным образом с Русского Севера.

Значение сибирских версий и вариантов общерусских былин (называемых здесь то «стари́ной», «стари́нкой», то «бывальшиной») состоит не только в том, что многие из них живо сохраняют связь с эпосом Европейской России, но и в том, что некоторые из них оказались впервые записанными и открытыми наукой именно в Сибири, в местах нового проживания их носителей. Среди этих записей есть и уникальные, свидетельствующие о бережном сохранении в памяти народной русского эпоса — не только на протяжении XIX—XX столетий, но даже с XVI—XVIII веков!

По числу и богатству оригинальных сюжетов сибирские записи занимают второе место после Русского Севера и отражают значительную часть репертуара всей русской эпической традиции. Ныне ни одно исследование по русскому эпосу не будет репрезентативным без привлечения и учета сибирского былинного материала.

Былина в Сибири и до сих пор нередко звучит в той же традиции, в какой она исполнялась в далеком прошлом, когда она п е л а с ь, а не рассказывалась. Образцами именно такой былины являются многочисленные сибирские «старинки» об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и другие, с которыми познакомят читателя публикуемый в серии том «Русская эпическая

поэзия Сибири и Дальнего Востока» и прилагаемая к нему грампластинка.

И в наши дни функционирует эпос алтайского, хакасского, тувинского, эвенского, эвенкийского, нганасанского и других народов. В экспедициях были записаны образцы сказаний (некоторые из них в несколько тысяч стихотворных строк) от крупнейших сказителей Сибири: алтайские — от Алексея Григорьевича Калкина, Салдыбая Ивановича Савдина, Табора Анушкиновича Чачиякова; хакасские — от Петра Васильевича Курбижекова, Семена Прокопьевича Кадышева, Петра Федоровича Ульчугачева; тувинские — от Кавкай Албанчиевича Сат, Чанчи-хоо Чапаажиковича Ооржак; якутские — от Семена Григорьевича Алексеева, Василия Осиповича Каратаева; эвенкийские — от Дмитрия Алексеевича Пудова, Анфисы Павловны Авеловой, Петра Елисеевича Марфусалова и др.

От эвенской сказительницы Варвары Михайловны Голиковой из с. Тополиного Томпонского района Якутской АССР был записан многочасовой эпос «Старик Герини и его сыновья Осини и Хиняни», а от Дарьи Михайловны Осениной из того же села — «Богатырь Менгнуни», в которых разворачиваются величественные картины борьбы нескольких поколений эвенских богатырей за торжество рода. Как и якутские мастера, обе сказительницы владеют замечательным музыкально-драматургическим искусством индивидуализации эпических персонажей.

Бурятский героический эпос — один из самых крупномасштабных в Сибири, его исполняли такие самобытные улигершины, как Маншуд Имегенов, Елбон Шалбыков, Пёохон Петров, Парамон Дмитриев, Папа Тушемилов, Альфор Васильев и др. Однако он оказался в очень драматическом положении, поскольку при собирании его образцов, начатом еще в 1903 г., эти уникальные творения, к сожалению, не были зафиксированы в фонозаписях. Многое сделали бурятские фольклористы, чтобы оставить потомкам богатейший эпический репертуар сказителей, но лишь в 60-е гг. ничтожно малое количество образцов было записано на бытовых магнитофонах, имеющих низкое качество звука. Поэтому звукоиллюстрации бурятских традиций исполнения эпоса, включенные, тем не менее, в прилагаемую грампластинку к тому «Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн», дают лишь общее (типологическое) представление о музыкальной стороне бурятских сказаний — улигеров.

Исключительно самобытные памятники эпического творчества записаны у нивхов, нанайцев, ульчей, шорцев, чукчей. Они будут продемонстрированы в соответствующих томах серии. Кроме того, в тома серии войдут произведения архаического эпоса, — как, например, *настунды*, записанные у сахалинских нивхов Л. Я. Штернбергом и опубликованные им еще в 1908 г.

У некоторых народов Сибири и Дальнего Востока развит особый род устной прозы, который тяготеет к жанру героической сказки. Это наблюдается в жанрах сказок — в якутских *остуоруйа*, бурятских *онтохонах*, алтайских *чэрчок*, тувинских *тоолах*, хакасских *чазаг нымах* («пеших сказках»), нанайских *нингманах*, ульчских *нингма*, удэгейских *ниманку*, нивхских *нызит*, негидальских *тэлунма*. В Хакасии удалось записать сказку «Похты Кирис», исполненную Б. В. Коковым в национальной гимнической манере «хай» в сопровождении семиструнного чатхана. Она представляет большой научный интерес (подобно тувинской богатырской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» в исполнении М. С. Хертек), поскольку живет в сходных музыкальных формах с крупными эпическими сказаниями.

Сказка у сибирских и дальневосточных народов изобилует песенными вставками, мелодиями и напевами, исполняется порой в речитативной манере. Но удивительно не это, а то, что иногда она поется он начала до конца. Образцы таких сказок читатель может встретить, например, в томе «Тувинские народные сказки», поставив для прослушивания прилагаемую к нему грампластинку.

Особый пласт фольклора народов Сибири и Дальнего Востока составляет обрядовая поэзия, так же достойно представленная в томах серии по материалам всех предыдущих и недавних фольклорных экспедиций.

В 1986 г. перед участниками летней экспедиции в Сунтарском районе Якутской АССР во всем богатстве разнообразия предстал нестареющий вид старинной обрядовой поэзии якутов *осуохай*, генетически, возможно, связанный с бурятским *асоо наадан*. Осуохай проходил также в Алексеевском и Вилюйском, Верхневилюйском и Ленинском районах Якутии, где тоже произведено немало записей. Но за два дня на летнем празднике Ысыах в Сунтаре было записано, вероятно, втрое больше, чем во всех других районах, вместе взятых. Один за другим возникали хороводы, к которым присоединялись все новые и новые участники. Стояли жаркие дни, жара не спадала и в светлые сунтарские ночи. А осуохай не умолкал — его раскатистые напевы-вторы «от зари до зари» оглашали зеленые рощи и покрытые коврами цветов поляны. Все это время фольклористы, применяя метод многомикрофонной записи, неотступно следовали за запевалами, стараясь качественно фиксировать каждое слово, каждый нюанс их музыкально-мелодического интонирования и варьирования.

Немалый интерес для науки представляют изменения древнего жанра в современных условиях. Не только наступление лета, но и любой праздник, любое торжество, в котором участвует масса народа, — повод для осуохая. Осуохай синкретичен, он сочетает песенное начало с хороводно-танцевальным круговым движением со сменой темпа и ритма. Хореография ли подчиняет лирическую песню или песня подчиняет хореографию — сказать трудно, настолько взаимопроникли друг в друга эти равносильные компоненты. Запевалой может стать не каждый поющий, а только тот, кто одновременно обладает сильным и красивым голосом, умением импровизировать и, естественно, незаурядным поэтическим даром. Это — своеобразное поэтическое состязание, выявляющее наиболее талантливых исполнителей песен в жанре осуохая.

Импровизация позволяет запевалам помимо исполнения обязательных традиционных мотивов чутко реагировать на события современные. На ысыахе в Сунтаре из уст запевал можно было слышать исключительно образные импровизации. Эти народные новации, совершенно естественно и гармонично наполняющие новым содержанием древнейшие формы осуохая, наглядно показывают суть движения жанра, его эволюцию.

В Вилюйском и Верхневилюйском районах мастера традиционных якутских *алгысов* (обрядовых посвящений, различных благопожеланий) сохраняют в памяти заклинания духов *айыы* (мифологическим божествам), покровителей кузнецов, богини Айыысыт — покровительницы крупного рогатого скота, не забывают и обряды обращения рыбака к духам — хозяевам местных рек и озер, а также посвящения в кузнецы. Некоторые

алгысы по-новому звучат при проведении в современных условиях праздничных, трудовых, семейно-бытовых и свадебных обрядов.

Прекрасны якутские мифы (например, о борьбе первопредка с шаманом, о превращении в стерха заблудившейся в лесу красивой девушки), легенды и предания (о переселении якутов в районы их нынешнего проживания и др.).

Материалы комплексных экспедиций последних лет свидетельствуют о заметной роли импровизационного начала в фольклоре и других народов Сибири и Дальнего Востока. Особенно это относится к песенным жанрам — удэгейским *ехый*, нанайским *дярин*, ульчским *яя*, нивхским *лу*, негидальским *ихаян*. Основой импровизационных напевов остаются традиционные мотивы и мелодии, однако именно хорошее знание структуры древних национальных интонационных систем позволяет современным исполнителям народных песен вносить в них новые краски и содержание.

Красивы, лиричны эвенские народные песни (*икэн*) об окружающей природе, озерах и реках, богатых рыбой, птицах, которые поют «для людей, встающих рано утром», о людях прошлого, оставивших свой след в благодарной памяти народа, о сватовстве, рождении детей. Не менее красивы образцы обрядового песенно-танцевального искусства (*хэдьэ, дьяхурьиа, духэ*) с их вторами, с движениями, подобными колыханию деревьев и трав, с образами природы (птиц, животных), ансамблевым горлохрипением, имитирующим звучное дыхание бегущих оленей. Замечательно искусство имитации у народных исполнителей: так, в нимкане «Про серого большого оленя», исполненном Е. А. Даниловым, искусно переданы голоса рыси, оленя, волка и орла. В Аллаиховском районе Якутской АССР (пос. Чокурдах) песенница Е. В. Дуткина с большим мастерством пропела «Колыбельную» (*бэбэкэн*), в которой волчица предостерегает детеныша об опасностях, ожидающих его, когда он будет охотиться на дикого оленя.

В научном плане весьма ценны записанные из уст ульчской сказительницы и песенницы Индикэ Гавриловны Вальдю фрагменты древнего обряда — ритуала, посвященного «медвежьему празднику». С помощью оригинального национального инструмента *удзядя* (представляющего собой две деревянные опорные треноги с подвешенным на них поперечным бревном) она и Ч. Г. Вальдю создавали ритмический рисунок, на фоне которого развертывалось ритуальное песенное повествование — явление, имеющее огромное значение для реконструкции одного из образцов ульчской национальной культуры, к сожалению не дошедшего до нас в цельном, первозданном виде.

Наибольшие опасения вызывает сохранность юкагирского фольклора. Юкагиры — одна из самых малочисленных народностей севера нашей страны. Всего их около 600 человек, из них, например, в с. Нелемном Верхнеколымского района 150 человек, а в Андрюшкино Нижнеколымского — 250. Процесс вовлечения окраинных районов в единую народнохозяйственную систему чувствительнее всего сказывается как раз на таких небольших по численности народностях. Осталось ли у них что-то от традиционного устно-поэтического творчества? Живы ли его носители?

Казалось бы, уже нечего рассчитывать на сколько-нибудь серьезные результаты в сборе оригинальных произведений устной народной поэзии юкагиров. И эти опасения небезосновательны. Тем не менее в двух юкагирских районах записано 227 фольклорных произведений — почти столько же, сколько в шести эвенских и якутских районах во время IV фольклорной экспедиции 1987 г. по северу Якутии.

Фольклор юкагиров начали собирать давно. Значительное количество его образцов еще в конце прошлого века зафиксировал В. И. Иохельсон, немало собрано и в советский период. Но лишь в 1987 г. этот уникальный материал — 175 великолепных образцов юкагирских песен — записали в живом звучании. До сих пор науке не были известны особенности музыкально-интонационной культуры юкагиров и не существовало ни одной записи мелодии. Разнообразен видовой состав песенного фольклора *йахтэ*: это и воспевания близких родственников, знакомых, друзей, известных односельчан, почитаемых предков, и свободные импровизации (*мумны йахтэ*), и колыбельные песни (*бэйу йахтэ*), а также песни о любви, о животных и птицах. Песня занимает господствующее положение во всем строе юкагирского фольклора, она сопровождает сказки (*льальальу* «пение в сказках») и разные жанры несказочной прозы, на равных участвует в древнем обрядовом танце *лондол*.

Особенно выделялись репертуаром и мастерством такие исполнители, как А. В. Курилова, А. С. Третьяков, Е. И. Тымкыль. Записанные от них народные произведения станут теперь объектом глубоких научно-фольклористических и музыковедческих исследований.

Тундренные юкагиры живут в окружении разных народностей. Поэтому среди старшего поколения, и в частности среди носителей фольклора, нередко можно наблюдать своеобразный полилингвизм, точнее, знание пяти языков: русского, якутского, эвенского, юкагирского и чукотского. Юкагиры, например, исполняли не только свой, но и эвенский и чукотский фольклор, а эвены — юкагирский, чукотский и др.

Экспедиции 1980-х гг. по Сибири и Дальнему Востоку показали, что ученым — собирателям фольклорных произведений — рано опускать руки, что еще не иссякла оригинальная устная поэзия даже таких небольших по численности народностей, как удэгейцы, ульчи, негидальцы, нанайцы, нивхи, эвены, юкагиры, долгане. Вопреки всему, она продолжает жить, сохраняя древнюю память и культурные завоевания веков, все еще звучит в полярной ночи, при свете костров охотников и рыбаков, на дальних оленеводческих и чабанских стоянках, в тиши семейных вечеров. К сожалению, все меньше остается талантливых певцов и сказочников, уходят они из жизни. Но велико у этих народностей стремление к сохранению своей национальной культуры.

Добытые в экспедициях материалы ценны как для фольклористики, так и для этномузыковедения. Благодаря им расширились наши представления о мелодическом фонде народов Сибири и Дальнего Востока. В Якутии, Бурятии, Хакасии, Горном Алтае выявлены различные интонационные традиции в плане их родоплеменной характеристики, которые позволяют выделить специфические напевы, характерные для вилюйских якутов, с одной стороны, и северных — с другой, или отличить мелодии

эхирит-булагатов, аларцев и боханцев от мелодий хоринских и агинских бурят, в Хакасии — сагайские от кызыльских, а последние — от качинских, улаганские напевы алтайцев — от кош-агачских, усть-канские — от онгудайских и т. д. Все это свидетельствует о богатстве и разнообразии устной словесной и мелодической культуры сибирских и дальневосточных народов.

Раньше мы знали о четырех типах тувинского горлового пения. Теперь их число выросло до восьми, поскольку в процессе экспедиционной работы были выявлены смешанные, «переходные» приемы.

В образцах песенного и обрядового фольклора народов Сибири и Дальнего Востока поражает обилие необычных красок и звуков. Материалы экспедиции красноречиво говорят о неразрывности устных поэтических традиций с бытовой и производственной обрядностью. Есть в фольклорных произведениях образцы чисто функциональных интонаций, связанных со скотоводческим, охотничьим, рыболоведческим бытом. Интонационно-песенная культура многих народов изобилует специфическими возгласами, например, погонщиков табуна, заклинаниями, произносимыми на охоте в тайге или во время рыбной ловли на море, звукоподражаниями маралу, кабарге, горному козлу, различным птицам и рыбам.

Материалы экспедиций дают возможность фольклористам, этномузыковедам, этнографам исследовать культуру народов Сибири и Дальнего Востока во всем ее многообразии и единстве.

* * *

Фольклор всегда был неиссякаемым источником живительных сил для профессионального искусства. Об этом свидетельствуют лучшие национальные творения народов Сибири и Дальнего Востока в области оперного, драматического, изобразительного, народно-прикладного и декоративного искусства, симфонической музыки, литературы, кино и телевидения.

Вот частный пример естественного продолжения жизни героической эпики и исторических песен, их возрождения в новой сфере современного искусства. У подножия высоких гор в Сут-Хольском районе Тувинской АССР участников фольклорной экспедиции 1984 г. заинтересовал внешне незатейливый памятник. На ровной площадке у самого основания хребта возведена из камня приземистая белая тувинская юрта, опоясанная национальным орнаментом, на ее верхней части возложен богатырский лук, увенчанный выразительно установленным громадным колчаном со стрелами. Если от этой юрты поднять глаза вверх, то на самой вершине горы-исполина на фоне синего неба и проплывающих облаков можно увидеть силуэт мчащегося во весь опор всадника. На расстоянии и памятник, и всадник сливаются в единый монументально-художественный комплекс. Он посвящен 60 богатырям, более ста лет назад (1883—1885) поднявшим в долине Хемчика восстание против колониального и феодального гнета. Эпическая память об этом событии присутствует во многих жанрах тувинского фольклора. И в данном случае свой замысел претворил в жизнь не заезжий знаменитый скульптор, а обыкновенный сварщик Ортун Сарыглар из совхоза «Алдан Маадыр» («Шестьдесят богатырей»), влюбленный в устную поэзию родного народа.

Для большинства народов Сибири и Дальнего Востока фольклор сыграл огромную созидательную роль в становлении и развитии национальных литератур. Этому способствовал ряд факторов. Среди них первостепенное значение имело то внимание к фольклору, которое было проявлено В. И. Лениным, первым отметившим на заре Советской власти неудовлетворительное состояние, в каком пребывало собирание и изучение произведений устного народного творчества. Ленинское отношение к духовному наследию народов России было созвучно высокой оценке устного народного творчества, во многих статьях, письмах и высказываниях А. М. Горького и особенно отчетливо и программно прозвучавшей в его речи на I съезде советских писателей в 1934 г., имевшем большое значение в зарождении и здоровой направленности многих национальных литератур СССР: «Повторяю: начало искусства слова в фольклоре, — говорил он, — собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его» [117].

Такой подход к фольклору был поддержан наукой — советской фольклористикой, набиравшей в те годы силу и расширявшей свое влияние на процесс культурного возрождения страны. Один из крупнейших советских ученых-фольклористов В. Я. Пропп подчеркивал: «Многие из песен героического эпоса народов СССР по своей художественности и мастерской разработке деталей могли бы иметь мировое значение, если бы были лучше известны. Фольклор когда-то бесписьменных народов служит одной из основ, на которой создается позднейшая национальная литература» [118].

Опора на фольклор стала отличительной особенностью всех литератур народов СССР, — и тех, которые имели в дооктябрьский период свою письменно-художественную предысторию, и тех, кто только осваивал азы литературного творчества.

Устное народное творчество сыграло огромную роль в становлении многих литератур народов Сибири и Дальнего Востока. Всем им был свойствен ранний этап развития, в котором господствовал переходный, промежуточный «фольклорно-литературный» художественный метод. В результате читатели получили бесчисленное количество различных переложений, литературных обработок наиболее популярных в народе жанров и произведений устного поэтического творчества. С подобных переложений начинали свое творчество Х. Намсараев, Б. Абидуев, С. Туя, А. Хамгашалов, А. Шадаев — в бурятской литературе, В. Никифоров, А. Сафронов, П. Ойунский, С. Эляй, А. Кудрин, И. Гоголев, Д. Ефимов, И. Данилов — в якутской, П. А. Чагат-Строев, П. В. Кучияк, Ч. Енчинов, Л. В. Кокышев, — в алтайской, С. Артонов — в хакасской, С. Тока — в тувинской и т. д.

В последние десятилетия появление многих ярких талантов, представителей группы новописьменных литератур (чукотской, эвенской, эвенкийской, эскимосской, долганской, ненецкой, корякской, юкагирской, мансийской, хантыйской, удэгейской, нанайской, нивхской) невозможно объяснить без учета огромного художественного опыта национального

[117] *Горький А. М.* О литературе. — М., 1953. — С. 729.
[118] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. — М., 1959. — С. 54.

фольклора, который в преобразованном виде предстает в творчестве таких писателей, как Ю. Рытхэу, А. Кымытваль, Ф. Тынэтэгын, В. Лебедев, Н. Тарабукин, А. Немтушкин, Х. Ненмомкин, О. Аксенова, Т. Вылко, Л. Лапцуй, В. Ледков, В. Коянто, Т. Одулок, С. Курилов, Ю. Шесталов, Е. Айпин, П. Пунух, М. Шульгин, Д. Кимонко, В. Т. Кялундзюга, Г. Ходжер, А. Самар, А. Пассар, В. Санги, А. Бажанов и многие другие.

Характерно, что в творчестве большинства перечисленных писателей новейшего периода взаимодействие фольклора и литературы предстает в утонченной форме. Оно вышло за пределы прежних переложений и литературных обработок, и связь с фольклором более опосредована и в какой-то степени приближается к уровню осмысления и замечательной технике использования устных народных сюжетов, которую демонстрирует Ч. Айтматов. В этой связи бесконечное чередование и многообразие различного рода лирико-философских литературных жанров — притч, «легенд, создающихся заново», «сплав эпоса и житейских реалий» (В. Санги) [119] на уровне высокой психологической прозы, где элементы народно-поэтического сознания тонко и на высоком уровне взаимодействуют с развитой литературно-письменной традицией. Многие произведения перечисленных писателей представляют нечто вроде литературной сказки-мифа, как, например, повесть Ю. Рытхэу «Когда киты уходят» с мифом о Нау, прародительнице береговых чукчей, со всеми атрибутами народного сказа: испытание героев, неминуемая гибель в морской пучине и чудесное спасение китами. События и конфликты «Женитьбы Кевонгов» В. Санги овеяны дыханием и ароматом нивхских героических сказок — «настундов», но это нечто более значительное, чем память о родном фольклоре. И разве можно не отдать должное нивхской легенде, услышанной Ч. Айтматовым от В. Санги, которая так мастерски была использована киргизским писателем в его повести «Пегий пес, бегущий краем моря»?

Героические, исторические и лирические песни — это те истоки, откуда брало силы оперное искусство народов Сибири и Дальнего Востока. На базе их были созданы произведения, ныне составляющие основу национального театрального репертуара в области оперы и музыкальной драмы: «Энхэ Булат баатор» (либретто Н. Балдано, композитор М. Фролов), «Баир» (текст А. Шадаева и Г. Цыденжанова, композитор П. Берлинский) — у бурят; «Нюргун Боотур Стремительный» (либретто Д. Сивцева, музыка М. Жиркова и Г. Литинского), «Лоокуут и Нюргусун», «Сыгый Кирынастыыр» (музыка М. Жиркова и Г. Литинского) — у якутов; «Чанар-Хус» (композитор А. Кенель) — у хакасов и многие другие; в области балета: «Красавица Ангара» (музыка Б. Ямпилова и

[119] Дружба народов. — 1978. — № 1. — С. 257.

Л. Книппера) — у бурят, «Полевой цветок» (музыка М. Жиркова и Г. Литинского) — у якутов, «Золотая кисточка» — у алтайцев; в области изобразительного, народно-прикладного и декоративного искусства: «Буха-нойон» И. Дадуева, «Гэсэр в зыбке» Р. С. Мэрдыгеева, «Шоно-Батор» Ф. Балдаева, «Прошлое» Д. Дугарова, цикл иллюстраций к «Гэсэру» А. Сахаровской, «Аламжи Мэргэн» И. Старикова, фреска «На земле Гэсэра» А. Цыбиковой — у бурят; «Витязь с невестой» П. Романова, «Якутия в народном эпосе» М. Носова, серия «Сказители» Э. Сивцева, иллюстрационная серия В. Васильева к эпосу «Нюргун Боотур Стремительный» и к «Мюлдю Силачу» П. Романова — у якутов, чеканка по мотивам эпоса В. Тодыкова — у хакасов; «Хан-Алтай» (Озеро горных духов)», «Корона Катуни» Г. Гуркина, «Вечер», «Сны дикарки», «Алтайцы на берегу Телецкого озера», цикл иллюстраций к 11-томному изданию «Алтайские богатыри», и к книге алтайского эпоса «Маадай Кара» И. Ортонулова — у алтайцев и т. д.

Выйдут в свет тома серии и предстанет во всем многообразии фольклорная классика народов Сибири и Дальнего Востока. Станет она достоянием не только читателя, но и бесценным материалом для науки и развития всей многонациональной советской культуры.

Отечественная фольклористика предпринимает такое масштабное издание впервые. Не все трудности, встречавшиеся на пути научной подготовки серии, удалось успешно преодолеть и разрешить. Однако начало издания лучших образцов фольклорной классики народов Сибири и Дальнего Востока положено, и если серия поможет читателям расширить и углубить свои представления о поэтических сокровищах, которыми располагают два обширных региона нашей страны, то основную ее задачу можно будет считать выполненной.

* * *

Академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» — одна из крупных научно-издательских программ Сибирского отделения АН СССР и Советского фонда культуры. Ее реализация возложена на головное научное учреждение — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. В подготовке серии участвуют Бурятский институт общественных наук Бурятского научного центра, Якутский институт языка, литературы и истории Якутского научного центра, Институт археологии, этнографии и истории народов Дальнего Востока Дальневос-

точного отделения АН СССР, Горно-Алтайский, Тувинский и Хакасский научно-исследовательские институты языка, литературы и истории, академические институты Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Таллинна, более 20 высших учебных заведений Государственного комитета по народному образованию при Совете Министров СССР, Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, Министерств культуры СССР и РСФСР, Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству Союза композиторов СССР, комиссия музыковедения и фольклора Союза композиторов РСФСР и фольклорная комиссия Сибирской организации Союза композиторов РСФСР.

Производство грампластинок (приложений к томам серии) осуществляется Всесоюзным творческо-производственным объединением «Фирма Мелодия».

В состав ответственных редакторов и авторских коллективов томов серии входят видные советские фольклористы, известные своими научными трудами и публикациями произведений устного народного творчества не только у нас в стране, но и за рубежом.

Общее научно-методологическое руководство подготовкой серии осуществляется Отделением литературы и языка АН СССР, Научным советом по фольклору АН СССР, Объединенным ученым советом по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР и редколлегией серии.

В. М. Гацак
А. П. Деревянко
А. Б. Соктоев

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

Эвенки — один из малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Они расселены небольшими островками на огромной территории от правобережья средней Оби на западе до Охотского моря на востоке, от лесотундры между Енисеем и Леной на севере до Ангары и Амура на юге.

По последней переписи (1989 г.), в СССР проживает 30 908 эвенков. Эвенкийский язык относится к северной ветви тунгусо-маньчжурской группы языков и имеет три наречия: северное, южное и восточное, каждое из которых состоит из многих говоров. Несмотря на большую территориальную разбросанность и наличие в языке наречий и говоров, эвенки разных групп могут общаться между собой на родном языке. Повсеместно, где сохраняется эвенкийская языковая среда, продолжает существовать и фольклор, обладающий большим разнообразием жанров.

Наиболее значительным из всех жанров эвенкийского фольклора является героическое сказание: *нимнгакан* — у эвенков Якутии, Приамурья, *нимкан* — у сахалинских, *улгур* — у забайкальских. У других групп эвенков термином «нимнгакан» называют как героические сказания, так и все виды сказок и мифов.

Материалы собирателей эвенкийского фольклора и отдельные его публикации свидетельствуют о том, что героические сказания бытуют не во всех регионах проживания эвенков. Наиболее полные записи этих сказаний были сделаны от восточных эвенков, проживающих на территории Якутской АССР, Амурской и Сахалинской областей и Хабаровского края.

В 1775 г. И. Георги опубликовал в переводе на немецкий язык эвенкийское сказание о Долодае, которое в то время было широко известно у эвенков: «Они развлекались пением и рассказыванием его» (цит. по: [5, с. 233]), из чего можно заключить, что сказание сочетало в себе песенные части с прозаическими, как это бывает в эпосе многих народов. При этом он отмечал, что имена героев — Долодай (букв.: «Властитель гор»), Арсалан-Бакши, из которого могло образоваться имя Арсалун (букв.: «Учитель львов») — монгольские по происхождению [Там же]. В предисловии к своей публикации И. Георги подчеркивал, что у эвенков «в большом ходу пение, правда, несколько однообразное, но довольно

приятное», что «в их песнях идет речь о любви, охоте, оленях, красивых местностях, о храбрых подвигах предков, часто о чудесах и приключениях. Некоторые из этих песен очень длинные, поэтому их не всегда поют, а иногда и рассказывают» [Там же]. Под песнями здесь, несомненно, подразумеваются героические сказания, поскольку эвенкийские песни всегда короткие и не имеют прозаических вставок.

В советское время изучением языка и фольклора эвенков Прибайкалья занимался М. Г. Воскобойников. Он издал два сборника фольклора на русском языке [11, 13], где опубликованы три небольших по объему сказания — «Куладай Мэргэн», «Ятэкэ», «Дэлэдур». Сказания эвенков Прибайкальского региона впитали элементы бурятского эпоса, о чем свидетельствуют имена героев сказаний — Акширэ-бакширэ, Хани Гэхэр Богдо, Куладай Мэргэн, Арсалан-бакши [13, с. 180—182].

На обширной территории проживания северо-западных эвенков (район распространения северного наречия эвенкийского языка) наличие героических сказаний не засвидетельствовано. М. Г. Воскобойников считал, что здесь «эпос, подобный песням сахалинских эвенков, уже исчез полностью» [13, с. 180—182]. В разное время от енисейских эвенков записывали предания и легенды о богатырях прошлого, которые нельзя отнести к героическим сказаниям, ибо они значительно отличаются по содержанию и художественной форме от сказаний восточных эвенков. Образцом этого типа можно назвать предание «Уриан и Малуна», записанное В. Н. Васильевым в 1905 г. от илимпийских эвенков и опубликованное на русском языке [5, с. 246—248]. В 1924—1925 гг. предания и легенды о богатырях у эвенков, проживавших в то время в верховьях Нижней Тунгуски, зафиксированы Г. В. Ксенофонтовым. Записи были сделаны на якутском языке и опубликованы под названием «Оленекская хосунная эпопея» вместе с образцами якутского фольклора на русском языке в приложении к книге «Ураангхай-сахалар» [19, с. 490—556]. От эвенка Николая Данилова (р. Оленек) были записаны «Витязи Юнгкээбил и Юрэн», «Сын Юрэн-витязя», «Витязи Джуупкур и Чаатара» и «Племя Майаат», а от Николая Каплина из рода Монгол (верховья Нижней Тунгуски) — «Нургаабыл», «Нургаабыл и русские». Тексты, записанные Г. В. Ксенофонтовым от якутских сказителей, не отличаются от эвенкийских, поэтому те и другие можно отнести к одному типу, распространенному у эвенков и якутов к западу от Лены и называемому в якутской фольклористике хосунным эпосом.

Сравнительное исследование эпических сказаний о хосунах (богатырях, предводителях родов, племен) провел И. С. Гурвич, установив наличие таких сказаний у северных якутов, эвенков, долган и нганасанов. Он пришел к выводу, что «хосунные сказания первоначально оформились в тунгусской среде» [14, с. 169], а «древнейшим пластом оленекско-ленских низовских хосунных сказаний (версия о Юнг Кээбиле) являются воспоминания о происходившей некогда борьбе тунгусов с юкагирами за обладание богатыми охотничьими угодьями низовий Оленека и Лены» [Там же, с. 17]. Произведения подобного типа (западного — по М. Г. Воскобойникову) в 1950-е гг. записывались эвенковедами В. А. Горцевской и Е. П. Лебедевой. Один из таких образцов публиковался

в газете «Советская Эвенкия» (1954. — 20 авг.) на русском и эвенкийском языках.

В «Эвенкийском фольклоре» М. Г. Воскобойникова раздел «Героический эпос» состоит из трех текстов, ранее опубликованных в других изданиях: «Кильдынакан», «Соду Сордончо Солдани» и «Ятэкэ». В предисловии к разделу автор различает три типа эвенкийских эпических сказаний: западный (соответствующие тексты М. Г. Воскобойников именует преданиями исторического характера), восточный и забайкальский [12, с. 176—177].

В принципе такая классификация эвенкийского эпоса приемлема, но следует учесть, что западный и забайкальский типы пока совсем мало известны, записано и опубликовано небольшое число произведений. При этом большинство из них напечатано не на эвенкийском языке; одни — в переводе с немецкого на русский (забайкальские), другие — с якутского на русский (енисейские).

Живое бытование героических сказаний в настоящее время, по нашим наблюдениям, обнаруживается только у восточных эвенков. Записей и публикаций из этой зоны намного больше, чем образцов западного и забайкальского типов вместе взятых.

Неоценимый вклад в изучение эпоса эвенков внесла Г. М. Василевич. В 1936 г. был опубликован первый сборник образцов эвенкийского фольклора «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» [5], в который Г. М. Василевич включила все сказания, ранее опубликованные в разных изданиях, и три новые записи, от восточных эвенков. Преобладающую часть сборника составляют тексты сибирских эвенков, собранные исследовательницей в 1925—1931 г.

Материалы последующих экспедиций (1935—1960 гг.), в той или иной мере относящиеся к области героических сказаний и преданий, вошли в книгу Г. М. Василевич «Исторический фольклор эвенков» [7]. Определение жанровой принадлежности всех произведений, включенных в нее, сильно затруднено, так как многие из них записаны не от сказителей-певцов, имеющих долгий исполнительский опыт, а от лиц, лишь в какой-то степени сохранивших в памяти то или иное произведение. Поэтому большинство текстов представляют собой фрагменты или небольшие схематичные пересказы сказаний, утратившие специфическую художественную форму. К числу образцов, которые можно определить как героические сказания, следует отнести все тексты, записанные от восточных (учурских, урмийских, чумиканских и сахалинских) эвенков, хотя три из них — «Умусни», «Умусликэн», «Умун-Умусникэн» — являются, по существу, кратким пересказом широко распространенного у дальневосточных эвенков сказания о богатыре Умусни (букв.: «Одинокий»). Фрагментами героических сказаний, бытовавших раньше среди восточных эвенков (территория Якутии, Амурской области), являются «Торганэй, Чаникэй», «Мэкэгдыр, Сигундар» и «Сирбут-Сирбунэй». Остальные тексты, записанные от эвенков этой группы, больше тяготеют к волшебным сказкам.

Из числа сказителей, от которых записаны эпические тексты, среди эвенков восточного региона был широко известен Гаврила Эдян (1887 г. рожд.), живший в 1948 г. на р. Урми, в пос. Талакан Хабаров-

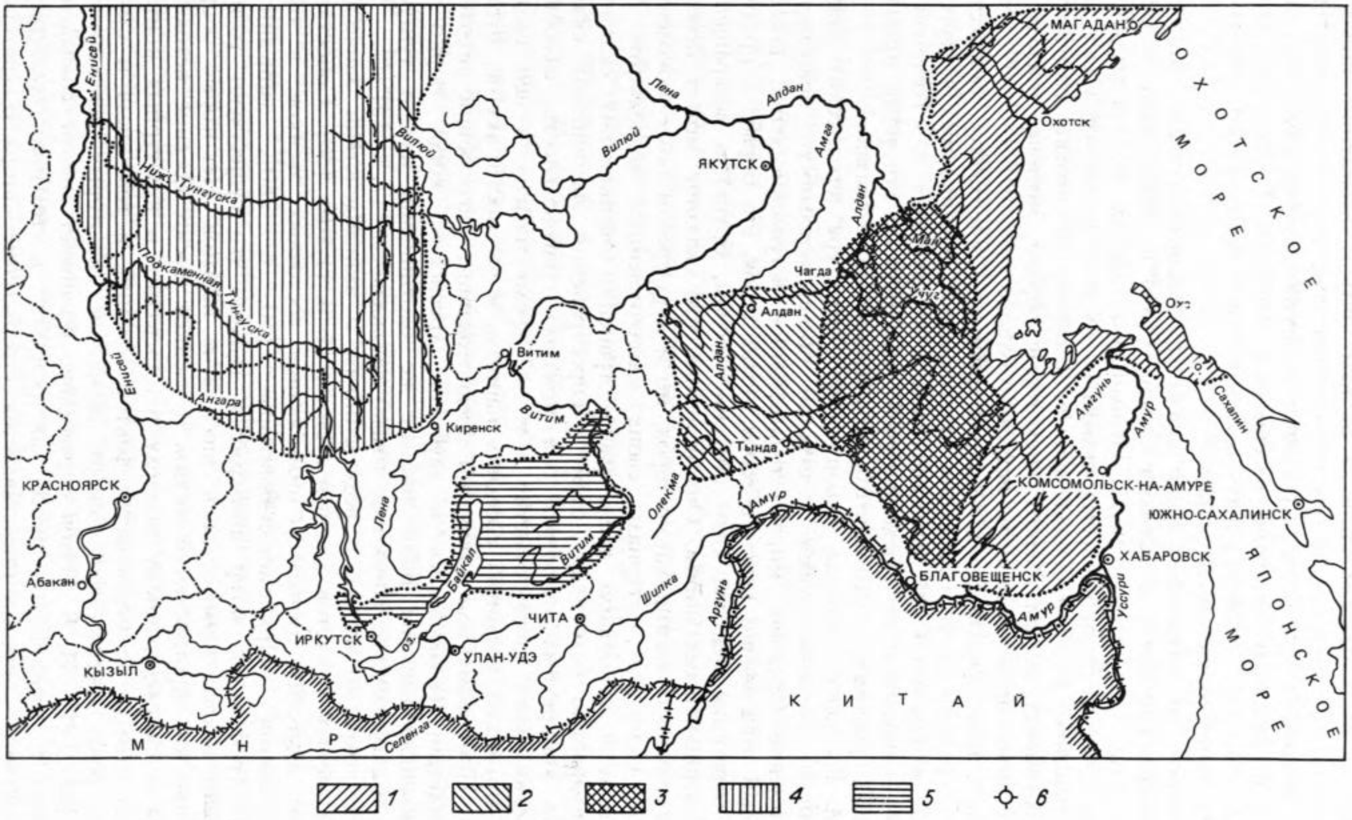
ского края. Г. М. Василевич записала от него пять произведений. Некоторая краткость прозаических частей объясняется тем, что тексты записывались под диктовку. Эти части чередуются с песнями-монологами персонажей, с присущими им особыми «личными» запевами. В этих сказаниях содержится много традиционных компонентов эвенкийского эпоса — вступление-зачин, эпические формулы.

В отличие от названных выше сказание «Кодакчон» было записано на магнитофонную ленту от Семена Савина (1894 г. рожд., мать — эвенкийка из рода Эдян, отец — якут). Исполнитель слышал это произведение от эвенка Соготоха Эдян во время отдыха на охоте и воспроизвел его, как сумел запомнить, в 1960 г. для записи. Сказание несколько отличается от всех остальных, в нем имеются некоторые образы, мотивы, эпизоды и отдельные слова, происходящие из якутского олонхо.

Кроме этих сказаний для характеристики эпического творчества эвенков и сравнительного освещения произведений, публикуемых в настоящем томе, в издании Г. М. Василевич важны «Хуругучон» и «Торганэй и Чаникой», записанные от представителей рода Бута, к которому принадлежал Н. Г. Трофимов — исполнитель публикуемых нами сказаний.

Г. М. Василевич выявила традиционную структуру героических сказаний эвенков, заключающуюся в строгой последовательности повествования: появление Среднего мира — традиционное вступление-зачин; рождение, первый этап жизни главного героя; поход героя, его борьба с противниками, обретение невесты (или спасение сестры, брата) и возвращение домой, завершающееся пиром. Она отметила, что сказание может повествовать не только о жизни одного героя, но и двух-трех и более поколений богатырей. Используя материалы своих многочисленных экспедиций, исследовательница установила ареал распространения эвенкийских сказаний (см. дополненную нами карту-схему распространения эвенкийских сказаний). На конкретных примерах она показала оригинальность, самобытность эвенкийского эпоса, отметив в то же время наличие в нем следов влияния эпических традиций соседних народов, в частности якутов, бурят, монголов. При этом было высказано предположение, «что общие поэтические традиции складывались в глубокой древности, когда тюрко- и монголоязычные племена были такими же охотниками, как и тунгусоязычные, и скотоводство у них еще только зарождалось» [7, с. 13].

Более подробно вопрос о родственности и взаимодействии эпических традиций эвенков и якутов освещен в статье И. В. Пухова [30]. Сопоставив материалы якутских олонхо и нимнгаканов восточных эвенков, в частности сказания «Иркисмондя-богатырь» [30, с. 280], записанного от Н. Г. Трофимова, автор приходит к выводу, что существуют разные по времени пласты перекличек в эпосе этих народов. Некоторые общие черты эпических произведений якутов и эвенков имеют древние истоки и относятся к самому раннему периоду исторических и культурных контактов. Этим отнюдь не исключается фактор влияний, в том числе и самых недавних, роль якутско-эвенкийского двуязычия некоторых исполнителей и т. д. [22, 191]. И. В. Пухов справедливо оценивает многие совпадения в якутском и эвенкийском эпосе как результат длительного культурного взаимодействия. Спорным представляется утверждение автора о краткости



Карта-схема распространения эвенкийских сказаний.

Сказания восточного типа: *1* — дальневосточных, *2* — верхнеалданско-зейских эвенков, *3* — сказания, включенные в том, *4* — северного, *5* — южного типов, *6* — место записи публикуемых сказаний.

эвенкийских сказаний — в отличие от обширнейших якутских олонхо, в чем автору видится свидетельство известной отраженности и даже вторичности некоторых моментов в нимнгаканах по отношению к олонхо. Вспомним свидетельство И. Георги о том, что «некоторые из этих песен (сказаний. — *А. М.*) очень длинны» [5, с. 233]. А. В. Романова также отметила исполнение сказаний «в течение двух-трех, а иногда и большего количества вечеров» [32, с. 12]. Об этом же свидетельствуют сказания Н. Г. Трофимова «Иркисмондя-богатырь», записанное на магнитофонную ленту (18 часов звучания), и «Торгандун Средней земли» (150 страниц сплошного машинописного текста). Таким образом, скороговорка и стилевая обедненность, улавливаемые в некоторых позднейших записях, не должны нас вводить в заблуждение.

С конца 1960-х гг. к собиранию и подготовке публикаций сказаний эвенков были привлечены лингвисты, носители языка А. В. Романова и автор данной статьи. Результатом этой работы явился сборник «Фольклор эвенков Якутии» [32]. Два из числа включенных в него сказаний записаны А. В. Романовой в 1960 г.: «Сиротка Нюнгурмок» — от Е. Г. Трофимова (1908 г. рожд., пос. Аим Хабаровского края) и «Богатырь Тамнани и Дёломо-Дёнуйкан» — от С. В. Титова из рода Эдян (1890 г. рожд., пос. Курунг-Урях Хабаровского края).

Нимнгакан «Сиротка Нюнгурмок» входил в репертуар братьев Н. Г. и Е. Г. Трофимовых. Они научились исполнять его от известного эвенкам, кочевавшим в то время по бассейну Учура и верховьях Зеи, сказителя Семена Заболоцкого (из рода амурских Бута). Текст опубликован без разбивки на стихи, хотя в монологах героев наблюдается определенный ритм. В сказании имеются все традиционные эпические компоненты, типичные для сказаний восточных эвенков.

Второе сказание — «Богатырь Тамнани и Дёломо-Дёнуйкан» — изложено сжато, лаконично. Оно начинается как сказка («На берегу реки жили старуха со стариком»), но традиционные элементы эпического повествования в нем сохранены: запевные слова героев, собственные имена, чудесное рождение богатырей и т. д. Нимнгакан состоит из двух частей, каждая повествует о приключениях одного из братьев: первая — о Тамнани, вторая — о Дёломо-Дёнуйкане.

Значительную часть сборника составляют текст и перевод уникального памятника эвенкийского эпоса «Иркисмондя-богатырь», записанного нами от Н. Г. Трофимова [32, с. 99—306]. В этом нимнгакане рассказывается о подвигах четырех поколений героев. Однако в книге опубликовано повествование о жизни трех поколений; заключительная его часть — о приключениях богатыря четвертого поколения — была записана самим сказителем позже и поэтому в издание не вошла.

Интересные образцы эпического творчества эвенков Амура записала и опубликовала Н. Я. Булатова. Она зафиксировала варианты широко распространенных у восточных эвенков сказаний с главными героями Хуругучон и Секак [4, с. 94—99, 111—118].

Опубликованные материалы в значительной степени дополняются записями, хранящимися в архивах. Записи были сделаны экспедициями лингвистов Института языка, литературы и истории ЯНЦ СО АН СССР,

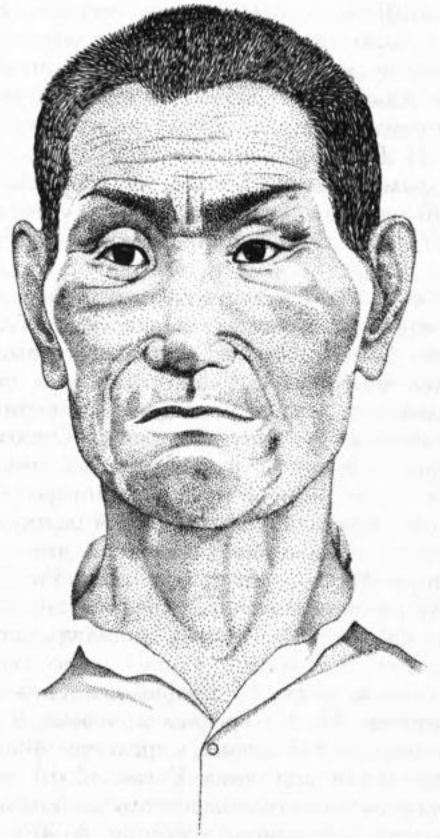
Института языкознания (ЛО) АН СССР к эвенкам восточного региона. В одних случаях это ранее неизвестные произведения, в других — варианты уже опубликованных.

Архивные записи весьма существенны, поэтому мы их перечислим: «Тывгунай-Уркэкэн» («Тывгунай-паренек», запись А. Н. Мыреевой, пос. Угоян Алданского района Якутской АССР, 1965 г.), «Хуругучон» (запись А. В. Романовой, пос. Кукан Хабаровского края, 1972 г.), «Отани-мата» («Отани-богатырь», запись А. Н. Мыреевой, пос. Вал Сахалинской обл., 1973), «Хуркокчон» (запись А. Н. Мыреевой, пос. Ульген Амурской обл., 1973 г.), «Дулин буга Хуругучонин» («Хуругучон Среднего мира», запись Н. Я. Булатовой, пос. Вал, Сахалинской обл., 1975 г.), «Торганай» (запись III комплексной фольклорной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР и ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР, пос. Хатыстыр Алданского района ЯАССР, 1986 г.), «Умуслиндя-сонинг» («Умуслиндя-богатырь»), «Мэнгрундя-мата» («Мэнгрундя-богатырь»), «Дёлори мевалкан Дёлоникан-мата» («Дёлоникан-богатырь с каменным сердцем»), «Гарпарикан» (запись Г. И. Варламовой, район им. П. Осипенко Хабаровского края, 1987 г.).

В целом имеющихся источников вполне достаточно, чтобы судить о составе, типологии и поэтике эвенкийского эпоса, выявить ареал его распространения и некоторые особенности эпического исполнительства.

Все упомянутые выше тексты записаны от эвенков пожилого возраста (60—85 лет), имевших разную исполнительскую практику. Из-за ослабления интереса к фольклору и отсутствия слушателей в последние три-четыре десятилетия многим из них редко доводилось сказывать эпические произведения, что, безусловно, отразилось на качестве записанных текстов (фрагментарность, пересказ сюжета, неустойчивость в использовании эпических формул, оговорки, ввод элементов современной речи, изобилующей заимствованиями из других языков, в основном из русского и якутского и др.). И все же, несмотря на фрагментарность записи в большинстве текстов сохраняются традиционные эпические элементы — зачин, сложные собственные имена героев, их личные запевы, гиперболизация действий, постоянные образцы эпитетов, эпических формул и др. Так, например, в сказании «Хуругучон», записанном А. В. Романовой в 1972 г. в пос. Кукан Хабаровского края от 60-летней исполнительницы А. Е. Семеновой из рода Эдян, имеются традиционные запевы типа *героканен-героканен, генё-генёй* и сложные собственные имена: «Выросшая, удерживаясь на шести суставах, с шестью косами Нюнгурмэк-девушка» (Нюнгурмэк букв.: «Шестерка»), «Родившийся в морозное утро в расщелине восьми скал Хелтаниндя-богатырь» (Хелтаниндя букв.: «Крепкий утренний мороз»). Эти имена главных героев нимнгакана «Хуругучон» встречаются почти в каждом сказании восточных эвенков. (Заметим также, что исполнительница использует эпические формулы типа: «сказанное тобой (твою речь) впитала я сердцем-печенью, вкрутила в свои уши, задержала в мыслях, увидела глазами».) В сказании много постоянных эпитетов, характерных для эпоса: «трехлучистое восходящее солнце», «с восемью звонкими копытами дикий олень», «звонкое имя», «вечнозеленая трава» и др.

На этом фоне особенно выделяются тексты удивительно талантливого



Сказитель Николай Гермогенович Трофимов (1915—1971). Рисунок с любительской фотографии выполнен художником-самоучкой эвенкийкой Ириной Ильиничной Козичевой из пос. Кутана Алданского района ЯАССР.

сказителя Николая Гермогеновича Трофимова, которого мы уже упоминали, в частности, в связи со сказанием «Иркисмондя-богатырь», опубликованном в книге «Фольклор эвенков Якутии» [32]. Наше издание знакомит читателя с еще двумя замечательными сказаниями, записанными от Н. Г. Трофимова: «Храбрый Содани-богатырь» (2632 стиха) и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» (3143 стиха). Эти сказания несут в себе типовые черты эвенкийского эпоса и замечательно воплощают их традиционное поэтическое богатство.

Николай Гермогенович Трофимов (1915—1971) — один из последних сказителей, сохранивших в памяти героический эпос родного народа. Учителями его были сказители-сородичи из большого эвенкийского рода Бута, упоминаемого в письменных источниках в XVII в. на средней части

Алдана, в середине XVIII в. — среди удских эвенков, в середине XIX в. — по рекам Бурее и Селемдже, на Сахалине и около Аяна, а в 50-е гг. XX в. — по притокам Алдана (Учур, Алгома), по Алдану ниже Учура, на р. Уде и в районе Аяна [8, с. 265]. Как мы убедимся, с этими территориями соотносим предполагаемый ареал распространения сказаний, вошедших в репертуар Н. Г. Трофимова.

Когда Н. Г. Трофимову шел 10-й год, он впервые услышал нимнгакан. Его исполнял первый учитель будущего сказителя — амурский эвенк Семен Заболоцкий (из рода Бута). «Иркисмондя-богатырь» — так называлось это сказание — звучал несколько вечеров подряд. Уже при втором прослушивании мальчик мог повторить некоторые понравившиеся ему части. А во время третьего исполнения он сел поодаль от сказителя и, закрыв глаза, как бы ушел в себя, «оставив только уши», вполголоса повторил за ним весь нимнгакан. Ученик оказался способным, через год он целиком пел сказание своим сверстникам. От сказителя С. Заболоцкого Н. Г. Трофимов выучил и нимнгакан «Торгандун Средней земли», и «Храбрый Содани-богатырь». Вторым учителем был учурский эвенк Александр Колесов (тоже из рода Бута), от которого Трофимов перенял «Всесильного богатыря Дэвэлчэна в расшитой-разукрашенной одежде» и «Старушку Нюнгурмок». Последнее было записано не от него, а от его старшего брата — Егора Трофимова [32, с. 46—56, 71—82]. Текст представляет собой краткий пересказ содержания, так как записывался под диктовку. Несмотря на это, во многих деталях (зачине, словах-запевах, отдельных традиционных описаниях, языке) явно обнаруживается та же манера исполнения, что и у Н. Г. Трофимова, одна школа сказительства. Сказания от А. Колесова Н. Г. Трофимов усвоил в 13 лет. Он пел их долгими зимними вечерами родителям и родственникам, с которыми в то время кочевал и охотился в верховьях Учура. С 14 лет Н. Трофимов уже пел перед значительным числом слушателей, когда после охотничьего сезона эвенки собирались в большое стойбище. В 30-е гг. в Якутии кочевые эвенки стали объединяться в промысловые артели, и у сказителя появилась возможность чаще исполнять нимнгаканы и тем самым совершенствовать свое искусство.

Героические сказания пользовались большой популярностью у эвенков. Их исполнение всегда было радостным праздником. Народ любил и ценил своих талантливых сказителей, послушать которых съезжались люди из дальних кочевий.

По словам Е. Г. Трофимова, исполнение нимнгакана обычно начиналось вечером, после окончания работ по хозяйству и ужина. Слушатели, стар и млад, собирались у самого сказителя или в чуме эвенка, к которому он приехал погостить.

Сказитель садился на почетное место — *малу*, на меховой коврик — *кумалан* и, прикрыв глаза, некоторое время сосредоточенно молчал. Все присутствующие должны были сидеть тихо и не отвлекать его. При полной тишине сказитель начинал произносить зачин повествования возвышенным, торжественным тоном, постепенно наращивая темп речи и силу голоса.

Исполнение героического эпоса было своеобразным театром одного актера. Талантливый сказитель не просто излагал содержание, а всеми доступными средствами — пением, различными жестами, выразительной мимикой — изображал каждого персонажа сказания: и богатырского оленя, и коня, и всевозможных духов, и других действующих лиц, уводя слушателей в мир сказания. Увлеченные, они время от времени возгласами выражали свое отношение к тому, что происходило с героями: «*Тэдē!*» («Правда!»), «*Тыкэ̄н-ты!*» («Так!», «Правильно!»), «*Эрой!*» («Надо же!»), «*Кэ! Кэ!*» («Ну! Ну!»). Такая реакция аудитории зафиксирована в 1949 г. [26, с. 93—94].

Длинное сказание исполнялось несколько вечеров подряд. Если сказитель был приезжий, то хозяева, у которых он остановился, обязательно забивали оленя и угощали желанного гостя. Когда послушать нимнгакан приезжали эвенки из другого стойбища, они должны были тоже забить своего оленя для угощения. Это был обычай, отражающий высокое почитание сказителей, носителей народной мудрости, накопленной веками.

Каждый исполнитель по-разному оценивает произведения своего репертуара, деля их на интересные и не очень интересные. Одними персонажами он гордится, восторженно описывает их внешность, доспехи, действия, верхового оленя или коня, вкладывая в уста героев самые яркие образные слова. В отношении к другим (слабым, трусливым и т. п.) проявляется его явное неодобрение, пренебрежение. Особенно не по душе ему противники богатырей — *аи*, представители злых сил Нижнего или Верхнего мира.

Материалы по эвенкийскому эпосу свидетельствуют о том, что в нем имеются такие древние элементы, как героическое сватовство, борьба с чудовищами и др. [29, с. 169], присущие догосударственному эпосу.

Эвенкийский эпос воспевает слияние человека с природой, их единство, напоминая о первоначальном месте человека в мире, о самых «корнях» человеческого бытия. Прекрасны наряду с мужскими персонажами образы эвенкийских женщин.

Сюжеты эвенкийских нимнгаканов разнообразы. Есть сказания об одиноких героях — пеших охотниках, становящихся родоначальниками эвенков; о женщинах-богатырках; о братьях-богатырях, спасающих друг друга; о брате и сестре и др. Наиболее распространенными из них, бытовавшими у восточных эвенков в разных вариантах, были сказания об Умусниконе, Торганае, Хуругучоне [4, с. 94—99; 7, с. 82—96, 105—108].

Эвенкийские героические сказания вобрали в себя многие фольклорные жанры: мифы, легенды, обрядовые благопожелания, заклинания и т. д. Испытывая воздействие повествовательных и поэтико-воззренческих традиций, складываясь на их основе, нимнгаканы как жанр творчески преобразуют их, придают им специфическую художественную форму. В них всегда присутствует высокий, торжественный стиль. Сказания характеризуются сочетанием прозаической и ритмико-поэтической форм: ритмико-поэтические части, представляющие собой монологи и диалоги героев, поются, а прозаические — по-особому сказываются.

Композиционная структура сказаний всегда постоянна:

1. Зачин-вступление:

а) сообщается, что события, о которых говорится в сказании, происходили очень давно;

б) описание страны, местности, где живет герой;

в) описание главного героя или героев (двух братьев или брата с сестрой).

2. Завязка:

а) случается несчастье (похищение сестры);

б) герой желает увидеть мир (нарушение территориальной замкнутости, контакты с отдаленными племенами или народами);

в) героическое сватовство.

3. Кульминация:

а) борьба с противниками;

б) борьба с братьями будущей жены.

4. Развитие действия:

а) женитьба и свадебный пир;

б) переезд молодой семьи на родину мужа.

Сказания, включенные в данный том, представляют собой ярко выраженный восточный тип эвенкийских сказаний, распространенный как среди верхнеалданско-зейских (Якутская АССР, Амурская обл.), так и среди дальневосточных эвенков (Хабаровский край, Сахалин). В отличие от больших по объему сказаний («Иркисмондя-богатырь», «Торгандун Среднего мира»), повествующих о героических подвигах героев нескольких поколений, в публикуемых сказаниях речь идет главным образом о богатырских приключениях только главного героя.

Оба сказания имеют традиционный зачин, вступление, которое эвенки называют *нимңакāн тэкэ̄нӣн* — «основание сказания». В основе зачина — миф о первотворении, превратившийся в традиционную эпическую формулу. В нем описывается одновременное возникновение трех миров, которые, по образному сравнению, появились «Подобные чутким ушам / Годовалого дикого оленя». Но из этих трех миров в зачине воспеваются два: Средний, что «. . .расстилался / С *кумалан*», и Верхний — небо, которое «. . .растекалось / С донышко берестяного короба».

Мифологическое представление о трех мирах традиционное для древнего фольклора. В эвенкийских сказаниях восточного типа их описания одинаковы, различия сводятся к отдельным деталям; кроме того, описания эти могут быть краткими или развернутыми. Например, в одном сказании — о богатыре Содани — описание Среднего мира состоит из 70 стихов, а в другом — всего из 30.

В сказании «Храбрый Содани-богатырь» в Среднем мире живут брат с сестрой — Содани и Аякчан Ивекчан-красавица. Они «. . .родились / На Средней земле-матери, / Смешавшись с ее водами и деревьями, / С ее сочными травами» (С 313—316[1]). В этом также проявляются мифологические представления эвенков о происхождении человека на земле.

С главным героем сказания Содани связывается идея установления счастливой жизни на земле. Необыкновенность героя подчеркивает описание его жилища (С 100—130), внешности, ловкости, силы (С 140—184).

Но судьба распорядилась так, что в первом же сражении с *авахи* он погибает

[1] Здесь и далее С — «Храбрый Содани-богатырь».

от руки богатыря Нижнего мира Сэлэмэ Дэвиндэра. Главным действующим лицом сказания становится брат Содани — Иркиничэн. Он расправляется с Сэлэмэ Дэвиндэром, затем спускается в Нижний мир, побеждает *авахи* Сэлэмэ Дыгияндю, забирает похищенную им свою сестру Аякчан Ивекчан-красавицу и возвращается домой. В отсутствие Иркиничэна родилась и выросла его дочь Туливчан. Будучи от природы наделена даром предвидения и способностью оживлять мертвых, она стала шаманкой. В конце повествования она благословляет эвенков благополучно жить в Среднем мире.

Это произведение, вероятно, передано в сокращенном варианте. Сказитель изложил лишь основной сюжет, связанный с главным героем. В практике сказительства это вполне допустимо. Исполнитель может опускать или добавлять, в зависимости от обстоятельств, целые эпизоды или даже циклы. Здесь он должен был поведать о том, откуда появился Иркиничэн, как он женился, кто его жена, как родилась дочь и т. д., но этого, к сожалению, в повествовании нет.

В сказании с большой любовью рисуются образы женщин. Аякчан Ивекчан, Туливчан воплощают идеал эвенкийской женщины: красоту, доброту, скромность, мудрость, прозорливость, готовность прийти на помощь в любое время.

Персонажи-*авахи* всегда изображаются уродливыми, хвастливыми, жестокими и коварными.

Сказание «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» содержит один сюжетно-повествовательный цикл. В зачине идет речь о брате и сестре, которым «. . .суждено было родиться, / Чтобы стать предками эвенков» (Д 111—112[2]).

Дальнейший ход событий во многом отличается от сюжета сказания о Содани. Перед слушателем развертывается картина героического похода главного героя — Дэвэлчэна. После спасения своей сестры, Солкондор-красавицы, Дэвэлчэн по ее совету отправляется в Верхний мир за своей суженой. Преодолев все препятствия, он достигает цели. Дэвэлчэн возвращается с женой на Среднюю землю, строит «четырехугольный дом-жилище», у них рождаются два сына — продолжатели рода. Так устанавливается на Средней земле счастливая жизнь в достатке и радости.

Сказание ценно тем, что в нем в большом изобилии содержатся сведения об обычаях, верованиях, хозяйственном укладе, жилище, одежде, утвари, оружии эвенков. Много этнобытовых подробностей и в описании приготовлений к рождению ребенка, родов женщины. Данное сказание в какой-то мере является своеобразной энциклопедией быта и духовной жизни народа.

Своеобразна и самобытна поэтическая фактура обоих сказаний. Повествовательные части почти целиком состоят из типизированных описаний, представляющих собой в основном традиционные эпические формулы. Эти формулы и обеспечивают определенную ритмику речи сказителя.

Примечательны запевы в песнях-монологах героев. Иногда они повторяются неоднократно, как припев, что дало повод некоторым тунгусоведам называть их запевами-припевами [8, с. 54]. Повторяющиеся припевы, по утверждению Г. М. Василевич, характерны не только для сказаний, но и для мифов и шаманских песнопений [5, с. 141—142]. Запевы-припевы можно

---

[2] Здесь и далее Д — «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде».

наблюдать в эвенкийских песнях-импровизациях и во всех хороводных танцах тунгусов и других народов, например ближайших соседей эвенков — якутов и бурят. У эвенков каждая локальная группа имеет свои запевы-припевы для круговых танцев. Так, у большинства эвенков южной части Эвенкийского автономного округа запевом-припевом танца является *ёхор-ёхор ёхорьē*; у эвенков Катанги (Иркутская область) — *иколē-иколē-иколē*; у токкинских эвенков (Якутская АССР) — *гэсугур-гэсугур гэсугуркэ̄н*; у зейских, тунгирских, алданских эвенков (Амурская обл., Хабаровский край, ЯАССР, БурАССР) — *осōрай-осōрай осōрайкāн* и т. д.

У каждого героя в сказаниях тоже свой запев — *икэ̄вкэ̄*, маркирующий пение определенного лица. Значение многих запевов не поддается объяснению. Но некоторые из них определенно связаны с родовым названием эвенков, это в основном запевы женских персонажей: *кимō-кимō кимōнин* и *дэвэдāрекō*, в разных фонетических вариантах встречающиеся во всех сказаниях восточных эвенков. Г. М. Василевич возводит их к родовым названиям, первый — к эвенкийскому роду Кима и удэгейскому Кимонко, второй связывает с родом Деведарский, зарегистрированным у восточных эвенков в документах XVII в. [7, с. 13]. Объяснение Г. М. Василевич по поводу запева *дэвэдāрекō* вполне правдоподобно, но можно допустить и связь данного запева со словом *дэвэ̄да*, которое у восточных эвенков означает 'петь, плясать круговой танец', от *дэвэ̄й* 'песня плясовая', *дэвэ̄ дэвэ̄дэ* — запев кругового танца с пением (у алданских, олекминских и урмийских эвенков).

Некоторые запевы встречаются почти в каждом сказании, например, *гирō-гирō гирōкāнин* — запев главных героев публикуемых сказаний, богатырей Содани и Дэвэлчэна. Запев *кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин* звучит из уст героини-удаганки Туливчан в первом сказании. Во втором сказании этим запевом начинают свою речь несколько женских персонажей: девица-лебедь Мэнгункэн, прилетающая из Верхнего мира в Средний, чтобы предупредить обитателей о надвигающейся опасности; старушка Сигурдэн и, вероятно по ошибке сказителя, ее дочь Киладий. Свою речь-обращение к духу-хозяйке отвесной скалы, разделяющей Верхний и Средний миры, она начала с запева *гурē-гурē*, а все последующие ее речи сопровождаюся запевом матери. Так же повторяются запевы богатырей Нижнего мира Дэгэ Бабэ и ее брата Няргучана: *лавир-лавир лавирдōн, ловир-ловир ловирдōн*. Речь Дэгэ Бабэ завершается словами *ниhайданнē ниhайдēн, делэдыннē делэйдӯн*, по-видимому, это и есть ее запев, а в начале песни сказитель по ошибке употребил запев другого богатыря.

В сказаниях наряду с богатырями выступают их помощники, верховые олени, которые дают им добрые советы. Обычно это дикие или домашние олени. Обращаясь к своим хозяевам, они тоже поют, их песни-монологи обычно имеют запев с корнем *эӈтэ-* со значением 'хоркать, издавать трубные звуки (о диком и домашнем олене)': *эӈтэвлэ̄нин-эӈтэвлэ̄нин, эӈтэнӣ-эӈтэнӣ, энтэр эӈтэнӣн.*

У каждого богатыря своя мелодия песни, свой запев, и сказитель при исполнении мастерски меняет голос: от нежно-мелодичного (женские персонажи), воинственно сильного (богатыри-*аи*) до грубого, отрывистого (богатыри Нижнего мира).

Представляют интерес поэтические особенности сказаний.

Эпические формулы, как бы обозначающие канву повествования, состоят

из хорошо «подогнанных» стихов. Их ритмическая организованность и своеобразная мелодичность[3] достигаются в основном аллитерацией, например:

Багдарӣн туксу бара̄лдан, Коӈнорӣн туксу коюнан, Һуларӣн туксу һуктырэн. . .	Появились белые тучи, Сгустились черные тучи, Сбежались красные тучи. . . (Д 152—154)

или

Бӣ тӯрэ̄нмэв Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл, До̄ла̄вӣ до̄лдыкал, Сё̄ндӯвӣ силдыкал!	Мои слова Вбей [себе] в мозг, Учуй нутром, Вкрути в уши! (С. 392—395)

Созвучными могут быть первые слоги строк, например:

Анам то̄кӣва эр бэеткэ̄н Ата̄кӣн һэ̄дӯн туксалдыдяна Ата̄кӣвагачӣн дяварӣ бэе ивит.	Паренек этот был [таким] человеком, Что, поравнявшись [на бегу] с задними ногами Бегущего лося-самца, хватал его как паука (С 157—159).
Иркин бэюнмэ бимӣ Йриктэдӣнди-нюн дяварӣ бэеткэ̄н ивит.	Осеннего дикого оленя Паренек хватал как муравья (С. 164—165).

Каждый стих обычно содержит часть предложения, построенного, как правило, по принципу синтаксического параллелизма. Количество слогов может быть разным. Встречаются строфы со сплошной или с перекрестной рифмовкой; она почти всегда глагольная, что обусловлено спецификой эвенкийской речи, где порядок слов в предложении в основном постоянный — подлежащее стоит в начале предложения, сказуемое замыкает его, например:

Тадӯ биһэмдэ Аһикта мо̄ аналдымнӣн балдыча̄, Ирэ̄ктэ мо̄ элгэмэ̄тнэ балдыча̄, Дягдаткā̄н мо̄ дявалдына балдыча̄, Ча̄лба̄н мо̄ ча̄ва̄рӣтма̄тна балдыча̄. . .	Там Ели-деревья, сталкиваясь, росли, Лиственницы-деревья, сплетаясь, росли, Сосенки-деревья, хватаясь [друг за друга], росли, Березы-деревья, соприкасаясь, росли. . . (С 32—36)

Во втором нимнгакане описание растительности Средней земли дается по-другому, с перекрестной рифмовкой:

Аһиктаткā̄н мо̄н бимӣ Га̄ка̄ктагачӣн арбаргадяча̄, Ирэ̄ктэткэ̄н мо̄н бимӣ Ниргэ̄ктэгэчӣн килунэдечэ̄, Дягдаткā̄н мо̄н бимӣ Кугас улукӣ иргигэчӣнин балдыдяча̄. . .	Елочки-деревья ее Распускались, словно подснежники, Листвинички-деревья ее Блестели, как молодая шерсть осеннего оленя. Сосенки-деревья ее Росли, подобно хвосту рыжей белки. . . (Д 21—26)

Из приведенного примера видно, как сказитель искусно использует широко распространенное в фольклоре средство художественной изобразительности — сравнение. Нимнгаканы изобилуют очень меткими, образными, близкими и понятными слушателю-эвенку сравнениями.

[3] О связи стиха и напева см. ниже, в статье «Музыка эвенкийских сказаний».

Затупившееся, истершееся, искривившееся во время поединка оружие богатырей сравнивается с привычными для эвенка предметами:

Как скребки старухи мастерицы,
Уткэны их затупились,
И они их назад отбросили (С 755—757).

Но копья их
Стали как кривое острие ножа
Старика кузнеца,
Они их через свои макушки бросили (С 766—769).

Ловко и легко садящийся в седло богатырь уподоблялся самой большой красивой таежной птице — черному глухарю:

Наш человек
Ловко, как черный глухарь,
Вскочил на своего
Дикого оленя. . . (С 1514—1517)

Высоко поднятые уши коня в сказаниях непременно сравниваются с подбитыми мехом лыжами эвенка:

Двум эвенкийским лыжам,
Рядом поставленным, подобные,
Серебряные уши свои
Он поднял кверху,
Назад попятился (С 1730—1734).

Излюбленным средством описания фантастических, сказочно-волшебных превращений, которыми изобилуют сказания, является гиперболизация. Гипербола используется повсюду, начиная с описания трех миров, богатырей, их жилищ, битв и кончая описанием торжества победы добра над злом, гимном продолжению жизни, рода человеческого на земле. Приведем пример описания вооружения богатыря:

В углу *утэна*
Дваждывосьмисаженный
Роговой лук.
Богатырская железная
Семипудовая стрела
С восьмипудовой подпоркой,
С разящим огненным наконечником.
К луку был прислонен *уткэн*
С семидесятисаженной выемкой,
С ним рядом — длинное копье
С острием в три пяди (С 118—128).

Сказитель часто использует прием повтора, свойственный фольклору вообще, но особенно характерный для волшебных сказок и произведений эпоса. Например, описание битвы почти полностью повторяется, когда богатырь возвращается с победой и повествует о своем походе; когда к кому-нибудь обращается с речью, полностью повторяет свое имя, а оно бывает очень длинным и подробным (с указанием того, кто отец и мать, на чем герой ездит, во что одет и т. д.). Встречается также прием тройного повторения действия: богатырь трижды выполняет испытания перед женитьбой; трижды убивает противника из Нижнего мира, чтобы окончательно его уничтожить.

Эпическими формулами певец пользуется как готовым поэтическим материалом, несколько изменяя их в зависимости от той или иной ситуации. В процессе исполнения он может добавить в сказание те или иные подробности. Традиционные формулы повторяются неоднократно при описании гнева, битвы богатырей, бега оленя или коня, победы, свадьбы, рождения и возмужания героя, пира и т. д. Каждый раз перед тем, как начать речь, богатырь произносит постоянную формулу приветствия:

Вы, двое, привет примите,
А потом будет разговор! (С 616—617)

или в измененном виде:

Сначала привет
Твоему гладкому лицу и твоей мудрости,
Потом разговор (С 2115—2117)

Кроме этих приемов, в нимнгаканах в изобилии встречаются афоризмы, пословицы, поговорки, украшающие речь героев, полнее раскрывающие богатство и своеобразие языка нимнгаканов.

Изобразительные средства эвенкийских сказаний зачастую почти такие же, как в эпосе монголо- и тюркоязычных народов, с которыми эвенки контактировали испокон веков. Все нимнгаканы восточных эвенков имеют особенно много общего с олонхо — эпическими сказаниями ближайших соседей — якутов. У них аналогичные вступления-зачины, генеалогическая цикличность, почти одинаковые описания появления врага, гнева богатыря, битвы, красоты девушки, бега коня или оленя и т. д. Язык восточных сказаний характеризуется большим количеством заимствований из якутского языка [22, с. 190—201], иногда встречаются и русские слова в эвенкийской огласовке.

Общность поэтических традиций народов Сибири можно объяснить типологическим сходством, но исключительная близость эвенкийских сказаний с якутскими олонхо — это результат тесных исторических контактов, непосредственного общения, когда происходит взаимообогащение поэтических культур.

В целом же эвенкийские сказания — самобытные эпические произведения, вершинные образцы устного народного творчества небольшого таежного народа.

* * *

Источниками при подготовке сказаний к печати послужили: для сказания «Храбрый Содани-богатырь» — самозапись Н. Г. Трофимова (сказитель при записи не употреблял никаких знаков препинания, использовал отсутствующие в эвенкийском алфавите якутские гласные ө, ү и дифтонги *иэ, ыа, үө, уэ*, хотя обозначаемые этими буквами звуки он артикулировал несколько иначе, чем якутские); для сказания «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» — запись собирателя, выполненная в фонетической транскрипции.

Проделана следующая текстологическая работа:

1) оба текста перетранскрибированы современным алфавитом с учетом орфографии современного практического письма эвенкийского языка, за исклю-

чением обращения к интервокальному *h* и отчасти инициальному *h* (соответствующему характерной фонетической особенности восточного наречия, носителем которого являлся сказитель). При этом не допускались отступления от устно-речевых (диалектных) форм оригинала.

Поскольку оба нимнгакана были записаны сплошным текстом, осуществлено их разделение на стихи, исходя из соображений, высказанных выше. Для контроля использовалась запись на магнитную ленту сказания «Иркисмондя-богатырь» от того же сказителя.

Ранее опубликованные эвенкийские сказания переводились очень близко к тексту, давался либо буквальный, либо смысловой перевод их [5, 7]. В нашем издании перевод осуществлен в соответствии с принципами, выработанными Главной редакцией серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В соответствии с нормами русского языка в необходимых случаях введены слова для связи сложноподчиненных предложений или для местоимений-подлежащих, что нехарактерно для эвенкийского языка. Когда требовалось ввести дополнительное (поясняющее) слово, оно заключалось в квадратные скобки.

Из-за отличий синтаксического строя эвенкийского и русского языка не всегда удавалось сохранить в переводе последовательность стихов, присущую оригиналу, поэтому допускались перестановки строк без нарушения их общего числа.

Слова, требующие разъяснения, рассматриваются в примечаниях и в тексте отмечены звездочкой. В переводе курсивом выделены слова, оставленные без перевода.

Составитель тома выражает глубокую признательность Н. Я. Булатовой (Институт языкознания АН СССР, Ленинградское отделение) за филологическую сверку эвенкийского текста и перевода публикуемых сказаний.

А. Н. Мыреева

МУЗЫКА ЭВЕНКИЙСКИХ СКАЗАНИЙ

Замечательным сказительским мастерством известны среди народов Сибири эвенкийские рапсоды. В знак уважения к ним и признания их таланта в бурятском фольклоре сохранилось предание: «. . .*улигеры* даны поэту свыше. На голубых гребнях Саянских гор воздушный голос пел чудесный улигер, а поэт-тунгус (устар. название эвенков. — *Авт.*) услышал его, запомнил и поведал миру, в том числе и бурятским рапсодам» [27, с. XIX]. Одной из причин такого признания, как видно, было умение этих сказителей исполнять эпические произведения не только эвенков, но и бурят, якутов, кетов, селькупов, нанайцев и других народов, с которыми эвенки веками соседствовали. Сказанное подтверждается конкретными экспедиционными наблюдениями и фольклорными материалами. В частности, Н. Г. Трофимов, от которого записаны тексты «Храбрый Содани-богатырь» (далее «Содани») и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» (далее «Дэвэлчэн»), владел искусством сказывать не только эвенкийские *нимнгаканы*, но и якутские *олонхо*, причем музыка нимнгаканов в его исполнении отличалась от музыкальной стилистики олонхо [18, с. 7—22].

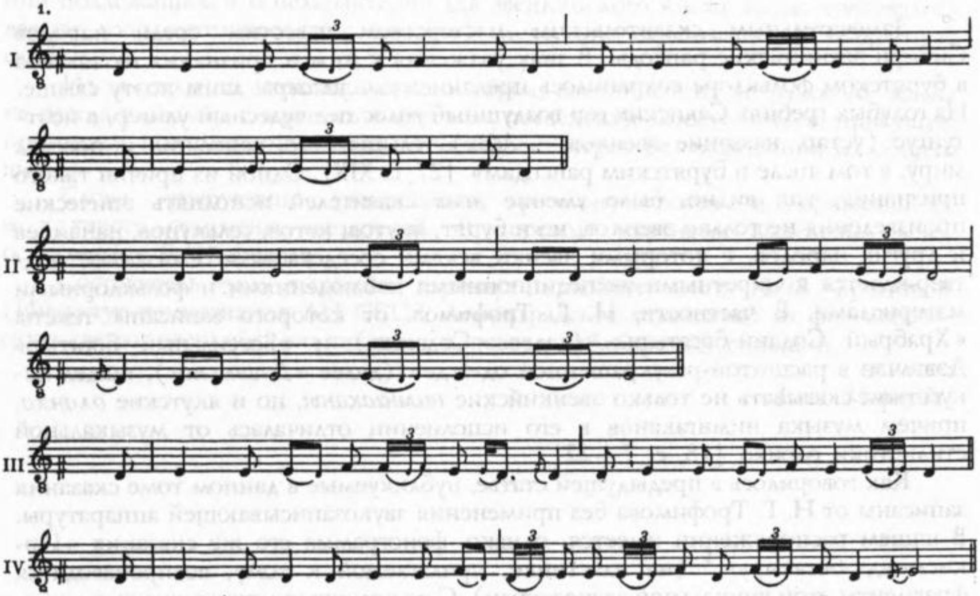
Как говорилось в предыдущей статье, публикуемые в данном томе сказания записаны от Н. Г. Трофимова без применения звукозаписывающей аппаратуры. В нашем распоряжении имеется, однако, фонограмма его же сказания «Иркисмондя-богатырь» [1] (на пластинке, прилагаемой к тому, воспроизводятся фрагменты этой уникальной звукозаписи). С ее помощью можно судить о музыкальных особенностях звучания нимнгакана в исполнении Н. Г. Трофимова. Кроме того, мы располагаем нотировками и другими материалами музыковедов, изучавших эвенкийскую эпическую традицию, — В. Н. Стешенко-Куфтиной, Б. М. Добровольского и А. М. Айзенштадта. На этой комплексной основе нам предстоит дать музыковедческую характеристику эвенкийского эпоса, соотношения в нем вербального и мелодического начал. Выводы будут постоянно соотноситься с публикуемыми сказаниями, как бы экстраполироваться на них, что позволит «узнавать» и уяснять себе в их текстах проявление общей музыкальной архитектоники и закономерностей.

---

[1] Сказание «Иркисмондя-богатырь» записывалось от Н. Г. Трофимова в 1966 г. дважды: первый раз «под карандаш» [32, с. 96—306], второй раз — на магнитофон (результат этой записи частично публикуется в данном издании — грампластинка и нотные примеры № 10—20).

Первые нотировки напевов из эвенкийских сказаний были опубликованы В. Н. Стешенко-Куфтиной, которая отметила, что в «тунгусской сказке „Богатырь Обланжа“ (в записи допущена неточность — Оболондя — „бедняк-неудачник“. — *Авт.*)... каждый персонаж, а их одиннадцать, в патетическом моменте сказа поет свой монолог на особый мотив, представляющий из себя модификацию одного общего мотива всей сказки...» [35, с. 90—91]. К сожалению, в публикации не приводится сюжет сказания, мелодии не подтекстованы и принадлежность каждого напева тому или иному персонажу не определена. Все это затрудняет анализ целостной драматургии сказания и не дает возможности определить в ней роль песенных монологов. Тем не менее нотировки В. Н. Стешенко-Куфтиной ценны прежде всего тем, что они представляют стилистику именно восточно-эвенкийской традиции сказительства[2], к которой относятся и тексты «Содани» и «Дэвэлчэн».

1.



Мелодика всех напевов сказания «Богатырь Оболондя» олиготонная[3], что, естественно объединяет их и позволяет В. Н. Стешенко-Куфтиной определить как «общий мотив», но в ритмике реальное родство только у I, III и IV напевов — это тетраямбовая[4] строка, содержащая распевы долгих длительностей:

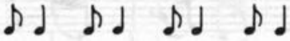
---

[2] Запись произведена в 1928 г. Место записи указано не точно: «остров Уд в Охотском море» и второе указание — «близ озера Орель». В обоих случаях речь идет о Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края [32, с. 90].

[3] Термин «олиготоника» введен в музыкальную фольклористику К. В. Квиткой и определяет звуковысотную организацию с узким амбитусом — два-три звука расположены друг от друга в секунду [17, с. 274].

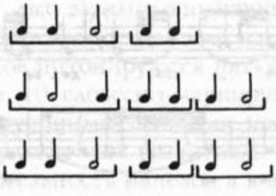
[4] При дефиниции ритмической структуры мелодики использованы античные названия стоп-мотивов, ставшие универсальными в музыкальной этнографии [36, с. 120].

2.



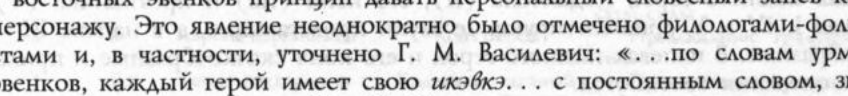
Ритмическая организация II напева в данной нотировке не сводится к однозначной ритмоформуле:

3.

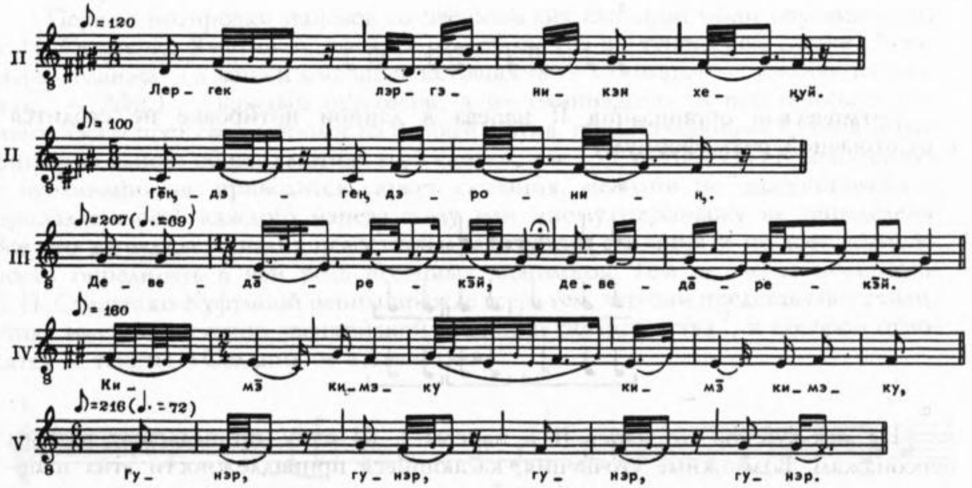


Не исключено, что напев II и напевы I, III и IV принадлежат разным персонажам. Возможные уточнения, касающиеся принадлежности этих напевов каким-либо персонажам, можно будет сделать после анализа других нотировок, относящихся к восточно-эвенкийской сказительской традиции. Здесь же следует указать, что В. Н. Стешенко-Куфтина, говоря об индивидуализированных напевах персонажей («на особые мотивы»), имела в виду распространенный у восточных эвенков принцип давать персональный словесный запев каждому персонажу. Это явление неоднократно было отмечено филологами-фольклористами и, в частности, уточнено Г. М. Василевич: «. . .по словам урмийских эвенков, каждый герой имеет свою *икэвкэ*. . . с постоянным словом, значение которого ныне позабыто» [7, с. 3]. Согласно этому утверждению, в тунгусоведении принято считать, что каждому новому словесному запеву, а следовательно, и персонажу соответствует и новая мелодия. Дальнейшее изучение материалов по нимнгаканам позволит уточнить это положение.

Следующий опыт нотировки и музыковедческого комментария музыки эвенкийских сказаний предпринял Б. М. Добровольский, который приводит материалы по музыке восточно-эвенкийского сказания «Кодакчон», записанного от рапсода С. М. Савина [7, с. 27—29, 185—197, 374—391][5]. В результате исследования текста сказания Б. М. Добровольский выявил пять типовых напевов, характеризующих следующие персонажи: птицу-вестницу — I напев; коня Боскондяринди — II; Кодакчона, главного героя сказания, — IIа; девушку Нюрдяк, дочь старика Угояна и суженую Боскондяринди, — III; девушку Секак, суженую Кодакчона, — IV; врага-*авахи* Тогондора — V напев [7, с. 387—391].

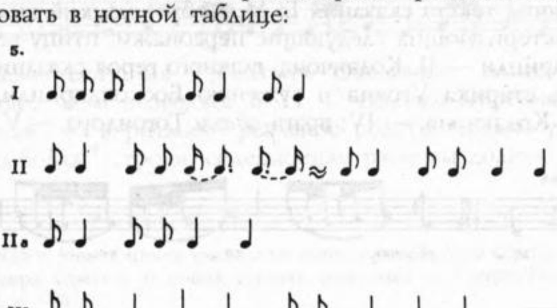


[5] Запись произведена в 1960 г. в Ленинграде от С. М. Савина, проживающего на р. Урми Хабаровского края. Нотировка выполнена Б. М. Добровольским и В. В. Коргузаловым. В записи эвенкийских напевов авторы использовали удачный в данном случае прием Б. Бартока и при помощи нотной графики выделили орнаментальные тоны петитом.

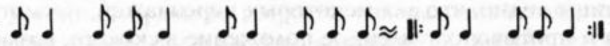


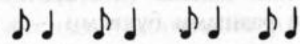
В приведенных напевах большое внимание уделяется орнаментации звуков. Например, более активная орнаментация наблюдается в напевах женских образов — птицы-вестницы (I), Нюрдяк (III) и Секак (IV), более сдержанная — в напевах главного героя Кодакчона (II), его коня (IIа) и противника (V). В напевах I, IV и V орнаментирующие звуки прилегающие, а в напеве III — скачкообразные. В напевах главного героя и его коня скачкообразные и прилегающие опевания сочетаются.

В ладовом отношении напевы IV и V близки тем, которые записаны В. Н. Стешенко-Куфтиной. Новый тип организации возникает в ладовых нормах I, II, IIа, III напевов. В них проявляется скачкообразное чередование опорных тонов, что довольно метко определено В. Виорой как хазматоника [6]. Показательно, что напев противника Тогондора близок к мелодиям, приводимым В. Н. Стешенко-Куфтиной не только в ладовом, но и в ритмическом отношении (тетраямбовая строка). Тем не менее в нотных примерах, записанных Б. М. Добровольским, обращает на себя внимание разнообразие ритмики строк, что удобнее продемонстрировать в нотной таблице:



[6] Хазматоника определяет систему с широкими интервалами между соседними звуками лада [36, с. 104].

IV 

V 

Б. М. Добровольский в музыковедческом комментарии к нотировкам ставит цель определить сюжетные функции напеваемых разделов, что позволяет более точно представить музыкальную композицию сказания «Кодакчон». В частности, он отмечает два взаимодополняющих принципа: варьирование родственных мелодий и противопоставление контрастных. По наблюдениям автора, 15 песенных разделов интонируются пятью мелодиями, которые, в свою очередь, репрезентируются 10 словесно-маркирующими зачинами. Сочетание типовых мелодий с маркирующими зачинами имеет определенную последовательность, обусловленную сюжетным развитием.

Представим последовательность напевов в виде табл. 1, где отражен зачин, состоящий из словесно-маркирующих слов, указан персонаж и обозначена сюжетная ситуация, в которую входит соответствующий песенный раздел.

Таблица 1*

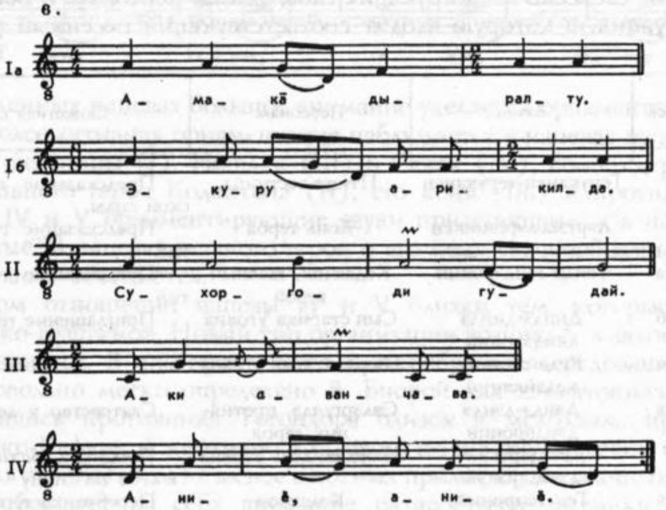
№ песенного раздела	Напев	Зачин	Персонаж	Сюжетная ситуация
1	I	Геруканен-геруканен	Птица-вестница	Предсказание герою богатырской силы
2	II	Лэргэк лэргэникен	Конь героя	Предсказание грядущих событий
3	IIа	Гендэ гендэронин	Кодакчон, главный герой	Предсказание грядущих событий
4	IIб	Диндэ-диндэ диндэронин	Сын старика Угояна	Приглашение героя в гости
5	Iа	Кедайканин-кедайканин	Нюрдяк, дочь Угояна	То же
6	IIв	Дэндэ-дэндэ дэндэронин	Сэлэргундэ, противник героя	Сватовство к девушке Нюрдяк
7	III	Дэвэдарэкэй-дэвэдарэкэй	Нюрдяк, дочь Угояна	Просьба к *авахи* посадить героя к себе на спину
8	IIа	Ген генронин	Кодакчон	Перебранка героя с противником *авахи*
9	IV	Кимэ кимэку	Секак, девушка	Приветствие в адрес героя и предупреждение его
10	V	Гунер-гунер, гунер-гунер	Тогондор, противник героя	Представление герою и самовосхваление
11	IIа	Гене генеронин	Кодакчон	Представление врагу и вызов противника на бой
12	IIа	Генер-генер генеронин	Он же	Предложение перейти на площадку для поединков
13	IIа	Гене генеронин	»	Приветствие племяннику Идагурчану
14	IIг	Тинтэ тинтэронин	Идагурчан, сын Боскондяринди	Представление своему дяде — Кодакчону
15	IIа	Генер генеронин	Кодакчон	Воспевание земли и заключение сказания

* Авторы считают своим приятным долгом выразить признательность Е. С. Новик за содействие в описании приводимых ниже сюжетных ситуаций.

Из таблицы видно, что для некоторых персонажей, несмотря на их разные слова-запевы и противопоставленное положение в сюжете, возможно интонирование на мелодические варианты одного напева (достаточно посмотреть на модификации напева II, обозначенные разными буквами — а, б, в, г). Кроме того, девушка Нюрдяк поет на разные мелодии и с разными запевными словами (ср. нотные примеры 5—Iа и 7—III).

Следующим шагом в изучении музыки эвенкийских нимгаканов были работы А. М. Айзенштадта, который собирал материалы по разным локальным группам эвенков — южным, северным и восточным. В 1960-е гг. им был записан музыкальный материал, позволяющий представить локальные особенности в мелодике песенных разделов эвенкийских нимгаканов [1, 2].

Напевы нимгаканов южных эвенков характеризуются прежде всего отсутствием персонажно-маркируемых запевов. Вместе с тем мелодии южных нимгаканов отличаются краткостью и тезисностью [7].



Все напевы включены в небольшие нарративные тексты, которые фольклористы более склонны относить к сказкам или к преданиям. Тем не менее, обращаем внимание, что эти песни в кратких сказках являются сюжетным центром и могут свидетельствовать о существовании у эвенков обычая исполнять песню сватанья самой невестой (пример 6, напевы II и III). В традиционном эвенкийском быту данный обычай уже не зафиксирован. Между тем в XI—XIV вв. у чжурчжэней, родственных эвенкам по языку, такая традиция существовала:

---

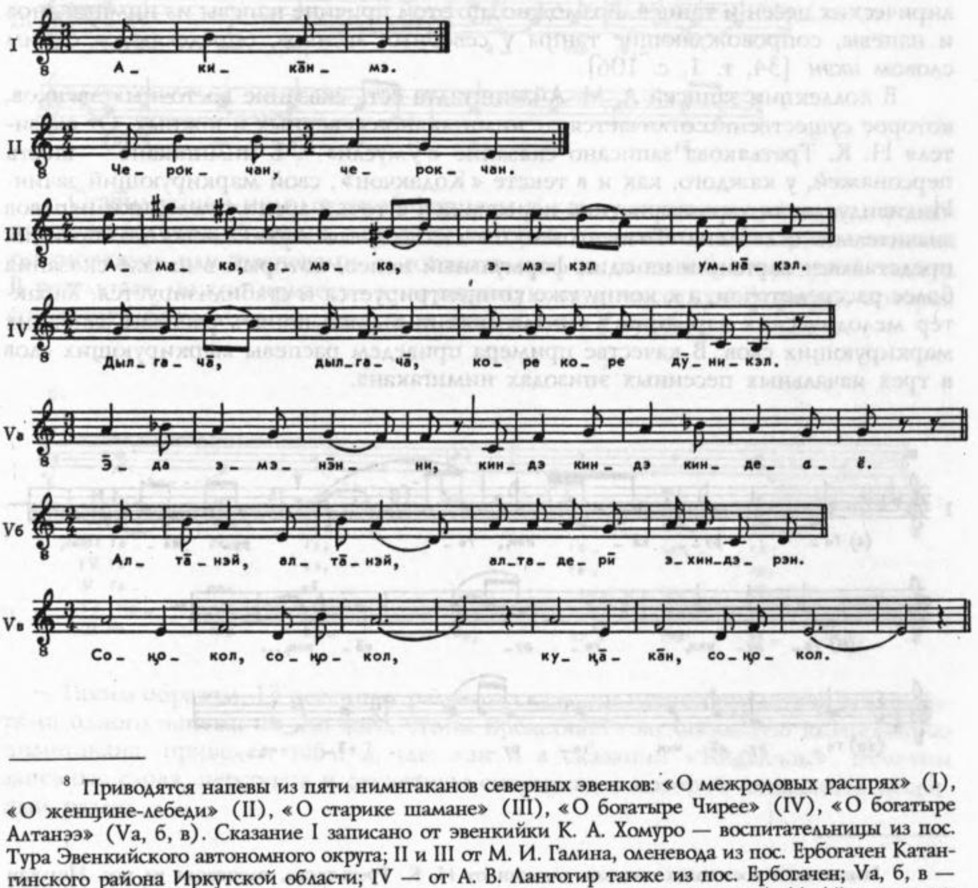
[7] Приводятся напевы из четырех нимгаканов южных эвенков: «О потопе» (Iа, б), «О девушке, сватающей себе жениха» (II), «О женщине, сватающейся за медведя» (III) и «О межродовых распрях» (IV). Первые два сказания записаны от эвенкийки М. П. Урончиной — оленевода из с. Холодного Северо-Байкальского района БурАССР; третье — от К. И. Шангиной — оленевода также из с. Холодного; четвертое — от Б. Н. Коптиленка из с. Бикит Эвенкийского автономного округа. Запись и нотировка выполнены А. М. Айзенштадтом в 1963—1969 гг.

«Когда девушка достигает брачного возраста, она выходит на дорогу петь песни. В песне она рассказывает о своем происхождении, хозяйственности, внешности. . .» [10, с. 34].

В один из южных нимнгаканов входят два напева, которые родственны, хотя исполняются от имени разных персонажей: старика — создателя всего живого на земле (пример 6, напев Iа) и работников, разыскивающих этого старика (там же, напев Iб). В целом говорить о музыкальной композиции южных нимнгаканов довольно трудно. Скорее всего это небольшие нарративы с краткими песенными «инкрустациями». Мелодии, встречающиеся в повествовательных сюжетах, более песенные и не контрастируют с мелодикой песенных импровизаций — *икэн*.

Мелодика северных нимнгаканов содержит черты, позволяющие сблизить ее с южным, — это интонационная краткость и формульность [8].

7.



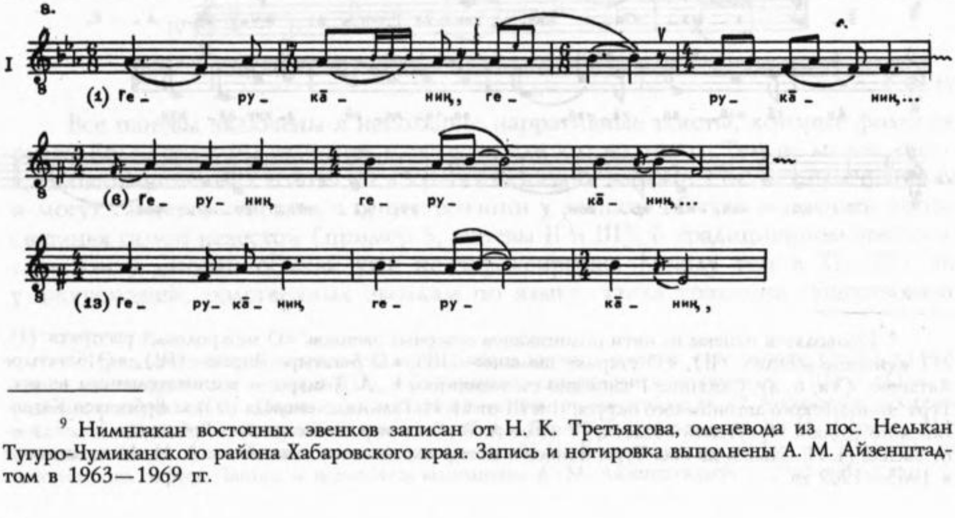
---

[8] Приводятся напевы из пяти нимнгаканов северных эвенков: «О межродовых распрях» (I), «О женщине-лебеди» (II), «О старике шамане» (III), «О богатыре Чирее» (IV), «О богатыре Алтанээ» (Vа, б, в). Сказание I записано от эвенкийки К. А. Хомуро — воспитательницы из пос. Тура Эвенкийского автономного округа; II и III от М. И. Галина, оленевода из пос. Ербогачен Катангинского района Иркутской области; IV — от А. В. Лантогир также из пос. Ербогачен; Vа, б, в — от эвенка Н. Н. Савина из пос. Тура. Запись и нотировка напевов выполнены А. М. Айзенштадтом в 1963—1969 гг.

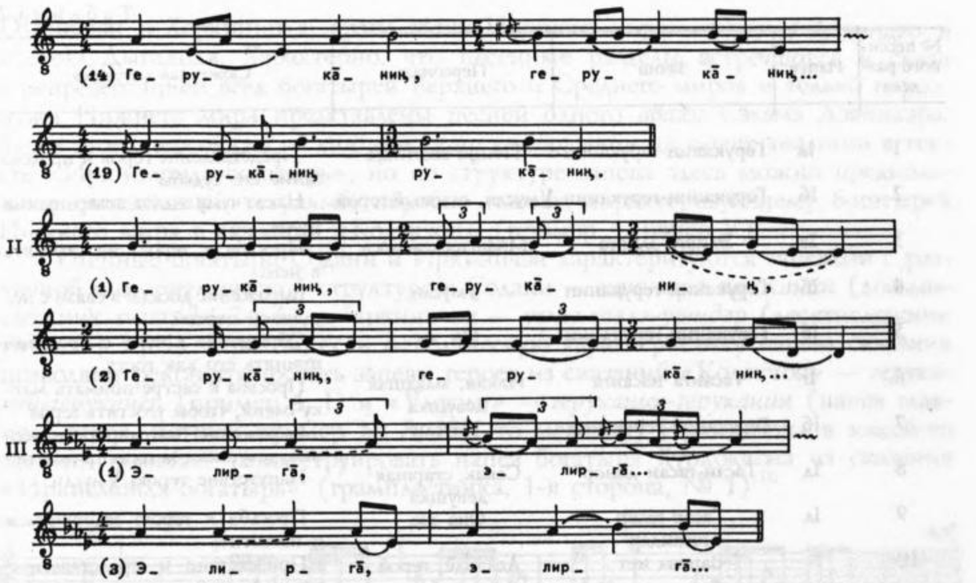
Мелодическую близость к напевам южных нимнгаканов имеет II напев (ср. в примере 6 с III и IV). Ритмическая ямбичность и звуковысотная олиготонность I напева приближают его к мелодиям, записанным от восточных эвенков (см.: пример 1, напевы I, III, IV). Новые структурные черты появляются в напевах III—V в.: это октавный диапазон с поступенным мелодическим заполнением и наличие двух мелодических фраз в одной строке. Эти мелодические фразы построены по принципу вариантного дополнения.

Тексты северных нимнгаканов также отличает сюжетная краткость. Напеваемые поэтические вставки появляются здесь в ключевые сюжетные моменты: в (I) поет птица-вестница, предсказывая судьбу рода; в (II) женщина-лебедь обращается к птице-предсказательнице Черокчан; в (III) девушка обращается к старику шаману; в (IV) поет богатырь Чирей, который сватает дочь старика-Солнца. И наконец, в (V) три разные по стилистике мелодии поются разными персонажами: а — главный герой, б — восхваляющий себя враг, в — поверженный враг. Мелодика напевов северных эвенков не контрастирует с мелодикой лирических песен и танцев. Возможно, по этой причине напевы из нимнгаканов и напевы, сопровождающие танцы у северных эвенков, определяются одним словом *икэн* [34, т. 1, с. 106].

В коллекции записей А. М. Айзенштадта есть сказание восточных эвенков, которое существенно отличается от нимнгаканов северных и южных. От сказителя Н. К. Третьякова записано сказание «Умусли» [9]. В нимнгакане — шесть персонажей, у каждого, как и в тексте «Кодакчон», свой маркирующий зачин. Индивидуальная характеристика персонажей с точки зрения мелодики напевов значительно ослаблена. Точнее было бы сказать, что музыкальная композиция представляет вариации на один формульный напев, который в начале сказания более рассредоточен, а к концу уже концентрируется и стабилизируется. Характер мелодических вариаций в начале сказания дают понять распевы запевных маркирующих слов. В качестве примера приведем распевы маркирующих слов в трех начальных песенных эпизодах нимнгакана.

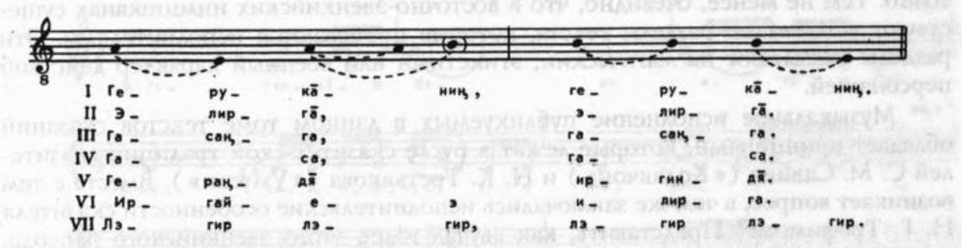


[9] Нимнгакан восточных эвенков записан от Н. К. Третьякова, оленевода из пос. Нелькан Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края. Запись и нотировка выполнены А. М. Айзенштадтом в 1963—1969 гг.



Стабилизация мелодической формулы к концу сказания приводит к устойчивой мелодической схеме, варианты которой отличаются лишь ритмическими остановками или распевами в соответствии со слоговой структурой текста. В результате можно привести инвариантную звуковысотную формулу, которая соответствует всем семи словесным зачинам в «Умусли».

9.



Таким образом, 13 песенных разделов сказания можно представить вариантами одного напева, но для того, чтобы представить музыкальную композицию нимгакана, приведем табл. 2, где, как и в сказании «Кодакчон», отметим запевные слова, персонаж и сюжетную ситуацию, в которой появляется песенный раздел.

Таблица 2

№ песенного раздела	Напев	Зачин	Персонаж	Сюжетная ситуация
1	Iа	Геруканин-геруканин	Птица-вестница	Представление героя и предсказание его судьбы
2	Iб	Геруканин-геруканин	Умусли, главный герой	Наказ чуму ждать возвращения героя
3	Iв	Элирга-элирга	Мифический лось	Просьба к герою не стрелять в него
4	Iб	Геруканин-геруканин	Умусли	Выражение досады в связи с неудачной охотой
5	Iб	Геруканин-геруканин	Он же	Обращение к чуму с просьбой принять его как гостя
6	Iг	Гасанга насанга	Илкан, младшая девушка	Просьба к сестре поймать матку оленя, чтобы угостить героя
7	Iб	Геруканин-геруканин	Умусли	Выражение благодарности лесным девушкам за гостеприимство
8	Iд	Гасан-гасан данор	Секак, старшая девушка	Напутствие герою Умусли
9	Iд	Гасар-гасар гасандар	Она же	Просьба к герою задержаться и погостить
10	I	Запева нет	Деланде, герой	Приветствие и представление герою Умусли
11	Iе	Лэгир-лэгир, лэгир-лэгир	Трехглавый летающий змей	Сватовство к девушке Илкан
12	Iж	Герандяа иргиндяа	Деланде	Вызов противника на бой
13	Iж	Иргайеэ илирга	Он же	Предложение перейти на площадку для поединков

Изучение текстов «Кодакчон» и «Умусли» позволяет сделать вывод, что оба сказителя исполнили нимнгакан в несколько сокращенном варианте. Поэтому чтобы судить об эпическом принципе, этих двух примеров еще недостаточно. Тем не менее, очевидно, что в восточно-эвенкийских нимнгаканах существуют устойчивые разделы текста, которые пропеваются исполнителями. Эти разделы указывают на магический, этикетный или военный характер действий персонажей.

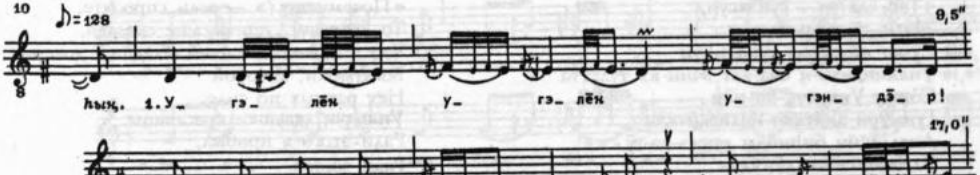
Музыкальное исполнение публикуемых в данном томе текстов сказаний обладает принципами, которые лежат в русле сказительской традиции сказителей С. М. Савина («Кодакчон») и Н. К. Третьякова («Умусли»). Вместе с тем возникает вопрос, в чем же заключались исполнительские особенности сказителя Н. Г. Трофимова? Представить, как звучал голос этого эвенкийского рапсода, можно на основании фонозаписи сказания «Иркисмондя-богатырь». Фонограмма содержит 178 песенных разделов, причем каждый из них достаточно развернут и продолжителен. Поются песенные разделы от лица 38 персонажей. Изучение музыкальной композиции не входит в задачи данной статьи. Фонограмма сказания «Иркисмондя-богатырь» привлекается только для того, чтобы определить особенности пения сказителя и репрезентации музыкальных особенностей исполнения напевов основных героев, которые присутствуют как в этом нимнгакане, так и в публикуемых в данном томе.

В сказании «Содани» сложилась парная система образов: оленные герои Среднего мира — Содани и Иркиничэн; конные богатыри Верхнего мира —

Олингачан и Херкининдя; враги-*авахи* Нижнего мира — Сэлэмэ Дэвиндэр и Сэлэмэ Дыгияндя. Характерно, что песенные разделы встречаются в связи с репрезентацией всех богатырей Верхнего и Среднего миров и только персонажи Нижнего мира представлены песней одного *авахи* Сэлэмэ Дэвиндэра. Запев этого персонажа — *кингир-кингир кингирдэнин* не имеет аналогии в тексте «Иркисмондя-богатырь», но по структуре запева здесь можно предположить олиготонный тетраямб, подобно напеву, характеризующему богатырей Нижнего мира в сказании «Кодакчон» (пример 4, напев V).

Оленные богатыри Содани и Иркиничэн характеризуются запевами с различной слогоритмической структурой: Содани — *гиро-гиро гироканин* (восьмисложник типа: 2+2+4), а Иркиничэн — *угэлэ-угэлэ-угэндэр* (десятисложник типа: 3+3+4). Причем, если мелодическую характеристику напева сказания позволяют реконструировать запевы героев из сказаний «Кодакчон» — *геруканен-геруканен* (пример 4, I) и «Умусли» — *геруканин-геруканин* (напев главного героя, нотный пример № 8, Iб), то мелодику Иркиничэна в какой-то степени помогает реконструировать напев богатыря Хуркокчона из сказания «Иркисмондя-богатырь» (грампластинка, 1-я сторона, № 1)[10].

10



1 *һың.* «Угэлēн-угэлēн угэндэ̄р!
Хэр-кэ-ӈ эһилэнэ Бēгандāр
Этыркэн гунмуриэ-кэ-ӈ,
Улгэндэ̄р баян атыркāн,
С-к̄э-*н* уркэвэр нӣдексэ̄л,

1 «*Угэле-угэле угэндэр!* [11]
Вот теперь,
Старик по имени Бегандар,
Почтенная Улгэндэр-старушка,
Открыв дверь,

---

[10] Ниже во всех примерах отрывки из эвенкийских сказаний приводятся в соответствии с их звучанием на пластинке.

[11] Здесь и далее переводы А. Н. Мыреевой.

Доро̄воё-*а* дявакалду!
Тадук о̄дакин эһилэ-ӈ минэвэ-ӈ
Йргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Ма̄та̄, эмэксэ̄кэ̄н,
Доро̄волко̄н, улгӯрилкэ̄н-ē
О̄данды-ка-гӯ гуннэл
Улгумӣвкӣл о̄даксун,
Эһилэ-н эр-кэ гунэм
Ӯгӯ бугадӯ-ӈ о̄скēчэ̄-ты̄ва̄нча̄
Дергэлдин амилка̄н биӈнэм,
Гēван этыркэ̄н нӣдэгӯ һуна̄дин
Сēка̄к киливлӣ-ӈ энилкэ̄н биӈнэм.
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ нэ̄мэлкэн,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун куиргис кунтуһилкэ̄н
Мэрилэ̄ соногоһилка̄н
Ӯгӯ буга Хурко̄кчо̄нин гунмурӣ о̄дам.
Тадук о̄дакин
«Эр-кэ ёкун дю̄гӯдӯн эмэчэ̄с?» —
Гунды̄л биһиксун,
Мэ̄нми-кэ-гӯ бэе о̄рӣ
Кэскилдӯвӣ-ӈ илан Сивӣр сикты̄рвэ̄н
Гиркудярӣ ма̄та̄ биӈнэм-кэ.
«Тар ёда̄?» — гунэксун,
Эһилэ-гӯ-ӈ эр-кэ ня̄н
Сӯ-кэ нӣдэгӯмэ суна̄диһун
Унякиндивӣ-ӈ ēва-кат эчӣн-кэ тулутта
Со̄ниӈ Уняптук-ка ня̄н
Гунмурӣ аһа̄тка̄н-киливлӣтка̄н
Аналла̄кин биһинды гуннэ-кэ-гӯ
Улгучэ̄ннэтын дю̄гӯдӯн
Сунта̄р суракла̄һун,
Гэнтэ̄рмэ гэрбӣлэ̄һун эмэчэ̄в.
Каятынмал-ка эрэйдэ̄дес —
Бӯрӣ, эһӣ-ӈ, тӯрэ̄нмэр
Тӯрэтмэлчэкэлду!
Сирӣ бэевэ̄н экэлду сирӣчивчара,
Аян бэевэ̄н экэлду ала̄чивчара-ӈ!
Со̄ди турнэнди-ӈ улгӯрнэлду!
До̄лдымалчавкӣ о̄дякта-ӈ!
Угэлē угэндэ̄р!» — гуниттэн.

Примите привет!
После этого —
«Кто ты по роду-крови,
Мата, пришедший
С приветом и разговором?» —
Если меня спросите,
То так
Я теперь скажу:
В Верхнем мире родившийся-выросший
Дергелдин — мой отец,
Младшая дочь Гевана-старика
Секак-красавица — моя мать.
Ездящий на пегом коне,
Родившемся с серебряным седлом,
С звенящей серебряной уздой,
Хуркокчон Верхнего мира — мое имя.
После этого —
Если спросите:
«Ради чего ты пришел?» —
То [отвечу]:
Ради своей судьбы
Хожу я по трем мирам.
«Почему так?» — если спросите,
То [отвечу]: теперь мне сказали,
Что я суженый вашей младшей дочери,
Богатырки, которой
Нет равных по силе,
Уняптук девушки-красавицы.
Ради этого я прибыл,
Ради вашей
Громкой славы,
Звонкого имени.
Как долго вы меня мучаете,
Согласны вы или нет,
Говорите!
Не задерживайте путника,
Не заставляйте ждать странника!
Поскорее ответьте!
Очень хочу услышать!
Угэле угэндэр!» — сказал [Хуркокчон].

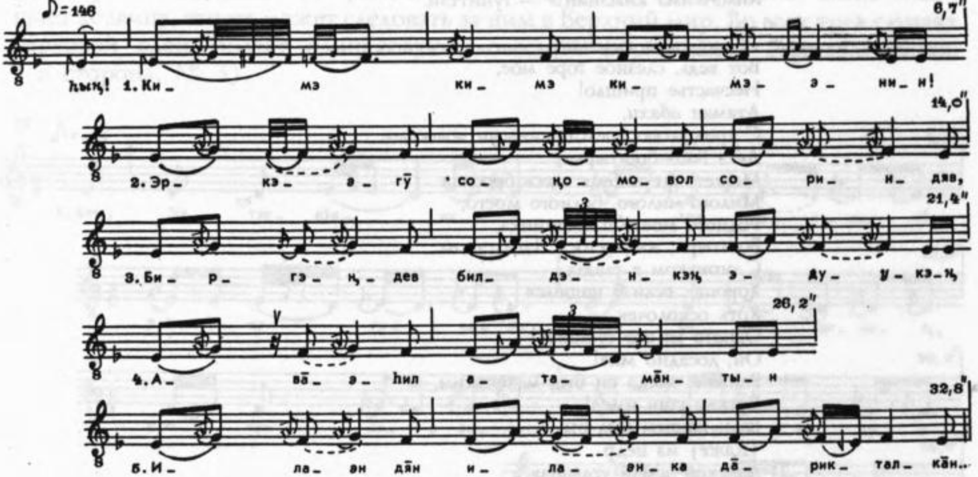
В манере пения заметны прием верхней фарингализации с легким звучанием палатализации [12] и обильная орнаментация звуков в середине строки. Звучание напева в олиготонном звуковом объеме позволяет выдержать весь напев в единой тембровой манере. Отметим, что пение оленного и конного Хуркокчона в сказании «Иркисмондя-богатырь» не противопоставлено, а, наоборот, звучит на одинаковом напеве и позволяет предположить, что пение конных богатырей сказания «Содани» — Олингачана и Херкининди, имеющих одинаковую структуру запева: 2 + 2 + 3 (*улыр-улыр улырой* и *юкир-юкир юкирмой*), было если не одинаковым, то однотипным. Вполне вероятно, что сжатие слогового объема в них могло происходить по тем же мелодическим принципам,

[12] Здесь и далее при характеристике фонозаписей мы считаем целесообразным выделять тембровые характеристики пения, отмечая при этом артикуляционные принципы звукоподачи. Используемая нами терминология заимствована из экспериментальной фонетики [20]. Такое аналитическое описание позволяет выделить тембр в качестве релевантного признака эвенкийского мелоса.

которые были выявлены в сказании «Умусли» (пример 9). Можно допустить, что мелодика конных героев в данном случае содержала хазматонический принцип организации, подобно тому как представлены конь и герой в сказании «Кодакчон» (пример 4, II и IIа).

Женские образы в нимнгакане «Содани» представлены тремя поколениями: сестра героев Содани и Иркиничэна — Аякчан Ивекчан; жена Иркиничэна — Солкондор и их дочь Туливчан. Запевы всех героинь имеют одинаковую слоговую структуры: 2 + 2 + 3. Более того, словесный запев Туливчан буквально совпадает с запевом девушки Секак из сказания «Иркисмондя-богатырь». Думается, что этим запевом и целесообразно иллюстрировать пение женских персонажей в сказаниях, исполненных Н. Г. Трофимовым (грампластинка, 1-я сторона, № 2).

11



ђың! «Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Эр-кэ̄-гӯ соңомо̄-вол сориндя̄в,
Биргэндё̄в дилдэн-кэ-ң!
Эдӯ-кэ-ң ава̄-э-ћил атама̄нтын
Ила-эн дян ила-эн-ка да̄рикталка̄н нюриктэлкэ̄н
Дегэ Бабэ гунэрӣ
Со̄ниң-ка бӣ-кэ-гӯ
Кāрēн-кāрēн мула̄нē-вал
Нэкун гундӣ нэкунмэв-кэ-гӯ
Тогоко̄мо ё̄ћалка̄н
Чагилкан гунэрӣ мататка̄нма-ка-гӯ-ң
Йдӯ-вэл гарада̄нан са̄тар-ка
Умун-мул дяланин кирамтака̄нин-да̄-гӯ
Ичэврэ эңнэрэн!
Ё̄нэй-то̄най аваккав!
Нонон-ко дёкё̄дӯвӣ
Сё̄ндивӣ чо̄р-да̄-ма-н бичэ̄н-е̄!
Йникин биденэ-ң,
Ир-вэл буга-гӯ

Һэрэдукин до̄лдыкса̄,
Тӯрэ̄рбу-вэл эӈнэрэн о̄дяран!
Экуктэн-дэ̄ эһин биһи,
Онно̄гор ӯгӯ буга бо̄юнин
Аӈнакӣлдук аяргӯтын,
Ма̄та̄лдук ма̄ныргӯтын
Багдарӣн мэӈун-кэ тэтылкэ̄н
Дылача̄ омолгин
Дергэлдин гунэрӣ-кэ
Ма̄та̄тка̄н ня̄н
Бӯ-кэ-гӯ сутулдӯвун
Будэн-мундэн эчэ до̄!
Бӯ-кэ-гӯ гэрбӣлвун
Суксаврӣтын-ка-гӯ о̄дан-ка эчэ до̄,
Бирэ до!
Соӈомо̄-вал сорундя̄лви,
Биргэндё̄лви билдэ-кэ!
Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!» — гуниттэн.

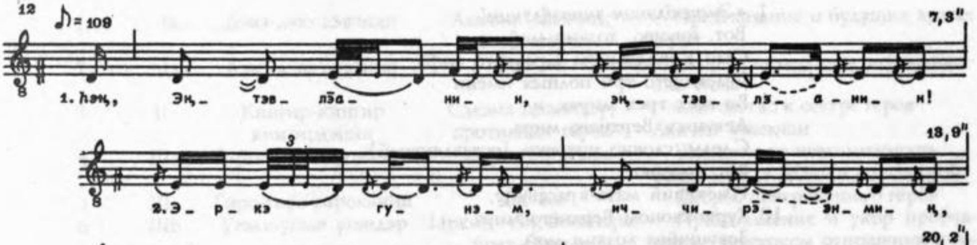
«*Кимэ-кимэ кимэнин*!
Вот ведь, слезное горе мое,
Несчастье пришло!
Атаман *авахи*,
С тридцатью трехсаженными волосами
Дегэ Бабэ-богатырка,
Может, где-нибудь здесь бросила
Милого-милого, бедного моего,
Родного моего племянника,
Богатыря, зовущегося Чагилганом
С огоньком в глазах.
Хорошо, если б нашелся
Хоть осколочек
Одного из его суставов!
Ой, досадно мне!
Раньше, когда он был маленьким,
Чуткие уши имел!
Если живым был бы,
[Даже] из недр
Далекой земли услышав,
Заговорил бы!
Это еще не все!
Даже силач Верхнего мира,
Лучший из чужеродцев,
Самый славный из богатырей,
В одежде из серебра,
Сын солнца
По имени Дэргэлдин —
[Этот] богатырь
Погиб-сгинул
В нашей битве!
Ведь из-за этого
Очернится
Наше имя!
Слезное горе мое,
Несчастье большое пришло!
Кимэ-кимэ кимэнин!» — сказала [Секак].

В исполнении напева появляется активный толчок дыхания, дающий флажолетный призвук. Высокая форманта выделяется благодаря ярковыраженной

палатализации и твердому положению в полости голосовых резонаторов. Олиготонный звукорядный объем и более высокая тональность дают возможность удержать этот довольно сложный прием звукоизвлечения на протяжении всего пения. В ритмической организации этого напева большую роль выполняют распевы начальной строки и последующая стабилизация формулы напева. Восходящий распев в начале каждого мотива выполняет важное сегментирующее действие. Обращаем внимание на отличие напева *кимӭ-кимӭ кимӭнин* в исполнении Н. Г. Трофимова от родственного напева *кимэ кимэку*, исполненного Н. Н. Савиным в нимнгакане «Кодакчон» (пример 4, IV). Объединяют эти напевы регистр, ладовая форма и богатая орнаментация начальной строки.

Текстуально мелодический раздел, поющийся от имени верхового оленя, совпадает не только в сказаниях «Содани» и «Хуркокчон», но и «Иркисмондя-богатырь». Совпадает этот раздел и по сюжетному содержанию: олень сообщает хозяину, что не может следовать за ним в Верхний мир. Во всех трех случаях верховой олень имеет одинаковую словесную форму-запев (грампластинка, 1-я сторона, № 3).

12



1 *һэң,* «Эӈтэвлӭ-*а*-нин-эӈтэвлӭ-*а*-нин!
Эр-кэ гунэм, иччирӭнми-ӈ
Илан Си-э-вӣр сиктырӥэ-*а*-дӯн
Ситэримэ-ӈ гэрбӥелкӭн

Дулин буга Коколдоко̄-*а*-нин амилка̄н-и-ŋ,
Ӯгӯ буга килиялитка̄нин
Томкоды̄ка̄н о̄ва̄нды-ка-ŋ удялка̄н-е̄-ŋ
Эһилэ-гӯ-ŋ эр-кэ гунэм
Энинмэкэ̄н-е киливлӣтка̄н энилкэ̄н-е̄-ŋ
Ӯгӯ буга-ŋ Хуркōкчо̄нин
Гунмурӣ-кэ-ŋ иччирэ̄нми-ŋ,
Токто̄ксо̄ко̄н, болгоикса̄,
Бӣ тӯрэ̄нмэв до̄лчӯмка̄кал!
Эр-кэ-ŋ эдук минŋэчӣн-кэ-ŋ
Энин Е̄ӗксит энилкэ̄н-е̄-ŋ,
Амин Аӣһит амилка̄н-е̄-ŋ
Аӣ бэен орон-со̄һун
Эрэгэмэ-ŋ кӗйан-да̄-гӯ-ŋ
Эһӣн-дэ̄-гӯ һуктыдерэ
Буга-ка ня̄н бидевкӣ-гӯ
Тар-ве̄т-ка-гӯ бимӣ-кэ ня̄н
Эһилэ-гӯ минэвэ-гӯ
Эр бугадӯ ты̄ндерэкис
О̄ни бимчэ, иччирэ̄нми?
Дялбӣ-ка-гӯ-ŋ улбӯты̄кэ̄н улгӯрдекэл!
Эŋтэвлэ̄нин-эŋтэвлэ̄нин!» — гундечэ̄.

«*Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин!*
Вот, говорю, хозяин мой,
Сын Коколдокона Среднего мира,
Имеющего три полных имени
Во всех трех мирах, и
Девушки Верхнего мира,
Следы, словно ниточки [оставляющей].
Вот, говорю,
Имеющий мать-красавицу,
Хуркокчоном Верхнего мира
Зовущийся хозяин мой,
Остановись, прислушайся,
Выслушай мои слова!
Из этих вот мест
Такие, как я,
Олени человека-*аи*,
Чья мать — Энин Еексит,
Отец — Амин Аихит,
Не могут бежать вперед–
Такая эта страна.
Вот поэтому
Здесь меня отпустить
Мог бы ты, мой хозяин.
Мысли свои выскажи, не скрывая!
Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин», — сказал [олень].

Данный напев объединяет с напевом главного героя (пример 10) тембровая краска — верхняя фарингализация, но обильная орнаментация здесь сменяется активностью форшлагов (почти к каждому звуку). Отличает этот напев и постоянная акцентуация нижнего опорного тона. Ритмика данной строки достаточно остинатная — дважды повторенный пиррихий-спондей, что в какой-то степени напоминает напев девушки Нюрдяк из сказания «Кодакчон» (пример, 4, III).

Приведенных напевов достаточно, для того чтобы представить мелодические отличия в сказании «Содани»: мелодии оленных богатырей и конных богаты-

рей можно представить на основании мелодии героя Хуркокчона из сказания «Иркисмондя-богатырь»; мелодию врага-*авахи* достаточно полно репрезентирует напев Тогондора из сказания «Кодакчон»; мелодику женских образов представляет напев девушки Секак (дополняет эту характеристику мелодика женских образов из сказания «Кодакчон») и, наконец, мелодия верхового оленя наиболее полно восстанавливается благодаря существованию этого персонажа с аналогичным текстом и функцией в сюжете.

Итак, «Содани» содержит 20 песенных разделов. Они выделены в тексте маркирующими запевами, каждый из которых поется от имени девяти уже названных персонажей. Все это позволяет представить музыкальную композицию сказания в виде табл. 3, как это было сделано на примере «Кодакчона» и «Умусли».

Таблица 3

№ песенного раздела	Напев	Зачин	Персонаж	Сюжетная ситуация
1	2	3	4	5
1	Ia	Дэвэ-дэвэ дэвэнин	Аякчан Ивекчан, сестра героя	Предсказание о будущих врагах героя
2	Ia	Дэвэ-дэвэ дэвэнин	Она же	Укор за неуместное использование силы
3	II	Кингир-кингир кингирдэнин	Сэлэмэ Дэвиндэр, противник героя	Сватовство к сестре героя Аякчан Ивекчан
4	IIIa	Гиро-гиро гироканин	Содани-богатырь	Указание на невозможность брака между *авахи* и его сестрой
5	IIIa	Гиро-гиро гироканин	Он же	Скорбь поверженного героя
6	IIIб	Угэле-угэле угэндэр	Иркиничэн, богатырь, брат Содани	Представление и укор противнику в жестоком отношении к герою
7	II	Кингир-кингир кингэрдэнин	Сэлэмэ Дэвиндэр, противник	Хвастовство перед героем
8	IIIб	Угэле-угэле угэндэр	Иркиничэн	Обращение к поверженному врагу
9	II	Кингир-кингир кингэрдэнин	Сэлэмэ Дэвиндэр	Скорбь поверженного противника
10	IIIб	Угэле-угэле угэндэр	Иркиничэн	Сообщение жене о победе над противником и о похищении сестры
11	IIIб	Угэле-угэле угэндэр	Он же	Указание на необходимость похода для вызволения из плена Аякчан
12	Iб	Дею-дею деюкэнин	Солкондор, жена Иркиничэна	Заклинательное напутствие
13	IIIв	Улыр-улыр улырой	Олингачан, конный богатырь	Сообщение о цели своего похода — вызволение из плена Аякчан Ивекчан
14	IV	Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин	Верховой олень	Сообщение о том, что оленю нет дороги в Верхний мир
15	IIIб	Угэлэ-угэлэ угэлэндэр	Иркиничэн	Прощание с верховым оленем
16	IIIб	Угэлэ-угэлэ угэлэндэр	Он же	Отказ от совместного с Херкининдей боя против *авахи* Дыгиянди
17	IIIг	Юкир-юкир юкирмой	Херкининдя, конный богатырь	Просьба уступить возможность биться с *авахи* Дыгияндей

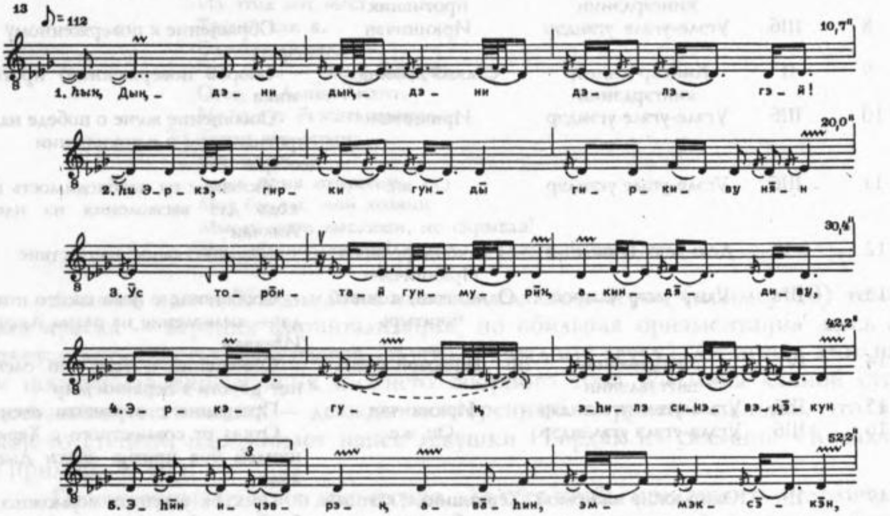
Окончание табл. 3

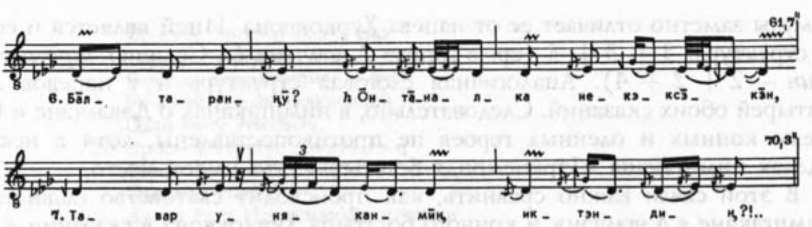
1	2	3	4	5
18	IIIб	Угэлэ-угэлэ угэлэндэр	Иркиничэн	Вызов верхового оленя для возвращения в Средний мир
19	Iб	Дею-дею деюкэнин	Солкондор	Представление Иркиничэну дочери Туливчан
20	Iг	Кимэ-кимэ кимэнин	Туливчан, дочь Иркиничэна	Обращение к родителям и предсказание о своем предназначении

Обращает на себя внимание тот факт, что музыкальная композиция обрамлена напевами женских образов. При этом напев Солкондор делит произведение на две примерно равные части, каждая из которых достаточно обособлена: в первой — поединок персонажей Среднего и Нижнего мира, во второй преобладает мелодический диалог между героями Среднего и Верхнего мира. Возможно, по этой причине *авахи* Дыгияндя «обделен» музыкальной характеристикой.

Уместно отметить больший объем песенных разделов (40) в сказании о Дэвэлчэне и значительно больший набор персонажей (16). Расширение музыкальных разделов объясняется включением ряда новых сюжетных звеньев и персонажей, каждый из которых имеет свой напев.

Центральное место в этом сказании также занимают оленые богатыри Среднего мира, но представлены они только одним персонажем — Дэвэлчэном. Его сын Дугуйчан Дэлэйчэн, имеющий свой напев, тоже богатырь, но ездящий «на пятнистом молодом коне». Чтобы дополнительно конкретизировать мелодическую характеристику оленных богатырей, сопоставим их напев с напевом первого поколения оленных богатырей в нимнгакане «Иркисмондя-богатырь», исполняемом от имени главного героя этого сказания:





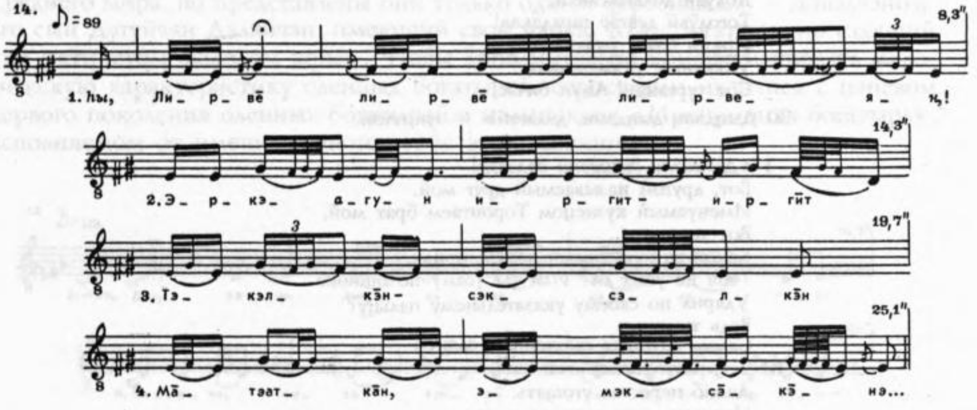
ḥыӈ Дындэни-дындэни дэлэгэй!
ḥи Эр-кэ, гирки гундӯ гиркив-*у*, нян
Ус Торōнтай гунмурӣ-ӈ акиндядиву,
Эр-кэ-гӯ-ӈ эḥилэ синэвэ-ӈ э̄кун
Эḥин ичэврэ-ӈ авāḥин, эм-*м*-эксэ̄кэн,
Бāлтаран-ӈӯ? Ōнтāнал-ка некэксэ̄кэн,
Тавар уняканмӣ-ӈ ӣктэнди-ӈ?
Ол иḥин си-ӈ эр-кэ дёḥуннāк ḥэгдыӈэ-ӈ
Иркин бэюнилбӣ-ӈё имӯксэдуктын
Дыгин кирӣлкāн колумтандядӯвӣ-ӈ
Элнэс борира-ӈ городон эчэ бирэ дō!
Тарит-ка-гӯ дулэй-дэ, нёмōй-дō бичэ̄лӣвӣ,
Иччилэ̄кмэ тӯрэ̄нмэв
Иргэлэ̄вӣ-ӈ иктэвуксэ̄кэ̄н,
Дōдӯвӣ дōлдыксāкāн,
Тогодӯвӣ девгэ̄е гарадāкал!
Иркин бэюн ӯнāдин
Уняканмӣ унямалчакал
Сōт тургэнди! Аḥӯн бичэ̄с!
Дыӈдэни-дыӈдэни, дэлэгэй!» — гуниттэн.

«*Дынгдэни-дынгдэни дэлэгэй*!
Вот, другом называемый друг мой,
Именуемый кузнецом Торонтаем брат мой,
Вот теперь
Какой-то невидимый *авахи*, придя,
Тебя не убил ли? Или ты [сам] по ошибке
Ударил по своему указательному пальцу?
Ведь ты
Салом крупных священных оленей
Четырехугольный очаг свой
Давно перестал угощать.
Поэтому, хоть глух ты и нем,
Вещие мои слова
Пойми разумом,
Учуй нутром —
Брось огню своему угощение!
Сырой мездрой самца-оленя
Перевяжи свой палец
Очень быстро! Так быстро, как можешь!
Дынгдэни-дынгдэни дэлэгэй!» — сказал [Иркисмондя].

Этот напев отличается от напева Хуркокчона тембровой характеристикой и исполняется в более низкой фарингализации и в ритмике маркирующей строки, насыщенной долгими длительностями, каждая из которых украшена вибрацией, форшлагами или опеваниями. Медленный темп этой мелодической

формулы заметно отличает ее от напева Хуркокчона. Иной является и ее слоговая структура: 3 + 3 + 3 (ср. в запеве Дэвэлчэна (и Содани) *гиро-гиро гиро-канин* — 2 + 2 + 4). Аналогичная слоговая структура и у напевов конных богатырей обоих сказаний. Следовательно, в нимнгаканах о Дэвэлчэне и Содани напевы конных и оленных героев не противопоставлены, хотя в некоторых разделах нимнгакана «Иркисмондя-богатырь» это имеет место.

В этой связи важно сравнить, как происходит сватовство главного героя в нимнгакане «Дэвэлчэн» и конного богатыря Хуркокчона в сказании «Иркисмондя-богатырь» [32, с. 148—152, 253—257], а также запевы разных героев в данном эпизоде. Отличия здесь не только в принадлежности главных героев к разным фратриям (оленные люди и конные богатыри), но и в запевных словах. Так, у слуги-пастуха Бокалдына в обоих сказаниях одинаковый запев — *лирве-лирве лирвея*; старший сын старика Бегандара Ирэглинде в первом из названных сказаний поет *эрил дэрил, эрил дэрил*, а во втором — *лингкир-лингкир лингкирйэ*, другой его сын Отани поет соответственно *лингкир-лингкир лингкирйэ* и *калды-калды калдырой*. Как видим, наибольшее отклонение в слоговом объеме маркирующего запева наблюдается в запеве Ирэглинде. Однако полная идентичность эпической ситуации в обоих нимнгаканах позволяет предположить, что пение сказителя в упомянутом эпизоде сказания о Дэвэлчэне существенно не отличалось от пения в аналогичном эпизоде сказания «Иркисмондя-богатырь».



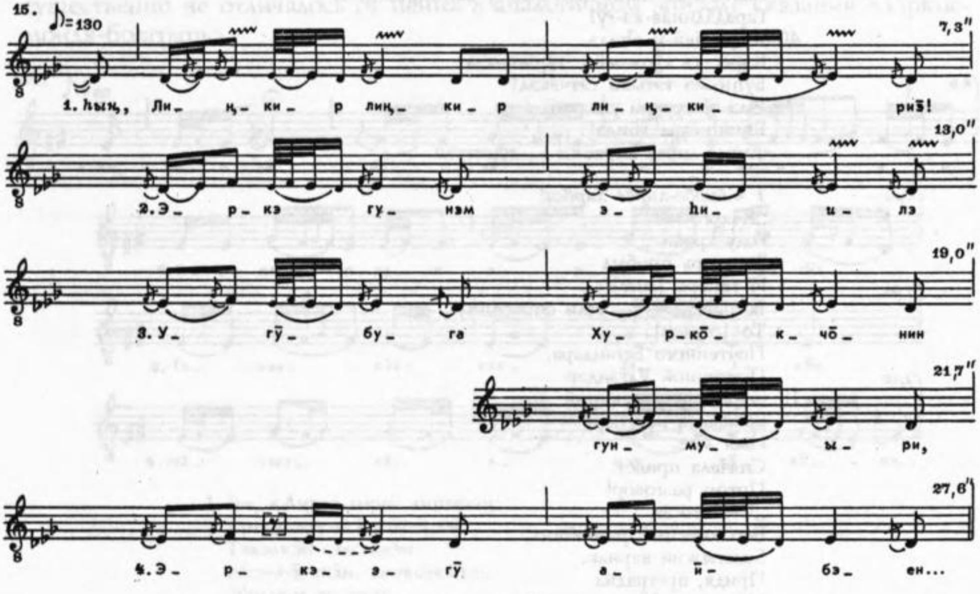
hы, «Лирвē-лирвē лирвēя-*ӈ*!
Эр-кэ-*а*-гу-н йргйт-йргйт
Тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Мāт-*э*-āтакāн, эмэксэ̄кэ̄н-*э*,
Эhилэ-ӈ эр-кэ-гӯ
Бакалдынды гунэкис,
Бēгандāр бэгин-кэ,
Улгэндэ̄р котун-ка
Баяhалин гунмурӣл
Бугаватын караврӣ
Мāтāткāн Бōкāлдын
Гунмурӣ ōдам-ка.
Ноноптӣн-дā-ӈ дорōво бигин,
Амаргӯптын улгӯр нян ōдягин!

Эр-кэ-ӈ, эр-кэ-ӈ ēма-ӈ ēма
Турулуе тōккуӈив,
Баралия баранāкиӈив, эмэксэ̄,
Би-кэ-гӯ удявав ливкичивкӣ
Ōдан-ка-гӯ гунчэнэв,
Эр-кэ-гӯ турулуе тōккун-кэ-ӈ
Эһилэ Геван-ка-гӯ этыркэ̄н
Олоккōн ты̄тэ̄чэ̄
Дулин буга Иркисмэндēн итчатын
Мэ̄мэдукки мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄мэдуккӣ мэӈун куиргис
Кунтуһилкэ̄н-ē-кэ-гӯ мэрилэ̄ соногоһилкāн
Эһилэ ӯгӯ буга Хуркōкчōнин гунмурӣ
Иркисмэндē-ӈ эһэвӣ
Коӈнорӣн кувэ̄һэлин имӯксэдӯтын
Куӈирбучā-ӈ, акталдӯтын каһарбучā биһинды.
Эһилэ тариӈмӣ эӈэһӣвэ̄н
Эликсэ̄ кēйда-ка-гӯ тырчигинэ̄нэвэс-кэ
Тыкивкэ̄ндыв ōдан-ка-ӈ!
Эр-ты-ӈ эһит дулӣакāклāс
Чāлбāткāн тыевундивӣ
Дэлпэрэгэр иктэксэ̄к,
Калтакавас окто-гӯ āнӈгидāткӣн,
Калтакавас няни һокто-ко-гӯ дегинӈидэ̄ткӣн
Гарадāдинāв-кэ-гӯ!
Аяӈаһӣвӣ-ӈ эһилэ
Кэрēс-кэ тӯрэ̄нмӣ-е тӯрэ̄гчэкэл!
Буһӣкмэ тэ̄тывӣ тэтчэкэл!
Илэ-гӯ сурурӣ укчаккӣ
Бэлэннēкэл эһилэ!
Лирвē-лирвē лирвēя.» — гуниттэн.

«*Лирве-лирве лирвея*!
„Какого же
Роду-крови
Богатырь прибыл
И теперь [мне]
Встретился?" — если спросишь,
То [отвечу]:
Почтенного Бегандара,
Почтенной Улгэндэр
Страну охраняющий
Бокалдын-богатырь —
Имя мое.
Сначала привет.
Потом разговор!
„Что это за
Бессловесный разбойник,
Бесстыжий варнак,
Придя, преградил
Мне тропу?" — я подумал.
Оказывается, этот разбойник бессловесный,
Гевана-старика
Место занявший,
Иркисмонди Среднего мира отпрыск,
Ездящий на молодом пегом коне,
Родившемся с серебряным седлом,
С звенящей серебряной уздечкой, —
Хуркокчон Верхнего мира.
На сале черных холощеных оленей

Нарастил ты сала на своем животе.
От этого возгордился ты,
Стал заносчивым,
А я сейчас же свалю тебя!
Вот сейчас же
Расколю тебя надвое
Своим березовым посохом.
[Одну] твою половину — от тропы вправо,
[Другую] твою половину — от тропы влево
Я брошу!
Пока ты цел,
Скажи прощальные свои слова!
Надень погребальную свою одежду!
Погребального верхового оленя
Себе приготовь-ка!
Лирве-лирве лирвея!» — сказал [Бокалдын].

В звучании голоса слуги-пастуха Бокалдына (грампластинка, 2-я сторона, № 3) слышится палатизированное звучание с мелизматическим опеванием почти каждого звука. Олиготонная ячейка переместилась в наиболее высокий для данного рапсода певческий регистр, а ритмика напева представляет распетый вариант строки с последовательностью: ямб + ямб + молос.



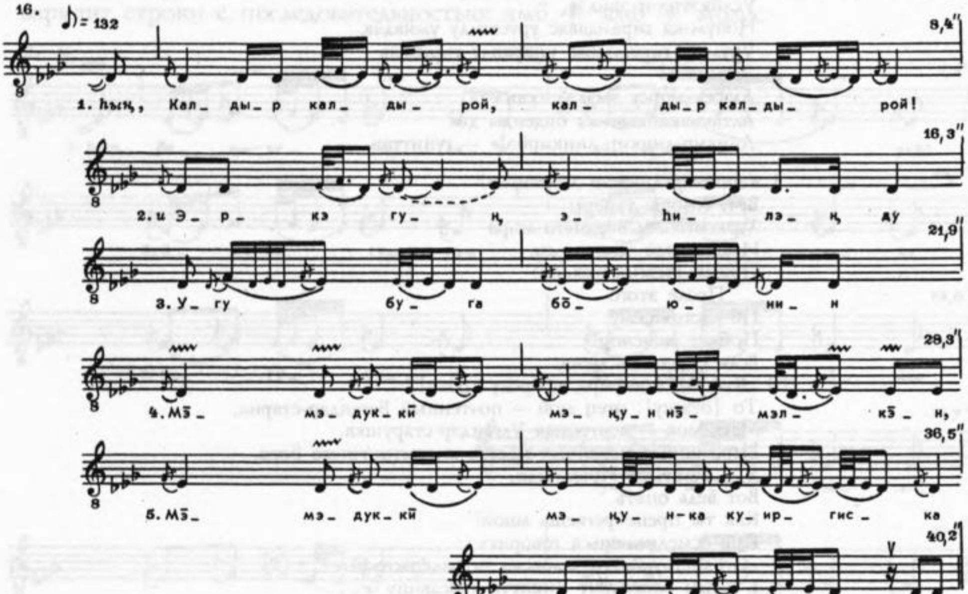
Һын, «Линкир-линкир линкирйӭ!
Эр-кэ гунэм эҺи-*и*-лэ,
Ӯгӯ буга Хуркōкчōнин
Гунму-*ы*-рӣ эр-кэ-э-гӯ аӣ бэен,
Доӊдолима дорōвое дявакал!
Тадукинин одакин
Эр-кэ, эр-гӯ эр илэ
Амаргӯптын улгӯриндӗ-ӊ ōдягин!
Минэвэ-кэ-ӊ ӣргит-кэ тэкэлкӭн-сӭксэлкӭн

Ма̄та̄-ка-гӯ о̄данды гуннэ-гӯ улгумӣвкӣ-н о̄дакис,
Бе̄гандā̄р баян этыркэ̄н амилка̄н,
Улгэндэ̄р баян атырка̄н энилкэ̄н
Ирэ̄кмэ-гӯ оёдӯ дыкэнчэнэ-ӈ о̄скē̈чэ̄-ӈ
Ирэ̄глӣнде̄ букатӯр биӈнэм-кэ-ӈ.
Эр-кэ ня̄н-ка сӣ-кэ-гӯ минӈэчӣн бэевэ
Сэнэ̄рӣс ё̄дӯ-ка со̄таран?
Дюрсу сирӣ-ка-гӯ бэевэ̄н
Экэлду сирӣчивчара гунчэ̄ бинэ-бинэ!
Дюрсу-гӯ со̄ниӈма-гӯ Уняптук киливлӣва
Эһилэ улгумӣчэ̄ бинэ-гэлӣ-ӈ!
Ичэкэл, эркэ̄н-кэ бинэ-гӯ
Со̄-да̄ чово̄ тӯрэ̄лкэ̄н
Ма̄та̄тка̄н биһинды-ӈ-е̄ ивит-кэ-гӯ.
Со̄ди-ка-гӯ тургэнди бӣ-кэ-гӯ
Дӯндэӈӣэ̄лэ̄в бодомолчоксо̄ко̄н-ка-ӈ,
Илан нулги тугурэмчэлкэ̄н-гӯ
Букатӯрдаһивун-ка бо̄лакиндя̄ла̄в-ка-гӯ
Тӯһадявкӣ-ӈ о̄дякал!
Бӣ синэвэ-ӈ эһиткэ̄н,
Кэӈтырэ̄дӯс увагас сэ̄ксэмэвэс тэ̄гиксэ̄кэ̄н,
Няӈня-гӯ һо̄лаӈа̄н итэгэстӯн
Услӣкэ̄тнэ-ӈ эвӣдэ̄в,
Ӈонум-ка гирамдавас урускалдӯ умӣвда̄в,
Урум-гӯ гирамдавас иӈа̄рандӯ гиркэдэ̄в
Эмэдекэл!
Дюрсу-дюрсу эмэкэл гуннэ-гӯ
А̄лтачивка̄нда̄вӣ-ка биденды до̄?
Лиӈкир-лиӈкир лиӈкирӣэ!» — гуниттэн.

«*Лингкир-лингкир лингкирйэ*!
Вот, говорю теперь:
Хуркокчоном Верхнего мира
Именуемый человек-*аи*,
Прими низкий поклон!
    После этого
По-настоящему
Пойдет разговор!
Если спросишь меня:
„Кто ты, богатырь, по роду-крови?" —
То [отвечу]: отец мой — почтенный Бегандар-старик,
Мать моя — почтенная Улгэндэр-старушка,
Выросший в потайных местах лиственничного бора,
Я — богатырь Ирэглинде.
Вот ведь опять
Как ты пренебрегаешь мной!
Еще осмеливаешься говорить:
„Странствующего человека не задерживайте!"
В жены богатырку Уняптук-красавицу
Сверх того еще просишь!
Смотри, какой ты [невзрачный],
Слова же твои, оказывается,
Очень дерзкие, богатырь.
Ну-ка быстренько следуй
За мной в мою страну,
Бегом отправляйся к полю для поединков,
В три кочевки окружностью,
Чтобы я сейчас же
Из твоей груди
Жидкую кровь пустил

И поиграл, ею брызгая
На небесную радугу,
А длинные кости твои кучей сложил на морской плавник,
Короткие же кости твои разбросал по морской гальке!
Следуй за мной!
Еще стоишь, что бы я
Тебя упрашивал следовать за собой?
Лингкир-лингкир лингкирйэ!» — сказал [Ирэнглинде].

В пении от лица Ирэглинде уже используется смешанный прием фарингализации и палатализации. В данном напеве устойчиво орнаментируется вторая доля в виде мелизматического обрастания, первая доля распевается, причем на каждую длительность приходятся форшлагообразный толчок дыхания и сжатие в гортани. Третья и четвертая доли содержат легкое вибрато и форшлагообразный толчок. Характерно, что в данном напеве исполнитель использовал музыкально-ритмическую форму, которая вполне укладывается в слогоритмическую схему маркирующего запева данного персонажа в сказании о Дэвэлчэне: тетрахорей — *эрил дэрил, эрил дэрил*.



1 *hыӊ*,«Калдыр-калдыро̄й, калдыр-кадыро̄й!
и Эр-кэ-гу-ӊ эhилэ-ӊ ду
Ӯгӯ буга бoӧнин
Мэ̄мэдуккӣ мэӊун нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄мэдуккӣ мэӊун-ка куиргис-ка кунтуhилкэ̄н
Мэрилэ̄ соногоhилка̄н
Эhилэ ӯгӯ буга-ӊ
Хурко̄кчонин гунмурӣ ма̄та̄тка̄н,
Ноноптын дорӧво бигин,

Амаргӯптын улгӯр о̄дягин!
Эр минэвэ-ӈ ӣргӣт
Тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н ма̄та̄
О̄данды гуннэ улгумӣвкӣ-ӈ о̄дакис,
Эһилэ-кэ бӣ-кэ ня̄н эр-кэ-гӯ
Бе̄гандāр этыркэ̄н нӣдэгӯ омолгин
О̄кта̄гигда урэ оён тӯмнэ̄илкэ̄н
О̄та̄нидя̄ ма̄та̄ гукӣт-кэ
Ма̄та̄ эмэм.
Тадук о̄дакин-ка-ӈ
Эр-кэ сӣ-кэ-ӈ ӯгӯ буга ма̄та̄н-ка
Ӯгӯ бугадӯ куӈулмэкэ̄н
О̄ске̄деча-балдыдяча̄ ма̄та̄ бимӣ-кэ
Эр мунэвэ-ӈ,
Бе̄ганда̄р Сивирӣэ̄дӯн балдыны̄лба-гӯ,
О̄киптыдук сэнэ̄чэнэ татыкса̄ка̄н,
Эрэгэмэ-ӈ тырэрӣгдэдӯ гиркунды-ӈ?
Ка̄рён, мула̄не̄-вал-ка-ӈ Бо̄ка̄лдын-ка-ӈ акинмавун
Ня̄н-ка һокто-ко-гу тэ̄рӣнтыкӣн гаратна̄я̄,
Дэлпэрэгэр иктэнэ-ӈ ӣлтэнчэ̄с!
Тар-ка оёдӯн
Тариӈӈӣ кэ̄не̄вкэ̄тнэ-ӈ эмэксэ̄кэ̄н,
Унякандивӣ ёва-кат эчӣн тулутта
Со̄ниӈ Унякаптук гунмурӣвэ
Дюрсу аһӣлакса̄, сурудо̄вӣ некэчинды?
Тар-ка оёдӯн
Мула̄не̄-вал акин гунды̄ акинмав
Ирэ̄к дӯндэдӯ дыкэнчэнэ-ӈ
О̄ске̄чэ̄-балдыча̄-ӈ
Ирэ̄глинде̄ гунмурӣ букаты̄рва-ӈ
Ёкун со̄ва буруйба о̄надукин,
Ёма эмӈэ һоктовос коӈдорогор оло̄нодукин
Тавар-ка тыкэ̄н эһилэ муӈна̄линды?
Тыкӯне̄-тэлбэ̄не̄, соӈомо̄-вал биргэнде̄в!
Тавар-ка-гӯ-ӈ эһилэ
Тыкӯлта-нӯ-ӈ эһӣлэ-ӈ бӣ-кэ-гӯ синэвэ
Тавар атагаста̄нас киһӣдӯн
Эр-ты эһӣ-ӈ уксэлкэ̄н ӈа̄лави
Кэӈтырэ̄нде̄с эмӈэ-дэлэй до̄ла̄н гидала̄кса̄,
Унякача̄ндивӣ кэӈтырэ̄с угуктава̄н
Урӣһинды̄-да̄ о̄дам-ка-ӈ.
Кэӈтырэ̄нде̄дӯс увагас сэ̄ксэвэс
Тэ̄гӣктэтнэ-ӈ эвӣденэ,
Ӯгӯ няӈня һо̄лаӈа̄н итэгэстӯн
Эһӣлэ-ӈ эр-кэ-гӯ-ӈ услӣкэ̄тнэ-ӈ
Эвӣрӣгдэв о̄дан-ка.
Ӈонум гирамдавас-ка-гӯ
Мо̄ра урӯскалин итэгэстӯн
Умӣвка̄тты̄-ка-ӈ инэӈӣӈив
Бука эмэрэн.
Эри-кэ урум-кэ гирамдас
Мо̄ра иӈа̄ранин итэгэстӯн
Йиргӣты̄ка̄н гиркэкэ̄тты̄в-кэ
Инэӈӣӈив о̄дан-ка-ӈ эһилэ.
Эр-кэ гунэм эһилэ
Сэрэндекэл-сэрбэндекэл!
Калдыр-калдыр калдыро̄й!» — гуниттэн.

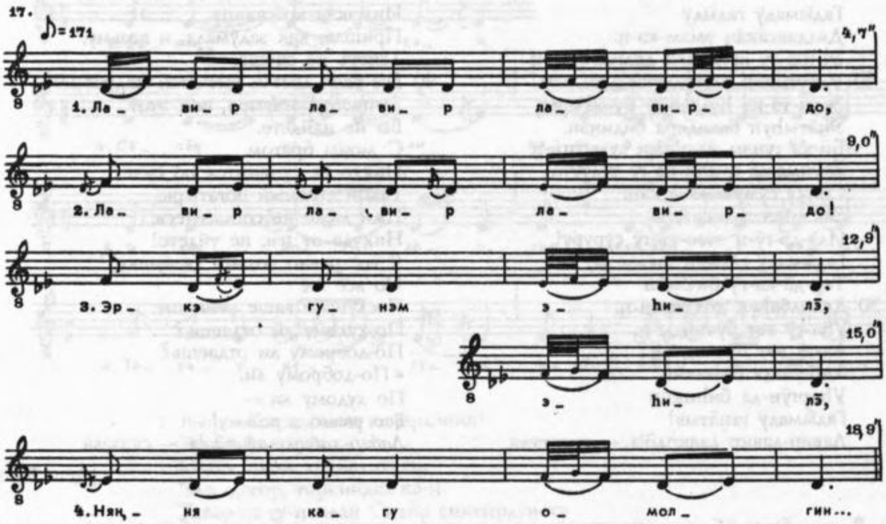
«*Калдыр-калдыр калдырой*!
Вот теперь,

Богатырь Верхнего мира,
Ездящий на пегом коне
Родившемся с серебряным седлом,
С звенящей серебряной уздечкой,
Вот, Хуркокчон,
Именуемый богатырем Верхнего мира,
Сначала привет [тебе],
Потом — разговор!
Если спросишь меня:
«Кто ты по роду-крови?» —
То [отвечу]: я пришел,
Младший сын
Бегандара-старика,
По имени Отаниндя-богатырь,
Ступающий по вершинам гор,
Заросших тальником.
После этого —
Вот ты, богатырь верхнего мира,
В Верхнем мире родившийся-выросший,
С каких это пор ты стал пренебрегать нами,
Родившимися в стране Бегандара,
С каких пор привык
Обижать-унижать [нас]?
Ты играючи рассек надвое
Нашего доброго брата Бокалдына,
Разбросал останки его
По обе стороны тропы и прошел.
Сверх того,
Гордясь этим,
Еще хочешь жениться
На богатырке Уняптук,
Которой нет равных по силе?
Сверх того, моего бедного
Братом называемого старшего брата,
Богатыря по имени Ирэглинде,
Который родился и вырос
В потайных местах лиственничного бора,
За какую тяжкую вину его,
Когда он прошел поперек твоей широкой тропы,
Ты замучил?
Злость-досада!
Горе мне, плакать хочется!
Вот за это зло, за обиду,
Что ты нанес, сейчас же
Всуну свою руку в твою
Широкую-необъятную грудь,
Указательным пальцем вырву
Твою становую жилу,
Жидкую твою кровь
Заставлю стечь в грудь,
Играючи ее разбрызгаю
И расцвечу ею
Радугу Верхнего неба.
Длинные кости твои
Сложу кучей
На морском плавнике-деревьях —
Настал ведь такой день!
А вот короткие кости твои
Разбросаю, рассыплю
На морской гальке,

Настал ведь такой день!
Вот говорю теперь:
Берегись-приготовься!
Калдыр-калдыр калдырой!» — сказал [Отани].

Звучание голоса Отани в структурно-стилистическом отношении не контрастирует с пением Ирэглинде, но отличается от него музыкальной ритмикой строки и характером орнаментации звуков. Ритмическая основа строки представляет дважды повторенную ячейку, состоящую из хорея и бакхеоса. Анализ мелодий оленных сватов героя показал, что главным различительным признаком здесь является ритмика. Причем в некоторых случаях определяющее значение имеет музыкальное воплощение этой слогоритмической основы.

Персонажи Нижнего мира в «Дэвэлчэне» представлены мелодизированными стихами Дегэ Бабэ, Няргучана и трехглавого орла. Первый из этих героев аналогично представлен и в сказании «Иркисмондя-богатырь», причем совпадают также его функции и маркирующий запев (грампластинка, 2-я сторона, № 1).



Лавир-лавир лавирдо̄! } 2 раза
Эр-кэ гунэм эһилэ-эһилэ,
Няңня-ка-гӯ омолгин
Дюгӣрмандя̄ гунэрӣ
Ма̄тандя-ң атыркаңин
Егин дя̄ни егин-нӯ
Да̄рикталка̄н нюриктэлкэ̄ндэ̄-ң
Солкондо̄р гунэри-кэ аһаткан,
Уркэндэ̄ви нидексэкэн,
Дондолима доро̄вое дявакал!
Амаргӯптын улгӯр-кэ-гӯ-ң о̄дяңнан!
Эр-кэ мунэвэ ӣргит-тэ-гӯ
Тэкэлкэ̄һэл-сэксэлкэ̄һэл ма̄та̄л-кэ-ң
Эмэрэс-э̄ гунэксун,
Мэнми-кэ-гӯ гэрбив-кэ

«*Лавир-лавир лавирдо*!} 2 раза
Вот, говорю теперь,
Жена сына неба
По имени
Дюгирмандя-богатырь,
По имени
Солкондор-девушка
С девяноста девятисаженными волосами,
Открыв дверь,
Прими поклон-привет!
Потом — разговор!
Если нас спросите:
«Кто вы,
Пришедшие богатыри,
По роду-крови?» — [отвечу]:

һэргӯ буга ава̄һилин атама̄нтын
Илан дя̄н илан-ка-гӯ
Да̄рикталка̄н нюриктэлкэ̄н
Деге Ба̄бэ гунэрӣ о̄дам-ка-ӈ.
Эр-кэ гунэм
Нэкун гунды̄ нэкунми биһэмдэ-ӈ
Бо̄ликадын бо̄кталка̄н
Бугая̄дӯ-ӈ оске̄чэ̄
Буруннюк букаты̄р-ка
Гунмурӣ-кэ о̄дан-ка-ӈ.
Е̄кун-да̄-вал кила̄винай киһалгадӯн,
Дяла̄винай на̄дадӯн
Эмэрэс гуннэ ня̄ни-ӈ
Улгумӣвкӣ-ӈ о̄ракис,
Аһӣдӯ на̄далка̄һал,
һуна̄ттӯ киһалгалка̄һал-ка-гӯ биӈнэрэв.
Нэкунми-гӯ Буруннюк
Букаты̄рдӯ бӣ-кэ-гӯ
Сӣ-кэ ня̄ни аһа̄тка̄н һутэс-кӯ
Томкоды̄ка̄н удялка̄н ованды-ка-ӈ
Инмэкэ̄н-е̄ киливлӣва
Гады̄мадӯ гады̄дӯ
Дялдакса̄ка̄н эмэм-кэ-ӈ.
Эһӣлэ-гӯ аракӯка̄н дялилбӣ-ка-ӈ
Улбӯты̄кэн улгӯрдевкӣ-ӈ о̄дякал!
Эдук-тэ-кэ һулэкэ-гӯ букаты̄рйа
Эӈэ̄тыһун бакадяра бидиӈэ̄н.
Бӣ-кэ гунэм нэкунми сумутпӣ-ӈ
Е̄кунма-да̄-ӈ эһӣ-кэ-гӯ тулутта
Со̄ӈку сумут ма̄та̄тка̄н.
Эксэ̄л-дэ элэксийдэ
Ӣлэ̄-дэ̄-гӯ-ӈ этэс-кэ-гӯ сурурy!
Гады̄мадӯ гады̄вӣ гачим-да̄!
Тар-да̄-ка-гӯ бичэ̄лӣн
Дялилбаһун до̄лдыкта-ӈ.
Уһа-гӯ эет бӯчинды-ӈ,
Ая-гӯ эет бӯчинды-ӈ?
Аяргӯн-да биһикин,
Уһаргӯн-да биһикин
Гады̄мадӯ гаӈа̄тыв!
Лавир-лавир лавирдо̄!» — гуниттэн.

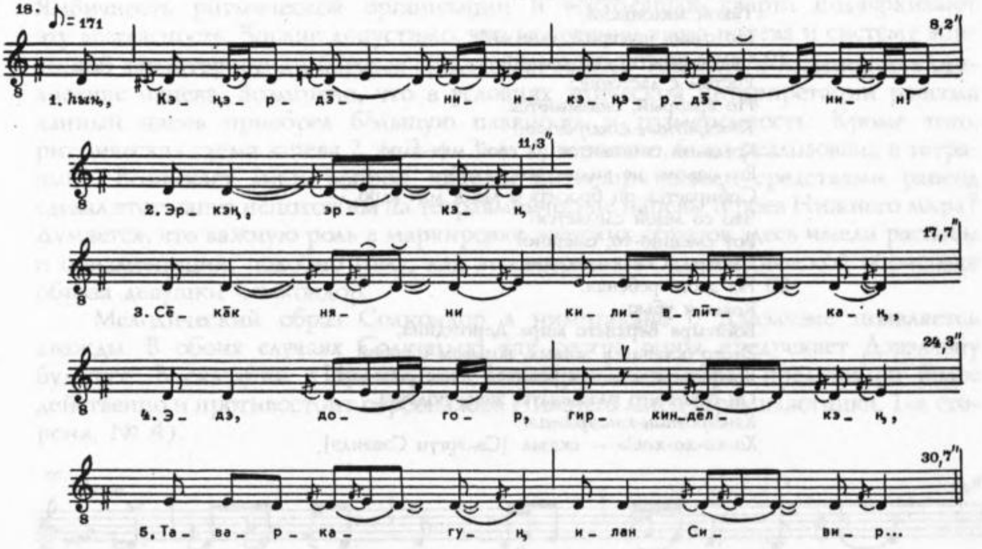
Имя мое —
Атаман *авахи* Нижнего мира,
С тридцатью трехсаженными волосами
Деге Бабэ.
Еще скажу:
Братом называемого брата моего
Имя такое —
Родившийся в стране,
Где град с косулю,
Буруннюк-богатырь.
Если же спросите:
«Из-за какой великой нужды,
Неотложной надобности
Вы пришли?» — [отвечу]:
Нам нужна женщина,
Нужда у нас в девушке.
Для нашего брата
Буруннюка-богатыря,
Задумала я взять
Твою дочь-девушку,
Оставляющую следы, словно ниточки,
Инмэкэн-красавицу.
Пришла, как задумала, и возьму.
Теперь не спеша,
Все свои мысли выскажи подробно!
Лучшего богатыря, чем этот,
Вы не найдете.
С моим братом
Никто не сравнится по силе.
Такой сильный богатырь.
Если даже не согласитесь,
Никуда от нас не уйдете!
Я все равно возьму [девушку]!
Но все же
Послушаю ваше решение.
По-худому ли отдаешь?
По-доброму ли отдаешь?
«По-доброму ли,
По худому ли —
Все равно я возьму!
Лавир-лавир лавирдо!» — сказала
[Дегэ Бабэ].

В тембровой характеристике напева данного образа обращают на себя внимание напряженность фаукального резонатора и акцентная (на первую долю) ямбическая ритмика. В отличие от напева Тогондора из «Кодакчона» здесь две ямбические ячейки заканчиваются бакхеосом. Причем распевы появляются в первом ямбе, а наиболее активные (с орнаментацией) — в бакхеосе. Ладовая основа, как и в других напевах этого сказителя, олиготонна.

Напев Няргучана примыкает по стилистике к напеву Дегэ Бабэ. На это указывает и родство маркирующего зачина: *ловир-ловир ловирдон*. Можно предположить, что смена одной фонемы не поменяла стилистику напева, скорее всего данный напев мыслится исполнителем как продолжение мелодической линии Дегэ Бабэ, которая сватает Няргучана за Солкондор.

Напев трехглавого орла предвосхищает борьбу героя с *авахи*. Мелодическую стилистику напева можно восстановить, учитывая стилистические особен-

ности пения летающих противников в сказаниях «Кодакчон» (напев Тогондора *гунер-гунер, генер-гунер*) и «Умусли» (напев трехглавого летающего змея *лэгир-лэгир, лэгир-лэгир*). Маркирующий зачин трехглавого орла находится в русле указанных ритмострок — *дунгир-дунгир, дунгир-дунгир* и вполне укладывается в систему тетраямба. Тембровая и звуковысотная сторона этого напева, по-видимому, лежит в русле общей традиции исполнения мелодий этих персонажей. В этой связи представляется целесообразным привести фонозапись напева героя Нижнего мира Сэлэргуна Сэвэндя из «Иркисмондя-богатырь» (грампластинка, 2-я сторона, № 2).



һың, «Кэңэрдэнин-кэңэрдэнин!
Эр-кэ-ң, эр-кэ-ң,
Сēкāк няни киливлйткāн,
Эдэ, догор, гиркиндēл-кэ-ң!
Тавар-ка-гӯ-ң илан Сивӣр сиктырдӯн-кэ
Ситэримэ-ң гэрбиēлкэн
Дулин буга Коколдокōнин
Тавакачāн бинэ-кэ-гӯ-ң
Ēдӯ-ēдӯ ситытаран, котӯтаран!
Эр чōрōстыкан бинэ човōкōчōн,
Карагаччидыкан бинэ-кэ-гӯ
Катакачāн ивит-ē-гӯ.
Кэнэрдэнин-кэнэрдэнин!
Мэчиккӣ-кэ-ң дагадӯн-ка-ң илмӣ-ка-гӯ-ң
Йлӣ-дэ-кэ-ң эһӣ юрэ
Дēкē бинэ, минэвэ-гӯ
Гарадāкса-ң, ēва некэмдэк!
Тавар-ка-гӯ инемӯлэ-нюн инемō-гӯ!
Ичэкэлду-ң! Сēкāк-тā-гӯ киливлйткāн,
Тавар-ка-гӯ-ң куңāкāнма
Эр дюр ӯгӯ буга бōюнин-ка
Дэргэлдинмэ вāчāливӣ-ң

Энэ ва̄ра һутэлтӯмӣ-ӈ
һутэвэр-кэ-ӈ о̄лгачинмӯявар
Эксэдиӈэ̄т, эдэ, догор!
Кэӈэрдэ̄нин-кэӈэрдэ̄нин!
һо-һо-һо̄к!» — гуниттэн.

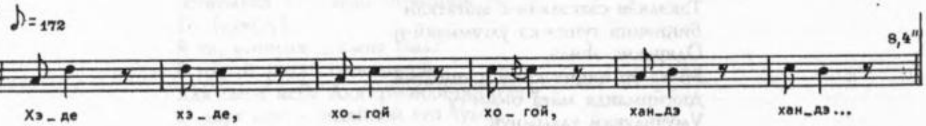
«*Кэнгэрдэнин-кэнгэрдэнин*!
Вот же, вот же,
Секак-красавица,
Жена, друг-дружище!
Имеющий в трех мирах
Три полных имени
Коколдон Средней земли
Такой махонький,
Но очень шустрый, смелый!
Сам с чечетку, но смелый,
Ростом с ласточку,
Но храбрый, оказывается.
Кэнгэрдэнин-кэнгэрдэнин!
Когда он становится на свой мяч-ядро,
Его совсем не видно; вот такой,
Собирается он бросить в меня мяч-ядро, —
Что со мной сделается!
Вот смешно-то, смешно!
Смотри, Секак-красавица,
На этого ребенка.
Когда я убью
Богатыря Верхнего мира Дергелдина,
Этого оставив в живых, возьмем с собой,
Воспитаем и, когда родится у нас ребенок,
Он будет его развлекать, жена-подруга!
Кэнгэрдэнин-кэнгэрдэнин!
Хо-хо-хо-хок!» — сказал [Сэлэргун Сэвэндэ].

В тембровой характеристике можно отметить сочетание напряженности фаукального резонатора и назализации как дополнительного суперсегментного признака. Ритмика мелодической строки представляет дважды повторенный бакхеос, в котором последняя доля — распетое слияние ямбической ячейки. Иными словами, это тетраямб, в котором последняя доля слита с предыдущей в единую. Олиготоника этого напева предельно сжата (только два опорных тона), что также напоминает форму олиготоники напева Тогондора из «Кодакчона».

В нимнгакане о Дэвэлчэне группа женских образов довольно велика и достаточно разнообразна. Некоторые женские персонажи (девушка Мэнгункэн, старушка Сигурдэн, девушка Киладий) имеют маркирующий запев *кимэ-кимэ кимэнин*. Мелодическая стилистика образов с таким запевом, пожалуй, аналогична напеву девушки Секак в сказании «Иркисмондя-богатырь» (грампластинка, 1-я сторона, № 2; нотный пример 11).

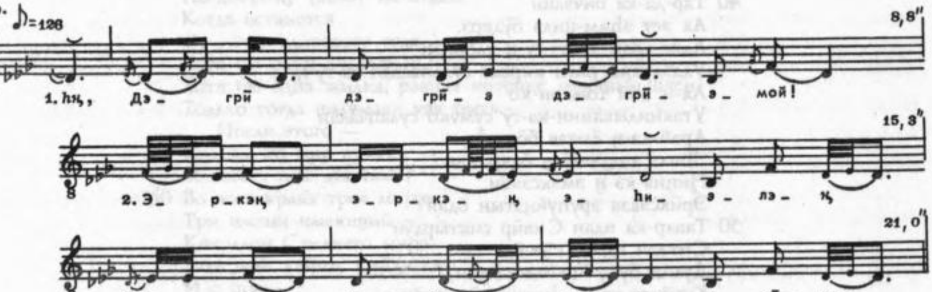
Новый мелодический образ появляется в связи с песенной характеристикой старушки-птицы Онёдор, ее характеризует зачин *хэдьэ логэй, хэдьэ логэй*. Его слова приближаются к запеву кругового танца «хэдьэ» восточных эвенков, эвенов и негидальцев [15, 16]. Следовательно, представить пение этой героини

из сказания о Дэвэлчэне можно на основании мелодики кругового танца[13].

19.


Исполнению этой мелодии свойственна отрывистая возгласная интонация. Ямбичность ритмической организации и восходящая кварта подчеркивают эту возгласность. Вполне допустимо, что включение этого напева в систему эпической характеристики образов средствами мелоса повлекло и изменение в стилистике напева. Возможно, что в условиях эпической интерпретации рапсода данный напев приобрел бо́льшую плавность и размеренность. Кроме того, ритмическая схема запева 2 + 2 + 2 + 2, вероятно, была реализована в тетраямбе. Возникает лишь вопрос: какими интонационными средствами рапсод сделал этот напев непохожим на тетраямбические напевы героев Нижнего мира? Думается, что важную роль в маркировке женских образов здесь имели распевы и орнаментация, подобно тому, как это встречается в мелодической обрисовке образа девушки Солкондор.

Мелодический образ Солкондор в нимнгакане о Дэвэлчэне появляется дважды. В обоих случаях Солкондор как сестра героя предрекает Дэвэлчэну будущее. В сказании «Иркисмондя-богатырь» этот образ представлен более действенно и противостоит персонажам Нижнего мира (грампластинка, 1-я сторона, № 4).

20.


1 *hӈ*, «Дэгрй-дэгрй-э дэгрй-э-мой!
Эр-кэ-ӈ,
Эр-кэ-ӈ эhи-э-лэ-ӈ
hэргу-кэ буга-к-ы-а няӈ
Авāhилин атамāртын-ка гунэм
Илан дя̄н илан-ка-гӯ
Дāрикталкāhал гунэм нюриктэлкэ̄н

[13] Напев эвенкийского танца «хэдьэ» записан А. М. Айзенштадтом в 1963—1969 гг. от эвенкийского исполнителя В. Г. Тимофеева из с. Удского Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края.

Дегэ Ба̄бэ гунэрӣ-ӈ удаган,
Ноноптыва̄н доро̄вое дявакал,
Амаргӯптын, улгӯр-кэ-ӈ о̄дягин-ка-ӈ!
Эр-кэ-гу минэвэ-гу ӣргӣт-кӯ
Тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н-е̄ ма̄та̄тка̄н
Биӈнэнни гуннэ-кэ улгумӣвкӣ-ӈ
О̄дяракис эһилэ,
Бӣ-кэ эр няӈня-ка-гӯ-ӈ омолгин
Дюгӣрмандя ма̄та̄ бимӣ-гӯ
Умучидуккӣ улдымӈӯн,
Дю̄чидуккӣ дю̄вчамӈӯн,
Илачӣдуккӣ аналла̄кин-ка-ӈ биӈнэм-кэ-гӯ.
Егин дя̄н егин да̄рикталка̄н ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р гунэрӣ-кэ биӈнэм-е.
    Тадуккинин о̄дакин
Тавар-ка сӯ һэргӯ-кэ
Егин бӣстӯн балдыча̄л һэргӯ буга
Ава̄һилин-ка атама̄ндя̄лтын!
Бӣ-кэ гунэм бӣ-кэ
Этыркэ̄ӈӈэв ӣлэ̄-кэ некэрэс?
Тар-гӯ-ӈ эһилэ-кэ-гӯ-ӈ этыркэ̄ӈӈэв
Депнэвэр таманма̄н-ӈу-ӈ
Аяван дерсо-ко
Һуна̄тка̄н-ка һутэвэв-кэ гада̄вар
Дюрсу гады̄мадӯ-ка гаӈа̄тыв
Гунчэ̄-кэ ня̄н-гэлӣ!
Соӈомо̄! Тыкӯне̄-вал биргэнде̄в!
Аӈадяка̄р аһа̄тка̄рва куӈулмэ
Һулэптэ̄рвэтын-кэ һӯмкэчиксэ̄л,
Колмутарватын уркӯка̄чикса̄л,
Ая̄внатпар гадиӈа̄т гуннэл-кэ-гӯ
Тавар-ка-гӯ со̄мат-ка-ӈ
Эрэннэһун е̄дӯ-вал со̄таран-ка!
Тар-да̄-ка бичэ̄лӣн
Ая эет эһим-ӈилэ бӯдерэ.
Адяс арай эр-кэ-гӯ-ӈ уло̄ркэ̄н
Улдэдукив умун кирбас сулапча̄ла̄н-ка-гӯ-ӈ,
Ая-ӈ аһӣ томкон-ко
Утакинды̄ка̄нин-ка-гӯ сумуко̄ сулапча̄ла̄н
Арай-ка-ӈ е̄мчав бо̄лла?
Эһилэ тадук-та̄-ӈ о̄дяракин
Ӈӣӈив-кэ-ӈ эмэксэ̄кэ̄н,
Эрӣксэвэв эруһуйӈэ̄тын о̄дан?
Тавар-ка илан Сивӣр сикты̄рдӯн
Ситэри гэрбӣлкэ̄н-е̄
Дулин буга Коколдоко̄нин
Куте̄тыв-кэ-ӈ, эһиткэ̄н ю̄ксэ̄кэ̄н-кэ
Нуӈарню̄нтын эһилэ-е̄
Коӈнорӣка̄р колтолдивӣ-ка гунэм эһилэ
Коловырдаһимка̄вкӣ-н о̄дякал-е̄-ӈ эһилэ!
Дэгрӣ-дэгрӣ-дэгрӣмо̄й!» —
Гуниттэн ивит арай.

«*Дэгри-дэгри дэгримой!*
Ну вот,
Ну вот, теперь,
Атаман *авахи*
Нижнего мира,
Шаманка Дегэ Бабэ
С тридцатью
Трехсаженными волосами,

Сначала прими привет,
Потом — будет разговор!
Вот, меня:
«Кто ты по роду-крови,
Богатырка?» — если спросишь, —
То [отвечу]:
Я та, которая должна была
В год от роду стать швеей
Для сына неба Дюгирманди-богатыря,
С двух лет — хозяйкой его чума,
С трех лет — его суженой.
Имя мое — Солкондор
С девяноста девятисаженными волосами.
После этого —
Вот вы, родившиеся в одном из девяти
Племен Нижнего мира,
Атаманы *авахи*!
Моего-то, моего
Мужа моего куда же вы дели?
За то, что мужа моего погубили,
За эту плату
Хотите взять
Девушку, мою дочь?
Еще осмеливаешься говорить:
«Хочу взять в жены!»
Плакать хочется! Зло какое, несчастье мое!
Развеяв пепел,
Разрушив очаг
Осиротевших женщин,
Думаете, что безнаказанно возьмете [дочь], —
До чего же вы наглые!
До чего же самонадеянные!
Но я вам
По-доброму [дочь] не отдам.
Когда останется
От моего здорового тела
Хотя бы один кусочек,
Хотя бы одна жилка, равная ниточке хорошей швеи,
Только тогда подумаю, как быть.
После этого —
Кто же ко мне придет
И спасет мое дыхание?
Во всех краях трех миров
Три имени имеющий
Коколдон Среднего мира,
Зять мой, сейчас выйди-ка
И с ними
Попробуй биться
Голыми руками! —
Дэгри-дэгри дэгримой!» —
Говорит [Солкондор], оказывается.

В напеве Солкондор появляется кантиленность, которая усиливается палатализованной звукоподачей и распевами между крайними звуками олиготонной ладовой нормы. Особо выразительно звучит субтерция, в тембровой характеристике которой появляется легкая фарингализация. Слоговая структура здесь такова, что ряд распеваемых гласных приобретает значение синсемантических слогонот и возникает структура спондей + амфибрахий и амфибрахий + ямб.

В строфике распеваемого текста зеркальная противопоставленность этих двух частей мелодической строки значительно усилена.

Исследование системы мелодических возможностей текста «Дэвэлчэн» позволяет составить табл. 4, в которой каждый мелодический тип будет помечаться новой цифрой, а его вариант рядом стоящей буквой.

Таблица 4

№ песенного раздела	Напев	Зачин	Персонаж	Сюжетная ситуация
1	2	3	4	5
1	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Мэнгункэн, девушка	Предсказание герою о врагах и предстоящих битвах с ними
2	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн, оленный богатырь	Ответ на предостережение
3	Iб	Дэгри-дэгри дэгримой	Солкондор, сестра героя	Выражение предчувствия беды
4	III	Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин	Верховой олень	Сообщение о том, что оленю нет дороги в Верхний мир
5	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Прощание с верховым оленем
6	IIa	Гиро-гиро гироканин	Он же	Заклинание лука и прицеливание в трехглавого орла
7	IVa	Дунгир-дунгир, дунгир-дунгир	Трехглавый орел	Сообщение о своем боевом предназначении
8	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий, девушка-лебедь	Предсказание пути герою
9	IVб	Лавир-лавир лавирдан	Дегэ Бабэ, противник героя	Сватовство *авахи* Няргучана за девушку Солкондор
10	IV	Ловир-ловир ловирдон	Няргучан, противник героя	Хвастовство перед героем
11	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Представление врагу
12	IVa	Ловир-ловир ловирдон	Няргучан	Хвастовство перед героем
13	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Заклинание лука и прицеливание в *авахи*
14	IVв	Ловир-ловир ловирдон	Няргучан	Признание своего поражения и проклятие героя
15	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Проклятие врага перед вторым этапом боя
16	IVв	Ловир-ловир ловирдон	Няргучан	Признание своего окончательного поражения
17	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Обращение за советом к сестре
18	Iб	Дэгри-дэгри дэгримой	Солкондор	Предречение суженой брату
19	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Прощание с сестрой
20	Va	Лирве-лирве лирвея	Слуга-пастух	Оскорбление героя
21	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Сватовство к Киладий
22	Vб	Лингкир-лингкир лингкирйэ	Отани, пастух, брат Киладий	Вызов на поединок героя
23	Vб	Лингкир-лингкир лингкирйэ	Он же	Признание победы Дэвэлчэна побежденным Отани
24	Vв	Эрил дэрил, эрил дэрил	Ирэвлинде, брат Отани	То же
25	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Сватовство Ирэвлинде к Киладий
26	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Сигурдэн-старуха	Свадебное приветствие
27	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Предложение вернуться на родину

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
28	IIa	Гиро-гиро гироканин	Он же	Прощание с родственниками жены
29	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Сигурден-старуха	Благопожелание дочери и зятю
30	Iв	Гуре-гуре, гуре-гуре	Киладий, девушка-лебедь	Обращение к священной горе на стыке Среднего и Верхнего мира
31	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Сообщение о своем походе
32	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий	Сообщение герою о будущем сыне
33	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Она же	Предложение передать первого сына на воспитание в Верхний мир
34	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Благопожелание жене перед дорогой
35	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий	Благопожелание мужу перед дорогой
36	IIa	Гиро-гиро гироканин	Дэвэлчэн	Сообщение имени сына Хуркокчона
37	Iв	Хэдьэ логэй, хэдьэ логэй	Онёдор, старуха-птица	Приветствие и сообщение о том, что прибыла принять роды
38	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий	Подготовка к родам
39	IIб	Гунгир-гунгир гунгирой	Дугуйчан, сын Дэвэлчэна	Обращение новорожденного к родителям
40	Ia	Кимэ-кимэ кимэнин	Киладий	Наречение имени сыну

Музыкальная композиция сказания о Дэвэлчэне крупнее, чем сказания о Содани, и более разнообразна; вместе с тем в ней также следует выделить два обширных раздела: первый — это музыкальный диалог героя с персонажами Нижнего мира (разделы № 1—17) и второй — это сватание героя, его женитьба и рождение детей (разделы № 18—40). Кроме того, каждый из разделов делится на более мелкие музыкально-поэтические части. Так, в первом разделе это косвенная или непосредственная репрезентация героя и поединок. Во втором разделе можно детализировать четыре части: сватание невесты и поединки с ее родственниками; свадебные приветствия и благопожелания герою; наречение первого сына и переход семьи из Верхнего мира в Средний; рождение второго сына и наречение его именем Дугуйчан.

Аналитическое изучение материалов эвенкийских сказаний позволяет сделать следующие выводы.

Музыкальная композиция эвенкийских нимнгаканов представляет систему персонифицированных напевов, которые чередуются с речевым произнесением текста. Введение музыкальных разделов в текст выделяет их и представляет более рельефно. Напевы в эвенкийских сказаниях появляются в строго определенных ситуациях и выполняют магическую, этикетную, военную, обрядно-свадебную функции. Каждый из напевов обладает индивидуальным словесным зачином, маркирующим персонаж. Причем эта маркировка может сохраняться и при «перенесении» сюжетно-персонажного раздела из одного текста в другой. Индивидуализация мелодических разделов выразилась не только в словесном зачине, но и в стилистике напевов.

Музыкальная стилистика напевов в эвенкийских сказаниях обладает набором признаков, позволяющих выделить несколько устойчивых групп: герои Среднего мира, мелодике которых свойственны фарингализация и дактильное

начало строки; герои Верхнего мира в сказаниях о Содани и о Дэвэлчэне, по-видимому, стилистически противопоставленные героям Среднего мира, хотя в сказании «Иркисмондя-богатырь» исполнитель в ряде случаев вводит лишь самые минимальные тембровые отличия; героини эвенкийских сказаний, характеризующиеся высоко фарингализованной и палатализованной звукоподачей, преимущественно хореической ритмикой (правда, допускаются и сочетания амфибрахия и ямба); герои Нижнего мира, отличающиеся фаукальностью и назализацией артикуляции как суперсегментных сонорных признаков; оленные герои, представляющие родственников-женщин — невест и в мелодическом отношении различающиеся в большей степени, чем другие группы, благодаря многообразию ритмических вариантов песенной строки.

Названные стилистические черты свойственны мелодике восточно-эвенкийских нимнгаканов. Мелодическая характеристика напевов в южно- и северо-эвенкийских нарративах лежит в русле локальных песенных традиций. Изучение восточно-эвенкийских нимнгаканов позволяет предполагать, что пение в сказаниях отличается от лирических, шаманских и танцевальных песенных импровизаций; специфическими признаками сказительских напевов являются олиготонная ладовая основа и орнаментальность.

Сказитель Н. Г. Трофимов имел несколько своеобразных приемов пения, в частности, его напевы преимущественно олиготонные, хотя, например, другой исполнитель — С. М. Савин, относящийся к этой же сказительной традиции, — чередовал их с хазматонными. Восхищают мастерство и музыкальность Н. Г. Трофимова, который каждому персонажу стремился дать индивидуальную характеристику и не довольствовался только использованием индивидуальных зачинов, как это представлено у исполнителя эпоса «Умусли» Н. К. Третьякова. Совершенно очевидно, что сказания «Содани» и «Дэвэлчэн» записаны от одного из выдающихся эвенкийских сказителей.

Рассмотрение материалов убеждает в том, что эвенкийские рапсоды сформировали в высшей степени своеобразный тип музыкального сказительства. Благодаря исполнительскому мастерству Н. Г. Трофимова искусство эвенкийской эпической традиции предстает во всем величии.

А. М. Айзенштадт
Ю. И. Шейкин

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

СО̄ БЭЕ СО̄ДА̄НӢ МА̄ТА̄

Де билир-билир
Эр илан Сивӣр биһэмдэ
Мо̄икан сē̄ргачӣнин
Сē̄рилдывна балдыча̄ уһу *.
Тадук биһэмдэ
Эр дулин бугат биһэмдэ
Тэнӣнэдын тэлгэндерэн ивит.
Няӈняр энӣ биһэмдэ
Һагача̄н тэгэккэчӣнин бē̄лкиһинмудяча̄ ивит *.
Тар амардукин
Горово-до̄ бинэвэ̄н эчэв са̄ра,
Дагава-да̄ бинэвэ̄н эчэв са̄ра.
Эһилэ дулин энин бугава
Аят уйдē̄нэ ичэмӣ
Дяпкун энē̄ гаһаткан̄ дэгӣ,
Дяпкун анӈанӣдӯ гирна дэгиксэ̄,
Һӯлӣвэ̄н энэн бакара
Эмӈэ буга о̄дан.
Егин амē̄ кара̄в туруя,
Егин анӈанӣва эрэгэмэ дэгиксэ̄,
Муданма̄н энэн бакара
Һэгдыӈэ буга о̄дан.
Эр бугава ё̄кун мо̄чӣ-чӯкалка̄н
Буга биркэ бо̄лла гуннэ
Аят уйдē̄нэ ичэмӣ биһэмдэ,
Умун далай мо̄рала̄ ӣрӣ
Аһӯн-да̄ акса̄нин эһӣ са̄вра бирака̄лка̄н о̄дан,
Дулин дӯндэ оё̄лӣн онёвно о̄вча̄
Эē̄нэ̄ биралка̄н о̄дан.
Тадӯ биһэмдэ урэкэ̄рин бимӣ
Урэ̄тмэт улгэнмунэл о̄скē̄чэ̄л ивит.
Тадӯ биһэмдэ
Аһикта мо̄ аналдымнӣн балдыча̄,
Ирэ̄ктэ̄ мо̄ элгэмэ̄тнэ балдыча̄,

ХРАБРЫЙ СОДАНИ-БОГАТЫРЬ

Вот, давно-давно, говорят,
Появились эти три мира *,
Подобные чутким ушам
Годовалого дикого оленя.
После этого * —
Наш Средний мир расстилался
С *кумалан*,
А небо-мать * растекалось
С донышко берестяного короба *.
После этого —
Долго ли [так] было, не знаю,
Недолго ли [так] было, не знаю.
Если теперь Среднюю землю-мать
Хорошо рассмотреть —
Такой широкой стала эта земля,
Что восемь стерхов-птиц,
Летая вокруг восемь лет,
Не находили ее края.
Девять серых журавлей *,
Летая подряд девять лет,
Не находили ее конца, —
Такой огромной стала [эта] земля.
Если хорошо посмотреть, думая,
Что это за земля,
Какие выросли на этой земле травы-деревья, —
На средней земле, оказывается,
Были, словно узоры, одна большая река
И бессчетные [речки],
Впадающие в одно огромное море.
Там горы ее
Поднимались ровными вереницами.
Там
Ели-деревья, сталкиваясь, росли,
Лиственницы-деревья, сплетаясь, росли,

Дягдаткāн мō дявалдына балдычā,
Чāлбāн мō чāваритмāтна балдычā,
Сириг мō сирбалилдына балдычā,
Сēкта мō сӣйилдына балдычā,
Нӣвэ̄ктэ мō нивгунмāтна балдычā,
Дулгиктэ мō дэ̄чэлдынэ балдычā.
Дю̄р дялалкāн чӯт чӯка дявалдымнӣн балдычā,
Илан дялалкāн бӯксэ чӯт чӯка дяларбумнӣн балдычā,
Дигин дялалкāн чӯт чӯка дэ̄чэлдынэ балдычā,
Тунӈа дялалкāн һуларӣн чӯка тагалдына балдычā,
Нюӈун дялалкāн нēмда чӯка нялбурагар балдычā,
Надан дялалкāн, нōлур чӯка нонолдына балдычā,
Дяпкун дялалкāн манчāри чӯка дявалдымнӣн балдычā
Ё̄дук-тā ая дулин
Энин буган ōдан.
Эһилэ тарā биһэмдэ
Эрбэ̄ ая эмӈэ
Дулин тукала энин буга биксэ̄
Ēкун бэйӈэ̄чӣ ивит гуннэ
Аямат ичэмӣ биһэмдэ
Улгэнмунэ балдычā урэлбэн дялум
Улукӣ бэйӈэ̄ аксāнин
Аһӯнмāн ēкун сāдян,
Биракāрин дялум дыгин һалгалкāн
Эр-тар бэйӈэн эймэ̄кēмэ ōдан.
Дегдэ̄ндэ һэ̄нилдӯн эһэ бэйӈэн
Пэлпэ̄кēмэ ōдан.
Антага урэлдӯн анам тōкӣн
Арбакēма ōдан.
Ирэ̄гил урэлдӯ ирӯн бэюӈин
Эӈэнӣмэ кэтэлдэн ивит.
Сēктāг муданӈалдӯн мундукāн бэйӈэ̄
Мэнэ̄кмэ балдычā,
Сигӣл урэлдӯн сулакӣ бэйӈэ̄
Сōмат кэтэлнэн буган ōдан.
Яӈилин тэкэндӯн, урэлин дяпкадӯн
Дурукин дянтакӣ бэйӈэн
Дептыгиннэ балдынан буган ивит.
Эр-тар горол бугал гонӣтын дуруктӯн
Нондо бэйӈэн норēкēма ивит.
Дяӈил дēлӣгилдӯн дēлог бэйӈэн
Дюгӯе āчин барāн буган ōдан.
Кирӣ бугалдӯ
Кирса гунмуврӣ бэйӈэн
Килбāкēма ивит.
Де эрбэ̄ ая
Дулин энин буга
Ēкун дю̄р һалгалкāн,

Сосенки-деревья, хватаясь [друг за друга], росли,
Березы-деревья, соприкасаясь, росли,
Ивы-деревья, схлестываясь, росли,
Тальниковые деревья, вытягиваясь, росли,
Марниковые березы, извиваясь, росли,
Ольховые деревья, сталкиваясь, росли,
Двухсуставные вечнозеленые травы, ухватившись [друг за друга], росли,
Трехсуставные вечнозеленые тальники, свившись, росли,
Четырехсуставные вечнозеленые травы, соединившись, росли,
Пятисуставные красноталы, сцепившись, росли,
Шестисуставные шелковистые травы мягко росли,
Семисуставные мягкие травы вперегонку росли,
Восьмисуставные осоки-травы, схватившись [друг за друга], росли, —
Такой красивой
Стала Средняя земля-мать.
Если теперь
Хорошо посмотреть
На эту Среднюю глиняную землю-мать,
Такую красивую и широкую,
Подумать, какие на ней звери, —
Оказывается, вереницы гор
Заполнили белки,
Число которых неведомо.
Вдоль речек бегали
Разные четвероногие звери.
У подножий покрытых гарью гор
Резвились жирные медведи,
На солнечных склонах гор
Лоси-самцы играли ветвистыми рогами.
На горах, поросших лиственницей,
Без счета умножились дикие олени.
На тальниковых вершинах
Развелись бесчисленные зайцы.
На лесистых горах
Вовсю расплодились лисицы,
У подножий гольцов, между хребтами
Повсюду прожорливые росомахи рождались, —
[Такая] была страна, оказывается.
На дальних окраинах разных мест
Повсюду пестрели рыси.
На каменистых гольцах
Безмерно расплодились горные бараны.
По окраинам
Всюду мелькали
Белые песцы-звери.
А если хорошо посмотреть,
Думая, кто же
Такой красивой

Дюла̄кин дэрэлкэ̄н,
Дялкинтыма мӯ дялалка̄н,
Эе̄нэ̄мэ энӣн омӣлка̄н,
Боско дылилка̄н
Ура̄ӈкай эвэнкӣ гунмурӣ итчилкэ̄н
Бимчэ бичэ̄н гуннэ
Аят элӣ-талӣ пэрӣнэ уйде̄нэ ичэмӣ —
Эр дулин буга дулйа̄лӣн
Дылача̄ ю̄ктэткӣн дэрэ̄лкэ̄н,
Дылача̄ ӣктэткӣн да̄птулка̄н
Эе̄нэ̄ бира ӈэкэн оёдӯн
Аме̄ нюӈнякӣ оӈоктово̄н
Коӈдо̄лӣкса̄, тэгэптыкӣ тырэвчэ̄гэчӣн
Кирагӣнӈачӣн томтор оёдӯн
Умун ӯтэ̄н о̄вча̄ ивит.
Эр ӯтэ̄нмэ о̄н о̄вча̄ гунмӣ,
Тулгидэ̄дӯн дыгин мо̄лка̄н
Дыгин нулгилкэ̄н
Куре̄нде̄ биһин ивит.
Эр ӯтэ̄н до̄дӯн биһэмдэ
Бутун ла̄йда калтакады̄нин
Колумталка̄н ивит.
Тар малӯдӯн
Дыгин һалгалка̄н, дыгин кирӣлка̄н
Ча̄лба̄н мо̄дук о̄вча̄ осто̄линдя̄ биһин ивит.
Тара̄ эрэ̄лӣ о̄кин-да эһӣ бучувра
Чӯтурӣн мучиктэлкэ̄н ирэ̄ктэ мо̄
Сэктэдин сэгивчэ̄ сэвде̄нӣһӣ
Сэктэлкэ̄н һара̄лка̄н ивит.
Эр колумтанин дагадӯн
Надан дя̄н надан бӯтылка̄н
Симтӯнде̄чӣ ивит.
Тунӈа дя̄н бӯтылка̄н
Токтовун сукэлкэ̄н ивит.
Тогор деелкэ̄н котолко̄н ивит.
Эр ӯтэ̄н дю̄ умун муннуктӯн
Дю̄р дяпкун о̄ва̄тылка̄н
Иемэ алаӈа биһин ивит,
Тар ма̄та̄ надан бӯтылка̄н
Сэлэмэ лукӣлкэ̄н ивит,
Дяпкун бӯтылка̄н то̄лбукалка̄н ивит,
Бугаһикма эӈэһӣ илбис того элгулкэ̄н ивит.
Тар дагадӯн надан дя̄р ӈонумулка̄н
О̄һилкэ̄н уткэ̄нде̄ биһин ивит,
Тарню̄н умундӯ илан тогорилка̄н деелкэ̄н
Унигдама гидамия̄ биһин ивит,
Тунӈа дя̄нӈӣ бӯтылка̄н
Тэвэ̄һивун дёломо мэ̄чик биһин ивит.

Средней земли-матери хозяин,
С двумя ногами,
С голым лицом,
С гибкими суставами,
С текучей душой-матерью *,
С легко поворачивающейся головой,
С именем эвенка-*уранкая*, —
Оказывается, на берегу широкой реки,
С истоком ее на восходе солнца,
С устьем ее на заходе солнца,
В середине этой Средней земли,
На высоком одиноком холме
Построен один *утэн*,
Подобный отсеченному гусиному клюву,
Посаженному основанием вниз.
Если спросить, каким был этот *утэн*, —
Оказывается, в четыре жерди [по высоте],
В четыре кочевки по окружности
Вокруг него изгородь *.
Внутри этого *утэна* —
Очаг с половину
Целой *лайды*,
На *малу* —
Четырехугольный огромный стол
Из березы-дерева, на четырех ножках.
Свежесрубленными ветвями
Лиственницы-дерева с душистой хвоей
Устлан вокруг него
Весь *утэн*.
Рядом с очагом —
Медный котел
В семьдесят семь пудов *,
Топор для рубки дров
В пятьдесят пудов,
Нож с лезвием в пядь.
В углу *утэна*
Дваждывосьмисаженный
Роговой лук *.
Богатырская железная
Семипудовая стрела
С восьмипудовой подпоркой,
С разящим огненным наконечником.
К луку был прислонен *уткэн*
С семидесятисаженной выемкой *,
С ним рядом — длинное копье
С острием в три пяди.
Там же было пятидесятипудовое
Каменное ядро *, с лету бросаемое.

Де ӈид̄у ан̄анатын
Сэвултын биркэл б̄олла гуннэ
Аят ад̄ул̄ана ичэтмӣ,
Эр ӯтэ̄н дю̄ва дю̄тарӣд̄у
Увагас сэ̄ксэдук ōнӣлкāн
Эр колумтанд̄у ананчā
Того эһэкэ̄вэ илаттыд̄у
Тынис тэкэн сэ̄ксэдук дилгалкāн
Умун аӣ эвэнкӣн ōскēчэ̄-балдычā ивит.
Нуӈан ичэврӣ ирэндэвэ̄н
Аят аргāна ад̄ул̄āмӣ,
Тэдемэ-дэ̄ дулин тукала буга оёд̄ун
Эвенкӣ тэкэнин ōмӣ-дā ōӈāт
Мāтā ōдан нуӈан.
Тулгӯ-дэ̄ нюрдукин, дōгӯ-дā сэ̄ксэдукин
Бэе-нюн эӈэ̄тын сэлилдэ
Ая сэвэрэлкэ̄н мāтā ивит.
Де эр бэеӈку бэе биһэмдэ
Амӈавӣ ёкунди иргивдерӣ
Мāтā бивкӣ гунмӣ,
Эр дулин бугавӣ
Икуктэмэ бэйӈэ̄дин иргивдерӣ
Ōнӣлкāн бэеӈку бэе ōдан.
Дюрувōн гунмӣ,
Дю̄р һалгалкāндук тэде
Сōниӈ сумут мāтā ивит.
Анам тōкӣва эр бэеткэ̄н
Атāкӣн һэ̄д̄ун туксалдыдяна
Атāкӣвагачӣн дяварӣ бэе ивит.
Нуӈан биһэмдэ эһе бэйӈэ̄вэ
Эӈэрдукин элгэлдыденэ
Коӈнорӣн комордōскāнӈачӣн
Дяварӣ мāтā ивит.
Иркин бэюнмэ бимӣ
Йриктэдӣнди-нюн дяварӣ бэеткэ̄н ивит.
Энӣн-тōкӣ эвтылэ̄н эвēтылкэ̄н,
Анам-тōкӣ һачан арӣӈилкāн,
Иркин-бэюн омоӈин иргиһэлкэ̄н
Эһэ бэйӈэ̄ һэриндэн имӯксэдин
Һэрэвӣ имӯрӣ мāтāткāн ōдан.
Эр бэевэ ёкун тэтӣлкэ̄н гунмӣ,
Ирӯн-бэюн сōнӈачāнин нандадин
Нондо-бэйӈэ̄ аяргӯмадин
Нуктувчэ̄ дерэкэ̄чи
Дылдуккӣ һалгамāклāн ōвчā
Сōнӈама мукукэ̄вӣ тэтчэмнӣн балдычā
Бэеӈкумэ бэе бичэ̄.
Де эр мāтā гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣн,

Если хорошо присмотреться,
Думая, что это за оружие,
Для кого оно предназначено, —
Оказывается, родился и вырос один эвенк-*аи*,
Которому по жидкой его крови было суждено
Стать этого *утэна* хозяином,
По крепкой родовой его крови предназначено *,
Предопределено разводить
В том очаге огонь-дедушку *.
Если в обличье его
Хорошенько всмотреться —
Оказывается, [такой] это был богатырь,
Каким должен быть настоящий предок эвенков
На Средней глиняной земле.
И по наружности, и по крови *
Не мог он не понравиться людям,
[Такой] красивый был богатырь с виду.
А если спросить о богатыре,
Какой пищей питался
Этот человек-человечище, —
Оказывается, этот человек-человечище
Мог есть [мясо] всех зверей
Этой Средней страны.
Среди двуногих
Это был богатырь
По-настоящему сильный и храбрый.
Паренек этот был [таким] человеком,
Что, поравнявшись [на бегу] с задними ногами
Бегущего лося-самца, хватал его как паука.
Медведя-зверя
Богатырь брал
За загривок
И хватал как черного жучка.
Осеннего дикого оленя *
Паренек хватал как муравья.
Дневная пища его — ребра лосихи,
Вместо масла — брюшное сало лося-самца,
Дорожная пища его — сало с крупа осеннего дикого оленя.
Сало с загривка медведя-зверя —
Смазка подошвы этого богатыря *.
Если же спросить, во что одет этот человек, —
Оказывается, он родился в *мукукэ* * из [шкуры] дикого олененка,
[Такой] это был человек-человечище.
Мукукэ из шкуры дикого олененка
От головы до пят
Было подбито-украшено
Самой лучшей шкурой рыси-зверя.
Если хорошо посмотреть, думая,

Сōлтама суракин ӈӣ ōдан
Гуннэ аямат уйдēнэ ичэмӣ,
Сōниӈ сумут орон укчакилкāн,
Бы̄һик сōнӈа мукукэ̄лкэ̄н
Сō бэе Сōдāнӣ мāтā
Гунмурӣ бэеӈку бэе ōдан.
Де эр нуӈан ӈӣдук-дэ̄ тэкэлкэ̄нмӣ
Эрэгэмэ эһин сāра ивит.
Нуӈан мулāкас мēвалкāн
Муӈун энинин эрэгэмэ āчин,
Алтандук-кат ӈэ̄рӣтмэр
Аилиннан бэгин аминин
Адясма āчин ивит.
Нуӈанӈачӣнин дюлäкин дэрэлкэ̄н
Эвункӣ ēһалкāн, энин омӣлкāн
Бэгин акин нян āчин.
Нуӈан арай умундӯ балдынан
Дылачāгачӣн ая ӈэ̄рӣһӣ нӣорилкāн,
Ирāс ая сэ̄ксэ̄лкэ̄н,
Эӈэнӣмэ ая ичэдэлкэ̄н
Ая аһакāн-куӈāкāн ōдан.
Де тара биһэмдэ
Нуӈан ōн мэ̄нмӣ дявāнӈавāн
Аямат аргāна ичэтмӣ,
Эр дулин тукала энин буга
Чӯт солкомо чӯкавāн
Һокорогор тӯрэкив,
Эр һунāт ēдӯ туӣтаран гуннэл,
Сāрӣл сагды̄л, сӣлēксэ̄л,
Ӈэ̄рӣһӣ сураккав һактыравдиӈāтын
Гуннэ дулин дӯндэдӯ
Эмӈэкэ̄нди эһӣ гиранӣра
Сōма сэмэй дявāнӈалкāн
Аһāткāн-куӈāкāн ивит.
Де эргэчӣн мэ̄нмӣ бинӣвӣ дӣогӯдӯн
Аят сэмэит татчā
Ая һунāт мэ̄нин анал
Гэрбӣн ӈӣ ōрка бōлла гунмӣ,
Аламай ēһатпӣ
Ичэһиннэ балдырӣдӯн
Ӯгӯ ай бэгин этыркэ̄н
Ичэчэ̄н уһу гуниӈкитин.
Тарит-кӣя гэрбӣвуркэ —
Ая аһӣ Аякчāн Ивēкчāн гуннэ.
Де эр аһāткāнма аят ичэтмӣ,
Ичэдэ коловурвāн бакаксā-дā
Бэе аӈэ̄тын дēкивкāна
Ая аһāткāн-куӈāкāн ōдан.

Каким было его звонкое имя,
Громкая его слава, —
Оказывается, он был эвенк-человечище по имени
Храбрый Содани-богатырь
В *мукукэ* из шкуры новорожденного дикого олененка,
[Ездящий] на сильном богатырском олене.
Кто были предки его,
Совсем он не знал.
Не было у него добросердечной
Родной матери.
Родившего [его] на свет почитаемого отца
С лицом светлее меди
Не было у него совсем.
Не было у него
Почитаемого старшего брата,
Такого же как он — гололицего,
Поперечноглазого *, душу-мать имеющего,
Была только юная девушка,
Родная сестра, лицом светлая, словно солнце,
С чистой хорошей кровью,
Собой прекрасная.
Если к ней
Хорошо присмотреться,
К тому, как она держится, —
Оказывается, ступала она, за собой оставляя
Нетронутой вечнозеленую шелковую траву
Этой Средней глиняной земли-матери,
Чтобы мудрые старики не осудили ее,
Говоря, что слишком она озорная,
Чтобы светлой славы ее не порочили,
Говоря, что по Средней земле
Слишком резво она шагает.
Эта юная девушка
Была большой скромницей.
Если спросить, какое имя было
У красивой девушки,
Приучившейся держаться так скромно, —
Оказывается, когда она родилась,
Ясными глазами взглянув
На яркий огонь лучистого солнца,
Верхний почитаемый старик-*аи* *
Увидел ее, говорят,
Поэтому, наверное, ее назвали
Славная девушка Аякчан Ивекчан.
Если на эту девушку хорошо посмотреть,
Оказывается, не с чем ее
Было сравнить, —
Была красивой молодая девушка.

Тэтты̄-дэ̄ тэ̄тывӣ о̄тынан аява̄н
Дылдукин һалгама̄ктӯн умун дэкси,
Некэ̄-бэйӈэ̄ нандадин биксэ̄,
Аяргӯмадин о̄вча̄ саӊияккӣ
Дылача̄ тогомодӯн эрэгэмэ
Эһӣ ичэвкэ̄нэ чэвэр
Ая аһа̄тка̄н о̄рдага.
Нуӊан дагава-да һава̄я а̄чин
Эһӣ тэһийдэ до̄дуккӣ
Курбо̄ӊнолон мэ̄валка̄н,
Е̄мӣ-да̄ бэе орӣ
Увагас сэ̄ксэдук о̄нӣлка̄н,
Тыйис сэ̄ксэдук тэкэлкэ̄н
Ая аһа̄тка̄н о̄дан.
Эрэ̄-тара̄-да̄ са̄рӣ миндыр
Ая дялба мэ̄нин
До̄дукки син со̄т са̄рӣ
Саягас дялилка̄н биӈэ̄т
Аһа̄тка̄н-куӈа̄ка̄н ивит
Эр ая аһӣ А̄якча̄н Иве̄кча̄н
Гунмурӣ киливлӣ биһэмдэ.
Де тар амардукин
Эр дю̄р нэкӯнэн омолгилка̄н һуна̄т,
Эр о̄кин-кат эһӣ һокоргоро
Чӯтурӣн солкомо чӯкалка̄н
Дулин энин бугадӯ
Иркин бэю̄н дю̄р иегэчӣнин
Умундӯ дё̄рэлэснэл балдыкса̄л,
Горово-до̄ бинэвэр эчэл са̄ра,
Дагава-да̄ бинэвэр эчэл са̄ра,
Де эргэчӣр ая ирэндэлкэ̄һэл
Элэкэс илнӣ ая иччат биксэ̄
Е̄кун анал со̄һулкэ̄һэл биркэл
Гуннэ эр эё̄нэ̄ бираӊӊатын
Дэрэ̄ндукин да̄птума̄ктӯн
Аямат пэрӣнэ ичэмӣ,
Эр эё̄нэ̄ бира эӈэ̄рин
Эвэды̄ орон со̄һу эймэ̄кē̄мэ ивит,
Се̄кта̄гин сирӯтка̄р орор
Се̄иланды̄ иелтын ӣгин со̄ ивит,
Улгэнмунэ о̄скё̄чэ̄ мучук урэлин дурукин
Кувэ̄һэл орор куртэ̄гмэ ивит,
Ча̄лбӯг урэкэ̄рдӯн ча̄лдыл актал
Иелтын чава̄кē̄ма ивит.
Нӣвэ̄г ла̄йдалин бутуннӯн
Гулур актал гудēē-вэл ивит.
Де тариӊилвӣ биһэмдэ
Эр ая аһӣ А̄якча̄н Иве̄кча̄н киливлӣ

Одежда, на ней надетая, была хорошо ею сделана,
От головы к ногам плавно спадала.
Из лучших шкурок соболя-зверя сшитую
Доху свою
На солнечный свет
Никогда она не выставляла *,
[Такой] опрятной была красивая девушка.
Без работы она не сидела
Даже недолго — из-за своего
Беспокойного сердца.
По жидкой крови ее,
По крепкой родовой крови ее
Этой девушке суждено было положить начало роду эвенков, —
[Такой] хорошей она была девушкой.
Юная девушка, оказывается,
Была мудрой, все обо всем знала,
Имела добрые мысли,
Была очень умной,
Душа ее была приветливой —
Вот [какой] была славная девушка
Аякчан Ивекчан.
После этого —
Эти двое, брат с родной сестрой,
На зеленой, никем не тронутой
Шелковой траве
Средней матери-земли
Родившиеся вместе, парой,
Как два рога дикого осеннего оленя,
Не знали, долго ли жили,
Не знали, недолго ли жили.
Если сказать, каким владели скотом
Эти только что подросшие молодые [брат и сестра],
Такие красивые на вид, —
Оказывается, их большая река,
Если на нее хорошо посмотреть, —
По всем ее долинам,
От истока до устья,
Была заполнена эвенкийским скотом-оленями.
На тальниковых ее берегах олени-самцы
Гремели оголенными острыми рогами *.
Вереницы гор, покрытых лиственницей,
Заполнились упитанными оленями.
На горах, поросших березой, белые холощеные олени
Играли ветвистыми рогами.
Все *лайды*, поросшие мелким кустарником,
Заполнили красивые серые холощеные олени.
Эта славная девушка Аякчан Ивекчан-красавица,
Всякий раз, когда было нужно,

Эр дыгин нулгилкэ̄н тогурумчэлкэ̄н
Нюӈун мо̄лка̄н курэ̄лэ̄
О̄кин на̄да о̄мӣ
Умнэ̄-дю̄рэ̄ эӈтэвкэ̄һинэн-дэ̄
Аһӯн биһӣн дурукман
Дялум ӣһинчэрӣн курэ̄н о̄дан.
Де тадук-та һуӈту бэе дяванӈан
Дурукин-да̄ дэлэгэй нимэ̄һэлин
О̄дяра эр айтка̄р эвэнкӣл биһэмдэ.
Де нуӈартын биһэмдэ
Горово-до̄ бинэвэр эчэл са̄ра,
Дагава-да̄ бинэвэр эчэл са̄ра.
Бара̄н анӈанӣ аланикса̄ ӣлтэнэн,
Долбонӣ-инэӈӣ эмэксэ̄ ӣлтэнэн,
Аһӯн-да̄ ӣлтэннэвэ̄н мэ̄ртын-дэ̄ эчэл са̄ра.
Дю̄крэ де дялартын дякналдан,
Улдэлтыт са̄һин дипкилдэн *.
Эр акиндагӯ ма̄та̄ гуниттэн:
«Эр-кэ мит о̄н дю̄крэкэ̄н
Бутун дулин энин бугадӯ
Балдыча̄т бидиӈэ̄н?» —
Гуннэ нэкундуккӣ улгумӣвкӣ.
Нэкунин биһэмдэ тадӯ гунивкӣ:
„Нонон балдыча̄ бэе сӣ
Мэ̄нды са̄мчас, бӣ
Синдук улгумӣдеӈэ̄в гунчэчэ̄в,
Сӣ миндук улгумӣнды.»
Кэ, тарлаһа мит ӯгӯ
Бугадук балдыча̄л биһикит,
Һоро̄ндӯт саӈӣкса бидиӈэ̄н гуниксэ̄,
Аһака̄ргӯ һоро̄нмӣ һанӈатпӣ
Тэмӣһиниттэн — е̄кун-кат а̄чин биттэн.
Һэргӯ бугадук ю̄чэ̄л биһикит,
Һэӈэ̄рит дулиндӯн тукалака̄н
Бидиӈэ̄н гуннэл һэӈэ̄рбӣ тэмӣһиниттэн-дэ̄
Екун-да̄ а̄чин биттэн.
Де тарит нуӈан акинтыкӣвӣ
Гуниттэн: «Мит мэ̄рты эр
Дулин энин бугавар
Мӯчӣ мо̄лка̄н сумэчӣ
Чӯканю̄нин уркӯвнал
Балдынат тэде о̄дан», — гуниттэн.
Акинин со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
Со̄ӈку бэе биһэмдэ:
«Кэ, тар биһикин
Эр миттулэ̄ ир-вэл бугадук
Эр минӈэчӣн эрчимулкэ̄н
Со̄ниӈ сумулко̄н

По-оленьи хоркала * раз-другой,
И все [олени],
Сколько их было,
Битком набивались в загон.
Тот загон был в четыре кочевки окружностью,
В шесть жердей [по высоте] *.
У людей этих, эвенков-*аи*,
И сверх того было вдоволь
Всего, что только человеку нужно.
И они сами
Не знали, долго ли жили.
Не знали, недолго ли жили.
Много минуло лет, будто перевалив через горы,
Дни и ночи пришли и ушли,
И они сами не знали, сколько же их прошло.
У них обоих окрепли суставы,
Укрепились тело и мышцы.
И однажды спросил старший брат-*мата*
У своей младшей сестры:
«Неужели на всей
Средней земле-матери
Только двое мы родились?»
Сестра на это ответила:
«Ты раньше меня родился
И сам должен бы знать,
Я тебя хотела спросить,
А ты спросил у меня.
Ну, хорошо! Если бы мы
Родились в Верхнем мире,
На макушках у нас была бы роса».
Сказав так, сестра ладонью ощупала
Свою макушку, но не было там ничего.
«Если бы мы вышли из Нижнего мира,
То к нашим пяткам пристало бы немного глины».
Сказав [так], ощупала свои пятки,
Но не было там ничего.
Поэтому она сказала
Своему брату:
«Да, в самом деле мы родились
На Средней земле-матери,
Смешавшись с ее водами и деревьями,
С ее сочными травами» *.
Брат ее, храбрый Содани-богатырь,
Сильный богатырь [сказал]:
«Почему до сих пор
Из какого-нибудь мира
Не навестил нас
Эвенк-*уранкай*,

Дю̄р һалгалка̄н,
Булдинтырӣ мӯ дялалка̄н,
Э̄нмэ̄тты энин омӣлка̄н
Эвэнкӣ-ура̄ӈкай о̄н-ка
Эвкӣ бакална̄ра», — гуннэ
Со̄т аӈадяра̄пча̄
Элэ тӯрэндивӣ тӯрэттэн.
Тадӯ биһэмдэ ая аһӣ
Аякча̄н Ивекча̄н биһэмдэ,
Акинмӣ мӯтыдерӣ нямӯка̄н
Муриткāӈӈачӣн уна̄рис ичэһиниксэ̄, гуниттэн:
«Багар мит гэрбӣт гэйэнэкин,
Суракит сурурукин
Е̄куя̄л-да̄ аӈнакӣл эмэдиӈэ̄тын,
Тадӯ си со̄т экэл э̄еттэ», — гуниксэ̄,
А̄һивун дю̄ка̄ндула̄вӣ ӣрэн-дэ̄ а̄һиксо̄ран.
Тар амардукин
Эр со̄ бэе Со̄да̄нӣ биһэмдэ
Нян нондоксо сэктэвунмӣ сэктэврэн,
Некэ̄ксэ тырӯвӣ нэрэн,
Сулакӣкса сулдатпӣ һулдавран-да̄ а̄һинан.
Тар амардукин
Тар долбо эр бэе
Аят эчэ а̄һина —
Эрэ̄-тара̄ бара̄нма дялда̄ран,
Нуӈан дялин горолдулӣ гиркуран.
Де эр со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄,
Бэеӈку бэе нуӈан биксэ̄кэ̄н,
Һуглэ̄деӈэ̄т бэе-дэ̄ бидиӈэ̄н-до̄ —
Тар-да̄т илмалчаран,
Бэюктэвун тэтылвӣ тэттэн,
Элӣ-талӣ тымар девгэ̄вӣ дептэн,
Илдан-да̄ дыгидэ̄дуккӣ алаӈавӣ ча̄варӣһинан-да̄
Тулискӣ ю̄мэлчэрэн.
Эртыкӣ-тартыкӣ адӯла̄ран:
Со̄ аяя эчэ ичэрэ,
Аяя а̄чин инэӈӣ
Бидиӈэ̄с бо̄лага, гуннэ,
Мэ̄нин до̄дувӣ сумкэ̄тнэ
Мэ̄ннюнмӣ улгучэ̄мэ̄ттэн.
Тар амардукин
Илан дя̄н тогорилка̄н
Мэӈумэ киӈлэ̄вӣ тэттэн,
Ирэ̄ктэ калтакады̄нин
Дого̄вай мо̄ тыевунмӣ ча̄варӣһинан,
Илан тогор деелкэ̄н
Унигдама гидавӣ гаран,
Надан дя̄р тогор деелкэ̄н о̄һилкэ̄н

Подобно мне, неукротимый,
С богатырскими жилами,
С двумя ногами,
С гибкими суставами,
С плавающей душой-матерью?» —
Упавшим голосом
Сказал он.
Тогда славная девушка
Аякчан Ивекчан,
Нежно взглянув на брата округлыми глазами,
Как у пьющей воду кобылицы, сказала:
«Если наше имя сильно прославится,
Наша слава распространится,
То придут еще неведомые чужеземцы,
Поэтому ты очень не печалься».
Сказав так, она ушла в чум, где спала, и сразу уснула.
После этого —
Храбрый Содани-богатырь
Расстелил свою рысью подстилку,
Положил свою соболиную подушку,
Укрылся лисьим одеялом и уснул.
После этого —
В ту ночь он
Не мог спать спокойно:
Много думал о том и о сем,
В мыслях своих далеко уходил.
Храбрый Содани-богатырь,
Этот эвенк-человечище,
Разве станет спокойно лежать?
Тут же вскочил,
Надел охотничью свою одежду,
Быстро поел,
Встал, лук свой схватив,
И наружу выбежал.
Туда и сюда посмотрел:
«Ничего не видно хорошего,
День наступил
Недобрый», —
Сказал он так про себя,
Поговорил сам с собой.
После этого —
Он надел серебряные лыжи *
В тридцать пядей [длиной],
Схватил огромную палицу *
С половины лиственницы,
Взял обоюдоострое копье *
С лезвием в три пяди,
Прихватил свой *уткэн*

Уткэнмӣ ӈалиһинан-дā
Илан-дыгин саһāнӈилди гиранӣлдякāттан.
Де эр нэнэһиндерэкин
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄н-улгӯр дōлдывран.
Арай тарā долдынан
Дюткӣн мэ̄нин нэкунин
Ая аһӣ Аякчāн Ивēкчāн,
Дōгӯгда тэтытпӣ юксэ̄,
Акин гундӣ акинмӣ бодоптыкӣ,
Дуяк-дуяк гиранӣна-гиранӣна,
Сōмат мэргэ̄рӣ тӯрэ̄ндиви
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэн
Ōна-ōна илитчачāн:
«Дэвэ̄-дэвэ̄ дэ̄вэ̄нин!
Дулин энин бугадӯ
Иркин бэюн дюр иегэчӣнин
Дēрэлэснэ балдынав
Акин гундӣ акинми,
Дулин буга боюнин
Сō бэе Сōдāнӣ мāтā,
Токтōкол-болгойкол!
Бӣ тӯрэ̄нмэ̄в
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
Дōлāвӣ дōлдыкал,
Сēндӯвӣ силдыкал!
Бӣ ӯр долбо
Толкинма толкичим,
Битпэ биттэним!
Ӈэ̄лэвсē-вэл биргэв!
Тар ēкун гунэкис,
Дылачā юптугӣдин,
Дылачā элэкэс дэгдэдерэкин,
Конӈорин туксу
Дылачāва липкирэн.
    Тар амардукин
Аһӯна-дā энэ биһи
Бӣ балдыксā толкиндӯ-дā эчэ̄в ичэрэ,
Сураккāн-дā энэв дōлдыра,
Умкактачӣ аһикта һанянӈачӣнин
Ēкунмадӯ-дā коловурмая āчин
Йртыкӣ-дэ̄ дэрэн гундэ̄
Дюгӯн эһӣ саврā —
Арай бӣ ичэрэкив
Умун сэлэмэндē һалгалкāн,
Тыӈэнмӣ дулиндукин умун ӈалалкāн,
Һэ̄ēвӣ дулиндӯн умун ēһалкāн,
Гэдумуккӣ дулиндӯн умун сēлкāн —
Ēкун гӯкӣчитын биркэ бōлла?

С лезвием в семьдесят пядей
И зашагал [шагами] в три-четыре сажени.
Когда он отправился,
Послышалась ему какая-то речь.
Он прислушался:
Славная девушка
Аякчан Ивекчан, его сестра,
Выйдя из дома в одной нижней одежде,
Вслед за старшим братом, родным братом своим,
Мягко-мягко ступая,
Остановилась,
Печальным голосом
Такие слова говоря:
«*Дэвэ-дэвэ дэвэнин!*
Храбрый Содани-богатырь,
Богатырь Средней земли,
Старший брат, родной брат мой! *
На Средней земле
Мы родились с тобой парой,
Как два рога дикого осеннего оленя!
Постой, подожди!
Мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Этой ночью
Приснился мне сон,
Зловещий сон!
Горе мне!
Если спросишь, о чем он,
То [отвечу:] в той стороне, где солнце восходит,
Когда солнце едва еще поднималось,
Его закрыла
Черная туча.
После этого —
Тотчас, без промедления [появилось] такое,
Чего я от рождения даже во сне не видела,
Слыхом не слыхивала.
Оно словно тень заснеженной ели,
[Больше] ни на что не похожее!
С какой стороны у него
Хоть подобие лица — не разберешь!
Мне показалось только, что у него
Одна огромная железная нога,
Одна рука посредине груди,
Посредине лба один глаз,
На затылке одно ухо.
Как называется — неизвестно.

Илан лава̄лка̄н кудукиндя̄ӈит
Илан лава̄ва̄н умундӯ камуиһиникса̄,
Тар оёдӯн тэгэксэ̄,
Ё̄дӯ-да̄ сатамдюя а̄чин.
Тара̄ биһэмдэ сӣ
Дю̄р дяпкун о̄ватылка̄н алаӈатпӣ
Коӈнорӣн һа̄кинин дулмадӯн
Гарпанды-да̄ эчэс на̄ра,
Ча̄гӯ огё̄ӈа̄ о̄н-ка некэнэн,
Сӣ нюрис ӯскӣ тё̄нчаксо̄ран.
Тар амардукин
Сӯ дю̄крэ тэрэ̄ӈмэт қуһӣлчэ̄һун-дэ̄
О̄н-да̄ о̄дярӣваһун эделӣв ичэрэ,
Минэвэ ӣргӣт-тэ̄ эмэнэн энэ са̄вра,
А̄һивун бё̄в дыклэ̄н
Ӯтэ̄н дю̄вун калтакава̄н
Нэптэрэгэр та̄никса,
Минэвэ дэгиливрэн,
Дылача̄ ӣктэткин эксэрэн.
Де тар ё̄кун толкинин
Биргӯн бо̄лла!
Акӣ, экэл сурурурy!
Са̄тар инэӈмэ̄н умундӯ бигэ̄т,
Сурурукис бакалдырӣт э̄һин са̄вра.
Токто̄кол-болгойкол!» —
Гуниттэн ивит эр ая аһӣ
Ая̄кчан Ивэ̄кча̄н киливлӣ.
Де тар амардукин
Эр со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
Ӈӣ бидэ̄вӣ дюлэтпӣ до̄лдыдиӈа̄н:
«Ичэкэл эр кувулгат һуна̄т
Э̄һӣтӣя̄кӣ кулӣнин энэ батта
Бодотчо̄ бинэ-бинэ», —
Гунэн-дэ̄ амӈавӣ муӈидин
Игды̄мия̄т тэпкэнэ-тэпкэнэ,
Нэкундулэ̄вӣ туксана-эмэрэн,
Сё̄ктава һокорогор та̄нан,
Һуна̄тла̄ туксана эмэрэн:
«Де, кувулгат һуна̄т,
Ё̄кун о̄кса̄, бэе бэюрӣвэ̄н
Нувча̄ бинэ-бинэ
Тар-гӯ сӣ нувчанадукис
Энэ бэюктэрэ бидиӈэ̄в?» —
Гуннэ, со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
Нуӈанман: «Тэде до̄? Тэде до̄?», —
Сё̄ктаӈитпӣ сирбагалдан.
Нэкунин биһэмдэ дю̄р дылача̄ тэрэ̄ӈин
Дю̄р аламагай ё̄һадукин,

На трехвершинное наше священное дерево,
Сразу три вершины его подмяв,
Уселось [это]
Ни на что не похожее.
Тогда ты
Из своего дваждывосьмисаженного лука
В середину его черной печени
Выстрелил, но не попал.
Тот *огенга* что-то сделал —
Твоя стрела назад отскочила.
После этого —
Вы, двое равных [по силе], стали биться.
Я не успела досмотреть, как вы бились.
К месту, где сплю, откуда-то сверху
Явился неизвестно кто,
Напрочь сорвал половину
Нашего *утэна*-жилища,
Меня понес, помчал,
Унес к заходу солнца.
Вот такой был сон
Непонятный!
Братец, не уходи!
Хотя бы день побудем вместе,
А уйдешь — неизвестно, когда встретимся!
Постой, подожди!» —
[Так] сказала эта славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица.
После этого —
Храбрый Содани-богатырь
Разве послушается по-хорошему?
«Посмотри-ка на эту притворщицу!
С этих-то пор так хитрит
И смеет еще бегать за мной!» —
Грозно он закричал.
Громко продолжая кричать,
К сестре вернулся бегом.
Сорвал тальник,
К девушке подбежал.
«Ну, притворщица,
Как ты смеешь
Запрещать мне идти на охоту!
Из-за твоих запретов
Мне сидеть и не охотиться?» —
Сказал ей храбрый Содани-*мата*
И стал хлестать ее тальником [говоря]:
«Разве не так? Разве не так?»
Из двух добрых глаз сестры,
Подобных двум солнцам,

Дю̄р мэӈукэ̄р мӯл,
Мол-мол * тыкнэл-тыкнэл,
Акинмӣ никинмадукин эӈэһӣт кумнэрэн,
Тыкэн гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дан:
«Дэвэ̄-дэвэ̄ дэвэ̄нин!
Акин гунды̄ акинми,
Со̄ма бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄,
Токто̄кол-болгойкол!
Бӣ синдӯ о̄н уло̄китчиӈэ̄в,
Бӣ уло̄китнэв ӣлэ̄ исчиӈа̄н,
Гуннэ тыкэ̄н тыкӯлдянды?
Кэ, тэде тыкэ̄н эмӣ тэдё̄рэ,
Инэӈ дулинма̄ктӯн са̄тар этэвкэл.
А̄чиндӯс бӣ эр-тар о̄ракив,
Минэ энэвӣ до̄лдыра
Мэ̄нды кэмсиндиӈэ̄с.
Итык тӯрэ̄нмэв илинкал,
Мэ̄ӈун тӯрэ̄нмэв до̄лдыкал!
Эмӣ до̄лдыра
Тар мэ̄ндӯс со̄ комолто о̄диӈа̄н.
Са̄тар мэ̄нды ичэтчэрэкис,
О̄н-да̄ о̄нав һулэкэ
Миндӯ-дэ̄, синдӯ-дэ̄.
Акинмӣ-нюн бимӣ
Минэ экэл эмэ̄нэ.
Дю̄р мэ̄ндуккэр
Эмнӣн са̄лдыра һуе̄ттыт
Дялда̄рӣдӯ-да̄ эрӯ бидиӈэ̄н,
Мэ̄нды-дэ̄ дялдӯс этэ̄н ая бидиӈэ̄н,
О̄н уло̄кит улгӯрдэн, гуннэ,
Тыкэ̄н тыкӯлинды?
Бӣ тӯрэ̄нмэв тэде уло̄кко̄н
Илэ мэ̄ндивӣ са̄кса̄ тыкӯлда̄вӣ!
Ката бэевӣ бэекэкэл,
Аһӯн бичэ̄с, ичэвкэ̄кэл!» —
Гуниттэн эр ая аһӣ
Ая̄кча̄н Иве̄кча̄н киливлӣ.
Де акинин дулин буга бо̄юнин
Со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄ биһэмдэ
Ая аһӣ Ая̄кча̄н Иве̄кча̄нма
Аят уйдё̄нэ ичэнэн,
Тэдемэ-дэ̄ ӈэ̄рӣһӣ ира̄с сэ̄ксэн сӣврӣмэдин
Ая̄ ӈэ̄рӣһӣ ирэндэн мултё̄рӣдин
До̄дуккӣ мэргэ̄чэ̄гэчӣн о̄ча̄ ивит.
Тара̄ ичэксэ̄, со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
Гунмурӣ бэеӈку бэе биһэмдэ
Нэкунмӣ син мула̄нан бадага —
Мэ̄нин-дэ̄ тоголко̄н ё̄һан

Двумя серебряными струйками
Потекли крупные слезы.
Она крепко обняла брата за шею
И сказала такие слова:
«*Дэвэ-дэвэ дэвэнин!*
Старший брат, родной брат мой,
Храбрый Содани-богатырь,
Постой, подожди!
Зачем мне тебя обманывать,
Обманом ведь ничего не добьешься.
Почему ты так сердишься?
Хорошо! Раз ты не веришь, что я права,
Задержись хотя бы до полудня.
Если со мной без тебя что-то случится,
Ты сам пожалеешь,
Что меня не послушался!
Поверь моим заветным словам,
Выслушай мою серебряную речь! *
Не поверишь, —
Очень пожалеешь об этом!
Если что случится со мной
На глазах у тебя,
Для меня и для тебя будет лучше.
Брат мой, если ты вправду мне брат,
Не оставляй меня!
Если мы двое
Расстанемся, ничего друг о друге не зная,
Нам самим вспоминать это будет трудно,
И твоей душе будет плохо.
Зачем же ты так рассердился,
Думая, что я обманываю?
Если ты узнал, что мои слова и вправду
Лживые, тогда бы на меня и сердился!
Лучше мужайся, как подобает мужчине,
Покажи, какой ты есть!»
[Так] говорила эта славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица.
Тогда ее брат, богатырь Средней земли,
Храбрый Содани-богатырь,
Пристально посмотрел на
Славную девушку Аякчан Ивекчан.
Оказывается, она вправду была опечалена.
Светлая, чистая кровь ее потемнела,
Красивый, светлый облик ее потускнел.
Увидев это, человек-человечище
По имени храбрый Содани-богатырь,
Кажется, свою сестру пожалел.
Огонь, пылавший

Тогон кургирӣн мултэ̄рэн,
Тыкӯлнан сэ̄ксэн тӯктан.
Тар амардукин
«Ё, тэдемэ, умун нэкунмӣ умундин
Ёда̄-ңа̄н соңовчодём», — гуннэ,
Мэ̄нин мэ̄нмӣ сэмэлэ̄рэн.
Тар амардукин
Нэкунин мэңун мӯлкэ̄н ёһан мӯн
Һэргискӣ эё̄ннэ тыкнэвэ̄н,
Һанңатпӣ аракӯн булиһинэн.
«Кэ, нэкӯ, тэдевэ гунэкис,
Эһим суруру, экэл соңоро.
Инэңмэ̄н синнюн инэчим.
Де тавар тӯрэнды уло̄к о̄дакин
Тэдемэ этэ̄п ситана —
Мэ̄ндуккӣ коргутчиңа̄с!» —
Тыкэ̄н гуниксэ̄, эр со̄ бэе
Со̄данӣ ма̄та̄ биһэмдэ
Нэкунмӣ чӯла̄ндула̄н уңрэн.
Мэ̄нин соңку бэе биксэ̄кэн
Сугун е̄да̄ бидиңэн —
Эмңэ лайдаңла̄вӣ эврэн,
Кӯрбэ иңа̄ндялди мэ̄чиккэ̄тнэ эвӣрэн.
Эр-тар урэлдӯ ирэ̄ктэлвэ
Ниңтэтэй-нэлгэтэй нэптэлмӣгдэ та̄никса̄,
Тэлгэһэлэ̄вӣ иннэ эмувуксэ̄,
Симңӯлэнмэ иливка̄тна эвӣрэн.
Тариңла̄н биһэмдэ акса̄ман эһӣ са̄вра орон
Симӯтнэде эмдевкӣ о̄да ивит.
Тар амардукин
Аһӯна бидиңэн о̄вча̄ о̄нӣ,
Ананча̄ аилга бирдэгэ —
Ӯр һуна̄т гуннэгэчӣнин
Дылача̄ элэкэс дэгдэдерэкин
Эргӣт-таргӣт эдын-эдын иктэлдэн,
Эргӣт-таргӣт багдарир туксул бара̄лда,
Коңнорир туксул коюна,
Һуларӣр туксул һуктырэ.
Тар туксул дурук
Ӯгӯ кумтӯр няңня оёло̄н
Дурук умундӯ кӯгуна̄нал
Гукчаннал туктырэ,
Дылача̄ва ӣлӣ-кэт умнэт
Эһӣдин ичэврэ липкирэ.
Де тавар амардукин —
Нимңа̄ка̄ндӯ эвкӣ удара,
Дурукин һӣма̄т о̄вувки —
Эдын бого эңэһӣңин о̄дан,

В яростных глазах его, поугас,
Сердитая кровь его поостыла.
После этого —
Упрекнул сам себя, сказав:
«Зачем я довел до слез
Свою единственную сестру?»
После этого —
Ласково вытер ладонью
Катившиеся вниз
Серебряные струи слез.
«Ну, сестра, если говоришь правду,
Я не уйду, не плачь!
Пробуду с тобой этот день.
Но если ты сказала неправду,
Будет неладно,
Сама на себя обижайся!» —
Сказав так,
Храбрый Содани-богатырь
Отправил сестру в чум *.
Сам же сильный человек
Разве останется спокойным?
Он спустился на свою широкую *лайду*,
Поиграл камнями, подбрасывая, как мячи.
На окрестных горах повырывал
С корнями и землей лиственницы,
Принес их на плече во двор,
Играючи построил навес,
И олени его, число которых неведомо,
Приходили туда отдыхать *, говорят.
После этого —
Вскоре наступило предсказанное,
Судьбой предопределенное —
О чем говорила недавно девушка.
Когда солнце стало подниматься,
Оттуда-отсюда налетели ветры,
Оттуда-отсюда появились белые тучи,
Сгустились черные тучи,
Сбежались красные тучи *.
И все эти тучи,
Враз, со свистом
Поднялись вперегонки, говорят,
К верхушке опрокинутого неба *,
Закрыли собой солнце,
И его совсем не стало видно.
После этого —
В сказке ничто не задерживается,
Все быстро делается * —
Налетел сильный ветер,

Тыгдэ бого сōӈин ōдан,
Агды̄ бого, чагилган,
Талину бого ōдан.
Де мит бэеӈит
Сō бэе Сōда̄нӣ ма̄та̄
Де дōдуккӣ элдэн тэһиидэ,
Дюлэ̄кӣвэ дюр дяпкун ōва̄тылка̄н алаӈавӣ
Аӈа̄нна̄на-та̄нӣва̄тна бэлэкэдерэн ивит.
Де эр-дэ̄ эмэдерӣ туксу
Эчэ горово удаӈутта —
Тар-да̄т тыгдэтэй-агды̄тай
Һӣма̄мия̄т ӣлтэмэлчэрэн.
Тар амардукин
Арай дылача̄ тоговōн липкирӣ
Илан дыличӣ уксукинде̄ *
Дэгнэ дэвдылэ̄нчэнэ эмэрэн.
Де эр бэе Сōда̄нӣ ма̄та̄
Ēватадӯн * илитты
Илан лава̄лка̄н
А̄л кудӯк мōндя̄дӯ
Илан лава̄ва̄н умундӯ камуиһиникса̄,
Тар оēдӯн дōкса̄,
Эртыкӣ-тартыкӣ ловик-ловик мунӣллӯрэн,
Килэп-калип ичэһиӈнэрэн.
Саксак-саксак гивэнэрэн.
Тар амардукин
Ча̄гӯ эмэ̄ ма̄та̄
Мит бэеӈит дюлэдӯн
Илэ мэ̄нӣн ōкса̄ тыктэн,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэнин тулдӯмнэ,
Улгӯрин уӈкулбунэ
Дэ бэе гундэ ӣргит-дэ̄
Дюлин эһӣ савра
Адясма адяраин ōдан.
Де нуӈан тӯрэнмэ̄н арай
Долчӯрила̄вӣ-нюн иһирдага.
Де тыкэ̄н гуннэ тариӈин биһэмдэ
Адяс эчэ̄лин ситана
Сэһэлкэн ōдан,
Улōк-дō бичэ̄лин
Улгӯрилкэн ōдан,
Ēма̄н-да бичэ̄лин
Икэ̄лкэн ōдан:
«Киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин!
Эрэ̄вэ-нюн эрэ̄
Ичэкэл-ичэкэл!
Дулин ай букаты̄рин
Со бэе Сōда̄нӣ ма̄та̄,

Полил сильный дождь,
Загремел оглушительный гром с молнией,
Заполыхали зарницы.
Наш человек,
Храбрый Содани-богатырь,
Не утерпел, изготовился,
Стал натягивать и отпускать
Тетиву дваждывосьмисаженного лука.
Набежавшая туча
С громом и ливнем,
Не задержавшись,
Мигом умчалась.
  После этого —
Почти закрыв свет солнца,
Прилетел трехголовый,
Взъерошенный орлище.
На стоявшее во дворе
Храброго Содани-богатыря
Трехвершинное
Священное огромное дерево *
Он уселся,
Сразу подмяв под себя три вершины.
Туда-сюда головами повертел,
Зыркнул глазами,
Крыльями встряхнул, перья взъерошил.
  После этого —
Прибывший богатырь
Перед нашим человеком,
Представ в своем обличьи,
Отрывисто заговорил,
Повел разговор.
Неизвестно кто это был,
Человеком его не назовешь,
Был он настоящий *адярай*.
Пришлось выслушать
Его речь.
Тот заговорил:
Хоть и невпопад,
Стал он говорить;
Хоть и врал,
Стал рассказывать;
Хоть бестолково,
Стал он петь:
« *Кингир-кингир кингирдэнин!*
Вот это и вот это *
Посмотри-ка, посмотри-ка!
Богатырь Среднего [мира] -*ai*,
Храбрый Содани-богатырь,

Со̄ди-со̄ди тургэнди
Ӯтэкэ̄нми до̄дукин
Нэкун гунды̄ нэкунмӣ
Ювмэлчэкэл миндулэ̄!
Тар амардукин
Дю̄крэ доро̄воё дявакалду,
Амаргӯптын улгӯр о̄ӈна̄н!
Де эр минэвэ
Йргӣт тэкэлкэ̄н-сэксэлкэ̄н
Ма̄та̄ о̄данды гунэксун,
Һэргӯ егин бӣстӯн о̄скэ̄чэ̄
Тукала Маӈӣ этыркэ̄н
Омолгин дыгин кирӣлка̄н
Сэлэмэ Девиндэ̄р со̄ниӈ гунмурӣ
Һэргӯ буга атама̄нин
Ава̄һи омолгин бииӈнэм.
Ёкун на̄да о̄кса̄
Дулин тукала бугала̄
Тӯмнэ̄илкэ̄н о̄данды гунэкис,
Эр сӣ со̄ниӈ ай эвэнкӣ бэенӫон
Иркин бэӫон иегэчӣнин
Дё̄рэлэснэ балдыча̄
Нэкун гунды̄ нэкунмэс
Ая аһӣ Аякча̄н Ивё̄кча̄н
Гунмурӣ-гӯ киливлӣва
Умучӣдуккӣ улдымӈӯевӣ,
Дю̄чӣдуккӣ дю̄вчамӈӯявӣ,
Илачӣдуккӣ анал аһӣявӣ
Гадымадӯ гана̄дя
Илэ-бодо мэ̄нми
Мэ̄лкэ̄н мэндивӣ эмэм тавар.
Ая-гӯ эет бӯчинды,
Уһа-гӯ эет бӯчинды?
Бӯрэкис-дэ̄ гачим,
Эһикис-дэ̄ гачим!
Со̄т тургэнди дялвӣ са̄вка̄кал!
Миндӯ-вэ̄һин авгӯн-да̄ умун,
Ката мэ̄ндис сива̄йбаӈдиӈав,
Ката эр-тар энэ о̄ра
Нэкун гунды̄ нэкунмӣ
Буга бэӫнӈэчӣнин симэ̄кэл,
Сэвэкӣ оронмо̄нӈочӣн тэтувкэл,
Со̄ӈку бэедӯ со̄ аят дявавка̄кал!
Һа-һа-һак!» — гуннэ,
Амӈанда̄вӣ а̄ӈа̄нна̄ран.
Де тарба̄ва до̄лдыча̄
Со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄,
Со̄ӈку бэе биде̄ден эһилэ:

А ну-ка побыстрее
Приведи ко мне
Из своего *утэнчика*
Младшую сестру, родную сестру твою!
После этого —
Вы двое, привет примите,
А потом будет разговор! *
Если спросишь меня:
„Кто ты, мата,
По роду и крови?“ —
То [отвечу]: я сын
Тукала Манги-старика
Из девяти племен Нижнего мира,
Имя мое — сын *авахи*, четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр *,
Атаман Нижнего мира *.
Если спросишь, ради чего
Я ступил
На Среднюю глиняную землю,
То [отвечу]: чтобы взять в жены
Младшую сестру, родную сестру
Эвенка-человека, богатыря-*аи*,
Красавицу по имени
Славная девушка Аякчан Ивекчан,
С которой вы родились вместе
Словно рога осеннего дикого оленя!
В год [от роду] ей суждено было стать моей невестой,
В два года — хозяйкой моего чума,
В три года — моей женой! *
В собственном облике
Я за ней явился!
Волей отдашь
Или неволей отдашь?
Отдашь — возьму,
Не отдашь — возьму!
Без промедления ответь, что ты думаешь!
Мне все равно.
Только как бы тебе не стать моим свадебным угощением!
Не упрямься,
Младшую сестру, родную сестру свою
Наряди, чтобы стала похожа на лесного оленя,
Укрась, чтобы стала похожа на священного оленя *,
Сильному богатырю ее, как подобает, выдай!
Ха-ха-хак!» —
Говорил он, разевая пасть.
Услышав это,
Храбрый Содани-богатырь,
Сильный человек, не мог сдержаться.

Дю̄р чавургайдукин
Дя̄н се̄рэ того дя̄нӯһинчаран,
Дя̄н чараткӣдукин
Буюксу сэ̄ксэ чикнӣһинчэрэн,
Тыкӯлнан сӧдӯн
Умун тогор угискӣ угириврэн,
Дыгин ӈала дырамулдан,
Игим сэ̄ксэн ё̄һалдула̄н истан,
О̄рда̄к сэ̄ксэн олукмала̄н эмэрэн,
Ниравӣ сэ̄ксэн мё̄вандула̄н иктэрэн,
Бардам сэ̄ксэн бэ̄лгэлдулэ̄н тыктэн,
Уһук сэ̄ксэн урдӯн дялуптан,
Тэтты̄ тэ̄тын эли̇̄-тали̇̄
Аран эчэ тэкэ̄мдэ.
Тар некэксэ̄, аһӯн-да̄ эчэ биһи —
Дю̄р дяпкун алаӈавӣ гакса̄,
Нуӈандӯн ча̄гӯ се̄ма̄ктӯвӣ
Та̄нӣна-та̄нӣна, иткӯна̄на-иткӯна̄на
Тыкэн гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н
О̄дяран ивит нуӈан:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Эр-кэ эр-кэ ичэкэл,
Һэргӯ буга ава̄һин атама̄нин
Дыгин кирӣлка̄н Сэлэмэ Девиндэ̄р со̄ниӈ,
До̄мдӯн доро̄во бигин,
Амаргӯптын ё̄ман улгӯр о̄гин!
Эр минэвэ
Йргӣт тэкэлкэ̄н-сэксэлкэ̄н
Ма̄та̄ о̄данды гунэкис,
Дулин аи̇̄н эвэнкӣн биӈнэм,
Со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
Гунмурӣ гэрбилкэ̄н биӈнэм.
    Тадук о̄дакин
Эр-кэ си̇̄ йр бугадӯ ава̄һи,
Аймӈӯ аһа̄тка̄нма аһи̇̄лакса̄,
Аһӯн алаһа дю̄ва та̄никса̄,
Того эһэкэ̄вэ илакса̄,
Һутэвэ балдывукса̄,
Авдӯва иргиксэ̄,
Нимэ̄р о̄на ниргийнэ
Бэе бинӣвэ̄н бинэвэ̄н ичэксэ̄,
Тавар уло̄кмо улгӯрит
Минэвэ бакаличинды? —
Де сэрэнкэл-сэрбэнкэл —
Сэп сурурун!
Со̄ бэевэ энэ са̄вка̄на
Ая бэевэ энэ мэтэврэ
Тэптырэн гунденды!

С обоих его висков
Десять снопов искр * полыхнули.
С десяти его пальцев брызнула
Жидкая кровь.
От сильного гнева
На одну пядь вырос вверх,
На четыре пальца раздался вширь,
Глаза его наполнила гневная кровь,
В грудь вошла сердитая кровь,
В сердце ударила отважная кровь,
К коленям хлынула дерзкая кровь,
Живот залила густая кровь.
Одежда, в которую он был одет,
Чуть не лопнула.
Когда это случилось, без промедления
Он взял свой дваждывосьмисаженный лук,
Стал целиться,
Угрожающе оттягивая [тетиву] до самого уха,
Такие слова
Сказал, оказывается:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Вот, посмотри-ка,
Атаман *авахи* Нижнего мира,
Четырехгранный Сэлэмэ Дэвиндэр-богатырь!
Как полагается, привет [тебе],
Потом будет кой-какой разговор!
Если спросишь меня:
„Кто ты, *мата*,
По роду и крови?“ —
То [отвечу]: эвенк-*аи* Среднего мира,
Храбрый Содани-богатырь
Зовусь я.
После этого —
В какой стране ты видел,
Чтобы *авахи* взял в жены девушку-*аи*,
Поставил для семьи чум,
Развел огонь-дедушку,
Родил детей,
Вырастил скот,
С семьей счастливо
Жил бы как человек?
С этой лживой речью
Зачем ты ко мне пристаешь?
Ну, берегись, держись —
Пошла стрела!
Ты [не] скажешь, что я стрелял
В сильного человека, его не известив,
В доброго человека, его не предупредив.

Коӈнорӣн һāкинды дулмадӯн
Нюрбӣ катāдялим!
Улгӯр урумкӯн,
Эмэнэс удяс эмӈэ!
Авгӯва сӣнмачинды:
Ӯһикинми-гӯ дявачинды?
Инэӈӣдук-кӯ мӣчинды!
Тарā мэнды сӣнмакал!
Миндук эӈэт коргутта бимӣ,
Эр лукӣвэ гакал!
Гирō-гирō гирōкāнин!» —
Гуниттэн эр мит бэеӈит
Сō бэе Сōдāнӣ биһэмдэ.
Тар амардукин
Де ēдягин-кат гуннэ
Авāһиндя̄ атамāнин
Коӈнорӣкāн һāкинин
Дулмамадӯн гуннэ
Алаӈāвӣ āӈаран-да,
Нуӈан биксэ̄, удадиӈāн дō —
Тар-дāт бэрин ӣгин
Няӈнямалā доргуйдан,
Дӯндэлэ̄ ниргийдэн
Ивит нӧрин биһэмдэ.
Авāһи омолгин адагаксōран,
Тар адагадяракин
Сэлэмэ кунякин һумнэ̄вэ̄н
Тавдурагар нӧр эмэксэ̄ ӣлтэнэн.
Тар амардукин
Авāһи омолгин адагаксōран.
Мит бэеӈит биһэмдэ коӈнорӣн
һāкинин дулмавāн гарпаран.
Тар-дā бичэ̄лӣн
Мит бэеӈит эмэдерӣ нӧрдук
Иркимэктэ иркин бэӧнӈэчӣн
Нӯян адагаксōран ивит.
Де тар амардукин
Дӧр сōӈку сумут мāтā биксэ̄л,
Илитчиӈāтын-нӯ эһилэ:
Надан дя̄н ōһилкэ̄н
Уткэ̄ндивэр дэ̄птӯлдырэ,
Де эр дэрэт-ēһат
Гуннэл энэл одē̈лдыра
һорōн-һорōндуккар һэргискӣ
Дюлāкин дюлаймавар
Тыкивмэ̄тнэл ōлдылдякāтта.
Тар-дā уткэ̄ртын

В середину твоей черной печени
Вонзится моя стрела!
Разговор короткий —
Путь обратный тебе открыт!
Что захочешь:
Выбрать обратный путь
Или погибнуть?
Сам это выбирай!
Без обиды
Прими мою стрелу!
Гиро-гиро гироканин!» —
Сказал наш человек,
Храбрый Содани-богатырь.
После этого —
Сказав: «Будь что будет», —
В середину
Черной печени
Атамана *авахи*
Из лука он нацелился.
Он не промедлил:
Звук от пущенной стрелы
Тут же разнесся по небу,
Загрохотал по земле, —
[Такая] его стрела, оказывается.
Сын *авахи* увернулся.
Когда увертывался,
Стрела на лету пробила
Край его железного панциря.
После этого
Увернувшись, сын *авахи*
Выстрелил в середину
Черной печени нашего человека.
Однако
Наш человек тоже увернулся,
Очень ловко, словно дикий олень
Со свежеоголенными рогами *.
После этого —
Разве остановятся
Два храбрых сильных богатыря?
Свои *уткэны*
С семидесятисаженными выемками они скрестили.
Ни лиц, ни глаз своих
Не щадя,
По макушке,
По голому темени
Рубили друг друга.
Но своими *уткэнами*

Ēва-дā эһи некэрэ —
Йлэн атыркāн ню̄ливунӈэчӣнин
Эһӣгэр гэкӣлӣ һэмкэрэ,
Тарилва биһэмдэ амаскӣ гаратта.
Илан тогор деелкэ̄н
Унигдама гидалвар
һимāмия̄т чāварӣлдыра,
Тариӈитпар дэ̄пты̄лдырэ.
Коӈнарӣн һāкимат гуннэл
Абатыйнал-абатыйнал,
Бāлдырӣмадӯ дялдāксāл,
Гидалдивар тыкивмэ̄чилдэ,
Тариӈитын ӯс этыркэ̄н
Ёт котон дугэ̄гэчӣнин
Токчокомо ōнаватын
һорōрбор оёлӣтын уһэгэттэ.
Тар амардукин
Тунӈа дя̄н бӯтылкāн
Дёломо мэ̄чикилдивэр
Ӯскӣтāна гаратмāтнал
Ōнӣкāрвар ōлдылда.
Тарā-дā аһӯчара-кат эчэл —
Илан инэӈӣлэ̄ энэл иһивра
Оролōс нӣкӣ умуктавāнӈачӣн
Элӣ-талӣ услӣрэ.
„Кэ, эвэдӣт-тэ̄ бигин!“ — гуниксэ̄л,
Илэ мэ̄рдивэр тыкилдырэ.
Дя̄н делэкӣвэ ӯскӣтāна дявавчāгачӣн
Катапчума чараткӣлдивар
Кавсагаит чāварӣмāчилда,
Кою̄ улдэ колтолдивар
Сē̄мадӯвар иктэлдынэл ӣлдылдэ,
Ирэ̄ктэлвэ илӯһинэ,
Аһиктала анӯктара,
Ня̄ликин мōва нялбурагар,
Бучӯкин мōва буктарагар
Иедэ̄ктэмэ̄тнэ куһӣдерэ.
Томтор дӯндэвэ тонӈорогор тӯрэ,
Оӈкучак дӯндэвэ омчорогор тӯрэ,
Урэлбэ бимӣ һэ̄кӣрэ,
Кочолбо бимӣ кāһиӈмара,
Маӈа дӯндэвэ һэнӈэклӣвэр олōро,
Дую дӯндэвэ дугукӣклӣвэр тыпāра,
Маӈанда дӯндэвэ бадарāӈда,
Бадарāн дӯндэвэ һалгардивал уркӯра.
Тадук биһэмдэ
Эр мāтāл биһэмдэ
Горово-до куһӣнэвэр эчэл сāра,

Вреда друг другу не причинили:
Как скребки старухи мастерицы,
Уткэны их затупились *,
И они их назад отбросили.
Обоюдоострые копья
С лезвием в три пяди
Быстро они схватили,
Друг в друга ударили.
Распаляясь гневом,
В бешенстве
Старались ударить друг друга копьем
В черную печень.
Но копья их
Стали как кривое острие ножа
Старика кузнеца *,
Они их через свои макушки бросили.
После этого —
Стали решать свою судьбу,
Бросая друг в друга
Пятидесятипудовые
Каменные ядра.
Их ненадолго хватило —
Даже трех дней они не выдержали,
Облупились как яйца утки-гоголя,
Они их в разные стороны побросали.
«Ну, теперь по-эвенкийски!» * — сказав,
Сами [без оружия] стали биться,
Их гибкие пальцы ловко сцепились,
Уподобившись десяти горностаям, сложенным рядом
Головами то в одну, то в другую сторону.
Тяжелыми кулаками
Стали они бить друг друга в самое ухо.
Ломая лиственницы,
Толкая ели,
Сваливая растущие деревья,
Дробя в щепки высохшие деревья,
Словно бодаясь, они дрались.
Холмы они растоптали,
Низины втоптали,
Раскрошили горы,
Размесили долины рек.
В мягкой земле утопали по бедра,
В твердой земле вязли по колена,
Твердь превратили в болото,
Болота размесили ногами.
После этого —
Эти богатыри
Не знали, долго ли бились,

Дагава-да куһинэвэр эчэл са̄ра.
Нуңартын биһэмдэ
Тугэрвэ̄н имандадин са̄ра,
Нэлкирвэ̄н лэптэркэндин са̄ра,
Дюгарва̄н тыгдэдин са̄ра,
Болорво̄н бо̄ктадин са̄ра.
Де тарит нуңартын о̄лдылнатын
Тугурук анңанӣ о̄дан.
Тар усталка̄н то̄радӯн
Энэл тэгэһинэ-илиһинэ
О̄лдыдярдактара эр ма̄та̄л.
Де тар амардукин
Бӣ ичэрэкив, ча̄гу бэе
һэргӯ оге̄ңа̄ бого омолгин
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатпӣ ӣвчэ̄,
Ӣлтэнды̄ туксугучӣн албаспӣ дява̄ча̄ —
Ӣлӣ-дэ бэе коңнорӣн улдэ
Колтотпӣ эһӣн тэптырэ
Сэлэмэ куняккӣ һэкӯлгӣнэн
Тогодӯ далгавча̄гачӣн һэкӯлчэ̄.
Тара биһэмдэ мит бэеңит
О̄кин-да̄ албаспа-кувулгатпа
Эчӣн идэтэрэ эдэр ма̄та̄ о̄кса̄,
Ава̄һи албасла̄н илэ мэ̄ндивӣ
Ӣксэ̄ бӯрэн ивит.
Де эмңэ кэңтырэ̄н тые̄лдэн,
Ңонум дялин урумӯлдэн,
Тогочӣ е̄һалин һактыралда,
Со̄ниң сумулин сӯнилда,
Буксэ дяланин мулте̄лдэн,
Улдэн са̄һин нӣвулдэн,
Уло̄р улдэн сукчавулдан,
Увагас сэ̄ксэн уңкулбулдэн,
Дырам нандан тэкэ̄мулдэн,
Ңэ̄рӣһӣ инэңӣңин сӣвулдэн,
Будэрӣ бого боконон,
Соңомӯрӣ сорун о̄дан,
Болгоно̄ри бого бӯла̄ран.
Эһиткэ̄н эмэксэ̄ эрӣксэ̄вэ̄н
Оруһуйды ңӣ-кэт а̄чинма̄н де̄нан,
Тадук дялин һавупна тыктэн,
Эр-дэ̄т будэрӣңин боконон,
Ка̄ре̄н тыргӯр дыла̄ча̄ тогон
Нуңандукин горолдон,
Со̄ма городо̄ сурурун.
Де мит бэеңит со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
О̄н-да̄ некэксэ̄ эр
Адярай оге̄ңа̄н эмңэ амңадукин

Не знали, недолго ли бились.
Они
Зиму по снегу узнавали,
Весну по пушистому снегу узнавали,
Лето по дождю узнавали,
Осень по граду узнавали.
Вот прошел круглый год
С тех пор, как начали биться.
Все это время,
Не останавливаясь, не уставая,
Дрались эти богатыри.
После этого —
Я увидел *, что враг [нашего] человека,
Страшный сын нижних *огенга*,
Стал ловчить, как убегающая туча,
Стал хитрить, как уходящая туча.
Чтобы человек
Голым кулаком * не пробил
Его железный панцирь, он раскалил его,
Как на огне.
А наш человек,
Молодой *мата*, не знающий
Ни хитростей, ни коварства,
На хитрость *авахи*
Попался, оказывается.
Широкая грудь его сузилась,
Долгие мысли укоротились.
Огненные глаза его потемнели,
Богатырские жилы растянулись,
Упругие суставы ослабли,
Крепкие мышцы расслоились.
Здоровое тело его стало дряблым,
Жидкая кровь полилась,
Толстая кожа стала рваться.
Свет его дня стал гаснуть,
Подступила страшная смерть.
Наступило слезное горе.
Его охватила безысходная тоска:
Дыхание его спасти
Никто не придет — он понял,
И потому еще больше сник.
А смерть уже над ним нависла.
От него удалился,
Ушел далеко-далеко,
Свет лучистого солнца.
Нашему богатырю, храброму Содани-богатырю,
Что бы он ни сделал,
От широкой пасти *адярая-огенга*

Суптырӣн саӈа̄риӈин а̄чин о̄дан.
Авâhи омолгин амӈандя̄н
Аӣ увагас сэ̄ксэдин сивӣран,
Оhиктандя̄лин hула̄ӣ сэрэ̄врэ.
Са̄тар эрӣксэвэ̄н энэ этыттэ
Йникинды̄ тулгӯ куӈ улдэвэ̄н
Илан дя̄н анӈанӣдӯ девидийчэ̄
Койго̄ сэлэмэ йктэлдивӣ
Йникин бэевэ йникинды̄
Кэ̄ӈӣктэмэт муӈна̄дяран.
Мит бэеӈит тэде
Кэ̄ӈтырэ̄н тые̄лдэн,
Дялин урумӯлдэн,
Мэ̄нин мэнтыкӣвӣ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дан:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Балдыдя̄к энин бугав,
Тадук умундӯ о̄скэ̄нэв
Нэкун гунды̄ нэкунми
Ая аhӣ Аякча̄н киливлӣ,
Алаhа дӣов, того эhэкэ̄в,
Ӈэ̄рӣhӣ дылача̄в —
Дурукиhун до̄лдыкалду!
Эр бӣ ка̄рэ̄н-мал мула̄нэ̄-вал
Ӈэ̄рӣhӣ эрӣксэв этыргэрӣгдэн о̄дан!
Соӈомо̄-вал сорилби,
Будэрӣмэ биргэнде̄лби о̄да!
Ӈӣ нонон буикэксэ̄ * арча̄
Буды̄ ургэвэ̄н са̄дян!
Сигӯн hэрэдӯн, тукала оѐдӯн
Будэрӣдук ургэ е̄кун биден!
Эр ӈӣ тыкэ̄н будерэн,
Мундерэн гуннэл
Ӈӣ-вэл долдымӯрӣ биhикин,
Дулин буга бо̄юнин
Со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄ биӈнэм.
Йр, е̄кун о̄данды гунэксун,
hэргӯ буга ава̄hин атама̄нин
Дыгин кирӣлка̄н
Сэлэмэ Девиндэ̄р гунмурӣ
Оге̄ӈа̄ омолгин
Йлтэнды̄ туксугучӣн албаhитпӣ,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатитпӣ
Минэ уло̄кирэн, давдыран.
Эдук-тэ, ӈӣ эмэксэ̄,
Минэвэ эрӣксэвэв эруhуйден?

Скрыться пути уже не было.
Пасть сына *авахи*
Наполнилась жидкой кровью-*аи*,
Когти его покрылись красной [кровью].
Еще не прервав дыхания [Содани],
Своими зубами, подобными
Покрытому тридцатилетней ржавчиной
Железному кайлу,
Он принялся грызть, терзать
Верхний слой тела живого человека.
У нашего человека
Сузилась грудь,
Укоротились мысли.
Сам себе
Сказал он такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Родная земля-мать!
Вместе со мной родившаяся
Младшая сестра, родная сестра моя,
Славная девушка Аякчан Ивекчан!
Родной мой чум, огонь-дедушка мой!
Светлое мое солнце!
Меня послушайте!
Настал [час] прерваться моему светлому
Легкому дыханию! Жаль его!
Слезное горе,
Смертная мука настали!
Только тот, кто умер и ожил,
Поймет, как тяжело умирать!
Под солнцем, на глиняной [земле]
Нет ничего тяжелее смерти.
Если есть какой-нибудь человек,
Который хочет узнать, кто это
Пропадает-гибнет,
То [скажу]: богатырь Среднего мира,
Храбрый Содани-богатырь.
Если спросите, что со мной случилось,
То [отвечу]: атаман Нижнего мира
По имени четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр,
Сын *огенга*,
Хитростью, подобной уходящей туче,
Коварством, подобным убегающей туче,
Меня обманул, победил.
Кто же придет
Спасти мое дыхание?

Эр эһӣт эрӣксэв
Этыргэрӣн инэӈӣӈин о̄дан.
Эр илан сивӣр оёлӣн
Минэ мула̄нды̄ ӈӣ-дэ̄
Энэн балдыра со̄-да̄
Соӈомун о̄дан!
А̄най-то̄най аваккав!
Ая аһӣ Аякча̄н Иве̄кчан киливлӣ,
Нэкун ӈунды нэкунми,
Буралия бурасты̄!
Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!» —
Гуниттэн будэрӣ ма̄та̄ биһэмдэ.
  Де тар амардукин
Аһӯна-да̄ эчэ биһи
Эргӣт-таргӣт
Коӈнорӣн туксу коюнан,
Багдарӣн туксу бара̄лдан,
Һуларӣн туксу һуктырэн.
Ичэһинисэ̄, һурумдиӈа̄ эвгидэ̄лӣн,
Тӯрэчиһиниксэ̄, эрӣһиндиӈэ̄ эвгидэ̄лӣн
Эр-дэ̄т эдынин эрӣнин эмэрэн,
Дэ̄пты̄нмумэрэ эһӣт эӈэһӣт иктэлдэн.
Тавир-тавир тыгдэ тыкилдэн,
Топир-топир бо̄кта бо̄налдан,
Илэ тогот һе̄рки һе̄ркилдан,
Нир-нир агды̄ агды̄лдан.
Эр һигин биһэмдэ
Ня̄ликин мо̄ва нялбурагар иктэрэн,
Бучӯкин мо̄ва буктарагар иктэрэн,
Дӯндэ оёдӯн е̄кун коӈното̄рӣва
Дурукка̄н няӈня һоро̄ндула̄н
Һӯвнэ дэгиливрэн ивит.
Эр со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
Эӈнэкэ̄н богово̄н эдын эксэрэн,
Кувэ̄р богово̄н һигин уркӯран,
Нямӣ богово̄н няӈняла̄ дэгиливрэн,
Сирӯ богово̄н се̄ктадӯ сива̄ран,
Укчак богово̄н урэлдӯ умӣвран,
Акта богово̄н авлаһалдӯ чипчиран.
Де тарба̄ һигинма
Эр со̄ бэе Со̄да̄нӣ ма̄та̄
Аран-аран элӣ-талӣ
Уйде̄лтэк-элтэк
Э̄л-дэ̄л һуклэ̄дерэн.
  Тар амардукин
Эр агды̄лка̄н һигин ӣлтэмӯрэкин,
Мит бэеӈит элӣ-талӣ уйде̄нэн,
Арай тӯрэн-тӯрэн, улгӯр-улгӯр биһин.

Вот-вот настанет день,
Когда прервется мое дыхание.
Ни в одном из этих миров
Не родился никто,
Кто бы меня пожалел!
О, слезы мои!
О, горе мне!
Славная девушка Аякчан Ивекчан-красавица,
Младшая сестра, родная сестра моя!
На долгие годы прощай!
Гиро-гиро гироканин!» —
Говорил умирающий *мата.*
  После этого —
Без промедления,
Оттуда-отсюда
Сгустились черные тучи,
Умножились белые тучи,
Сбежались красные тучи.
Прежде чем, взглянув, моргнешь,
Прежде чем, вздохнув, заговоришь,
Налетел ветер, стал дуть так сильно,
Что нельзя было выдержать, [стоя] к нему лицом.
Пошел дождь: кап-кап,
Дробно посыпался град,
Живым огнем засверкала молния,
Раскатами загрохотал гром.
Этот вихрь
Растущие деревья повалил [на землю],
Высохшие деревья разбил в щепки,
Все, что, двигаясь,
На земле чернело,
Сдул к макушке неба, оказывается.
У храброго Содани-богатыря
Унесло ветром много оленят,
Затянуло вихрем много оленей-быков,
Много важенок подняло в небо,
Много оленей-самцов к тальникам прибило,
Много верховых оленей согнало в горы,
Много холощеных оленей скучило на полянах.
А наш храбрый
Содани-богатырь
Лежал едва-едва [живой],
Не ощущая
Этого вихря.
  Потом —
Грозовой вихрь умчался,
Наш человек немного пришел в себя.
Тут речь, разговор [послышались].

Тарā дōлдыракин,
Тыкэ̄н гуннэ ивит:
« Угэлē-угэлē угэндэ̄р!
Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл,
Һэргӯ бута аваһиндя̄н
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэ̄р сōниӈ!
Ноноптын дорōво бигин,
Амаргӯптын улгӯр ōгин!
Эр минэвэ ӣргӣт
Тэкэлкэ̄н-сэксэлкэ̄н
Мāтā ōданды гунэкис,
„Эр дулин бугадӯ
Ё̄кун тэмтэргэн ōвракин
Дулин ай эвэнкӣлдӯн
Ая, манды̄ дурдатын
Ōкал“, — гуннэ дōмнāнатын бичэ̄в.
Эдēн Ё̄ексит энилкэ̄н бичэ̄в,
Аӣ Бэгин амилкāн бичэ̄в,
Сō бэе Сōдāнӣ мāтā акилкāн бичэ̄в,
Ая аһӣ Ая̄кчāн Ивēкчан экилкэ̄н бичэ̄в.
Иркин бэю̄н укчакилкāн
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ
Аӣ эвэнкӣ букаты̄рин
Илэ мэ̄ндиви эмэм.
Ё̄дā эмэнды гунэкис,
Мулāнē-вал умун акинмав
Авāһи атамāнин
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэ̄р
Дептэн гуннэдӯтын ӯтāксā,
Эӈэнӣ эӈэһӣт иркин
Бэю̄н авдӯвӣ илбэ̄нэв,
Эдӯ биһӣ орон сōһувэ
Эрӣксэ̄нин эдынин
Эксэрэн эчэ бирэ дō!
Де эр, Девиндэ̄р сōниӈ,
Дулин аи бōюһалвāн
Ōкиптыдук сэнэ̄нэ татыксā,
Тавар ёкун уһава ōчā
Сō бэе Сōдāнӣ мāтāва
Сāтар эрӣксэвэ̄н энэ этыттэ
Ӣникинды̄ девунды?
Тыкӯнē-тэлбэ̄нē биргэндēв!
Тавар ōнас авадӯн эр-ты эһит
Ōӈкāптыкӣ гарадāксā,
Кэӈтырэ̄ндēс угуктавāн
Унякандивӣ урӣһиниксā,

Когда он прислушался,
Оказалась такая речь:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр*!
Вот, вот, смотри-ка,
Авахи Нижнего мира,
Четырехгранный
Богатырь Сэлэмэ Дэвиндэр!
Сначала привет,
Потом уже разговор!
Если спросишь меня:
„Кто ты, богатырь,
По роду-крови?" —
То [отвечу]: я тот, кому завещали:
„На этой Средней земле,
В случае беды,
Эвенкам среднего мира-*аи*
Будь надежной защитой!"
Эден Еексит — моя мать,
Аи Бэгин — мой отец,
Храбрый Содани-богатырь — мой старший брат,
Красивая девушка Аякчан Ивекчан — моя сестра *.
Сам я зовусь Иркиничэн, ездящий
На диком осеннем олене.
Богатырь эвенков-*аи*,
Я в собственном облике сюда явился!
Если спросишь, почему я пришел,
То [отвечу]: сказали мне,
Что единственного моего
Бедного старшего брата
Одолел атаман *авахи*,
Четырехгранный Сэлэмэ Дэвиндэр.
И я так поспешно
Гнал своего дикого осеннего оленя,
Что ветром, поднявшимся
От нашего дыхания,
Сдуло всех оленей.
А ты, Дэвиндэр-*сонинг*,
С каких это пор ты перестал бояться
Богатырей-*аи* Среднего [мира]?
Что сделал плохого
Храбрый Содани-богатырь,
Которого ты ешь живьем,
Даже дыхания его не прервав!
Как это обидно! Горе мне!
За обиду, тобой нанесенную,
Я сейчас брошу тебя навзничь,
Твою становую жилу
Вырву указательным пальцем *!

Увагас сэ̄ксэвэс
Оло̄ко̄тно эвӣдиӈэ̄в,
Ӈонум гирамдадис
Дю̄ка̄ка̄тна эвӣдиӈэ̄в,
Урум гирамдавас мо̄ра
Урускалдӯн умӣвка̄тна эвӣдиӈэ̄в.
Таваргачӣн быһӣтпӣ
Син аһӣламдак эмэчэ̄
Адярай омолгин бирдэгиӈ.
Таваргачӣн дэрэтпӣ
Аһӣва о̄н дэ̄птӣндиӈэ̄в гунинды!
Бакай! Кирэ̄! Бугӣ! Ча̄скӣ!
Куһӣкӣт куӈтыкэлэ̄ ӈэнэмэлчэкэл!
Со̄т тургэнди оӈкой буксэткэ̄ндин
О̄нӣка̄рбар о̄лдыга̄т,
Ивгӯнай урэ се̄ктатка̄ндин
Сигдэкэ̄рвэр илэлдыгэ̄т!
Угэле̄-угэле̄ угэндэ̄р!», —
Гуниттэн ивит эр
Иркимэктэ иркин бэюн укчакилка̄н
Иркинӣча̄н со̄ниӈ биһэмдэ.
Де эр ава̄һи омолгин
Бэе турэ̄ттэн гуннэ
Ичэһинэ-кэт эчэ,
Орон эӈтэрэн гуннэ
Этэ̄һинэ-кэт эчэ —
Бэеӈӈӣ кэ̄ӈӣдеӈнэрэн.
Эр эмэ̄ бэе
Со̄гур тыкӯлдан-да̄
Ӣктэлбӣ кавириндӣн
Ӯгӯ бугала̄ уһӯта̄ран,
Һэргӯ бугала ниргийдэн,
Нуӈан биксэ̄ удаӈа̄т-да̄
Бэе бидиӈэ̄н-до̄ —
Бэевэ кэ̄ӈӣдерӣ ава̄һива
Гэдумукмэдӯн дёломо
Ургэ колтотпӣ тыкиврэн.
Ава̄һи омолгин биһэмдэ
Умун е̄һандя̄н умундивӣ
Умун тогормо̄ктӯ
Билчас-билчас о̄ваттан.
Тар амардукин
Кэ̄ӈӣдерӣ бэеӈӈӣ де гарада̄ран,
Мит бэеӈит Иркинӣчэ̄нтыкӣ
Адирис-адирис ичэһинэн,
Е̄да̄-ла со̄т давдыча̄гачӣн
Дэрэмие̄н барчик-барчик некэрэн.
Тар амардукин

По твоей жидкой крови
Играючи поброжу,
Из длинных твоих костей
Играючи остов чума поставлю,
Короткие твои кости
Играючи свалю на плавник.
Чтобы жениться,
Прийти осмелился
Ты, сын *адярая*!
С таким лицом
Ты хотел смотреть [в глаза] женщине!
Тьфу! Вон! Уходи!
Отправляйся скорей на поле [для битвы]!
Испытаем судьбу
Тальником из распадка,
Похлещем друг другу спины
Тальником с горы, покрытой гарью! *.
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал, оказывается,
Этот Иркиничэн-*сонинг*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами.
А сын *авахи*
Даже не посмотрел [на него],
Подумав: «Человек говорит», —
Даже не обернулся,
Подумав: «Олень хоркает», —
По-прежнему грыз богатыря.
Пришедший богатырь
Сильно рассвирепел,
Заскрежетал зубами —
В Верхнем мире ухнуло,
В Нижнем мире грохнуло!
Не стал он медлить,
Не такой был человек!
Свой тяжелый, как камень, кулак
Стал он опускать на затылок
Авахи, который грыз человека.
Единственный глаз
Сына *авахи*
На одну пядь
Вылетал [из глазницы].
После этого —
Он перестал грызть Содани.
Вращая [глазом], взглянул
На нашего человека Иркиничэна.
Лицо его злорадно задергалось,
Как будто он уже победил.
После этого —

Тыкэ̄н гуннэ
Тӯрэ̄лкэ̄н о̄на тулдӯмулдэн,
Улгӯрилкэ̄н о̄на̄ уӈкулбулдэн:
«Киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин!
Ичэкэл, ичэкэл
Эр дулин-тукала бугаӈитын
Боӈно̄н-дō бэечӣ бивкӣ ивит,
Аӣ бэелин эвэнкӣл
Ака̄ри-да̄ ура̄ӈкаичӣл бивкӣл ивит,
Бӣ ёкун уһа уйдӯв
Эр ургэ дёломо колтотпӣ
Тыкивкэ̄тнэ эвӣнды?
Бӣ-дэ̄ синӈэчӣн һоро̄н туӣ
Со̄т эһӣн сэнэ̄рэ бэе биһим.
Кэ, кэ! Эр минэ
Гэдумуктукив һэргискӣ тырэксэ̄,
Һуркавав этыттэ̄вӣ эмэчэ̄
Эдэр бэе, де эмэмкэ̄кэл!
Дюр со̄ниӈ мэ̄рты
Коӈнорӣн улдэ колтолдивар
Колтолдынал коло̄ко̄тко̄т,
Иктэлдынэл илкикэ̄ткэ̄т!
Умун кейча̄ һулэгин,
Ӈӣ давдывча̄ мунигин!
Энэл эрит-тарит
Албаһит ӣлдырэ илэ бодо мэ̄мэ̄лдивэр
О̄нӣка̄рбар о̄лдыгат!
Сӣ кеймӣ минэвэ девдиӈэ̄с,
Бӣ кеймӣ, синэ сива̄йбатана,
Ая аһӣ Аякча̄н Ивēкча̄нма гадиӈа̄в.
Киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин!» —
Гуниттэн огēӈа̄ биһэмдэ.
Де тар амардукин
Мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ ма̄та̄
Ёва-да̄ бара̄нма энэ тӯрэ̄тчэрэ,
Дэ̄птыкӣ энэ ичэһинмукэ̄нэ
Дю̄р һалгалка̄н ӈалатпӣ
Тыкчэрэн ивит.
Ча̄гӯ бэе син дю̄личӣ * бидэ̄вӣ
Икса̄ран бадага —
Со̄т эрэ̄-тара̄ ча̄варӣран-да̄
Мит бэеӈдукит ёва-да̄
Со̄т эчэ бакара.
Мит бэеӈит акиндӯн ӈэнэмӣ,
Һуӈту ма̄та̄ о̄дан.
Һа̄дӯлдӯн аваһи омолгин

Так он сказал,
Заговорил отрывисто,
Повел такую речь:
«*Кингир-кингир кингирдэнин!*
Смотри-ка, смотри-ка,
На этой Средней глиняной земле
Есть, оказывается, шутники.
Среди эвенков, людей-*аи*,
Бывают, оказывается, глупые люди!
За какую мою вину
Тяжелым каменным кулаком
Ты ударил меня играючи?
Такой негодник, как ты,
Посмел пренебрегать человеком!
Ладно, подойди, парень,
Если ты пришел
Вырвать мои клыки,
Придавить меня, [схватив] за затылок.
Двое сильных богатырей,
Мы в кулачном бою
Побьемся голыми кулаками,
В битве испытаем друг друга.
Только победивший останется,
А побежденный сгинет!
Не пускаясь
На разные хитрости,
Полагаясь только на свои силы, испытаем судьбу.
Если ты победишь — я погибну,
Если я одолею — тебя на своей свадьбе съем,
Женюсь на красивой девушке Аякчан Ивекчан!
Кингир-кингир-кингирдэнин!» —
Сказал *огенга.*
После этого —
Наш человек,
Мата по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Не стал долго с ним говорить,
Даже не дал ему себя рассмотреть,
Обеими руками и ногами
Принялся его бить, оказывается.
А тот человек — будто имел рассудок —
Дрогнул, оторопел.
Вхолостую замахал [кулаками],
В нашего человека
Попасть не смог.
По сравнению с братом [Иркиничэн]
Был совсем другим человеком.
Так крутился-вертелся,

Умукōмо ēһандя̄н
Аят-тā эһӣдин ичэрэ
Итикивна һаватāрӣ
Мāтāкāн ōдан.
Авāһи сōниӊ нуӊан-дā бимӣ
Син давдырӣ бэеӊичӣ ивит,
Тэде эӊэһӣн эһӣн кēйда бэелэ̄ ӣмӣ
Элэкин-дэ̄ бинэ некэдечэ̄ ивит.
Тар-дā бинэ мэ̄нин эӊэһӣн кēйды̄дӯн
Син сōӊаһагачӣн ивит:
Тувэснэвӣ тонӊорогор иктэрэн,
Нāвкāннавӣ наптарагар иктэрэн,
Дяванавӣ чакилдан,
Дэ̄пты̄ннэвӣ дептэн,
Ирэ̄ктэлвэ илӯктэрэн,
Аһикталва анӯктаран,
Мōлва монӊӣран,
Мугдэкэрвэ мучуттэн,
Ё̄лдāмтылва иткӯнāттан,
Кӯрбэндēлвэ кумнӯттэн,
Дёлондёлво дюлкулōттон.
Мит бэеӊит биһэмдэ
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлкāн
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ мāтā
Тар устадӯн авāһи оһиктадӯн-дā,
Ӣктэдӯн-дэ̄ улōр улдэвӣ
Эрэгэмэ эчэ һэркуврэ,
Колтодӯн-дā эчэ нāвра.
Авāһи сōниӊ
Илан дявачӣ дягдагачӣн
Ургэ уилкэ̄н ӊāландя̄тпӣ
Ӯгӣдин тикиврэкин
Олдōнтыкӣн ōттан,
һэргӣлӣ һэ̄мкэ̄тнэ иктэрэкин
Угӣдэ̄дӯн ōттан.
Ā̄нтыкӣ анāн дайбāракин
Дегинӊӣдин эмэксэ̄: дегмиēвэ̄н
Кал ōһинчакнан иктэттэн.
Дегинтыкӣ дайбāракин,
Ā̄нӊӣдин дагамаксā, анчандя̄вāн
һанӊатпӣ тыпкāлӣттан.
Де тарит эр огēӊā-дā бимӣ
Эр-тар кувулгатӣа āчин
Илэ бодо мэ̄рдивэр
Илэ бодо эӊэһӣтпэр
Кēилдыгāт гуннэ
Мэ̄нин ӣксэ̄ бӯнэвӣ
Кэмсинды̄н-дэ̄ инэӊӣн

Что единственный глаз
Сына *авахи*
Иногда ничего толком не видел, —
Такой богатырь был [Иркиничэн].
Силача-*авахи* стал одолевать
Наш человек, оказывается.
Храбрился [*авахи*] перед тем, кого мог победить,
Перед по-настоящему сильным сразу сник.
Когда этот силач побеждал,
Казался могучим:
На что наступал — выдирал с корнем,
Что попадалось под руку — сплющивал.
За что хватался — ломал,
Что попадалось ему — пожирал.
Лиственницы [на него свалившиеся] — волочил,
Сосны расталкивал,
Деревья выдергивал,
Пни выворачивал,
Обгоревшие деревья отбрасывал,
Валуны обнимая, хватал в охапку,
Глыбы камней сдвигал.
А наш человек, *мата*
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
За время [боя] ни разу не дал
Задеть свое здоровое тело
Ни когтям,
Ни зубам *авахи*.
Когда сильный *авахи*
Ударял его сверху
Своей ручищей,
Подобной сосне с тремя трещинами,
Он отскакивал в сторону.
Если [*авахи*], нацелившись, ударял снизу,
Он над ним подскакивал.
Если [*авахи*] справа замахивался, —
[Иркиничэн] подскочив, слева бил его в челюсть,
Так, что она от удара щелкала.
Если [*авахи*] слева замахивался —
[Иркиничэн] заходил справа,
Ладонью давая ему затрещину.
Вот тот *огенга*, который сам захотел, чтобы
Без всяких хитростей,
Одной своей
Собственной силой
Попытались они одолеть друг друга,
Оказался слабее [Иркиничэна].
Настал день, когда

Ōдан ивит бадага.
Айргӯ мāтā бимӣ
Улōр улдэн ӣлӣ-дэ̄
Эчӣн һэркуврэ ивит.
Нуӈан ēдӯ дэрдиӈэ̄н,
Авāһива тар-дāт давдыдяран ивит.
Авāһиӈин элэксу-дэ̄ ōлчā бадага.
Де тар амардукин
Мит бэеӈит тыкэ̄н гуннэ
Тӯрэ̄лкэ̄н ōдячāн уһу:
«Ӯгэлē-угэлē угэндэ̄р!
Ичэкэл эри, ичэкэл эри,
Һэргӯ буга авāһин
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэ̄р сōниӈ,
Де, сэрэнкэл-сэрбэнкэл!
Миндук ёва коргутчанды,
Мэ̄ндуккӣ коргуткал!
Сōӈку бэевэ энэ сāвкāна
Бāлтаран * гундиӈэс,
Сумут бэевэ энэ мэтэврэ
Давдыран гунденды.
Мэ̄нды тӯрэ̄нды мандыкāн бинэ
Амаргӯт ӣвдиӈэ̄н гуннэ
Уһōм манчатмӣ-дā
Сӣ эчэс сэнēрбурэ.
Инэӈи-долбони ӈэнэрэн,
Ōкиндалā си сэнэ̄с
Йрӣвэ̄н-ӈӯ, эһӣвэ̄н-ӈӯ этэвдем.
Эһилэ би элэтпӣ
Тыктэлэ̄вӣ иһим,
Элэкинмэ̄н каритпӣ-тыдякӣтпӣ
Оё̄чотмӣ уһōм,
Эчэс миннӣон урэ̄ттэ.
Мэ̄нды гуннэс тӯрэ̄нды биһин:
„Умун кēйчā һулэгин!“ —
Гунчэ̄с эчэ бирэ дō?
Де, би ōдам, давдым,
Сӣ будэнды, мунинды!
Аран ая биӈэһӣвӣ
Буһӣк тэтывӣ куптӯкэл,
Аран эрӣчӣ биӈэһӣвӣ
Кэрēс улгӯрвӣ улгӯркэл,
Аран сэнэ̄чӣ биӈэһӣвӣ
Колдюга укчаккӣ эрӣкэл,
Ӈэ̄рӣһӣ инэӈӣӈӣ,
Балдыдяк бугавӣ
Бурастыскал! *

Пришлось ему пожалеть [о том].
А здоровое тело
Богатыря-*аи*
Нигде не было задето.
От чего ему было устать?
Авахи был побежден,
На большее его уже не хватало.
После этого —
Наш человек сказал так,
[Такая] речь его была, говорят:
« *Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Посмотри-ка, посмотри-ка,
Авахи Нижнего мира,
Четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр-богатырь!
Ну, берегись, приготовься!
На меня не обижайся,
На себя обижайся!
Ты [не] скажешь, что я напал
На храброго человека, его не известив,
Ты [не] скажешь, что я убил
Сильного человека, его не предупредив!
Ты на словах силен.
Я ждал, что позднее
Ты начнешь [крепко биться],
Но мощи твоей не прибавилось.
Дни и ночи прошли, —
Ты не собрался с силами.
До каких пор мне ждать?
Теперь я со всей силой
Нападу [на тебя].
Хватит мне
Поддерживать тебя руками и ногами *.
Ты не смог биться на равных.
Ты сам говорил:
„Только победивший останется", —
Разве не так ты говорил?
И вот я победил,
А ты погиб, пропал!
Пока ты еще жив,
Надень погребальную одежду *,
Пока ты еще дышишь,
Скажи свое завещание,
Пока ты еще в силах,
Позови погребального оленя *,
Попрощайся на долгие годы
Со светлым днем,
С родной землей!

Угэлē-угэлē угэндэ̄р!» —
Гуниттэн эр мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэӧн авдӯлка̄н
Иркинӣчэн гунмурӣ ма̄та̄тка̄н.
Тар амардукин
Ава̄һи омолгин:
«Эрэ̄-вэнӣон эрэ̄,
Эр эвэнкӣ омолгимӣн
Турэ̄нин ēдӯ тыкӯлна̄таран
Гуниксэ̄, ай бэевэ̄н
Оӈоктодӯн кокōскада̄вӣ,
Тариӈӈӣ ура̄кса̄,
Дюлэвӣ нуркӯнчадяракин
Тармалит доӈото тукалава
Егин саһа̄ма̄кла̄ чэпэкнэн
Ливгэрэгэр гарада̄ран,
Дыгин ӈа̄ла деечӣ котокōндивӣ
Кавкава̄н чагдырагар та̄нан,
Нуӈан кэрēс тӯрэ̄нмэ̄н
Сōт-та̄ эчэ этэвдерэ.
Ава̄һи омолгин биһэмдэ
Аран амӈандя̄вӣ
Аппак-аппак аӈа̄ӈнакса̄,
Арака̄н тӯрэ̄нин ю̄рэн,
Эриксэвӣ тыссэмэ̄тнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄тчэчэ̄н:
«Киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин!
Иркимэктэ иркин бэӧн авдӯлка̄н
Иркинӣчэн гунмурӣ ай эвэнкӣн,
Гэрбӣс гэенӈэтпӣ-тэ̄ гэенчэ̄ ивит,
Суракис суруӈōтпӣ-дэ̄ сурунчō ивит.
Тэде сōӈку сумут ма̄та̄ ōданды,
Эр гиркундӯ минэ эчэс бэеӈдэ.
Тар-да̄ бичэ̄лин минэвэ умун кēйнатпӣ
Кēйим гуннэ экэл сōкана.
Минэвэ илара̄ка̄н кēймӣ,
Кēйим гундэ̄вӣ.
Ба̄рӣвӣ ба̄нды-да̄,
Омолги һутэс лукӣлтӯдерэкин,
Һуна̄т һутэс киптыилтӯдяракин
Синдулэ̄ мучӯдиӈа̄в.
Тадӯ аят ōника̄рвар ōлдыдиӈа̄т,
Ӈӣ ōдарӣн тадӯ са̄вдиӈа̄н.
Киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин!» —
Гунэн-дэ̄ умун ēһавӣ
Умнэ̄ һурумуһинан-да̄
Ēһадукин һуларӣн тогокōн

Угэлэ-угэлэ-угэндэр!» —
Сказал наш человек, *мата*
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами.
После этого
Сын *авахи* [сказал]:
«До чего же
Обидны слова
Этого эвенкийского выродка!» —
Сказав так, он хотел сунуть
Под нос человека-*аи* кукиш *,
Не дотянулся —
И упал ничком.
Тут [Иркиничэн] вбил его
В мерзлую землю
На глубину в девять саженей.
Ножичком с лезвием в четыре пальца
Перерезал ему горло,
Даже не стал ждать
Его прощальных слов.
Сын *авахи*,
Едва разевая
Свою пасть,
Кое-как выдавливая слова,
Отрывисто дыша,
Заговорил так:
«*Кингир-кингир кингирдэнин!*
Эвенк-*аи* Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами!
Не зря прославилось твое имя,
Не зря распространилась о тебе слава.
Ты и вправду сильный богатырь-*мата*.
В этой битве я не был тебе [равным].
Сейчас меня победив,
Не слишком своей победе радуйся.
Если трижды меня победишь,
[Тогда] скажешь, что победил *.
Ты меня одолел,
Но мы с тобой еще раз испытаем судьбу,
Увидим, кто победит,
Когда мальчик, твой сын,
Начнет пускать стрелы,
Когда девочка, твоя дочь,
Начнет кроить ножницами!
Кингир-кингир-кингирдэнин!» — сказал он.
Моргнул единственным своим глазом, —
Красный огонек из его глаза,

Оһинӈачӣн угискӣ гарадāвран-дā
Йлэ̄-дэ̄ иснан энэ сāвра
Āчин-нюн о̄дан.
Эр огēӈā тар-дāт
Кулдюн кувулгатытпӣ суптыран.
«Бэи тадӯ-дā чӯкадӯ-дā
Тыкчэ̄к о̄нӣ сāдиӈāн», —
Гунчэксэ̄ огēӈā гирамдавāн
Элӣ-талӣ урэйкэ̄тнэ эвӣрэн,
Дылмийāвāн тонӈорогор тāнан,
Кӣһэ̄н урэдӯ һукэлчэвкэ̄тнэ эвӣрэн,
Кэӈтырэ̄ндēн коӈнорӣн сэ̄ксэдин
Ӯгӯ няӈня коӈнорӣн туксу итэгэстӯн
Услӣкэ̄тнэ эвирэн.
Эвтылэ̄ндēн гирамдадин
Дюкчāя иливкāтна эвӣрэн.
Нирӣндāлин гирамдадин
Иӈāран итэгэспэ̄н дялувран.
Нюӈӣн умэкӣн гирамдавāн
Иһэ̄г урэ дяпкадӯн дяяран.
Кэндэкэндēн гирамдавāн
Кадāр капчакта иӈāн
Дяпкадӯн лапкуран.
Де тар амардукин
Мит бэеӈит биһэмдэ
Эр со̄ бэе Со̄дāнӣ мāтāва ичэнэ̄рэн.
Тариӈин биһэмдэ
Йдӯ-дэ̄ улдэкэ̄нэ āчин
Гирамдан-нюн сулавуксā
Дардāладяран ивит.
Де тарā ичэксэ,
«Эргэчӣн-дэ̄ бинэ ēкун дюгӯдӯн
Гэрбӣн гэенчэ̄н,
Суракин суручо̄н!» —
Гуннэ до̄дӯвӣ со̄мат комойдон.
Тар амардукин
Нуӈан биһэмдэ
Горово эчэ дявавра:
Ӯр нэкунмӣ ая аһӣ
Аӣкчāн Ивēкчāн гунмурӣ
Аһāткāн куӈāкāндулā
Суруксо̄, ичэктэ гуннэн биһэмдэ —
Нондоксо сэктэвунин-нюн,
Сулакӣкса һулдан-нюн,
Некэ̄ксэ тырӯн-нюн биһин,
Мэ̄нин эрэгэмэ āчин ивит,
Нэкунин дыгидэ̄лӣн ӯтэ̄нин
Калтакаман эдергэчэ̄ ивит.

Как искра, взметнулся вверх,
Неизвестно куда долетел —
Пропал.
Этот *огенга* опять убежал
С помощью своей невиданной хитрости.
[Наш человек] подумал: «Решит судьба,
Упавшая на зеленую траву» *.
Кости *огенга*
Играючи он [разобрал] по суставам;
Голову его огромную оторвав,
Поиграл ею, катая по обледенелой горе.
На черные тучи высокого неба
Играючи разбрызгал черную кровь
Из его огромной спины,
Из реберных его костей
Играючи поставил остов чума;
Кости его позвоночника
Бросил на галечник;
Голенные его кости
Спрятал в расщелину горы.
Огромную кость лопатки
Засунул среди отвесных скал,
Между камнями.
После этого —
Наш человек
Взглянул на храброго Содани-богатыря.
От него
Не осталось и кусочка мяса,
Одни кости
Лежали, громоздясь.
Увидев это,
Сильно огорчился [Иркиничэн], подумав:
«Если он был таким [слабым],
Почему прославилось его имя,
Разошлась о нем слава?»
После этого —
Долго
Не задерживаясь,
К младшей сестре своей по имени
Красивая девушка Аякчан Ивекчан,
К молодой девушке,
Он пришел, хотел на нее посмотреть.
Рысья подстилка была [на месте],
Лисье одеяло,
Соболья подушка,
А самой сестры вовсе не было.
Верхняя часть *утэна* сестры
Наполовину разрушена.

Де тара̄ ичэксэ,
Эр Иркинӣчэн ма̄та̄
Аракӣйа а̄чин соктō̄рон,
Соктō̄ё а̄чин ӣридэн,
Элӣ-талӣ туксаран.
«Ēкун эhӣн ичэврэ
Ӣлтэнды туксугучӣн албаhилка̄н
Илэ ава̄hин,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатылка̄н
Илэ огē̄ӈа̄н,
Эмэксэ̄, эксэчэ̄ бирдэгэй?» —
Гуннэ эр сō̄ бэе Сōда̄нӣ ма̄та̄
Балдыдя̄кин эē̄нэ̄ бираӈӈа̄н
Да̄птудукин дэрэ̄мэ̄клэ̄н
Баргӯ-миткӯ урэлбэн
Энэ сула̄ра умнэ̄кэ̄мэ пэрӣhинэн-дэ̄
Ēва-да̄ эчэ са̄ра.
Де тар амурдукин
Эhит ӯтэндӯлэ дюпты пэрӣнэ эмэксэ̄,
Эдергэвчэ̄ ӯтэнмэ аят ē̄руктанан,
Арай умун мō̄дӯн
Илан оhикта удян биhин ивит.
Тара̄ ӣртыкӣ юлгилка̄н
Дэгӣ биркэ гуннэ,
Аят ичэнэн биhэмдэ,
Дылача̄ ӣктэмэвэн ӈэнэрӣ
Дэгӣ биӈэ̄т ивит.
Де тарка̄ндук сэрэйдэн-дэ̄
(Удадиӈа̄н дō̄ нимӈа̄кан биксэ̄)
Мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯлка̄н
Иркинӣчэн гунмурӣ ма̄та̄ткан
Иркимэктэ иркин бэӧн авдӯвӣ
Умнэ̄-дюрэ̄ эӈтэвкэ̄hинэн-дэ̄
Иркимэктэ иркин бэӧн авдӯн
Ичэhиниксэ, hурумдиӈа̄ эвгидэ̄лӣн,
Тӯрэ̄hиниксэ̄, эрӣhиндиӈэ̄ эвгидэ̄лӣн
Эр-дэ̄т умутō̄ккō̄тно, лэлӯкэ̄тнэ эмэксэ̄,
Дюлэдӯн дергэс илиhинчаран.
«Ō̄н ō̄дап?» — гунчэ̄гэчӣн
Дюр сē̄нмӣ сэрбэлӣвчэрэн,
Эртыкӣ-тартыкӣ унӈэтлӯрэн *.
«Элэ̄ эмэкэл», — гунчэ̄гэчӣн
Эвэ̄кэ̄никсэ̄, илнава̄н ичэмӣ,
Колō̄рӣдӯ коловурин а̄чин,
Ичэдэдӯн ē̄кун урэ̄тчэн!
Иркимэктэ иркин бэӧн бараксан
Ирэндэткэ̄нин тэде гудē̄ē̄hи ивит.

Увидев это,
Иркиничэн-*мата*
Опьянел без араки,
Хоть не пьян, с ума сошел,
Туда-сюда забегал [думая]:
«Какое невидимое,
Хитрое, как уходящая туча,
Существо-*авахи*,
Коварное, как убегающая туча,
Существо-*огенга*,
Пришло и увело [сестру]?»
Храброго Содани-богатыря
Родной реки
От ее истока до устья,
С обеих ее сторон, [все] горы,
Не пропуская, он пробежал —
Ничего не узнал.
  После этого —
Снова вернулся к *утэну*.
Разрушенный *утэн* рассмотрел хорошенько.
На одной из его опор
Следы трех когтей оказались.
«Откуда прилетела
Эта птица?» — он подумал,
Внимательно присматриваясь.
В сторону заката солнца
Улетела птица, оказывается.
Рассмотрев следы,
(Разве в сказке долго тянется?) —
Наш человек
По имени Иркиничэн-*мата*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Раза два прохоркал
Своему дикому оленю со свежеоголенными рогами.
Его дикий олень со свежеоголенными рогами
Прискакал, как прилетел,
Встал перед ним, красавец, —
Прежде чем взглянув, моргнешь,
Прежде чем вдохнув, заговоришь,
Словно спрашивая: «Что случилось?» —
Обоими ушами прядал,
Туда-сюда принюхивался.
Словно подзывал: «Иди сюда», —
Приблизился.
Не с чем было его сравнить,
Невиданно красив он был!
Славный дикий олень со свежеоголенными рогами
С виду удивительно был красивым.

Кēвуткэ̄нин ēдӯ багас дялумтаран,
Йлӣ-дэ̄ туникая āчин
Умун дэкси һӯвуһинмучэ̄гэчӣн
Бултылама ая кēвулкэ̄н.
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н,
Корголдюн онēлкōн горгилкāн,
Колōпка некэ̄ дōптӯлкāн,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун улгэ̄р нēгӯлкāн ивит.
Де тар амардукин
Эр иркимэктэ иркин бэ̄ōн авдӯлкāн
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ мāтāткāн
Иркимэктэ бэ̄ōн оēлōн
һэтэкэнчэрэн-дэ̄
Сō бэе Сōданӣ мāтā оēлин
Умутōгивчэнэ * ӣлтэнимнӣн
Акинмӣ гирамдавāн сēптӯвӣ дырэн.
Укчаккӣ мэ̄нмӣ аналлāк-мунэллэ̄к
Энин бугалāвӣ
Букиндēк яӈ гунмурӣ
Дулин буга чуӈурун
Гукӣттулэ̄тын салаиксā,
Эдӯ-тадӯ тӯвкэ̄ннэ ӈэнэвкэ̄ндерэн,
Нуӈан биксэ̄ удадиӈан дō —
Тар-дāт мэ̄нин алаһа дӣолāвӣ,
Того эһэкэ̄лэ̄вӣ иһиксā,
Дӣовӣ уркэлэ̄н эмэксэ̄, уркэвӣ нӣксэ̄,
Умучидуккӣ улдымӈӯлэ̄вӣ,
Дючидуккӣ дӣовчамӈӯлāвӣ,
Илачӣдуккӣ анал аһӣлāвӣ
Йксэ̄, тыкэ̄н улгӯрдерэн ивит:
« Угэлē-угэлē угэндэ̄р!
Егин дāрилкāн
Нōлур солко нӣориктэлкэ̄н
Солкондōр киливлӣ катун
Гиркив, доровоē дявакал!
Тар амардукин
„Ōн гиркунды?“ — гуннэ
Улгумӣвки ōдакис,
Эр дулин энин бугав иччин ōридӯ
Увагас сэ̄ксэдук ōнӣлкāн,
Бэе тэкэнмэн тэрийдыдӯ
Тынис сэксэдук дилгалкāн
Акин гунды акинмав
Сō бэе Сōданӣ мāтāва
Ōвнан ōнидукин
һэргӯ огēӈа сōниӈин, эмэксэ̄,
Бāлтакāтна эвичэ̄.

Он был как налитой,
Ни одной ямочки на нем не было.
Будто дунули [на его шерсть],
До того он был гладкий.
У него от рождения были
Серебряное седло
С подпругой, украшенной оловянными [накладками],
Подседельником из лучшего соболя,
Витой серебряный поводок *.
После этого —
Иркиничэн-*мата*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Вскочил на оленя со свежеоголенными рогами.
Над храбрым Содани-богатырем,
Над костями его проезжая,
Засунул кости брата в карман *.
Своего верхового оленя
Он разогнал,
Направив его
К родной земле-матери,
К самой ее середине,
Именуемой Букиндек-гольцом.
Не задерживаясь,
Тотчас к своему чуму-жилищу,
К огню-дедушке прибыл.
Подойдя к двери чума, дверь открыл.
[Женщине], которой в год [от роду] суждено было стать его швеей,
В два года — хозяйкой его чума,
В три года — его собственной женой,
Такие слова он говорил:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Солкондор-красавица
С девятисаженной волнисто-
Шелковистой косой, почитаемая
Подруга моя, прими привет!
После этого —
Если спросишь:
„Как сходил?“ —
То [отвечу]: старшего брата, родного брата моего,
Храброго человека Содани-богатыря,
Которому по жидкой крови его суждено было
Стать хозяином этой Средней страны-матери,
По крепкой крови его предопределено было
Стать предком людей,
Этого человека со счастливым предназначением,
Убил играючи
Нижний богатырь-*огенга*.

Бӣ, талā иһиксā,
Һэргӯ буга һэгдыӈэ букатырвāн
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэ̄р сōниӈӈа
Илэ-бодо мэ̄нми
Эӈэһӣтпӣ давдыксā,
Умун анӈанӣдӯ анӈалдыксā,
Муданмāн иһивуксā,
Элэвэ̄н ичэксэ̄,
Эӈэһӣвэ̄н эллēксэ̄,
Сōниӈ сумувōн сӯнӈӣксā,
Манды̄ сумувōн манаксā,
Маӈа улдэвэ̄н овдовкōниксā,
Омолги мэ̄нмэ̄н уядытыксā,
Ӯһа уйвāн сӣксэ̄,
Ургэ эрӣксэвэ̄н этытиксэ̄,
Дырам нандавāн һуктэксэ̄,
Эрӯ урвэ̄н уркӯксā,
Ӯһук сэ̄ксэвэ̄н уӈкуксō,
Урум гирамдавāн урэим,
Ӈонум гирамдавāн нōдӯм.
Кӣһэ̄н урэдӯ чугӯма дылидин
Мэ̄чиккэ̄тнэ эвӣксэ̄, эмэм.
Тар амардукин
Нэкун гунды̄ нэкунмӣ
Ичэктэ гуннэв,
Ӯтэ̄нин калтакавāн
Нэптэрэгэр тāниксāл,
Мэ̄нмэ̄н дылачā ӣктэмэвэ̄н
Эксэчэ̄л биӈэ̄тыл.
Оһикталкāн биксэ̄
Сōӈман биӈэ̄т,
Кувулгат кулӣнин,
Тōккун һэгдэгӯн,
Депнэ̄де мэ̄нин,
Бāнāдя аминин
Мэ̄мэн биӈэ̄т.
Кэ, эдэ, катун гиркив,
Сōт тургэнди бōюн бэе
Девгэ̄ен ōмалчакал.
Горолō ӈэнэрӣ
Иргиһэви девуктэ,
Барāнма гиркурӣ
Сэнēеви силӯктэ.
Сōниӈилню̄н сукчалдырӣ
Сорукив эмэрэн,
Огēӈāлню̄н ōлдырӣ
Болдёкив боконон.

Придя туда,
Одной своей силой,
Сам я одолел
Могучего богатыря Нижнего мира,
Четырехгранного богатыря
Сэлэмэ Дэвиндэра.
За один год
Я с ним покончил.
Силы его истощились,
Я увидел его последние судороги,
Растянул его сильные жилы,
Вытянул его крепкие жилы,
Искалечил его жесткое тело,
Сломил его молодую силу,
Остановил гнусные мысли,
Прервал тяжелое дыхание,
Разодрал толстую кожу,
Разворотил его утробу,
Пролил его густую кровь.
Раскидал его мелкие кости,
Разбросал его длинные кости,
Поиграл на ледяной горе,
Подбрасывая как ядро его чугунную голову.
После этого —
Я решил взглянуть на
Младшую сестру, родную сестру мою.
Половина ее *утэна*
Напрочь был сорвана,
В сторону заката солнца
Ее унесли, оказывается.
Сильнейший
Из когтистых,
Коварный оборотень,
Могучий грабитель,
Самый прожорливый,
Отец убийц
Сам [унес].
Ну, милая, почитаемая подруга моя!
Поскорее приготовь
Богатырскую пищу!
Направляясь вдаль,
Поем-ка я сытно!
Перед большим походом
Наберусь-ка я сил!
Пришла пора
Сразиться с силачами,
Схватиться с *огенга*
Пришло время.

Чӯт солко чӯкалкāн
Энин дӯндэ оёдӯн,
Тыргӯр дылачā һэрэдӯн
Эвӣрӣ дӯндэлэ̄ тыкчэк
Сэрибе̄ив * бирдэгэ.
Кэ, катун гиркив,
Гиркун бэеӈӈэн
Экэл сирӣчивчара,
Аян бэеӈӈэн
Экэл алāчивчара.
Ая ӈалатпӣ астāксā,
Аивут девувуксэ̄, уӈкэл.
Угэлē-угэлē угэндэр!» —
Гундерэн эр мāтā.
Де тар амардукин
Ӯгит умун томкоды̄н
Уһие āчин
һэргит умун һирэ̄ӈӈэчӣн
Ситимиэ āчин
Солкомо дюкчā дю
Уркэн нӣврэн.
Егин дāрилкāн
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ гунмурӣ
Аһаткāн, юксэ̄,
Бэгин гиркивӣ
Анал мэ̄нин мэӈумэ тэгэккэ̄н
Дагадӯн нэ̄рэн, тэгэвкэ̄нэн.
Тар амардукин
Мэ̄нин биһэмдэ, тулискӣ ю̄ксэ̄,
Дыгин нулги пэрӣһиктэлкэ̄н
Мэӈумэ курēндēвӣ уркэлэ̄н эмэксэ̄,
Умнэ̄-дюрэ̄ эӈтэвкэ̄һиннэн,
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄н
Курēвэ дялум ӣһинчэрэн.
Тар амардукин
Эр аһӣ биһэмдэ
Илан нямā илан дя̄н илан
Актама орондук
Аяргӯвāн сӣнмаран,
Надан дя̄н надан
Байтаһун нямӣлдук
Бастыӈӈатын бāран,
Нюӈун дя̄н нюӈун
Байтаһун бēдук
Бургургӯвэ̄н бакаран,
Кур огус мунакаӈӈāн * бāран,
Байтаһун инак бастыӈӈāн бāран-дā

[Вот] жребий,
Выпавший мне на этой земле,
На земле-матери
С вечнозеленой шелковой травой,
Под лучистым солнцем.
Ну, почитаемая подруга моя,
Путника
Не задерживай,
Странника
Не заставляй ждать!
Приготовь [пищу] добрыми руками,
Проводи, сытно накормив!
Угэлэ-угэлэ-угэндэр!» —
Сказал этот *мата*.
После этого —
Сверху ни одной ниточкой
Не закрепленного,
Снизу ни одним конским волосом
Не привязанного
Шелкового чума-жилища
Дверь открылась *.
Вышла девушка,
Красавица по имени Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой.
Почитаемому другу своему
Собственное его серебряное сиденье
Придвинула, усадила его.
После этого —
Она вышла наружу,
Подошла к воротам серебряного загона
В четыре кочевки по окружности
Раза два похоркала,
И олени, кони, коровы *
Тотчас битком набились в загон.
После этого —
Эта женщина
Из трехсот тридцати трех
Холощеных оленей
Выбрала самых лучших,
Из семидесяти семи
Яловых оленей
Забила первейших,
Из шестидесяти шести
Яловых кобылиц
Забила самую жирную.
Разжиревшего быка забила,
Отборных яловых коров забила

Ичэһиндиӈэ̄ эвгидэ̄лӣн
Аста̄кса̄ этэрэн.
Дыгин баганалка̄н
Ча̄лба̄н мо̄ манды̄ӈин
Осто̄лбӣ матайды̄мадин
Урӣкса̄, девгэ̄лвӣ тэврэн.
Дю̄р мэ̄нтын того эһэкэ̄нюнмэр
Девгэ̄вэр элӣ-талӣ депмэндэ̄рэ.
Де тар амардукин
Сигӯнтын тыкиксэ̄,
Сӣксэнӣ сэрӯнтэрэн *,
Бара̄н оһика̄кта аргиһилка̄н
Һактыраһӣ долбонӣӈитын эмэрэн.
Һара̄нмар аят о̄кса̄л,
Нондо ая толбочӣӈин
Сэктэвунмэр о̄кса̄л,
Сулаки коло̄пкаӈидин колбо̄но о̄вча̄
Һулдавар һулдавра,
Некэ̄ коло̄пкаӈидин тара̄на о̄вча̄
Тырӯвэр тырӯксэ̄л,
Аямат илан долбонӣлка̄н
Инэӈӣдӯ а̄кса̄л,
Амӣвар боконикса̄л,
Иланӣтын тыманӣла̄ илда.
Эе̄нэ̄ бираӈӈар ира̄с мӯдин
Дялум ирэндэвэр авукса̄л,
Анал ай девгэ̄вэр дептэ.
Де тар амардукин
Эр Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н со̄ниӈ биһэмдэ
Гиркундӯ о̄вча̄ тэты̄лвӣ тэттэн,
Куһӣндӯ дяварӣ сэвулвӣ тэринэн.
Тулискӣ юксэ̄,
Тулгӯ тэ̄ргэнмӣ ичэнэн
О̄л * ирэ̄ктэндӯн
Иркимэктэ иркин авдӯн
Илан инэӈӣлкэ̄н долбонӣдӯ
Уйчэчэ̄ ивит тадӯ:
Уриткэ̄нин экчэ̄лӣкэ̄н юмчэ̄,
Ирэндэн со̄гурма дёкча̄,
Эӈэнӣмэ гуде̄йлчэ̄.
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ нэ̄мэн,
Мэӈун улгэр не̄гӯн
Эрэгэмэ бэлэн орон ивит.
Эр бэе биһэмдэ
Иркин бэю̄н авдӯвӣ оёдӯн
Коӈнорӣн һорокӣтка̄нӈачӣн
Капка̄н һэтэкэнчэрэн-дэ̄

И, прежде чем взглянешь,
Все приготовила.
Разложила еду на
Столе из прочной березы-дерева
На четырех ножках,
Так, что он прогнулся.
Они вдвоем, вместе с огнем-дедушкой,
Еду свою быстро съели.
После этого —
Село солнце,
Наступила вечерняя прохлада,
Пришла темная
Многозвездная ночь.
Хорошенько приготовили место для сна,
Постелили постель
Из переливающихся отборных рысьих шкур.
Укрылись одеялом,
Сшитым из лучших лисьих шкур.
Подложили подушки
Из отборных собольих шкур,
Хорошо три дня
И три ночи они проспали,
Всласть выспались.
На третье утро встали,
Водой из широкой реки
Умыли свои гладкие лица,
Поели еды людей-*аи*.
После этого —
Богатырь Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Надел одежду, приготовленную для похода,
Взял оружие, предназначенное для боя,
Выйдя наружу,
Во дворе увидел
Своего дикого оленя со свежеоголенными рогами.
Три дня и три ночи
Был он на привязи
У растущей лиственницы.
Стал он очень стройным,
Обличьем стал еще лучше,
На удивление стал красивым.
При нем всегда были наготове
Серебряное седло,
Серебряный витой поводок.
Наш человек
Ловко, как черный глухарь,
Вскочил на своего
Дикого оленя,

Э̄нэ̄ бираӈла̄вӣ
Адыра̄кӯн тӯвкэ̄ннэ эвуксэ̄,
Авдӯвӣ умувран,
Ла̄йдаӈла̄ви һуктувнэ туктырэн,
Ла̄йдаӈӈӣ дулиндула̄н иһикса̄,
Укчаккӣ кантаһо̄кин та̄нчана,
Эргэчӣн улгӯрилкэ̄н бичэ̄н:
« Угэлэ̄-угэлэ̄ угэндэр!
Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл,
Катун гиркив,
Ӯгӯ бэгин амилка̄н
Ӯгӯ катун энилкэ̄н,
Егин да̄рилка̄н
Солкомо нюриктэлкэ̄н
Солкондо̄р гунмурӣ
Мэӈун гиркив!
Бӣ тӯрэ̄нмэв тэкэндукин дугэ̄мэклэ̄н
До̄ла̄вӣ до̄лдыкал,
Сэ̄ндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл!
Эр минэвэ ӣлэ̄ тыкэ̄н тэриниксэ̄,
Тэвинмукэ̄нинды* гунэкис,
Со̄лӣ горо̄ло̄ дялда̄кса̄, дявдиндям:
Нэкун гунды нэкунми
Ая аһӣ Аякча̄н Ивэ̄кча̄н киливлӣ
Доӈото удява̄н удяна,
Ӯникин удява̄н ерӯна,
Һуркэ̄н куӈака̄н о̄внан
О̄нива̄н аһама̄тна
Гиркунма гиркуна̄м.
Аӣ эвэнкӣ аймакилва̄н
Мула̄ндыдӯ овча̄
О̄нилка̄н бичэ̄в гуннэ,
Нэкун гунды нэкунмӣ
Ава̄һи амӈадукин
Һуе̄нӈӣдем-мэл гуннэ ӈэнэдем.
О̄кин-да̄ эмэ̄рӣвӣ
Со̄т эчэ̄в са̄ра,
Тарит гунмӣ
Со̄т һӣма̄т биһикин
Тугурук анӈанилӣ,
Дулинди гунмӣ
Дю̄р тугурук анӈанилӣ,
Ӈонумут гунмӣ
Илан анӈанилӣ эмэдиӈэ̄в.
Будэритпӣ этэм будэ,
Мундытпӣ этэм мундэ.
Бама̄ттынӣон ба̄ма̄тчиӈа̄в,

В несколько прыжков добрался на нем
До широкой реки,
Напоил верхового [оленя].
Вскачь поднялся [на олене] на свою поляну,
Посреди поляны остановился,
Подтянув поводок оленя,
Заговорил так:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Вот, вот, посмотри
Почитаемая подруга моя!
Дочь Угу Бэгина,
Дочь Угу Катун
По имени Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой,
Подруга моя!
Мои слова от начала до конца
Учуй нутром,
Вкрути [себе] в уши,
Вбей в мозг!
Если спросишь меня: „Куда собрался,
Куда помчался вскачь?“ —
То [отвечу]: я иду очень далеко и тороплюсь
Выследить остывшие следы,
Высмотреть свежие следы
Младшей сестры, родной сестры моей,
Красивой девушки Аякчан Ивекчан-красавицы!
Отправляюсь в поход —
Так мне, молодому человеку,
Предназначено судьбой.
Быть защитой
Племени эвенков-*аи* —
Моя судьба.
Из пасти *авахи*
Я вырву, быть может,
Младшую сестру, родную сестру мою.
Когда вернусь —
Совсем не знаю,
Поэтому скажу:
Если очень быстро —
Через круглый год;
Не очень [быстро] —
Через два круглых года;
Не скоро —
Через три круглых года.
Умереть-то я не умру,
Пропасть-то я не пропаду!
С убийцами сражусь,

Куhӣрӣнюн куhӣдиӈэ̄в,
Удянавӣ бокондиӈа̄в,
Аhанавӣ амӈа̄hиндиӈа̄в,
Усто̄ккӣ уhо̄диӈэ̄в,
Дялда̄навӣ дявадиӈа̄в,
На̄лдынавӣ давдыдиӈа̄в.
Кэ, катун гиркив,
Си экэл ӈэ̄лэрэ,
Синэвэ ӈэ̄рӣн сигӯн
Тыргӯр тогон эмукин ичэгин.
Суптырӣ туксу кувулгатын
Эгин синэ бакара,
Ӣлтэнды̄ туксу албаhин
Эгин синэ давдыра.
Будэрӣ инэӈӣ эмрэкин
Итчилэ̄к тӯрэ̄нмӣ
Эдындӯ иктэвкэ̄тнэ уӈдэ̄вӣ,
Ӣду-дэ̄ бимӣ до̄лдыдиӈа̄в!
Угэлэ̄-угэлэ̄ угэндэ̄р!» —
Гуниттэн эр ма̄та̄.
Де тар амардукин
Эр иркимэктэ иркин бэюн авдӯвӣ
Дылача̄ ӣктэмэвэ̄н салаикса̄,
Илбэ̄нэн биhэмдэ
Томтор дӯндэвэ тонӈорогор тэвинэн,
Оӈкучак дӯндэвэ омчорогор согинан,
Ня̄ликин мо̄ва нялбурагар,
Бучӯкин мо̄ва буктарагар ӈэнэвкэ̄hинэн.
Нуӈан эрӣксэ̄ндӯн энэл тэрэ̄рэ
Ча̄лба̄н мо̄л мэ̄н мэ̄ндуккэр
Ча̄варӣмнӣн эмэ̄нмурэ,
Сектал мол сирбагачимнӣн эмэ̄нмурэ.
Иркимэктэ иркин бэюн биhэмдэ
Ӈэнэрӣн эделӣн ӈӯӈнэ̄нэ
Егин дя̄р да̄рикталка̄н
Солкомо нюриктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ
Ла̄йдаӈла̄вӣ эвуксэ̄,
Эды̄вӣ амардукин аhавна ичэтчэнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дан:
«Дею̄-дею̄ дею̄кэ̄нин!
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ
Дулин буга букаты̄рин,
Бэгин гиркив,
Бӣ тӯрэ̄нмэв
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
До̄лавӣ до̄лдыкал,

С задирами подерусь,
Кого выслеживаю — догоню,
За кем погонюсь — уничтожу,
Врагу отомщу!
Кого захочу — поймаю,
С кем столкнусь — одолею!
Ну, почитаемая подруга моя,
Живи спокойно,
Пусть на тебя глядит
Только лучистый свет ясного солнца!
Пусть тебя не найдет
Хитрость убегающей тучи,
Пусть тебя не одолеет
Коварство уходящей тучи *!
Если придет день твоей смерти,
Пусть ветер домчит
Твои ударяющиеся [друг о друга] слова,
Где бы я ни был — услышу!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал этот *мата*.
После этого —
Своего дикого оленя со свежеоголенными рогами
Прямо к восходу солнца он направил.
Когда погнал [оленя],
Холмы [олень] растаптывал,
Низины заваливал,
Растущие деревья сваливал,
Засохшие деревья дробил в щепки.
Не выдерживая силы его дыхания,
Березы остались [позади],
Схватившись друг за друга;
Тальники остались [позади], упруго качаясь.
Пока дикий олень со свежеоголенными рогами
Не пустился в путь по-настоящему,
Солкондор-красавица
С девятисаженной
Шелковой косой
Спустилась на свою *лайду*,
Глядя мужу вослед,
Сказала такие слова:
«*Дею-дею деюкэнин!*
Богатырь Среднего мира
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Почитаемый друг мой!
Мои слова
Вбей в мозг,
Учуй нутром,

Сēндӯвӣ силдыкал!
Эр минэвэ
Дёһун нимэр һунāдин бинэ
Сāма тӯрэнмӣ энэ улгӯрдэ
Эмэнмурэн гундиӈэс,
Де тарит би дялвӣ улгӯриктэ.
Тавар сӣ сōма уһа уилкāн
Уһа бугалдулā дюлэлэнды.
Сōт мандывкал,
Бэевӣ бэекэкэл,
Сōвӣ сōкакал!
Умун энидук ю̄нэвӣ
Илэ ирэндэтпӣ гиркумӣ
Ӣлэ̄-дэ̄ эһӣс иста бугас бидиӈэн.
Ēми-кат суптырӣ туксугучӣн
Кувулгатылкāн бимӣ,
Ӣлтэнды̄ туксугучӣн
Албаһилкāн-нюн бимӣ,
Умун инэӈӣпты
Дыгин дя̄н дыгин оһол амин
Гунмурӣ ōнӣвāн этэӈӈэ ӣлтэндиӈэс.
Тадук тавар
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯс
Ēкун энчивэ дуруккāн
Сāчадарян бидиӈэн.
Ē-вал сāмава сāмӣ
Эвды̄ икэлкэн,
Бэеды̄ улгӯрилкэн ōдиӈāн.
Тарā эӈнэкэл лэгирэ,
Тӯрэнмэ̄н дōлдыӈнакал.
Кэ, эдэ гирки,
Дю̄р һалгалкāндӯ дюлэвӣ экэл бӯрэ,
Дю̄р ӈалалкāндӯ экэл давдывда,
Мӯ дялалкāндук экэл судурдэ,
Гирамда тыӈэлкэндук экэл тыктэ,
Эмэр тӯрэлкэн эгин тэптырэ,
Кирӣс тӯрэлкэн эгин кēйда,
Алгис тӯрэлкэн аргистаһигин,
Урӯй икэлкэн илкэигин,
Гиркун аяргӯн ōгин!
Сэ̄мчэ̄вэ бакакал,
Суптычāва бококол,
Сукчачāва сӯһаркал,
Бāчāва бакал!
Дею-дею деюкэнин!» —
Гуниттэн эр аһӣ биһэмдэ.
Де тар амардукин
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлкāн

Вкрути в уши!
Обо мне
Ты [не] скажешь:
„Дочь почитаемых родителей
Не сказала прощальных слов".
Поэтому я скажу тебе, что думаю.
Вот направился ты в плохие,
Злые [страны].
Будь тверд,
Мужайся, как подобает мужчине,
Соберись с силами!
Если будешь ходить только в том облике,
Который достался тебе от матери,
В той стране далеко не уйдешь.
Только если будешь коварным,
Как убегающая туча,
Как уходящая туча,
Будешь хитрым, благополучно минуешь
Сорок четыре напасти,
Которые будут подстерегать тебя
Каждый день.
Потом вот что:
Все, что тебе грозит,
Наверняка знает твой
Дикий олень со свежеоголенными рогами,
Если будет что-то неладное,
Он запоет по-эвенкийски,
Заговорит по-человечьи.
Ты его тогда не брани,
Вслушайся в его слова.
Ну, дорогой друг,
Не уступай двуногому,
Не поддавайся двурукому,
Не дай себя толкнуть тому, у кого в суставах вода,
Не дай себя свалить тому, у кого костистая грудь! *
Пусть острозыкий не переспорит тебя,
Пусть злоязыкий не одолеет!
Пусть с тобой будет только тот, кто произносит *алгыс*,
Только тот, кто поет *уруй*!
Пусть твой поход будет самым удачным!
Найди потерянное,
Догони убежавшего,
Сокруши разрушившего,
Убей убившего!
Дею-дею деюкэнин!» —
Сказала эта женщина.
После этого —
Мата по имени Иркиничэн, ездящий

Иркинӣчэн гунмурӣ ма̄та̄ биһэмдэ
Де ӈэнэ̄вӣ аят ӈӯӈнэ̄нэн.
Иркимэктэ иркин бэю̄н
Авдӯ бараксан о̄внан о̄нӣн,
Де аят дёкикса̄,
Ирэндэн эвэкэ̄ннэн мэ̄ндӯн
Дурукин элэкмэ кѐпилкэ̄н о̄кса̄,
Чимчэ̄рин лас-лас һэкинтӯрӣн
Баргӯ-миткӯ урэлдулэ̄ гугинтадямаран.
Умун-тэгин урӯка̄рин
Дюлэ̄скӣ-дэ̄, амаскӣ-да̄ урэ̄тнэл улгунма̄тчара.
Дю̄р такимдӯн биһэмдэ
Доӈото тукаладук тэвинды̄н эрчимдӯн
Коӈнорӣн тукала коро̄лӣка̄н бододёро̄н,
Дю̄р нёгӯн дюлэдӯн
Багдарӣн тамнакса һуюдюрун.
Эр бэеткэ̄н ӈэнэ̄вэн
Олдо̄нӈӣдин ичэтчэ̄л ма̄та̄л:
«О! Тавар ё̄кун со̄ниӈ
Со̄гӣн сурурун!» — гуннэл
Со̄т тара̄ со̄һӣнал
Эмэ̄нмучэ̄тын уһу.
Де эр бэеӈку бэе биһэмдэ
Горово-до̄ сурунувӣ эчэ са̄ра,
Дагава-да̄ сурунувӣ эчэ са̄ра.
Нуӈан умун тэвиннэн һалганин,
Умун ичэһиннэн ёһан.
Эр горо̄ло̄ ӈэнэксэ̄,
Дэрим гуннэ ӣдӯ-дэ̄
Эһин дэримкӯрэ.
Орон-до̄ орон, бэе-дэ̄ бэе —
Авгӯтын-да̄ тэрэ̄ӈил,
Суму бигин, дялан бигин.
Де дулин энин бугава манакса̄,
Һэргӯ ургэ бого уилка̄н,
Эрӯ ургэ униӈӯлкэ̄н
Һэргӯ бунӣ бугава̄н
Иһилтак ӈэнэвкэ̄ндерэкин
Дюлгӣлӣн биһэмдэ
Ё̄дук-да̄ со̄ эӈэ̄һи
Эдын-дэ̄ һигин һэгдыӈэн
Нуӈанма̄н дэ̄птыкӣ дэгнэ,
Тыснэ * налдылча̄ ивит.
Эр бэеткэ̄н биһэмдэ
Тара̄ тар энэ гуннэ
Ичэһиннэвӣ ёһавӣ һурумумка̄ра энэ,
Тэвиннэвӣ һалгандивӣ чугуймара эчэ.
Де со̄ нуӈандукин

На диком олене со свежеоголенными рогами,
По-настоящему в путь пустился.
Славный дикий олень
Со свежеоголенными рогами,
Почуяв предстоящий [поход],
Стал рваться в путь.
Наружность его была точно такой, как подобает.
Маленькие задние его копытца стуком стучали,
Отзываясь в ближних и дальних горах,
Ровные копыта его
Равномерно выбрасывались то вперед, то назад.
Когда задние ноги его касались мерзлой земли,
У задних его подколенников
Вихрем взлетали черные комья,
Под передними его ногами
Клубилось белое облако.
Богатыри, смотревшие со стороны
На езду нашего паренька *, думали:
«О! Что это за могучий
Богатырь проехал!» —
И оставались [стоять]
Очень удивленные увиденным.
Этот человек-человечище
Не знал, долго ли ехал,
Не знал, недолго ли ехал.
Ни разу не шевельнул ногой,
Ни разу не моргнул глазом *.
За всю долгую дорогу
Совсем не устал,
Не отдыхал.
Каков был олень, таков был и человек,
Оба были друг другу под стать
Проворством и силой.
Они прошли через весь Средний мир
И должны были уже подъехать
К зловещему Нижнему [миру],
Гиблому Нижнему миру
С его смрадным запахом,
Тут спереди
На них
С остервенением
Набросился, оказывается,
Страшный ветер-вихрь.
Наш человек
Даже не обратил на него внимания,
Смотрел, не моргнув глазом,
Сидел, не шевельнув ногой.
Был он

Эһӣ тагара тэпты̄ дялилка̄н
Ма̄та̄ о̄кса̄ бӯрэн бадага нуӈан.
Де тар амардукин
Эр эӈэһӣ һигилка̄н коӈнорӣн туксуву
Аят ичэнэн биһэмдэ —
Коӈнорӣн туксу до̄дӯн
Һуларӣн туксу о̄дан.
Тар до̄дӯн һо̄лаӈа̄ соногос
Нуӈанма̄н дэ̄птыкӣ дю̄р һуларӣн
Мэӈун бэрэмэдэйбӣ * дэктэндэлэ̄ксэ̄,
Дэгнэ кӯгуна̄на эмэрдэгэ.
Де эр мит бэеӈит
Нуӈандула̄н е̄ва-да̄ энэ са̄ра̄ра
Ня̄н дэптыкӣ иркимэктэ иркин
Бэю̄н авдӯтпӣ на̄лдыдяран ивит.
Де тар амардукин
Эр ча̄гӯ бэе
Һуларӣн туксу соногоһин
Чугус некэксэ̄, илиһинчаран,
Оӈоктовӣ пӣр-пӣр пӣсканӣран,
Эвэнкӣ дю̄р киӈнэ̄вэ̄н
Дара̄н дявавча̄гачӣн
Дю̄р мэӈумэ се̄рвӣ
Чороһо̄кин иливукса̄,
Ча̄скӣ амаһикла̄лдан.
Тара биһэмдэ ма̄та̄ бэе
Контосво̄н * та̄нчана илитчана,
Мит бэеӈӈэт дэ̄птыкӣ ичэтчэнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄ча̄н:
« Ӯлыр-ӯлыр ӯлырой!
Эр-кэ, эр-кэ
Йргӣт тэкэлкэ̄н ма̄та̄ эмэнды?
Ӈӣ-дэ̄ бимӣ доро̄вое̄ дявакал,
Амаргӯптын улгӯр о̄гин!
Эр минэвэ йргӣт
Тэкэлкэ̄н сэ̄ксэлкэн ма̄та̄
Эмэнды гунэкис:
Ӯгӯ илан бистӯн о̄скēчэ̄
Ӯгӯ Улгэ̄р Бэгин амилка̄н,
Ӯгӯ Оне̄дор Катун энилкэ̄н,
Һэгдэгӯ һо̄лаӈа̄ туксу соногоһилка̄н,
Ӯгӯ һе̄ркининдя̄ гунмурӣ
Ӯгӯ айӣ акилка̄н,
Нӣдэгӯ һо̄лаӈа̄ соногоһилка̄н
Омолги бэе О̄лиӈача̄н
Со̄ниӈ гунмури одам.
Е̄кун со̄ма һэгдыӈэ
На̄далка̄н о̄кса̄, эр бугалва

Таким смелым,
Что нисколько не испугался.
После этого —
Он внимательно рассмотрел
Ту вихревую черную тучу.
Внутри черной тучи
Была красная туча,
Внутри нее был молодой конь-радуга *,
Он с шумом летел навстречу [Иркиничэну],
Раскинув свои крылья —
Две золотые переметные сумы *.
Наш человек,
Ничуть не испугавшись,
Тоже направил ему навстречу
Своего дикого оленя со свежеоголенными рогами.
После этого —
Молодой конь
Того человека из красного облака
Остановился как вкопанный.
Из ноздрей его вырвалось громкое фырканье.
Двум эвенкийским лыжам,
Рядом поставленным, подобные
Серебряные уши свои
Он поднял кверху,
Назад попятился.
Тот человек-*мата*,
Натянув поводья, остановил коня,
Глядя прямо на Иркиничэна,
Сказал такие слова:
« *Улыр-улыр улырой!*
Ну вот,
Откуда ты прибыл, *мата*, какого ты роду?
Кто бы ты ни был, прими привет,
Потом будет разговор!
Если спросишь меня:
„Откуда ты, *мата*, прибыл,
[Кто ты] по роду-крови?“ — [отвечу]:
Мой отец — Угу Улгэр Бэгин
Из трех верхних племен,
Моя мать — Угу Онёдор Катун;
Угу Херкининдя, ездящий
На молодом коне — старшей радуге-туче —
Имя моего старшего брата,
Мое же имя —
Парень Олингачан-богатырь, ездящий
На молодом коне — младшей радуге *,
Если же спросишь меня,
Какая такая нужда

Гиркӯндянды гунэксун,
Дулин ай аһāткāнмāн
Һэргӯ огēӈā омолгин
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Девиндэ̄р гунмурӣ,
Деӈкирмэ депнэ̄де
Илэ мэ̄нин умундӯ балдынан
Нэкун гунды̄ нэкунин
Алтама таратāйка сēргалкāн,
Антага урэды̄н
Сирӯ огус укчакилкāн
Дыгин кирӣлкāн
Сэлэмэ Дыгия̄ндя̄ гунмурӣ
Һэргӯ буга авāһилдукин
Аминдагӯматын мэ̄нин мэ̄ндивӣ
Һунāтпа эксэчэ̄ гундерэ.
Тарā биһэмдэ бӣ акин гунды̄ акинми,
Тала эвуксэ̄, тар аһāткāнма
О̄н ичэрӣвэтын сипкитна бидерэн.
Эр-ты эһит һэгдынэ куһӣн
Суксалдымāчин содо̄мун
О̄дāвӣ бидерэн.
Тар он-мал о̄далāн
Бугалāвӣ мучāндярӣ мāтā о̄дам.
Эр-кэ сӣ иркимэктэ иркин
Бэю̄н авдӯс ēдӯ со̄таран!
Эрӣксэ̄нин ēдӯ эӈэһӣтэрэн!
Илиһиниксā, гэ̄лнэ̄рӣ гэрбивӣ улгӯркэл,
Со̄лтама сураккӣ сāвкāкал!
Дю̄р ай мāтāлин,
Мэ̄рты сāлдыксāл,
Һэргӯ буга со̄ниӈилдулāн тыкчиӈэ̄т,
Огēӈāл эӈэһӣлтын элэвэтын ичэдиӈэ̄т,
Ӯлыр-ӯлыр ӯлыро̄й!» —
Гуниттэн чāгӯ бэе.
Мит бэеӈит
Бэе тӯрэ̄ттэн гуннэ
Ичэһимэ̄рэ-кэт эчэ;
Авдӯ эӈтэрэн гуннэ
Этэ̄һимэ̄рэ-кэт эчэ.
Ичэһиннэн ēһан эчэ-кэт һурумда,
Тӯнэн алганин эчэ-кэт тāнмура,
Аява до̄лдым гуннэ
Инемдэ̄лдэ-кэт эчэ,
Уһава улгучэ̄нинды гуннэ
Болгоно̄лдо-до̄ эчэ.
Иркин бэю̄н авдӯвӣ
Аһакāнди нēгӯвāн тāниһинчаран-дā

Привела меня в эту страну, [отвечу]:
„Девушку-*аи* Среднего мира [унес]
Сын нижних *огенга*
По имени четырехгранный
Сэлэмэ Дыгияндя, ездящий
На медной нарте-таратайке *
С огромным, как скала,
Нехолощеным быком.
Родной брат,
Младший брат
Ненасытного обжоры,
Четырехгранного
Сэлэмэ Дэвиндэра,
Хитрейший из
Авахи Нижнего мира,
Сам он унес [эту] девушку", — мне сказали.
Старший брат, родной брат мой,
Спустившись вниз, смотрит,
Как содержат эту девушку.
Вот-вот начнется
Большая битва,
Сокрушительное побоище.
Пока оно еще не началось,
Я, богатырь, возвращаюсь на свою землю.
До чего же силен твой дикий олень
Со свежеоголенными рогами!
До чего же мощно его дыхание!
Остановись, скажи свое звонкое имя,
Поведай о своей громкой славе!
Двое богатырей-*аи*,
Друг с другом мы познакомимся,
Нападем на богатырей Нижнего мира,
Полюбуемся на бессилие силачей-*огенга*!
Улыр-улыр улырой!» —
Сказал тот человек.
Наш человек
Даже не посмотрел [на него],
Подумав: «Человек говорит».
Даже не оглянулся,
Подумав: «Олень хоркает».
Смотрел вперед, не моргнув глазом,
Сидел [на олене], не шевельнув ногой.
Подумав: «Хорошее слышу», —
Не улыбнулся,
Подумав: «Плохое слышу», —
Не забеспокоился.
Дернув за повод
Дикого оленя,

Йлтэнды̄ туксугучин элэс-нӣон некэрэн,
Суптырӣ туксугӯчӣн умнэ̄кэ̄мэ сэ̄мдэн.
Де тар амардукин
Чагӯ бэе до̄дӯвӣ һэгдыӈэт
Со̄һӣна эмэ̄нмурэн.
Де эр мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯвӣ
Де аят илбэ̄рэн ивит.
Иркин бэю̄н авдӯ бараксан
Аянмӣ аят һа̄вдяракин
һэргӯ бого бунӣ бо̄м
Бугала̄н һэргӣ тыккӣчитын
Оһокилкэ̄н-сэксэлкэ̄н мурин
Кавкава̄н һуктэты̄ксэ̄,
һэргискӣ гарада̄вча̄гачӣн
Сэлэмэ а̄ртык амӈан уркэлэ̄н
Умуто̄гно иһикса̄,
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯн,
Доӈото дӯндэвэ һэнӈэрвӣ
Дулма̄ктӯн товулу тӯксэ,
Дыгин һалганмӣ дыгин муһэ̄т тӯксэ̄,
Дю̄р сё̄нмӣ дюлэ̄скӣ-амаскӣ
Олбу-солбу сэрбэлӣрэн,
Дю̄р сёлӯндуливӣ пӣс-пис пӣскэнэрэн.
Тар амардукин
Бэеды̄т тӯрэ̄рбулдэн,
Авдӯды̄т энӈырӯлдэн,
Эвэды̄т икэ̄лдэн:
«Энӈэвлэ̄нин-энӈэвлэ̄нин!
Эр-кэ ичэ̄кэл, иччирэ̄нми
Иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ эвэнкӣ,
Бэе бимӣ бӣ тӯрэ̄нмэв
Сё̄ндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
До̄дӯвӣ до̄лдыкал!
Эр бугат ай эвэнкӣн авдӯн
Э̄һӣн гиркура эрӯ уилка̄н,
Эрӯ о̄нилка̄н буган о̄дан.
Де мит дю̄р мэ̄нты
Дю̄р муһэ̄т гиркурӣлавар истап.
Минэвэ энэлдэн гуннэ экэл тыкӯлда.
Гиркурӣ а̄йлка̄н
Анал бугава манам.
Инэӈӣ аӣ бэен
Дяпкун ӣлкэ̄н эгдэ̄н энин
Буган эрит этэрэн.

Промелькнул, как уходящая туча,
Исчез, как убегающая туча.
  После этого —
Тот человек
Очень удивился.
А наш человек вовсю погнал, оказывается,
Своего дикого оленя со свежеоголенными рогами.
Славный дикий олень,
Ускорив бег свой, помчался.
В Нижний гибельный мир
Со страшными его преградами
Вела подобная залитому
Сгустками крови,
Разрезанному конскому горлу,
Устремлявшаяся вниз
Железная тропа.
Ее зияющего отверстия
Вскачь достиг
Дикий олень со свежеоголенными рогами,
Погрузившись по колена
В мерзлую землю четырьмя своими
Ногами, расставленными в четыре стороны,
Поводил поднятыми ушами туда-сюда.
Из обеих его ноздрей раздалось громкое фырканье.
  После этого —
По-человечьи заговорил он,
По-оленьи захоркал,
По-эвенкийски запел:
«*Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин!*
Вот посмотри-ка, хозяин мой,
Эвенк по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами!
Если ты человек, то слова мои
Вкрути себе в уши,
Вбей в мозг,
Выслушай нутром!
Олени эвенков-*аи* не могут
Ходить по этой страшной стране —
Так она устроена.
Нам двоим
Придется дальше идти в разные стороны.
Не сердись на меня, думая, что я ленюсь.
Земля, по которой я могу ходить,
Мной уже пройдена,
Светлая, восьмиободная,
Таежная земля-мать * людей-*аи*
Здесь кончается.

Эһилэ эвэнкӣ бэен
Эр-тар албаһин бара̄н гуӈкитин.
Тарит е̄кун са̄рӣ
Албаһилка̄н бимӣ
Мэ̄нды эмукин суруксо̄,
Са̄рӣтпӣ гиркудякал.
Эмэдэлэ̄с бӣ Е̄ексит энӣвэ укуктэ,
Ай̄ аминми оӈково̄н оӈкокто.
О̄кин на̄да о̄мӣ
Иччилэ̄кмэ тӯрэ̄нмӣ
Эдындӯ иктэвкэ̄тнэ уӈдэ̄вӣ.
Й̄дук-дэ̄ минэ э̄рӣрэкис
Этэ̄м эндэйдэ, эмэдиӈэ̄в.
Эӈтэвлэ̄нин-эӈтэвлэ̄нин!» —
Гуниттэн эр иркимэктэ
Иркин бэ̄ю̄н биһэмдэ.
Де тара̄ эр бэе биһэмдэ
Дӯндэлэ̄ һэтэкэнчэрэн-дэ̄
Мэӈун улгэ̄р нё̄гӯва̄н
Мэӈумэ нэ̄мэн оёло̄н гарада̄ран,
Инэӈӣ дулмаван салайдан.
Тар амардукин биһэмдэ
Иркимэктэ иркин бэ̄ю̄н авдӯвӣ
Амардукин аһавна ичэтчэнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄ча̄н уһу:
«Угэлē-угэлē угэндэ̄р!
Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл,
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯв,
Дэгри дэктэндэв,
Туксарӣ һалганми,
Сӣ нян бӣ тӯрэ̄нмэв
Сё̄ндӯвӣ силдыкал,
До̄дӯвӣ до̄лдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл!
Эр минэвэ
„Со̄ӈку сумут ма̄та̄ бинэ
Са̄ма тӯрэнэ энэ гарада̄ра
Ӈэнэрэн“, — гундиӈэс.
Эр би дюлэв эрӯвэн
Мэ̄нды са̄нды бидиӈэ̄н.
Тарит е̄һалка̄н-дэрэлкэ̄н
Этэврӣ-алатты болдё̄кко
О̄н-да̄ эрбэн-тарба̄н гуннэ
Эмӯһим бӯрэ
О̄кин суручо̄ӈӈи бакамӣ,
Ӈаладӯвӣ дявамӣ
Сӣ гундэгэчӣнды эдындӯ
Тӯрэнэ уӈдиӈэв.

У эвенка-богатыря
Много разных хитростей, говорят,
Поэтому ты дальше
Пойдешь сам.
С помощью тех хитростей, которые знаешь,
Будешь ходить как сумеешь.
Пока ты не вернешься, я попью [воды] матери-покровительницы,
Попасусь на пастбище отца-*аи* *.
Когда понадоблюсь,
Свои вещие слова
Пошли мне с ветром,
Откуда бы ты ни позвал,
Не пропущу их, примчусь.
Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин!» —
Сказал этот дикий олень
Со свежеоголенными рогами.
Тогда этот человек
Спрыгнул на землю,
Набросив на серебряное седло
Серебряный витой поводок,
Направил оленя прямо к полудню.
После этого —
Глядя вслед своему дикому оленю
Со свежеоголенными рогами,
Он стал говорить такие слова, оказывается:
«*Угэлэ-угэлэ, угэндэр!*
Вот-вот, смотри, мой дикий олень
Со свежеоголенными рогами!
Летающие крылья мои,
Бегающие ноги мои!
Мои слова ты тоже
Вкрути [себе] в уши,
Учуй нутром,
Вбей в мозг!
Если обо мне
Ты подумаешь:
„Храбрый сильный *мата*
Ушел без прощальных слов“, — [то скажу]:
Знаешь сам,
Мне предстоит поход.
Поэтому я
Не могу назвать
Приметы срока,
Когда меня ждать.
Если найду ушедшего,
Схвачу его своими руками,
Тогда, как ты просишь, с ветром
Пошлю свои слова.

Тадук о̄дакин
Е̄-вал кулдюн кувулгат бакаракин,
Дӣкэй дивилгэт девуксэлдэкин,
Минду итчилэ̄к тӯрэнмӣ уӈиӈнэкэл.
Би-дэ̄ ӣдӯ-дэ̄ бимӣ
Этэ̄м эндэйдэ, эмэдиӈэ̄в,
Эрӣксэвэс эруһуйдиӈэ̄в,
Эрэйдукис бӣһа̄диӈа̄в,
Ава̄һиӈӈас а̄чиӈдиӈа̄в,
Ба̄на̄дяӈӈас ба̄лтадиӈа̄в.
Де е̄дук-да̄ аят бинэ
Оӈковӣ оӈкокол,
Е̄ексит энинмӣ укукул,
Дэлбимэ бургукул,
Бакалдыдала бураһа̄й бигин!
Угэле̄-угэле̄ угэндэ̄р!» —
Гуниттэн ивит.
Де тар амардукин
Иркимэктэ иркин бэйон авдӯн
Дылви луглӣһинэн,
Дыгин һалганмӣ дыгин муһэ̄т
Амаскӣ-дюлэ̄скӣ согинтӯран-да̄
Сумут умуто̄гиндивӣ муннэ̄гдеһинэн ивит.
Де тар амардукин
Эр мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэйон авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ ма̄та̄тка̄н,
Эр һэргӯ бугала̄ тыккӣт
Сэлэмэ һоктотын уркэлэ̄н
Эмэксэ̄, ичэнэн биһэмдэ
Дылача̄ва дэ̄птыкӣ нӣврӣ
Ӯһикин уркэлкэ̄н ивит.
Дегинӈӯ кирӣдукин та̄нмурӣ
Сэлэмэ гилдылка̄н ивит.
Тадук дявакса̄, эр бэе та̄ннан
Е̄кур-е̄кур биргӯтын
Со̄т-со̄т һэгдыӈэт
Тас-тас һоко̄мдо,
Килир-килир иӈнӯрэ,
Уркэ бими нэлэскэ̄н нӣврэн.
Тара̄ ичэнэн: дяпкун муһэ̄дук
Ло̄м сэлэнде̄лӣ до̄гӣт гоколо̄вко̄ннотын
Сэлэӈилтын һоко̄мчо̄л ивит.
Де тар амардукин
Эр Иркинӣчэ̄н со̄ниӈ биһэмдэ
Сэлэмэ һоктолӣ һэргискэ̄кӣ тыктэ̄вӣ
Уһо̄рон ӣксэтмӣ-дэ̄
Со̄ниӈ илэ мэ̄ндивӣ

После этого —
Если тебе встретится ловкое коварство,
Если тебя станет убивать злая хитрость,
Свои заветные слова отправь мне!
Где бы я ни был,
Не пропущу [их], приду,
Спасу твое дыхание,
Избавлю тебя от мучений.
Уничтожу *авахи*,
Убью твоего убийцу!
Живи хорошо,
Пасись на пастбище,
Пей воду своей матери-покровительницы,
Нагуливай жиру!
Прощай до встречи!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал он, оказывается.
После этого —
Дикий олень со свежеоголенными рогами
Мотнул головой,
Четырьмя своими ногами в четыре разные стороны
Взад-вперед взбрыкнул
И вскачь умчался, оказывается.
После этого —
Наш человек,
Мата по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Подошел к двери,
За которой железная тропа
Спускалась в Нижний мир, и увидел,
Что [дверь] открывалась
Против хода солнца *.
В левом углу
Было железное кольцо.
Взявшись за него,
Наш человек потянул;
Что-то очень-очень громоздкое
Сломалось: бух-бух,
Зазвенело: дзынь-дзынь.
Дверь настежь открылась.
Посмотрел он: восьмислойный крюк,
Железный запор, подпиравший дверь,
Сломался, оказывается.
После этого —
Иркиничэн-богатырь
По железной тропе попытался
Спуститься вниз,
Но не сумел

Эрэгэмэ эчэ батта.
Де тар амардукин
Илара̄ка̄н һунӣлдэһинэн-дэ̄
Ӈалан-һалганин эһӣ ичэврэ
Ӯмун тэгин бултэмэ-нюн
Бултэ̄лэмэ Бултэрикэ̄н омолги о̄кса̄,
Де куӈул һэргискэ̄кӣ һукэлчэнэ
Кириле̄стук кириле̄слэ̄ бултэ̄гдеһинэн ивит.
Де эр Бултэрикэ̄н биһэмдэ
Горово-до̄, дагава-да̄ тыкнэвӣ
Эрэгэмэ энэ сара
Бултэ̄гдэдерэн ивит.
Тар-да бичэ̄лӣн
Бо̄юн бэе кувулгатын биксэ̄,
Нимӈа̄ка̄н биксэ,
Удян нян тар-да̄т
Эчӣн силэпрэ мунду силэгэчӣнин
Тамнакса һактыра бугамӣла̄ истан-да
Нуӈан биксэ̄ бидедиӈэ̄н до̄ —
Тар-да̄т дыгин кирӣлка̄н
Сэлэмэ ампа̄р дю̄ла̄ истан.
Де эр биһин ивит
Екун-да дю̄лйэ а̄чин
Ню̄-да ня тӯрэн гундэ̄
Тӯрэ̄нтын-да̄ дюлэн-амарин эһӣ са̄вра.
Айда̄н со̄ӈин
Соӈодерӣ-да̄, инедерӣ-дэ̄ эвкӣ са̄вра,
Инелчэ̄-дэ̄, икэ̄лчэ-де ӈӣвэн-дэ̄
Бэе эһин дю̄ллерэ
Оге̄ӈа̄лтын бивкӣл ивит.
Де тар-да̄ биһикин
Мит бэеӈит ӈӣдук-дэ̄ энэ та̄нчара
Оге̄ӈа норо̄тын астамнӯлтын
Е̄курва-е̄курва ирӣнэл
Эймэгдерӣлдулэ * эмэксэ̄,
«Миндӯ борӣкал!» — гуннэ
Һанӈавӣ алиттан-да̄
Ӈаладӯвар е̄кун биһӣдин
Дурукидин Бултэрикэ̄нмэ иктэксо̄ттэ-дэ̄,
Бултэрикэ̄н бултэрис һуӄэлчэттэн-дэ̄
Нуӈанма̄н кото-до̄ дугэ̄н,
Сукэ-дэ̄ деен
Эһӣн тэптырэ ивит,
Бултэрис адагаксо̄ттан ивит.
Де оге̄ӈа̄л аһактадяманал
Уһо̄тто буктагатмӣ-да̄
Бултэрикэ̄н бултэрис адагаксо̄ттан.
Тар некэдерэктын

Протиснуться.
После этого —
Трижды перевернувшись,
Он превратился в круглого, гладкого
Бултэрикэна-парня
С невидимыми руками-ногами
И покатился свободно вниз.
Перекатываясь по ступенькам,
Этот Бултэрикэн
Совсем не знал,
Долго, недолго ли он спускался —
Катился себе и катился, оказывается.
Между тем —
В сказках так бывает —
Следы человека-богатыря,
Владевшего разными уловками,
Достигли страны, покрытой туманом,
Подобным мутной ухе из недоваренного гольяна.
Разве он мог там задержаться?
Тут же подкатился к четырехугольному
Железному дому-жилищу.
В нем, оказывается,
[Слышалось] что-то, что речью не назовешь — один вой.
Ни начала, ни конца разговора —
Ничего нельзя было понять,
Страшный шум.
То ли плачут, то ли хохочут,
То ли пляшут, то ли поют —
Этих *огенга* человеку
Не понять, оказывается.
Все-же
Наш человек нисколько не испугался,
Подошел к тем, которые, суетясь,
Готовили еду для племени *огенга*,
Варили непонятное что-то,
Он подставил ладонь и сказал:
«Меня угостите!»
Стали они бить Бултэрикэна
Тем, что попалось под руку.
Бултэрикэн ловко увертывался.
Ни острием ножа,
Ни лезвием топора
Не могли его поранить —
Ловко увертывался он, оказывается.
Огенга за ним гонялись,
Хотели его побить,
Но Бултэрикэн ловко увертывался.
Увертываясь,

Нектэ бэевэ оёлӣн һэтэкэнэн,
Гугда бэевэ һэрэлӣн һукэлчэрэн,
Сэлэмэ ампāр дю̄ малӯткӣн суптыран.
Сурутур о̄дяна
Де огēӊа норо̄тын умӣвуксāл,
Ая аhи Аякчан сивāйбан гуннэл
Астāчāл бичэ̄л ивит:
Сэлэмэ осто̄лива тāниксāл,
Аи бэен эһӣмэн дагамара
Ургэ унӊӯчӣ осто̄лива
Девгэ̄тэй-ётай эрӯ-ургэ унӊӯлкэ̄н
Девгэ̄вэ тāнчāл ивит.
Ая аһӣ Аякчāн эрэйдэ̄ктӯ
Аӣ бэен дылвāн нэ̄чэ̄л ивит.
Тара ичэһиннэ̄н Бултэрикэ̄н мāтā
Амурикта һалгардивӣ
Девгэ̄мӣлтын оёлӣтын
һэтэкэснэ ӯгӯ бо̄юнин
һо̄лаӊа соногоһилкāн һēркининдя̄ мāтая̄
Дыгин кирӣлкāн Сэлэмэ Дыгия̄ндя̄
Дюлэлӣтын ӣлтэнэн.
Тарā ичэксэ̄,
Ӯгӯ буга букатӣрин
һо̄лаӊа соногоһилкāн
һēркининдя̄ гунмурӣ мāтā
Илдан-да сэлэмэ осто̄лба
Кумтэптыкӣ һэ̄киһинэн.
Де тар амардукин
«Огēнāл багас сӯ,
Таваргачир бинэл
Сивāйбалтӯhал биhис гӯ?
«Бугӣ! Тулискӣ! Ю̄кэл!» —
Гунэн-дэ авāhи со̄ӊӊāн
Оӊоктомодӯн кокōскаран.
Сӣрэ гарпавчā сатмāр эһэмиēгэчӣн
Тывӣриһинная̄ авāhиӊин биhэмдэ,
Дулмадӯвӣ дявачӣ дягдандя̄гачӣн
Кариндя̄вӣ тыпканиксā,
Аӣ бэевэ̄н тыкивтӣликсōрэн.
Де дю̄р со̄ниӊ
Ситандиӊāтын бāра до̄ —
Коӊнорӣн улдэ колтолдивар
Дэрэ дэрэвэр дэлпэгэмэ̄тнэл,
Ēhа ēhавар энэл одёлдыра
Тыкивтӣмэчилдэ ивит.
Дю̄дук тулискӣ ю̄рӣвэр устадӯн
Дю̄дӯ биhӣ огēӊāлва
Нāнавар āчиӊда,

Он перепрыгнул через низкорослых *огенга*,
Проскочил под большими *огенга*
И заскочил в *малу* железного дома-жилища.
Оказался он прямо там,
Где собрались люди-*огенга* —
Для свадьбы славной девушки Аякчан
Угощение готовили, оказывается,
Столы железные расставляли.
Человек-*аи* не мог бы приблизиться
К тем столам из-за зловония.
От всей приготовленной еды
Страшно воняло.
Перед бедненькой славной девушкой Аякчан
Положили голову человека-*аи*.
Увидев это, испачкавший калом ноги
Бултэрикэн-*мата*
Запрыгал по яствам *огенга*
Перед богатырем Верхнего мира
Херкининдей, ездящим
На молодом коне-радуге,
И четырехгранным богатырем Сэлэмэ Дыгияндей.
Увидев это,
Богатырь Верхнего мира по имени
Херкининдя-*мата*, ездящий
На молодом коне-радуге,
Встал и пинком
Опрокинул железный стол.
После этого —
«Вы, такие
Гнусные *огенга*,
Свадьбу устраиваете?
Тьфу! Вон! Убирайтесь!» —
Сказал и сунул кукиш под нос
Главному из *авахи*.
Авахи, словно раненый
Матерый медведище, рявкнул, брызгаясь слюной.
Оголив руку, подобную огромной сосне
С расщелиной посередине,
Он принялся колотить человека-*аи*.
Два сильных богатыря
Разве поладят по-доброму?
Голыми кулаками
Стали разбивать друг другу лица,
Выбивать друг другу глаза.
[Так] они бились, оказывается.
Из дома, сражаясь, вышли:
Из *огенга*, которые были внутри,
В кого попали — тех уничтожили,

Тӯнэвэр туӈнэрдэ,
һэркунэвэр ӈэнэ̄дэрэ.
Тар умун ю̄рӣдӯвэр
Огеӈа норо̄тын илан некэвчэ̄
Умунмо̄н ба̄лтара бадага.
Де эр бэел, тулискӣ юксэ̄л,
Илан нулги тугурумчэлкэ̄н
Бо̄юндаһивун бо̄лак оёло̄н
Умун-тэгин дайба̄ма̄тнал
Е̄ва-да̄ о̄навар энэл са̄ра
Тэрэ̄ӈкэкӣмэ букталдака̄н иктэлдынэл
О̄ника̄рвар о̄лдыдяра ивит.
  Тар амардукин
Эр мит бэеӈит Бултэрикэ̄н биһэмдэ
Дю̄га̄н огеӈалва энэ девувкэнэ
Дэлби дерэ̄дэрэн.
Огеӈа̄л биһэмдэ, тыкӯликса̄л,
Бултэрикэ̄нмэ аһалитта.
Мит бэеӈит биһэмдэ
Умун токсокӣва ча̄варӣһинан-да̄
Огеӈа̄л атама̄рватын
Аһама̄тнал эмэчэ̄лвэ
Токсокӣӈитпӣ так ме̄стэлэ̄кэ̄тнэ
Эвӣттэн ивит.
Аһӯн-да̄ со̄ниӈилва
Аяга̄ка̄нма дуруккатын
Ба̄лтака̄тна эвӣрӣ ма̄та̄ ивит.
Де амаргӯт тара̄ са̄кса̄л,
һа̄дыл эрэ̄-тара̄ эһӣл дёргойро *
Эр ӯргэн ма̄та̄л эрэгэмэ
Нуӈардуктын тукса̄нча̄л ивит.
  Де тар амардукин
Иркимэктэ иркин бэюн авдӯлка̄н
Иркинӣчэн гунмурӣ мит бэенит биһэмдэ,
Мэ̄нин мэ̄ндиви о̄кса̄,
Ӯр ая аһӣ
Аякча̄н Иве̄кча̄н киливлӣва
Эмэрэн-дэ̄, гакса̄,
Се̄птӯвӣ дыксэ̄,
Тулискӣ ю̄рӣдӯвӣ
Сэлэмэ ампа̄рва
Умун эркинмэ̄н
Нэптэрэгэр һэ̄киһиннэ юрэн.
Тадук тулискӣ ю̄ксэ̄,
Ӯр бо̄юһалва ичэ̄һиннэн биһэмдэ
Де авгӯ-да энэл тэптылдырэ
Тэрэ̄ӈит тэвиндерэ,
Урэ̄тмэт куһӣдерэ ивит.

На кого наступили — тех опрокинули,
Кого задели — тех погубили.
Пока выходили,
Одну треть народа *огенга*
Перебили, кажется.
Эти два человека вышли наружу,
На боевую площадку богатырей,
В три кочевки по окружности,
Не переставая, били друг друга наотмашь,
Не разбирая, куда.
Сражались на равных,
Свою судьбу испытывая.
  После этого —
Наш человек Бултэрикэн
Стал проказничать, мешая есть
Тем *огенга*, которые были в доме.
Разозлились *огенга*,
Стали за Бултэрикэном гоняться.
Наш человек
Схватил шестую позвоночную кость
И костью
Играючи отколотил *, оказывается,
Самых бойких *огенга*,
Которые за ним гонялись.
Из многих богатырей [*огенга*]
Всех самых сильных
Играючи убил *мата*, оказывается.
После этого, узнав его [силу],
Некоторые богатыри послабее,
Не гонявшиеся за ним,
Совсем от него убежали.
  После этого —
Наш человек, зовущийся Иркиничэном, ездящим
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Снова самим собой стал.
К славной девушке
Аякчан Ивекчан-красавице
Он вернулся, взял ее
И засунул в свой карман.
Выходя наружу
Из железного дома,
Одним пинком
Разрушил его стенку,
Затем, когда вышел наружу,
Посмотрел на тех богатырей,
Никто из них другого не мог одолеть,
Схватка была на равных,
Под стать друг другу они были.

Авгӯ-да̄ аһӯндӯн-да̄
Давдылдырӣтын эӈэ̄т са̄вра,
Мэ̄рвэр эрӣксэ̄ндӯвэр
һуӈтуву е̄ва-да̄ эӈэ̄т са̄ра
Аила̄кил о̄ча̄л ивит.
Тыкӯлнатын-аварнатын-да̄ со̄ бадага,
Тар-да̄ бинэл со̄ӈдямара ивит.
Тара̄ ичэксэ̄, мит бэеӈит
Иркимэктэ иркин бэ̄ён авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ ма̄та̄ биһэмдэ
Со̄ниӈ сумун нюмурӣвран,
Эӈэһӣ дялин бо̄ралдан:
«Тавар оре̄ӈа̄ва энэ эрӣһинмукэ̄нэ
Элэвэ̄н ичэчэ̄ бэе», — гунчэрэн.
Тар амардукин
Куһӣдерӣ бэелвэ дагамакса̄,
Дагадӯтын тэгэксэ̄,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дяча̄н:
«Угэле̄-угэле̄ угэндэ̄р!
Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл,
Ӯгӯ илан бӣстӯн о̄ске̄нӣ
һэгдэгӯ һо̄лаӈа̄ туксу соногоһилка̄н
һе̄ркининдя̄ гунмурӣ ма̄та̄,
Ӈӯӈнэ ню̄рдӯс, дялӯра бо̄мдӯс
Доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгӯр о̄гин!
„Ӣргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Ма̄та̄, эмэксэ̄,
Доро̄волко̄н-улгӯрилкэ̄н о̄данды?“ — гунэкис,
Эден Е̄ексит энилкэ̄н бичэ̄в,
Аӣ бэгин амилка̄н бичэ̄в,
Иркимэктэ иркин бэ̄ён авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунэрӣ
Аӣ эвэнкӣн о̄дам.
„Е̄кун со̄ на̄дадӯн
Эмэнды?“ — гунэкис,
Со̄ бэе Со̄данӣ ма̄та̄ акилка̄н
Ая аһӣ Ая̄кча̄н Иве̄кча̄н киливлӣ
Гунмурӣ аӣ эвэнкӣ һуна̄дин
Ая һуна̄тпа
Тавар куһӣдерӣ катыкиндя̄с
Дыгин кирӣлка̄н
Сэлэмэ Дыгия̄ндя̄ кувулгат,
Де̄ромоксо̄, эмувнэвэ̄н
Эр, эмэксэ̄, бакам.
Де тар амардукин
Мит дю̄крэ дю̄р аӣ эвэнкӣн
Умун улгӯрийэ улгучэ̄мэ̄ткэ̄т.

Кто из них победит
И когда — было неведомо.
Они разъярились до того,
Что уже ничего не помнили,
Стали как одержимые.
Рассерженные, разъяренные, они
Бились насмерть,
При виде этого у нашего человека,
Богатыря по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Стали зудеть богатырские жилы,
Всколыхнулись сильные мысли.
«Увидеть бы мне, как пропадет
Этот *огенга*, когда я лишу его дыхания», — подумал.
  После этого —
Он приблизился к дерущимся людям,
Поблизости сел,
Сказав такие слова:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Вот посмотри-ка,
Родившийся среди трех верхних племен
Богатырь по имени Херкининдя, ездящий
На молодом коне — старшей радуге-туче!
Сначала привет
Твоему гладкому лицу и твоей мудрости,
Потом разговор.
Если спросишь: „Кто ты по роду-крови,
Мата, прибывший
С приветом и разговором?“
То [отвечу]: моя мать — Эден Еексит,
Мой отец — Аи Бэгин.
Я эвенк-*аи*
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами.
Если спросишь: „С какой
Нуждой ты пришел?“ — то [отвечу]:
[Я пришел] за славной девушкой Аякчан Ивекчан-красавицей.
Старший брат ее — храбрый Содани-богатырь,
Она дочь эвенков-*аи*.
Эту славную девушку,
Похищенную и унесенную
Коварным четырехгранным
Сэлэмэ Дыгияндей,
С которым ты бьешься,
Я нашел, придя сюда.
  После этого —
Мы, двое эвенков-*аи*,
Поведем разговор, будем заодно.

Сӣ-дэ̄, бӣ-дэ̄ умун һоктодӯ
Сӯга̄ривча̄л со̄ниңил о̄дап.
Тарит сӣ эһит
Токто̄кол-болгойкол!
Тавар огē̄ңа атама̄нма̄н
Бӣ-кэнэ̄ со̄мканикта *,
Оңкой буксэткэ̄ндин о̄никанма̄н о̄кта,
Ивгӯнай урэ буксэткэ̄ндин
Сигдэндē̄вэ̄н гивгукта.
Сӣ городук гиркудярӣ бэе
Куһӣндук дэрумкӣһикэл.
Тыкэ̄н урэ̄тты̄ ма̄та̄,
Бара̄н коңнорӣн нē̄һэ̄ңин
Коңнорӣн тӯр бугадӯ уңкулбуксэ̄,
Кē̄йми-да̄ кейдиңа̄с.
Дюрсу горулиндалмӣ *,
Бара̄н албаһилка̄н бимӣ
Мэ̄нмэс эллē̄диңэ̄н.
Аила̄гин дю̄р ай̄ бэен
Ичэтмэ̄тнэл умун о̄га̄т —
Бӣ дялив таргачӣн.
Сӣ дялвӣ со̄т тургэнди са̄вка̄кал.
Элэкин гунэкис,
Эр-ты эһит усто̄кло̄ тыкичим.
Угэлē̄-угэлē̄ угэндэ̄р!» —
Гуниттэн ивит эр мит бэеңит.
Де тара долдыкса,
Ча̄гӯ ма̄та̄ дю̄р ē̄һан
Дю̄р чолбон оһика̄ктагачӣн
Угискӣ һута̄пты̄һинчаран,
Увагас сэ̄ксэн девирбӯһиһинчэрэн,
О̄рда̄к сэ̄ксэн о̄луктӯн һуюлдун,
Ба̄рда̄к сэ̄ксэн бэ̄лгэлӣн бē̄лкивран,
Ӯһук сэ̄ксэн урдӯн дялупран,
Ниравӣ сэ̄ксэн нē̄вандула̄н истан.
Тыкӯлнавӣ со̄дӯн
Умун тогор угискӣ ондойдон,
Дыгин ңа̄ла дырамулдан.
Дырамдулӣвӣ аран эчэ һитаргара,
Нэмкӯндулӣвӣ аран эчэ этыргэрэ.
Ӣктэлвӣ кавиринакин ӣктэлдукин
Илэ тогол оснӣһинчара.
Тыкӯлнавӣ со̄дӯн ава̄һи омолгива̄н
Оңоктондē̄во̄н дэ̄птыкӣ коко̄скаран.
Тариңин биһэмдэ конӯва дялум
Комордо̄с бого ко̄нчо̄кē̄ о̄һинчаран,
Иһэлэ бого нилба̄кē̄ о̄һинчаран.
Де тар амардукин

На нашей тропе и твои и мои
Зарубки одинаковые.
Поэтому ты теперь
Постой, подумай!
Попробую и я испытать силы
Этого атамана *огенга*!
Тальником из распадка похлещу его!
Тальником с гаревой горы
Отделю от позвонков [его мясо]!
Ты человек, пришедший издалека.
Отдохни от боя!
Равного тебе богатыря
Ты победишь только [тогда],
Когда прольешь на черную землю
Много черного пота!
Если дальше станешь [биться],
Он пойдет на хитрости,
Тебе от него достанется!
Лучше мы, двое людей-*аи*,
Будем заодно,
Я так думаю.
Как думаешь ты, скажи скорее.
Если скажешь: „Хорошо“, —
Тут же вступлю в бой!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал этот человек, оказывается.
Когда Херкининдя-*мата*
Услышал это, из двух его глаз,
Подобных двум утренним звездам,
Полетели вверх искры.
Жидкая его кровь стала будто ржавая,
Яростная кровь заклокотала в горле,
Вспыльчивая кровь выплеснулась из колен *,
Густая кровь заполнила все нутро,
Буйная кровь ударила в сердце,
От страшной злости
Вырос он на одну пядь,
На четыре пальца раздался вширь.
В широких местах [туловища] он чуть не лопнул,
В узких местах едва не разорвался.
Зубами он заскрежетал так,
Что полетели искры.
В страшной злости он сунул
Кукиш под нос сыну *авахи*.
Все поле тогда заполнилось
Множеством снующих жуков,
Множеством ускользающих ящериц *.
После этого —

Эр һōлаӈā туксу соногоһилкāн
Һēркинӣндя̄ букатыр биһэмдэ
Мит бэеӈит улгӯрдӯн
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н ōчāн уһу:
«Юкир-юкир юкирмōй!
Эр-кэ ичэкэл,
Дулин-буга бōюнин
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлкāн
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ мāтā,
Дорōводӯс дорōво сурурун,
Улгӯрдӯс улгӯр бигин!
Эр минэвэ сэнэ̄рӣс-тэ сō ивит.
Сӣ сэнэ̄чэ̄лӣс
Ӯгӯ илан бӣһин
Сōниӈ букатырин
Сōлаӈā туксу соногоһилкāн
Һēркининдя̄ гунмурӣ
Сōӈку сумут мāтā биӈнэм.
Сō дулин буга бōюһалдӯн
Сугун эһӣ сэнэврэ
Мāтā сōниӈ биӈнэм.
Эргэчӣн умун һалгалкāн,
Эргэчӣн умун ӈāлалкāн
Огēӈā омолгидӯн
Ама дю̄р һалгалкāнма бэлэчивчэдиӈэв-гӯ?
Де тэдемэ-дэ
Сэнэ̄рӣс ēдӯ сōтаран,
Соӈомō сориндя̄в!
Тыкӯнē-тэлбōнē биргэндēв!
Эр-ты эһит-пэл соло-дō эчэв биһи:
Тырчигинэс сумувӣ
Эчэ кēйда ōнавас,
Тыкилӣмэ ōвканиксā,
Уилдын ургуну дялалкāн
Суму-нюн тараһадис уӈимчэ̄в.
Сōӈку бэевэ сэнэ̄нэвэс
Илан анӈанӣ дōгидāдӯн
Синдулэ̄ ēми-кат исчиӈāв.
Тардалāн ōн-мал тулуйкал.
Тадӯ аят
Сумувкōдиӈэ̄т.
Тардалāн буралия бурастӣ! —
Юкир-юкир юкирмōй!» —
Гуниттэн чāгӯ бэе биһэмдэ.
Мит бэеӈит:
«Де тыкэ̄н биһикин бигин
Эдӯ-дэ, тадӯ-дā би нян бидиӈэ̄», —
Гунэн-дэ де балдыдя̄к бугалāвӣ

Богатырь Херкининдя, ездящий
На молодом коне — радуге-туче
На слова нашего человека
Такой речью ответил, говорят:
«*Юкир-юкир юкирмой!*
Вот посмотри-ка,
Богатырь Среднего мира,
Мата по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами!
К привету идет привет,
На твою речь я отвечу!
Ты меня ставишь ни во что, оказывается!
Ты мной пренебрегаешь,
А я сильный, храбрый *мата*,
Родившийся среди трех верхних племен,
Могучий богатырь
По имени Херкининдя, ездящий
На молодом коне — туче-радуге.
Я такой *мата*, что
Не стерплю обиды
От сильных богатырей Среднего мира.
С этим одноногим,
С этим одноруким
Сыном *огенга*
Неужели я не справлюсь без двуногого?
Как сильно
Ты мной пренебрегаешь,
Даже хочется плакать!
Какое горе, досада!
Был бы я сейчас свободен,
Поубавил бы неуемную силу
Твоих упругих жил.
Свалил бы тебя,
Отпустив с одними хрящевыми суставами
С жилистой брюшиной.
За эту обиду, я, сильный богатырь,
В течение трех лет
Непременно доберусь до тебя.
До того как-нибудь потерпи!
А там хорошенько испытаем друг друга,
Силой померяемся.
До того времени прощай!
Юкир-юкир юкирмой!» —
Сказал тот человек.
Наш человек сказал:
«Пусть будет так,
Я согласен на то и на это», —
И отправился вверх

Угискӣ туктыдерэн ивит.
Нуңан биксэ̄ е̄дӯ та̄нмуңа̄т
Бэеңку бэе биден —
Эр һэргӯ эрӯ эрӣксэлкэ̄н
Огēңа бӣһин дулин аӣ бугала̄
Уһа уилка̄н удятын һоктон
Оһокилкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н сэлэмэ һоктолӣтын
Дулин энин бугала̄вӣ
Пэрӣһин гиркундӯвӣ
Аӣ бэен тыңилэкин
Дӯндэмэвэ энэ са̄ра
Били Бултэрикэ̄н о̄кса̄
һукэлчэнэ эвнэвӣ һоктовӣ
Уска̄кӣ туктыдерэн ивит.
Нуңан биксэ̄ удадиңа̄н до̄ —
Тар-да̄т дяпкун ӣлкэ̄н-сагалка̄н
Дулин энин буга оёло̄н
Уһулу улгӯнчана юксэ̄,
Аят ичэнэн биһэмдэ:
Аилиннан анал буган бараксан
Е̄дӯ багас аятаран!
һэргӯ огēңа̄ бугадӯн ңэнэмӣ,
Дылача̄н гарпатна-һēгӯна,
Е̄дӯ багас аятаран!
Балдыдяк буган мо̄н-чӯкан
Е̄дӯ багас гудēйтэрэн
Де тала̄ туктыксэ̄,
Илара̄кан һунӣлдэһинэн-дэ̄,
Иркимэктэ иркин бэён авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н мэ̄нин мэ̄ндиви о̄ран-да̄
Ӯр нэкун гундӣ нэкунмӣ
Ая аһӣ Ая̄кча̄н Ивēкча̄н гунмурӣ
Киливлӣва сēптуккӣ гакса̄,
«Дулин аӣ бугавӣ
Дылача̄н ңэрӣвэн ичэксэ̄,
Урункэл!», — гуниксэ̄,
О̄кин-да̄ эчин һокоргоро
Чӯт чӯкалка̄н ла̄йда оёдӯн
Иливнан Ая̄кча̄н Ивēкча̄н киливлӣ,
Ая аһӣ Ая̄кча̄н Ивēкча̄н бараксан
Аилинна балдынавӣ
Анал дяпкун ӣлкэ̄н-сагалка̄н
Эгдэн энин бугавӣ
Дэлэй нюрба̄н ичэксэ̄,
«Дю̄рэ̄ балдыча̄ аява̄н
Ңӣ са̄нан биден!» — гуннэ
До̄скӣ-тулискӣ эрӣһинэн,
Эңэнӣмэ эмңэлдэн,

В страну, где родился.
Разве такой могучий
Человек-человечище задержится?
От нижних зловонных
Племен *огенга* — в Средний мир-*аи*,
По страшным следам,
По заляпанной сгустками крови железной тропе
Он пошел назад,
На свою землю-мать.
Пятки человека-*аи*
Не касались земли,
[Быстро] он возвращался назад
По тропе, где катился,
Когда стал Бултэрикэном.
Он не задержался —
Тотчас оказался на восьмиободной,
Восьмикрайней Средней земле-матери.
Встав во весь рост,
Внимательно осмотрелся:
До чего же хороша
Славная родная земля!
До чего она хороша
Под светлыми лучами солнца,
Не то, что страна нижних *огенга*!
Родной земли травы-деревья
До чего красивы!
Придя назад,
Он трижды покатался [по земле],
Приняв свой собственный облик * — Иркиничэна, ездящего
На диком олене со свежеоголенными рогами.
Достал из кармана
Младшую сестру, родную сестру свою по имени
Славная девушка Аякчан Ивекчан-красавица:
«На среднюю землю-*аи*,
На светлое солнце взгляни, порадуйся!» —
Сказал и поставил
Аякчан Ивекчан-красавицу
На *лайду* с нетронутой
Вечнозеленой травой.
Милая славная девушка Аякчан Ивекчан,
Увидев широкие долины
Родной таежной
Восьмиободной, восьмикрайней
Земли-матери, [сказала]:
«Как хорошо родиться второй раз,
Могу сказать только я», — сказала
И глубоко вздохнула.
Она успокоилась,

Сэ̄ксэтэй ува̄ран,
Гирамдатай энюмӯлдэн,
Улдэн са̄һин нӣврэн,
Аламай е̄һатай ӈэ̄рӣлдэн.
Де эр айтка̄р бэел биһэмдэ
Эмӈэ ла̄йдаӈӈар оёлӣн
Дю̄крэ дара̄н гиркудянал
Эр иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ ма̄та̄
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄ча̄н уһу:
«Угэде̄-угэле̄ угэндэ̄р!
Ичэкэл, эр бӣ
Дэгрӣ дэктэндэв,
Туксарӣ һалганми,
Суптырӣ со̄ниӈ сумув,
Тынис сэ̄ксэдук тэкэлкэ̄н,
Одун сэ̄ксэдук о̄нӣлка̄н
Аналла̄к мэ̄нми укчакив,
Иркин бэю̄н авдӯв,
Итчилэ̄к тӯрэ̄нмэв
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
До̄ла̄вӣ до̄лдыкал,
Се̄ндӯвӣ силдыкал!
Со̄т тургэнди эмэмэлчэкэл!
Сэ̄мчэ̄ӈӈэр бакам,
Дялиӈӈар дялувум,
«На̄даӈӈар дявам!
«„Эр ӈӣ, эмэксэ̄,
Улгӯрилкэ̄н о̄нды?“ — гунэкис,
Сӣ һунӈӣс, дулин буга бо̄юнин
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ
Аӣ эвэнкӣ бо̄юнин о̄дам.
Нэкун гунды̄ нэкунмӣ
Ая аһӣ
Ая̄кча̄н Иве̄кчан киливлӣва
һэргӯ буга һэрэдукин
Эр дулин бугала̄ туктывум.
Со̄т тургэнди эмэкэл!
Сирӣ бэевэ̄н экэл сирӣчивчара,
Аян бэевэ̄н экэл ала̄чивчара!
Бугала̄вар со̄т ӯта̄рав!
Угэле̄-угэле̄ угэндэ̄р!» —
Гуннэ тӯрэ̄ттэн ивит.
   Де тар амардукин
Нимӈа̄ка̄н биксэ̄ бидиӈэ̄н до̄ —
Били гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣлкэ̄н,
Сӯнта̄рӣ суракилка̄н

Кровь [в лице ее] посветлела,
Кости стали легкими,
Телу стало свободнее,
Ясные глаза просияли.
Двое этих людей-*аи*
По своей широкой *лайде*
Шли рядом.
Мата по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Сказал [оленю] такие слова:
«*Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Вот, послушай!
Ты, летающие крылья мои,
Бегающие ноги мои,
Богатырские жилы, уносящие меня!
По твоему крепкому роду-крови,
По твоей сильной крови тебе суждено
Быть моим верховым оленем.
Мой дикий осенний олень,
Мои вещие слова
Вбей себе в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Поскорее вернись!
Потерянное нами я нашел,
Задуманное исполнил,
Кого нужно было, поймал!
Если спросишь: „,Кто это
Пришел с разговором?" — [отвечу]:
Это я, твой хозяин, богатырь Среднего мира
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Богатырь эвенков-*аи*.
Младшую сестру, родную сестру мою,
Славную девушку
Аякчан Ивекчан-красавицу
Со дна Нижнего мира
Я поднял в этот Средний мир.
Приди поскорее,
Не заставляй ждать странника,
Не задерживай путника!
Мы так спешим на свою родину!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» —
Сказал он, оказывается.
После этого —
В сказке ничто не задерживается —
Имеющий звучное имя,
Тотчас примчался вскачь

Со̄ӈку сумут иркимэктэ
Иркин бэюн авдӯн
Дыӈнӣкэ̄ндивӣ муннэкэ̄тнэ
Ичэһиниксэ̄, һурумдиӈа̄н эвгидэ̄лӣн,
Тӯрэ̄һиниксэ̄, эрӣһиндиӈэ̄н эвгидэ̄лӣн,
Иркин бэюн авдӯ бараксан
Кэӈтырэ̄дӯн мӯ тэ̄ӈкикнэн бургуксо̄,
Һунӈӣвӣ дюлэлэ̄н эмэксэ̄,
Эр коруиһинчаран ивит.
Де тара̄ ичэнэтын биһэмдэ
Е̄кун сэ̄виһин дурукин
Мэ̄ндӯн уӈкувну о̄вча̄гачӣн
Мэӈумэ ая нэ̄мэтэй,
Мэӈумэ улгэ̄р нэ̄гӯтай
О̄кин-да тыгдэ эчӣн улара,
О̄кин-да̄ иманда эчӣн тэгэрэ.
Де ирэндэн, о̄нӣн-да̄
Соруян ана̄н аилинча̄-да̄ ивит.
Урэ̄мкэ̄дэ̄ ичэдэ а̄чин,
Коло̄мко̄до̄ коловур а̄чин —
Дёкча̄-да̄ ивит нуӈан.
Де мит бэеӈит
Ая аһӣ Ая̄кча̄н Иве̄кча̄н
Гунмурӣ киливлӣва
А̄нӈӯ се̄птӯвӣ дыксэ̄,
Иркимэктэ иркин авдӯвӣ оёло̄н
Кара һорокитка̄нӈачӣн капка̄н һэтэкэнчэрэн-дэ̄
Балдыдя̄к ай бугатка̄кивӣ ӈэнэвкэ̄ндерэн ивит.
Эр иркимэктэ иркин
Бэюн авдӯ бараксан,
Дэрумкӣксэ̄, е̄дӯ-да эһӣ коло̄вро
Коӈнокилка̄н аянин нӣвуксэ̄,
Кукча̄карин игды ӣгин
Гӯла урэлдулэ̄ гуӈинта̄лдан,
Нялӣкин мо̄ва нялбурагар суругрун,
Бучӯкин мо̄ва буктарагар ӈэнэрэн.
Тэнӣнэгэчӣн дӯндэлди
Нэптэлмӣгдэ тэвиннэ,
Томтор дӯндэлвэ
Тонӈорогор тӯтынэ,
Оӈкучак дӯндэлвэ
Омчорогор оймо̄но
Дю̄р амаргӣн борбуйдӯн
Коӈнорӣн тукала коро̄лӣка̄н бододёрон,
Дю̄р нэ̄гӯн дюлэдӯн
Багдарӣн тамнакса тыпудяран.
Де таргачӣн орон
Е̄кун горово̄н-мол горонден * —

Прославленный повсюду
Могучий дикий олень
Со свежеоголенными рогами.
Прежде чем взглянув, моргнешь,
Прежде чем вдохнув, заговоришь,
Славный дикий олень,
Откормившийся так, что на спине у него скапливалась [дождевая] вода,
Примчался к хозяину
И встал перед ним, наклонив [голову], оказывается.
Когда они его рассмотрели,
Все на нем оказалось ладным,
Будто вылитое:
Серебряное красивое седло,
Серебряный витой поводок,
Будто никогда не мочил дождь,
Будто никогда не падал снег.
И наружность его и стать
Были как будто выточенные,
Не с чем было его сравнить,
Нигде не было ему подобного, —
Так был он красив, оказывается.
Наш человек
Сунул в свой правый карман
Красавицу по имени
Славная девушка Аякчан Ивекчан,
Словно черный глухарь, взлетел
На своего дикого оленя со свежеоголенными рогами
И в родную страну-*аи*, поехал.
Этот дикий осенний олень
Со свежеоголенными рогами,
Отдохнув, мчался так,
Что его бег не с чем было сравнить.
Громкий стук его копыт
Отдавался в соседних горах.
Растущие деревья он сваливал,
Засохшие деревья дробил в щепки.
Он выбивал комья земли
Величиной с *кумалан*.
Холмы
Он растаптывал,
Низины
Он заваливал.
За его задними подколенниками
Черная земля вихрем вздымалась.
Под его передними ногами
Белый пар клубился.
Для такого оленя
Не далека никакая даль.

Адяс аһӯпчара-кат энэ
Иркимэктэ иркин бэю̄н
Авдӯлка̄н Иркинӣчэ̄н
Мэ̄нин энин бугала̄н
Эр-дэ̄т эмэрэ.
Мэӈумэ сэргэвӣ тэкэндӯн
Иркимэктэ иркин бараксан
Дергэс илиһинчаран ивит.
  Тар амардукин
Ӯгит томкоды̄н уһие а̄чин,
Дӯндэдук сирэ̄нды̄н ситимӣэ а̄чин
Солкомо дюкча̄ дю̄дук
Егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ ю̄мэлчэрэн.
Де эмэчэ̄л бэеӈилвӣ
Дэ̄птыкӣ эмэксэ̄, доро̄ворон.
Иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н ма̄та̄тка̄н,
Ая аһӣ
Аякча̄н Иве̄кча̄н киливлӣ,
Егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солко̄кчо̄н бинэл иланӣ
Ӯгэ̄н һэмурдуктын
Илатал камияк укуню ю̄кнэн,
һэргӯ һэмӯрдуктын
Нюӈтэл не̄ска имӯрэн ю̄кнэн
Иксарит нюканӣматта.
  Тар амардукин
Дыгин кирӣлка̄н алаһа дю̄ла̄вар,
Того бэгин эһэкэ̄лэ̄вэр
Элгэмэ̄тнэ ӣрэ.
  Де тар амардукин
Эр егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ, ю̄ксэ̄,
Дыгин дян дыгин нулги
Тугурумчэлкэ̄н мэӈумэ куре̄нде̄дӯвӣ
Дялум илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄вэ
Умнэ̄-дюрэ̄ эӈтэвкэ̄һинэн.
Де акта аяргӯн нуӈандӯн,
Байтаһун бастыӈин нуӈандун,
Бе̄ бургургӯн нуӈандӯн,
Огус олусман нуӈандӯн,
Тадук-та̄ һуӈту аӣ девгэ̄н —
Дурукин нуӈандӯн о̄дан.
Сӣнманавӣ ситанды̄дин астаран,

Нигде не задержавшись,
Тотчас они прибыли
На родную землю-мать
Богатыря Иркиничэна, ездящего
На диком олене со свежеоголенными рогами,
И славный этот олень
У основания серебряной коновязи *
Горделиво остановился, оказывается.
После этого —
Из не закрепленного вверху даже ниткой,
Не привязанного к земле даже конским волосом
Шелкового чума
Вышла красавица Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой.
К прибывшим людям
Вплотную она подошла, поздоровалась.
Иркиничэн-*мата*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица и
Солококчон
С девятисаженной
Шелковистой косой
Стали целоваться так крепко,
Что с верхней губы
У них вытекло по три ложки молока,
С нижней губы
Вытекло по шесть ложек жиру.
После этого —
В четырехугольный свой чум-жилище,
К почитаемому огню-дедушке
Пошли они, взявшись за руки.
После этого —
Солкондор-красавица
С девятисаженной
Шелковистой косой
Отошла, раза два похоркала по-оленьи,
И в ее огромный серебряный загон
В четыре кочевки по окружности
Битком набились олени, кони и коровы.
Лучшие холощеные олени,
Первейшие яловые важенки,
Упитанные кобылицы,
Разжиревшие быки,
Любая другая пища [людей] *аи*, —
Все у нее было.
Она приготовила [еду] сноровисто, умеючи,

Ая гиркун маладаһунма̄н о̄кса̄л,
Дяпкун һалгалка̄н мэӈумэ осто̄лвар
Эрэ̄лӣ тэгэрэ.
  Де тар амардукин
Эр егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ биһэмдэ,
Ӯр солкомо дю̄ткӣ ичэтчэнэ,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄ча̄н уһу:
«Дею̄-дею̄ дею̄кэ̄нин!
Эр-кэ ичэкэл,
Иркимэктэ иркин бэю̄н
Авдӯлка̄н Иркинӣчэ̄н гунмурӣ
Аӣ эвэнкӣ амилка̄н,
Егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ энилкэ̄н,
Дулин бугадӯ эмукин ичэ̄н аӣлка̄н
Аӣ эвэнкӣ һуна̄дин
Тулӣвча̄н удаган гунмурӣ
Аһа̄тка̄н, бӣ тӯрэ̄нмэв
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
До̄ла̄вӣ до̄лдыкал,
Се̄ндӯвӣ силдыкал!
«„Эр-кэ ӈӣ, эмэксэ̄,
Улгӯрилкэ̄н о̄данды?“ —
Гунэкис, балдынас
Катун энинды биһим.
„Тар е̄да̄ миндулэ̄
Дылгала̄нды?“ — гунэкис,
Дылача ӈэ̄рӣлэ̄н
Айна балдывча̄ бэгин аминды
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэ̄н гунмурӣ
Дулин энин буга
Со̄ниӈ букатӹрин эмэрэн.
Аӣ бэгин эһэкэ̄дук аилинча̄
Тэкэн экин гундӹ экинды
Ая аһӣ
Я̄кча̄н Иве̄кча̄н киливлӣ
Аӣ эвэнкӣ һуна̄дин эмэрэн.
Де тар гиркунтын
Ая удядӯн
Мала̄һун девгэ̄вэ̄н ирӣрэв.
Эмэксэ̄, амилка̄н экиндӯвӣ
Аламай дылача̄ тэрэ̄ӈин
Ирэндэвӣ ичэвкэ̄кэл.
Гуде̄йһӣмэ гаһатка̄ндӹ

Устроили они в честь удачного похода пир,
Вокруг серебряного стола на восьми ножках
Усевшись.
После этого —
Солкондор-красавица
С девятисаженной
Шелковистой косой,
Глядя на свой шелковый чум,
Сказала такие слова, говорят:
«*Дею-дею деюкэнин!*
Вот посмотри,
[Дочь] Иркиничэна, ездящего
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Эвенка-*аи*, и
Солкондор-красавицы
С девятисаженной
Шелковистой косой!
Дочь эвенков-*аи*,
Девушка по имени Туливчан-шаманка,
Предвидящая все в Среднем мире!
Мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Если спросишь:
„Кто это
Пришел и говорит?“ —
То [отвечу]: твоя почитаемая мать.
Если спросишь:
„О чем ты говоришь?“ —
То [отвечу]: открывший тебе
Свет солнца, почитаемый отец твой
По имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами,
Богатырь-*сонинг*
Средней земли-матери приехал.
Происходящая из рода девушки-*аи*,
Тетя, родная тетя твоя,
Славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица,
Дочь эвенков-*аи*, приехала.
В честь окончания
Славного похода
Я приготовила угощение-еду!
Подойди к отцу и тете,
Обрати к ним свое
Лицо, свет которого подобен солнцу!
Своим дивным, как у стерха,

Дылгандивӣ улгучэкэл.
Тыргӯр дылача̄ тоголо̄н
Синэвэ аикса̄ бӯчэ̄
Бэгин аминмӣ бакалдыкал,
Тэкэн энинмӣ ичэкэл,
Э̄нэ̄ улгӯрйэ улгучэ̄мэткэл.
Дею̄-дею̄ дею̄кэ̄нин!» —
Гуниттэн ивит.
  Де тар амардукин
Эр ӯгӯ няӈнядук
Томкоды̄ка̄н-да̄ уһие а̄чин,
Дӯндэдук сирэ̄нды̄н ситимйэ̄ а̄чин
Егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ мэ̄нин айнан
Солкомо дю̄дук биһэмдэ
Умун элэкэс угиривдерӣ
Е̄кун-ла соруян о̄нагачӣнин
Мэ̄ндӯн элэкмэ дурук
Муһэн укура̄т о̄нӣлка̄н,
Олус ая ирэндэлкэ̄н
Гирамдалка̄н ӈӯӈнэӈин,
Дэрэлкэ̄н багдарӣӈин,
Сэ̄ксэлкэ̄н ӈэ̄рӣһӣӈин,
Аһа̄ткан-да̄ биксэ̄ адясма аяӈин ю̄рэн ивит.
Нуӈанма̄н коло̄до̄ коловур а̄чин,
Ичэ̄рӣдӯ ичэ̄дэ урэ̄тын а̄чин.
Нуӈанма̄н арай эмукинди
Аят уйде̄нэ ичэ̄мӣ,
Урумут улгучэ̄нмӣ,
Багдарӣн-да̄ биксэ̄ соӈин о̄ча̄ ивит.
Нуӈан эӈэнӣмэ аян
Багдарӣнин со̄дӯн
Е̄кун-да̄ дэмйэ̄ а̄чин
Тэты̄ бутэй улдэн ичэврӣ,
Улдэ бутэй гирамдан ичэврӣ,
Гирамда бутэй уманин ичэврӣ
Ая ӈэ̄рӣһӣ сэ̄ксэлкэ̄н,
До̄дуккӣ аһагас улдэлкэ̄н
Ая аһа̄ткан ивит.
Тэтчэрӣ тэты̄н биһэмдэ
Ня̄н мэ̄ндӯн элэкмэ о̄вча̄ ивит.
Карилдулӣн томковло̄нды̄ *
Ка̄рис солко чӯрэ̄ктэлкэ̄н,
Нюӈилдулӣн ӣктэвтты̄
Но̄лур солко чӯрэ̄ктэлкэ̄н,
Тогочӣ һуларӣн сулакӣкса
Сагадукин һэргӯ дилбӣрмэ̄ктӯн

Голосом расскажи им [о себе]!
Встречай своего почитаемого отца,
Открывшего тебе
Свет лучистого солнца,
Взгляни на родную тетю,
Поговори с ними по-хорошему!
Дею-дею деюкэнин!» —
Сказала [Солкондор], оказывается.
  После этого —
Из не скрепленного с Верхним небом
Даже ниточкой,
Не привязанного к земле даже конским волосом,
Поставленного самой красавицей Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой
Шелкового чума
Вышла самая лучшая
Из девушек,
Только-только подросшая,
Будто выточенная,
Очень ладная,
Красиво сложенная,
Со стройным станом,
С белым лицом,
Со светлой кровью.
Ее не с чем сравнить,
Нигде не увидишь красавицы, как она.
Если пристально
К ней приглядеться,
Коротко рассказать,
Белизна ее [тела] была удивительной.
Из-за такой
Удивительной белизны
В самом деле
Тело ее сквозь одежду просвечивалось,
Кости сквозь тело просвечивались,
Мозг сквозь кости просвечивался.
С нежной светлой кровью,
С прозрачным телом, —
Такой была эта красивая девушка, оказывается.
Одежда, на ней надетая,
Была ей впору, оказывается.
По кистям [рук] струилась
Тонкая шелковая бахрома,
Об ноги билась
Мягкая шелковая бахрома.
Все одежда была расшита-разукрашена,
От огненно рыжего лисьего воротника

Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н ивит.
Дегинңӯ ңāладӯн ананна аилинчā
Анам-тōкӣ бутун агдакады̄нин
Нюңун укулкōн
Багдарӣн мэңун унтувулкōн,
Āнңӯ ңāладун ананчā
Энӣн-тōкӣ дяпкун эвтылэ̄лкэ̄н
Калтака иһакӣды̄нин гиһилкāн,
Чōрāн ково кеһāлкāн,
Самāһик тэтывӣ сайбāлӣкāн
Тэтчэ̄ аһāткāн, эмэксэ̄,
Катун энилкэ̄н, бэгин аминмӣ,
Итык экинмӣ сигдылэ̄лӣтын эмэксэ̄,
Дю̄р аламай дылачāва
Дарāн дявавчāгачӣн
Аламай ēһалдивӣ
Инемнэ̄нэкэ̄н ичэчилнэн
Эювсӣлкэ̄н-дэ̄ бивкӣ ивит.
«Тэдемэ-дэ̄ эвэнкӣдӯ-дэ̄ син
Ая аһāткāн балдывкӣ-дā ивит», —
Гунмуңэ̄т аилāк аһāткāн ивит.
Нарин дēкē ңāлатпӣ дорōвоксō,
Нарин адыка һэмукэ̄рдивӣ нюканӣракин
Ӯгӯ һэмурдуктын
Илан камияк укуню ю̄ттэн,
һэргӯ һэмурдуктын
Нюңун лōска илэ имӯрэн ю̄ттэн.
Таргачӣн нюканӣмāтнал бакалдыра.
Де тар амардукин
Балдынан бэгин амилкāн
Катун энинин тэрэ̄ңин
Тэкэн экиннӣюнмӣ
Дыгин кирӣлкāн ампāр дю̄лā
Элгэмэ̄тнэ эмэрэн.
Де тар амардукин
Дяпкун һалгалкāн
Мэ̄ңумэ остōл дагадӯн
Дяпкун һалгалкāн мэ̄ңумэ тэгэктӯ
Амилкāн экинмӣ сигдылэ̄дӯтын,
Эмэксэ̄, тэгэрэн ивит.
Тар амардукин
Нуңарватын эрэ̄лӣ
Дю̄р дылачā тэрэ̄ңин
Аламай ēһалдивӣ
Унāрис-унāрис ичэһиннэдекэ̄н
Багдарӣн мэ̄ңукэ̄ргэчӣн
Ирāс ӣктэлвӣ дяпкалӣн
Аракӯкāн сӣйна тӯрэлкэ̄н ōдан:

До опушки подола.
В левой руке
У нее был серебряный бубен
С шестью выступами *,
Подобный грудной клетке осеннего лося-самца.
В правой руке ее была
Подобная восьми ребрам
И лопаточной кости лосихи шаманская колотушка *.
В шаманской одежде, с нашитыми украшениями,
С позвякивающими колокольчиками,
Подошла девушка
К почитаемой матери, почитаемому отцу,
Родной тете,
Прошла между ними, улыбаясь,
И глядя ясными глазами,
Которые были будто два стоящих рядом
Светлых солнца.
Как хороша она была!
«Среди эвенков родилась
По-настоящему красивая девушка, оказывается» —
И вправду можно было сказать об этой девушке.
Она поздоровалась с ними своей нежной маленькой ручкой,
Нежными своими губками стала их целовать:
С верхней губы
Вышло у них по три ложки молока,
С нижней губы
Вышло по три ложки жиру.
Поцеловавшись, они встретились.
После этого —
Держа за руки
Своего почитаемого родного отца
И почитаемую тетю,
Родной матери равную,
Она вошла с ними, держа их за руки,
В четырехугольный чум-жилище.
После этого —
За серебряный стол
На восьми ножках, на серебряное сиденье
Между отцом и тетей
Она, подойдя, села.
После этого —
Нежно-нежно поглядывая
На них
Ясными глазами,
Похожими на два солнца,
Блестя белыми, как серебро,
Блестящими зубами,
Чуть растягивая слова, заговорила:

«Кимэ-кимэ кимэнин!
Тыргӯрмача̄н дылача̄ла̄ айча̄
Аӣ эвэнкӣ бэгин аминми
Иркимэктэ иркин бэю̄н авдӯлка̄н
Иркинӣчэн со̄ниӈ,
Егин да̄рикталка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэн
Солкондо̄р киливлӣ
Тутум солко уһӣлкэн
Бэгин ме̄ванмӣ до̄дукин
Тыргӯр дылача̄ла̄ нюӈничэ̄
Аӣ катун энинми,
Увагас сэксэдук уһӣлкэ̄н
Аӣ тэкэн экинми
Ая аһӣ
Ая̄кча̄н Иве̄кча̄н экинми,
Сӯ ня̄н бӣ улгурвэв
Иргэлэвэр иктэвуксэл,
Се̄ндӯвар силдыкса̄л,
Се̄нала̄вкӣл о̄калду,
До̄дӯвар до̄лдыкса̄л,
Дялда̄вкӣл о̄калду!
Эр минэвэ: «„Таварба̄ аһака̄н са̄һилка̄н,
Элэкэс е̄һавӣ ичэһиндерӣ
О̄һакилка̄н һэмулкэн
Нилба һуна̄т * о̄н о̄дан?" —
Гуннэл экэлду оло̄лдоро.
Бӣ эр-дэ де̄ке̄ бинэ
Надан дя̄н надан анӈанӣпты
Бучэвэ ариврӣдӯ
Аӣ увагас сэксэдук о̄нӣлка̄н,
Тынис тэкэн сэксэдук дилгалка̄н
Аһатка̄н биӈнэм.
Анал айвӣ илкэйдукин
Й̄лӣ-дэ һуӈту һоктово ӈэнэрӣ
О̄нӣв а̄чин.
Билир аи Бэгин эһэкэ̄ндэ̄в,
Аӣ Катун эвэкэ̄ндэ̄в
Ӈэриһӣ нюӈнӣрлӣтын гиркурӣдӯ
Гилинта̄дярӣ ге̄ка̄рбунатын,
Гуӈина̄р дылгарбунатын,
Гурэн гуктэрбунэтын,
Гэлэнӣ элгэӈэрбунэтын,
Мо̄һанӣ һунӈӣрбунатын биӈнэм.
Де тарит бимӣ
Эр мит дурукит тэкэнты о̄на о̄ске̄чэ̄
Дулин энин бугат иччин
Со̄ бэе Со̄данӣ ма̄та̄

«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Почитаемый отец мой, эвенк-*аи*,
Открывший мне лучистое солнце,
Иркиничэн-*сонинг*, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами!
Солкондор-красавица
С девятисаженной
Шелковистой косой,
Своим почитаемым сердцем,
Висящим на шелковой жиле,
Открывшая мне лучистое солнце,
Почитаемая мать-*аи*, моя!
Родная моя тетя,
С жидкой кровью в теле,
Славная девушка
Аякчан Ивекчан, тетя моя, —
Все вы! Эти мои слова
Вбив [себе] в мозг,
Вкрутив в уши,
Оцените как следует!
Учуяв нутром,
Подумайте [над ними]!
Не говорите обо мне:
«„Эта девушка еще совсем мала,
Только-только открыла глаза,
На губах еще молозиво,
Только родилась, а что же это она?“
Хоть я и мала,
[Того, кто] семьдесят семь лет назад
Умер, мне оживить
Суждено * по моей жидкой крови,
Предопределено по моей сильной родовой крови,
[Такая] я девушка.
Отступить на другую тропу,
От своих зарубок
Мне не суждено!
Я пойду к свету, давно указанному мне
Почитаемым дедушкой-*аи*,
Почитаемой бабушкой-*аи* *.
Они дали мне говорливые губы,
Звенящий голос,
Свободную речь,
Желанный оленный караван
И назвали хозяйкой тайги.
После этого —
На родной земле
Предка эвенков,
Хозяина Средней земли-матери,

Балдыдя̄к бугадӯн
Эвэнкӣ аӣ тэгэ̄лин
Анӈанӣлва аланнал,
Инэӈӣлвэ ӣлтэннэл,
Дялан-дялан бара̄лнал,
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄нди
Бара̄н-бара̄н баяннал,
Гэрбӣкэ̄рты гэеннэл,
Сураккā̄рты сувулуннал
Бидерӣдӯ о̄нӣвча̄л
Эвэнкӣткэ̄р бирдэкпут.
Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!» —
Гундечэ̄ тар Тулӣвча̄н киливлӣ.

Храброго Содани-богатыря
Нам предназначено
Быть эвенками.
Племя эвенков-*аи*,
Перевалив через годы,
Пройдет сквозь дни,
От поколения к поколению умножится,
Сильно-сильно разбогатеет
Оленями, конями и коровами,
Прославит свое имя,
Распространит свою славу!
Кимэ-кимэ кимэнин!» —
Сказала та Туливчан-красавица.

ИҺА̄РДАН-ДЭВЭ̄РДЭН ТЭТЫ̄ЛКЭ̄Н ДЭГИЛТЭР СО̄ҤКУ ДЭВЭЛЧЭ̄Н

Билир-билир илан Сибӣр
Мо̄йка̄н се̄ргачӣнин
Се̄рилдӯнал о̄скэ̄чэл уһу.
Дулин буга бимӣ
Тэнӣнэды̄кэ̄н тэлгэндечэ̄.
Егин дян егин муһэлӣ
Дюра̄ бирака̄рбудяча̄.
Коңнорӣн сулакӣ кою̄ кила̄нма̄н
Егин дӯндэлӣ дэлпэрэгэр
Дявавча̄гачӣн урэчӣ о̄дяча̄.
Чӯкан бимӣ о̄кин-да эчӣн кагдарийда.
Эр дулин буга
Горово-до̄ бинэвэ̄н, дагава-да̄ бинэвэ̄н
Бӣ эчэв са̄ра.
Е̄кун-да дэгрӣ дэктэндэлкэ̄н,
Мурэ̄лӣ дэгиксэ̄, муданма̄н эһӣн иста
Эмҥэ буга о̄дяран ивит.
Эр бугава ичэмӣ,
Е̄кун-да̄ энэн тэрэ̄ттэ ая ичэдэчӣ
Гуде̄е̄-вэл ая дӯндэ.
Аһиктатка̄н мо̄н бимӣ
Га̄ка̄ктагачӣн арбаргадяча̄,
Ирэ̄ктэткэ̄н мо̄н бимӣ
Ниргэ̄ктэгэчӣн килунэдечэ̄,
Дягдатка̄н мо̄н бимӣ
Кугас улукӣ иргигэчӣнин балдыдяча̄,
Се̄ктан бимӣ сииһинмуна ю̄дечэ̄,
Нӣвэ̄ктэ мо̄н бимӣ
Никтэрбунэ ю̄дечэ̄.
Эр дулин буга бараксан
Эргэчӣн о̄внавӣ оёлӣвӣ
Бара̄н бэйҥэ̄чӣ, авдӯчӣ ивит.
Антага дӯндэлдӯ анам-бэю̄нин
Акса̄нин эһӣ са̄вра бара̄н,

ВСЕСИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ ДЭВЭЛЧЭН В РАСШИТОЙ-РАЗУКРАШЕННОЙ ОДЕЖДЕ

Давно-давно, говорят, появились
Три мира, подобные чутким ушам
Годовалого дикого оленя.
Средний мир
Расстилался с меховой коврик.
В девяносто девяти местах текли по нему
Тоненькие ручейки.
Как густая ость разделенной на девять полос
Шкуры черной лисы
Были на нем горы.
Трава [там] никогда не увядала.
Долго ли, недолго ли была [такой]
Эта Средняя земля,
Я не знаю.
Ни одна крылатая птица,
Летая вокруг, не достигала ее края, —
[Такой] широкой стала эта земля.
Если смотреть на эту землю —
Не с чем ее сравнить,
Красивая, хорошая земля.
Елочки-деревья ее
Распускались, словно подснежники,
Лиственнички-деревья ее
Блестели, как молодая шерсть осеннего оленя.
Сосенки-деревья ее
Росли, подобные хвосту рыжей белки,
Тальники ее, вытягиваясь, росли,
Марниковые березы-деревья *
Росли, пуская корни.
Эта милая Средняя земля,
Так устроенная,
Имела много зверей, скота.
На солнечных склонах жили
Бессчетные лоси.

Ирэ̄г дӯндэлдӯ иркин-бэ̄юнин
Адӣн-да̄ эһӣ са̄вра бара̄н,
Муданңа дӯндэлдӯ мундука̄н-бэйӈэ̄н
Моё̄кё̄ма һэтэкӯктэдерэн,
Улгэн дӯндэлдӯ улукӣ-бэйӈэ̄н
Улугэр бара̄н буган о̄дан.
Эргэчӣн ая дӯндэдӯ
Дю̄р һалгалка̄н, дюла̄кин дэрэлкэ̄н,
Боско дылилка̄н ура̄ӈкай бэе
Оскё̄чэ̄н бидиӈэ̄н гуннэ аямат ичэтмӣ,
Эр бугадӯ оскё̄чэ̄-тыва̄нча̄ ивит
Умун со̄ӈкума аӣ ма̄та̄ткан
Дылдукки һалгама̄ктӯвӣ
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтӣлкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н гунмурӣ.
Эр бэе, дулин бугадӯ о̄скё̄ксэ̄,
Ё̄кун аймакилка̄н гунмӣ,
Умун аһа̄тка̄н нэкучӣ ивит.
Нэкунин бимӣ ӈӣ гунмурӣ
Гэрбӣлкэ̄н о̄дан гунмӣ,
Егин да̄рикталка̄н солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлӣ гунмурӣ о̄дан.
Нуӈартын ё̄кунди иргивнэл
Бидерӣл ма̄та̄л гунмӣ,
Икуктэ бэйӈэ̄т иргиврӣл
Ма̄та̄л о̄да нуӈартын.
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтӣлкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Икуктэ бэйӈэ̄вэ ва̄рӣ бичэ̄н:
Анам-то̄кӣва
Атакӣн һэдӯн туксалдыкса̄,
Ата̄кӣдын-нюн дяварӣ бэе ивит;
Иркин бэюнмэ
Иргин оё̄гдодӯн туксакса̄,
Ӣриктэдын-нюн дяварӣ бэе ивит;
Эһэ-бэйӈэ̄вэ,
һэриндэн оё̄гдодун туксакса̄,
Коӈнорӣн комордо̄ска̄нди-нюн дяварӣ бэе ивит.
Мэ̄нин эвэнкӣ тэкэ̄нин,
Мит бэеӈит эргэчӣн
Китыграс, сумут бэе
Ё̄кунди баянча̄ гуннэ ичэмӣ,
Нуӈан ба̄лдынан буган
Урэн бимӣ дурукин
Орон со̄һу ивит,
Бирака̄нин дурукин
Эӈнэкэ̄н орор ивит,
Сё̄кта̄гилин дурукин

В лиственничных местах были
Бесчисленные дикие олени-самцы.
У горных вершин
Бегали вприпрыжку зайцы.
У рек в ельниках было много белок —
[Такой] богатой стала страна.
Если хорошо присмотреться к этой красивой стране,
Думая, не здесь ли должен родиться
Двуногий, гололицый человек-*уранкай*
С легко поворачивающейся головой, —
То, оказывается, в этой стране родился и вырос
Один сильный парень-*аи*
По имени всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
От головы до пят.
Если спросить, был ли у этого человека,
В Среднем мире родившегося, какой-нибудь родич,
То была у него, оказывается, одна младшая сестра.
Если спросить, как звалась его сестра,
Какое было у нее имя, —
Звалась она Солкондор-красавица
С девятисаженной шелковистой косой.
Если спросить,
Чем питались богатыри *,
То питались они [мясом] разных зверей,
[Такие] это были богатыри.
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
Любых зверей убивал.
Поравнявшись с задними ногами
Бегущего лося-самца,
Этот человек хватал [его], как паука.
Поравнявшись с кончиком хвоста
Бегущего дикого осеннего оленя,
Этот человек хватал [его], как муравья.
Поравнявшись с загривком бегущего
Медведя-зверя,
[Этот] человек хватал его, как черного жука.
Сам он был предок эвенков.
Таким ловким, сильным
Был наш человек!
Если посмотреть [на него], думая, чем он богат,
То, оказывается, на всех горах
Его родной страны
Был его скот — олени;
По всем ручейкам —
Его олени и оленята,
По всем тальниковым зарослям —

Сирӯтка̄н орор ивит,
Кӯла * урэңилин дурукин
Гилгэһэл орор ивит.
Эр бэел горово-кот, дагава-кат
Бинэвэр энэл са̄ра,
Дулин бугавар бэйңэдин иргивнэл,
Орон-со̄һут баяннал
Бидемӣ-нюн бидердэктэрэ.
Эр бэел е̄дук балдыча̄л гунмӣ,
Ӣргит-кэт тэкэлкэ̄нмэр
Энэ са̄ра бидерэ.
«Ӯгӯ няңнядук тыкиксэл,
Дулин бугадӯ билчэ̄л бичэ̄л биһикит,
һоро̄ндӯт саңиксака̄р бимчэл», — гуннэл, —
һоро̄рбор тэмӣктэрэктын
Е̄кун-да̄ эвкӣ са̄вра.
«һэргӯ бугадӯ
Оге̄ңа̄л дӯндэңдӯтын о̄ске̄ксэ̄л,
Дулин бугала̄ туктыксэл,
Билчэ̄л биһикит,
һэңэ̄ркэ̄нит дулиндӯн
Тукалака̄н бимчэ̄», — гуннэл, —
һэңэ̄рилбэр тэмӣктэрэктын
Е̄кун-да̄ а̄чин бивкӣ.
«Тарит эр дулин бугадӯ
Балдырӣ чӯканюнин,
Монюнин умуко̄ндӯ
Дулин бугадӯ балдыча̄л,
Эвэнкӣ тэкэнин о̄рӣдӯ о̄ске̄чэл
Мит дюкрэ бидердэкпут», —
Гунивкӣл ивит.
Де эр некэксэ̄кэр,
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэн
Дэгилтэр со̄нку Дэвэлчэн:
«Ӣдӯ-да̄ аймакйа а̄чин бичэ̄лив,
Е̄ма-вал Сивирдӯ о̄ске̄чэл
Дюр һалгалкаһар,
Дюла̄кин дэрэлкэ̄һэл
Умун-мул ма̄та̄ эһӣн бакалдыра
Еду тыкӯлна̄таран», —
Гунчэвкӣ ивит.
Отто һуна̄т биһэмдэ
Дулин бугадӯ о̄н дюкрэкэ̄н
Балдыркалты гуннэ
Кивиһимка̄ра-кат * эвкӣ ивит.
Ңи-кэт эһӣ бакалдына̄ра гуннэ
Эһӣ-кэт комойдо ивит.
Кирадӯ эһӣ киһалина,

Его олени-самцы,
На горных северных склонах —
Его холощеные олени.
Долго, недолго ли жили
Эти люди — они не знали,
Жили себе и жили,
Питаясь зверями своей Средней страны.
Оленей у них становилось все больше.
Если спросить, от кого эти люди произошли,
То они, оказывается, жили и не знали,
Откуда они родом.
«Если бы мы спустились с верхнего неба,
Устроились на Средней земле и начали на ней жить,
То на наших макушках была бы роса», —
Думали они, макушки свои ощупывая,
Но ничего там не находили.
«Если бы мы в Нижнем мире,
В земле *огенга*, родившись,
Поднялись в Средний мир
И стали здесь жить,
То к нашим пяткам
Пристала бы глина», — думали они,
Пятки ощупывая,
Но не было там ничего.
«Значит, на этой Средней земле,
Вместе с растущими ее травами
И деревьями,
На Средней земле мы родились.
Нам обоим суждено было родиться,
Чтобы стать предками эвенков», —
Они сказали, оказывается.
После этого —
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде [сказал]:
«Нет у меня никаких родичей.
Ни в каком из миров не родился
Двуногий,
Гололицый
Богатырь и не навестил [меня],
Как это обидно!» —
Сказал он, оказывается,
Его же сестру
Не беспокоило,
Что на Средней земле
Они родились вдвоем
И никто их не навещал.
Она не огорчалась, оказывается:
Малое [горе] ее не тревожило,

Һэгдыҥэдӯ эһӣ о̄луйда
Манды̄, сэмэй һуна̄т о̄дан.
Де эр биденэл
Нуҥартын биһэмдэ
Умун сӣксэнӣдӯ
Депты̄ девгэ̄вэр аста̄кса̄л,
Девгэ̄вэр депчэ̄л.
А̄һиндытын о̄кса̄,
Дурукин нондо сэктэвундӯн,
Дурукин сулакӣ һулдалдӯ
Дэгилтэр со̄ҥку Дэвэлчэ̄н,
А̄һиникса, эрдэ илча̄.
Нуҥан биһэмдэ, эртыкӣ-тартыкӣ мундымнӣн,
Тэлгэһэлэ̄вӣ юксэ̄,
Некэеденэ, уйдэ̄нэ ичэнэн биһэмдэ:
Дылача ю̄птугӣдин
Умугун саҥняка̄нҥачӣнин
Багдарӣн тамнаксака̄н
Угиски дэгилдэн.
Тар дэгилдэн-да
Аһӯн-да̄ эчэ биһи —
Багдарӣн туксу бара̄лдан,
Коҥнорӣн туксу коюнан,
Һуларӣн туксу һуктырэн,
Эдын-эдын иктэлдэн,
Ня̄ликин мо̄ва нялбуругар иктэрэн,
Бучӯкин мо̄ва буктарагар иктэрэн;
Агды̄ бого ниргийдэн,
Һе̄рки бого һиркинаран.
Тар амардукин
Эһӣпты коҥнорӣн туксу,
Мит бэеҥит оё̄ло̄н иһикса̄,
Дулиндулӣвӣ дэлпэрэгэр этэкэнэн.
Тар амардукин
Эр туксудук умун аһа̄ка̄н-куҥа̄ка̄н,
Һа̄кинмӣ дулма̄ктула̄н сигӣһиникса̄,
Тыкэн гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н-сэ̄һэлкэ̄н о̄дяча̄:
«Кимэ-кимэ̄ кимэ̄нин!
Дулин буга букатырин,
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ҥку Дэвэлчэ̄н,
Нономо доро̄воё дявакал,
Амаргӯптын улгӯр о̄гин!
Минэвэ йргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Аһа̄тка̄н, эмэксэ̄, доро̄водко̄н-улгӯрилкэ̄н
О̄нды гуннэ улгумӣрэкис,
Ӯгӯ няҥур няҥнядӯ о̄скечэ̄
Эде̄н-Е̄дяксит энилкэ̄н бичэ̄в,

Большое ее не пугало,
Была она девушкой сильной, мудрой.
Жили
Они так.
Однажды вечером,
Сварили еду,
Съели ее.
Когда пришло время сна,
На рысьей подстилке,
Под лисьим одеялом
Поспал всесильный богатырь Дэвэлчэн,
Рано встал.
Туда-сюда поглядел,
Вышел на двор,
Решил внимательно осмотреться:
Со стороны восхода солнца
Поднялось вверх
Белое облачко,
Подобное дымку курительной трубки.
Как только оно поднялось,
Не задержавшись,
Появились белые тучи,
Сгустились черные тучи,
Сбежались красные тучи.
Налетели ветры,
Растущие деревья повалили,
Высохшие деревья разбили в щепки,
Страшно загремели громы,
Вовсю засверкали молнии.
  После этого —
Черная туча,
Над нашим человеком остановившись,
Лопнула, раскололась пополам.
  После этого —
Из черной тучи
Высунулась по пояс * одна молодая девушка
И стала говорить такие слова:
«*Кимэ-кимэ-кимэнин!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде!
Сначала прими привет,
Потом начнем разговор!
Если спросишь меня:
«„Откуда ты, девушка, пришла с разговором-приветом,
Кто ты по роду-крови?“ —
То [отвечу]: мать моя —
Родившаяся на верхнем небе Эден Едяксит,

Ӯгӯ няӈнядӯ о̄ске̄чэ̄-балдыча̄
Айһитмандя̄ этыркэ̄н амилка̄н бичэ̄в.
Илан ӈа̄лачи лэ̄птэ̄ркэ̄н иманнадӯ
Тӯктэн эһӣ са̄вра
Багдарин тӯксу соногоһилка̄н
Мэӈункэ̄н гунмурӣ о̄дам.
Ё̄кун гэрбӣдӯн эмэнды гунэкис,
Эр сӯ гэрбӣһун
Илан Сивӣрвэ дэ̄лтэрэн,
Со̄ниӈ суракиһун
Ситэримэ сувулунан.
Тарит һуӈту бугал
Со̄ӈку атама̄рин
Ӣлтэнды̄ туксугучӣн албаһичӣл,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатычӣл
Сӯ гэрбӣлэ̄һун эмэрӣтын
Дагамаран гуннэ
Синдӯ Эде̄н-Ё̄дяксит
Илдитпэ уӈрэн.
Тар е̄кун гунэкис,
Со̄ниӈил эмэрэктын со̄мкалмӣ,
Дюла̄кин ӈа̄латпӣ ӣксэ̄,
Со̄ӈку сумувӣ эӈнэгин эллэ̄рэ,
Коӈнорӣн улдэ колтотпӣ ӣксэ̄,
Эӈэһӣвӣ эӈнэгин манара.
Ё̄мӣ-кат илбиһилкэ̄н унигдама
Гидави не̄равка̄нигин,
Дю̄р дяпкун о̄ва̄тылка̄н
Алаӈатпӣ аһама̄нигнагин.
Албаһилка̄рдӯ албаһитпӣ,
Кулдюһалдӯ кувулгатытпӣ
У рэ̄тмӣ урэ̄тчиӈэ̄н гунэн.
Тар илдитпэ̄н инчӯнэ эмэксэ̄,
Элэкин-да̄ ом: дэгрӣ дэктэндэлкэ̄н
Дюр дэктылэ̄н уманин,
Мӯмэ сэ̄ксэ о̄кса̄, истын буга ивит,
Дыгин һалгалка̄н бимӣ, эрэгэмэ эһӣн соруна
Горо дӯндэ бивкӣ ивит.
Бугала̄вӣ со̄мат ӯта̄м,
Бӣ бугала̄вӣ аянна̄кта,
Сӯ бугадӯвар эмэ̄нмукэлду.
Кулдюһал кувулгатыл эктын ке̄йда,
Тыӈэлкэ̄ндук экэлду тыктэ,
Дялалка̄ндук экэлду судурдэ.
Буралия бурасты̄ бигин!» —
Эһит һуна̄т, тыкэ̄н гуниксэ̄,
Дылача̄ ю̄птумэвэ̄н ичэ̄һиниксэ̄,
Коӈнорӣн туксуӈдӯвӣ тэгэксэ̄,

Отец мой — родившийся и выросший
На верхнем небе Аихитмандя-старик.
Имя мое — Мэнгункэн, ездящая
На молодом коне — белой туче *,
Который не оставляет следов
На пушистом, глубиной в три пальца, снегу.
Если спросишь, зачем я пришла,
То [отвечу]: ваше имя *
Прогремело в трех мирах,
Еще дальше распространилась
Ваша богатырская слава.
Поэтому чужих миров
Сильные атаманы,
Хитрые, как уходящая туча,
Коварные, как убегающая туча,
Приблизившись,
Вам угрожают.
Тебе Эден Едяксит
Весть послала *.
Если спросишь, о чем [весть],
То [отвечу]: о том, чтобы с напавшими богатырями
Ты голыми руками не бился —
Иначе порвут они твои сильные жилы;
О том, чтобы ты не бился голыми кулаками —
Иначе они истощат твою силу.
Направь вперед коварное
Смертоносное копье.
Пусть твой дваждывосьмисаженный лук
Вдогонку пошлет [стрелы]!
На хитрость [отвечай] хитростью,
На коварство — коварством,
На уловки — уловками», — сказала [девушка].
«Я пришла, принеся эти советы с собой,
Всё! Костный мозг
Двух крыльев крылатой птицы
Превратится в жидкую кровь, пока она доберется до [этой] страны!
Четвероногий даже бы не решился [идти сюда], —
Далекая эта страна, оказывается.
Я очень спешу в свою страну,
В свою страну отправлюсь-ка,
Вы в вашей стране оставайтесь!
Пусть коварные хитрецы [тебя] не одолеют,
Широкогрудые не повалят,
Имеющие крепкие суставы — не столкнут!
Прощайте на долгие годы!» —
Сказав так, эта девушка
Взглянула на восход солнца,
Уселась на черную тучу *

Ӈэнэвкэ̄ндеhинчэн уhу.
Мит бэеӈит
Иhāрдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н,
Тарā дōлдыксā, тыкӯликсā,
Игим сэксэн ēhалāн истан,
Ниравӣ сэксэн нēвардулāн истан,
Уhук сэ̄ксэн урлэ̄н тыктэн.
Эр минӈэчӣн бэевэ,
Ама ӣдук эмэксэ̄л,
Бӣ сумут сумувув мултэвкэ̄нды̄
Илан Сивӣрдӯ āчин бимчэ бичэ̄н.
Эр ӯгӯ буга аhāкāнин
Ӯгӯ бугадӯ балдычā биhим гуннэ
Минэвэ сэнэ̄рӣн ēдӯ сōтаран
Гуннэ тыкӯлчā биӈэт.
Де бӣ нуӈанмāн
Ӣлэ̄-дэ̄ истакин, боконикса̄,
Сэнэ̄кэ̄тнэ эвӣнэвэ̄н
Бокончӯдиӈāв бōллага гуннэ
Тулуйдиӈāн гунчэрӣвӣ сэппӣ тэринилчэ̄,
Манды гунчэрӣвӣ тэтты тэты̄лвӣ тэтчэ̄.
Тар некэксэ̄ тыкэ̄н гуннэ
Тӯрэ̄чӣ-сэhэчӣ ōдяча уhу:
«Гирōкāнин-гирōкāнин!
Ӯгӯ бугадӯ ōскēчэ̄
Эдēн-Ēдяксит энилкэ̄н,
Айhитмандя̄ амилкāн
Мэ̄ӈункэ̄н гунмурӣ киливлӣ,
Ноноптын дорōво бигин,
Амаргӯн улгӯр ōгин!
Ӯгӯ бугадӯ ōскēмнил
Ӯгӯ буга мāтāлин,
Ӯгӯ бугадӯ балдычāт гуннэл
Сōт-тā сэнэ̄рил биhис ивит.
Минэвэ ӈи, эмэксэ̄,
Эмник оронмогочӣн
Улгэ̄р элгӯрит уhӣвуксэ̄,
Иhāрдан дэвсэлкэ̄н нэ̄мэ̄вэ тāниксā,
Ӈӣ курбувчуну эвӣксэ̄,
Минэвэ кēйдиӈāн гуннэл,
Горо бугадук илдитпэ
Эмувчэ̄л бинэл-бинэл.
Тавар тӯрэ̄нды дю̄гӯдӯн
Ӈонум удявас удядиӈāв,
Эмӈэ ӣрвас кэрийдиӈэ̄в,
Няӈнялā дэгиликсэ̄, этэ̄нды суптыра,
Дӯндэлэ̄ тимириксэ̄, этэ̄нды сэ̄мдэ!

И умчалась, говорят.
Наш человек,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Услышав это, рассердился:
Горячая кровь ударила в сердце,
Густая кровь хлынула в живот!
«К такому человеку, как я,
Кто сможет прийти!
В трех мирах не найдется никого,
Против кого мои сильные жилы
Оказались бы слабыми!
Эта девушка из Верхнего мира
Думает, что, родившись в Верхнем мире,
Она может сильно унижать меня», —
Говорил он, сердясь.
«Вот я ее догоню,
Куда бы она ни ушла!
За то, что она мной, играючи, пренебрегла,
Я ей отомщу!» —
Думая [так], приготовил снаряжение попрочнее,
Из надеваемой им одежды надел что покрепче.
Сделав это, заговорил,
Такие слова сказал:
«*Гироканин-гироканин!*
Красавица по имени Мэнгункэн,
Родившаяся в Верхнем мире
От матери Эден Едяксит,
От отца Аихитманди!
Сначала привет,
Потом разговор!
Богатыри Верхнего мира,
В Верхнем мире выросшие,
Думают, что, родившись в Верхнем мире,
Они могут быть гордыми.
Кто это задумал прийти,
Чтобы меня победить,
Как необученного оленя,
Обуздать меня плетеной уздечкой,
Натянуть на меня расшитое-разукрашенное седло,
Объездить, играючи?
Кто осмелился принести
Эту весть из далекой страны?
За такие слова
Выслежу тебя по длинным следам,
По широким следам твоим пройду!
Не убежишь от меня, улетев на небо,
Не спрячешься, провалившись под землю!

Де һуркэ̄н-куӈакāнма баканды бидиӈэн!» —
Гуниттэн.
Тарā дōлдыксā,
Егин дāрилкāн солкомо нӣриктэлкэ̄н
Солкондōр гунмурӣ
Мит бэ̄еӈит нэкунин
Акинтыкӣвӣ дюр алтама
Гилдыкāнӈачин ēһалдивӣ ичэтчэнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ-сэ̄һэчӣ ōдярдага:
«Дэгрӣ-дэгрӣ дэгрӣмōй!
Дулин буга букатырин
Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н,
Акин гундӣ акинми,
Ēкун ōксā, тыкӯлинды?
Тыкӯлдӣс ēдӯ сōтаран,
Сӣ гэрбивэс суксатмӣ
Уһōмдок эчэ̄н эмэрэ.
Эдēн-Ēдяксит һунāдин
Мэӈункэ̄н киливлӣ гунмурӣвэ
Ēкун уһавāн сāкса,
Тыкэ̄н ōданды.
Митпэ эвэнкӣ тэкэнин ōрӣдӯ
Соруян аялā иһивдāвӣ
Кувулгатылдӯ эктын кēиврэ
Гуннэ сāвкāндярӣлва
Тыкӯлдӣс эһин ситана.
Һэргӯ буга аваһилин
Арāй тавадук тыкӯлдāтын элэкин.
Улōкит эһӣ тӯрэттэ,
Сӣ акинми бимӣ,
Инэмӈэ̄пты инэӈӣдӯ
Ӣлэ̄-кэт экэл сурурў.
Эһит һунāт улгучэ̄ннэлин
Сōниӈилин инэмӈэ̄птывэ
Энэл ӣлтэнэ эмэдиӈэ̄тын.
Сӣ ӣлэ̄-вэл сурурукис,
Бӣ эмукин дюдӯвӣ бидерэкив,
Эмэксэ̄л, сӣ āчиндӯс
Һулэптэ̄рвэс һӯвдиӈэ̄тын,
Колумтарвас уркӯдиӈāтын.
Балдыдяк бугавӣ мулāнды бимӣ,
Ӣлэ̄-кэт экэл сурурў», —
Гуниттэн.
Мит бэеӈит: «Сӯ ēкунма
Садяс, бӣ дюлэдӯв
Сāдиӈāтын — эһим гунэ.
Тавар-дā ӯгӯ буга һунāтпāн

Такой паренек тебе попался!» —
Сказал [Дэвэлчэн].
Услышав это,
Сестра нашего человека
По имени Солкондор
С девятисаженной шелковистой косой,
Посмотрела на брата двумя светлыми как медь,
Похожими на кольца глазами,
Сказав такие слова:
«*Дэгри-дэгри дэгримой!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Старший брат, родной брат мой!
Что случилось, отчего ты рассердился?
Ты так сильно сердишься,
А она ведь приходила не для того,
Чтобы опорочить твое имя.
Что ты узнал плохого
О дочери Эден Едяксит,
Зовущейся Мэнгункэн-красавицей,
Почему ты так сердишься?
Нас предков эвенков,
Она ведет только к хорошему.
Как не допустить победу коварных,
Она дала нам знать, рассказала,
Нельзя на нее сердиться.
Только *авахи* Нижнего мира
Из-за этого могут сердиться.
Ты, не говорящий неправды
Брат мой,
Сегодня
Не уходи никуда!
Богатыри, о которых
Говорила та девушка, сегодня
Не обойдут нас, придут непременно.
Если ты уйдешь,
А я останусь дома одна,
Они придут без тебя,
Перевернут свой очаг,
Развеют пепел.
Если ты жалеешь родную свою землю,
Не уходи никуда!» —
Сказала она.
Наш человек [сказал]: «Да что вы знаете?
Не думаю, чтобы
Вы узнали что-то раньше меня!
Если не погонюсь

Эчэ̄лӣвӣ аһара
Дулин бугавӣ гиркучим.
Аһа̄тка̄рва, сунэвэ, тэде̄ксэ̄,
Ӣдук эмэӈэ̄тыл оге̄ӈа̄лва этэвутчэдиӈэ̄в», —
Тыкэ̄н гунэн-дэ̄
Мэӈумэнде̄ киӈлэ̄лбӣ тэттэн,
Мэӈумэ пана̄гавӣ инӣһинэн,
Алаӈавӣ ча̄варӣһинан-да,
Адыра̄кӯн гиранӣкса̄,
Ла̄йдаӈмӣ баргӣла̄н истан.
Нэкунин, кэӈтырэ̄вэ̄н-ню̄н ичэксэ̄, эмэ̄нмурэн.
Де, эр бэе билир билирдук
Гиркудякӣчин дӯндэӈин бэйӈэн увӣликса̄,
Сӣксэ һактыралдяракин
Мэӈумэ пана̄гавӣ дя̄н имэннэдӯн
Дя̄н бэю̄нмэ уиксэ̄, эмэдердэгэ.
Эр эмэдэнэ дю̄вӣ ичэ̄т̄тэкин
Саӈнян-кат, е̄-кат а̄чин:
«А̄һиндын е̄дӯ эрдэтэрэн,
Нонон эвкӣ-дэ̄ а̄һина биӈкин», —
Гунчэнэ дю̄ла̄вӣ эмэксэ̄,
Ӣчэнэн биһэмдэ —
Е̄кун-да̄ девгэ̄ ирӣвнэн а̄чин.
Нэкунми ичэнэн бичэ̄,
Нэкунин һара̄нин дыклэ̄н
Ӯтэ̄нин умун эркинин
Эдерэгэр та̄нмуча̄,
Нэкунин ӣдӯ-кэт а̄чин.
Де эр бэе биһэмдэ
Элӣ-талӣ туксаран,
Эду-таду ичэттэн,
Нуӈан-да̄ бимӣ,
Долбо е̄кун удява̄н ичэдиӈэ̄н,
Е̄кун-да̄ удян а̄чин.
Е̄кун эһӣн ичэврэ, эмэксэ̄,
Тыкэ̄н мунэ тырэрэн гуннэ
Тар долбонӣва дурукка̄н
Энэмэ тэгэмкэ̄нэ туксалӣрдага.
Тар некэксэ̄кэ̄н комойновӣ со̄дӯн:
«Ӯмун умукта ӣдӯ эчэ̄н,
Һучэргэксэ̄, будэ», — гуннэ
Дюлэвӣ ӈэнэвкэ̄ндерэн ивит.
Тар-да̄ бичэ̄лӣн гунчэрэн:
«Ӣлӣ-да̄ ӈэнэнэвэтын энэ са̄ра
Дюлэ̄кӣвӣ туксарӣдӯв
Эӈэ̄т сатана бирдэгэ».
Ӯтэ̄ндулэ̄вӣ мучӯкса̄,
Ӯр нэкунин һара̄кла̄н

За этой девушкой Верхнего мира,
По Средней земле похожу.
Не стану же я дожидаться *огенга*,
Поверив вам, девушкам», —
Сказав так,
Он надел серебряные лыжи,
Надел на спину серебряную *понягу*,
Схватил свой лук.
Несколько раз шагнув,
Пересек свою *лайду*,
Сестра только спину его увидела.
Этот человек издавна
Ходил на охоту, и на его земле зверя поубавилось.
К вечеру, когда стало темнеть,
Он вернулся, привязав к десяти серебряным вязкам своей *поняги*
Десять диких оленей.
Подходя к жилищу, увидел:
Ни дыма, ничего нет.
«Спать что ли легла,
Прежде так рано не ложилась», —
Сказав так, он вошел в дом,
Осмотрелся: никакой еды
Не приготовлено.
Поискал сестру:
Над постелью ее
Одна стенка *утэна*
Была сорвана —
Сестры нигде нет.
Тогда этот человек
Забегал туда-сюда,
Здесь и там посмотрел.
Какие следы
Увидит он ночью? —
Никаких следов не было.
«Кто же пришел, невидимый,
И так нас обидел?» — подумал он.
Всю эту ночь
Пробегал он, не присев.
Так пробегав, сильно он огорчился
И направился прочь, сказав:
«Где одно яйцо,
Разбившись, не пропадало?» *
Все же подумал он:
«Куда они скрылись, я не узнал,
Вперед бежать,
Неразумно, наверное».
Вернувшись назад, к своему *утэну*,
К месту, где спала сестра,

Эдерэгэр та̄ннаватын
Аят сирийнэ ичэнэн:
Илан оһикта удягдан
Биһин ивит тадӯ.
Тарит дюлэвэ̄н ичэнэн:
Дылача̄ ӣктэткэ̄кӣн
Дэгилчэ̄ биӈэ̄т нуӈан.
Де тара̄ ичэксэ̄:
«Аһа̄тка̄р-куӈа̄ка̄р са̄нал улгучэ̄ндерӣлвэ
Мэ̄нми ура̄ча̄ бирдэгим.
Тар-да̄ бичэ̄лӣн, нуӈартын
Исналатын исчиӈа̄в гунчэчим», —
Гунэн-дэ эё̄нэ̄ бираӈӈӣ
Соло̄ко̄кӣ туксадярдага.
Эр туксакса̄-туксакса̄,
Эр бираӈин на̄лдын сигдылэ̄дӯн
Сӣвуктэ-амнӯнна оӈколко̄н
Аяма бугала̄ иһикса̄,
Горо гиркундӯ укчала̄ри укчакин
Мэ̄ндукки мэӈумэ нэ̄мэлкэн,
Мэндуккӣ мэӈун улгэ̄р нё̄гӯлка̄н
Мэӈты укчаккӣ дявакса̄,
Оёло̄н капка̄н этэкэнчэрэн,
Дылача̄ ӣктэткэ̄кӣн салайдан.
Мэӈты орон бараксан
Гиркунмар гиркурдакпут гунчэ̄гэчӣн
Гирамдан эюмуликсэ̄,
Һалганин һӣма̄ликса̄,
Дюлэвӣ ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Дю̄р борбуйдукин коӈнорӣн тукала
Һуиһинчэдемэрэн,
Дю̄р нё̄гӯдукин багдарӣн тамнакса
Һувуһинчэдемэрэн.
Эр бэе биһэмдэ
Горово-кот сурунувӣ эчэ са̄ра,
Дагава-кат сурунувӣ эчэ са̄ра.
Дэрумкӣктэ гуннэ
Эһӣ токто̄һина бэе о̄дан,
Ӈэнэвкэ̄нмӣ-нюн ӈэнэвкэ̄ндэрдэгэ.
Тар сигдылэ̄дӯн
Бугавӣ манаран бадага,
Һуӈтул бугал огонӣла̄тын та̄нмуран.
Дюгарва̄н бимӣ тыгдэдин са̄лдан,
Болорво̄н бимӣ бо̄ктaлдин са̄лдан,
Тугэрвэ̄н бимӣ иманадин са̄лдан,
Нэлкирвэ̄н бимӣ лэптэ̄ркэ̄ндин са̄лдан.
Эр ӈэнэдерэкин
Мэӈты укчакин илиһинчаран.

Над сорванной стенкой,
Он внимательно присмотрелся.
Там были только следы
Трех когтей.
Он посмотрел, как они
Располагались: к заходу солнца
Унесли [сестру], оказывается.
Увидев это, он [подумал]:
«Девушки правду сказали,
Я ошибался.
Все же, думаю,
Я их догоню». —
Сказал так
И побежал вверх вдоль своей большой реки.
Бежал, бежал
И между притоками этой реки
Достиг красивого места, где было оленье пастбище,
С травой и хвощом,
Своего верхнего оленя для дальних походов готового,
Родившегося с серебряным седлом,
С витым серебряным поводком,
Своего светло-коричневого оленя он поймал,
Ловко вскочил на него,
Направил в сторону захода солнца *.
Светло-коричневый его олень
Как будто понял, что предстоит поход:
Кости его от радости стали легче,
Ноги стали быстрее,
Он устремился вперед.
Под двумя задними его подколенниками
Вздымалась черная глина,
Под двумя передними его ногами
Клубилось белое облако.
Этот человек
Не знал, долго ли ехал,
Не знал, недолго ли ехал,
Не остановился, думая: «Отдохну-ка», —
Мчался дальше,
[Такой] он был человек.
Между тем,
Достиг он края [своей] страны,
Вступил в чужую страну.
Лето он узнавал по дождю,
Осень узнавал по граду,
Зиму узнавал по снегу,
Весну узнавал по пушистым хлопьям снега.
Ехал он так,
Вдруг встал светло-коричневый его олень.

Дю̄р се̄нмӣ эртыкӣ-тартыкӣ
Сэрбэлмӣгдэ ичэһиӈнэрэн,
Тар амардукин
Бэеды̄т тӯрэ̄чӣ о̄дан:
«Эӈтэвлэ̄нин-эӈтэвлэ̄нин!
Эвэнкӣ бэе иччирэ̄нми,
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр соӈку Дэвэлчэ̄н,
Бӣ бэеды̄ тӯрэ̄нмэв
Се̄ндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
До̄ла̄вӣ до̄лдыкал!
Умундӯ ӈэнэрӣт этэрӣн эмэрэн,
Минӈэчӣн орон со̄һу
Эрэгэмэ эһӣн гиркура
Эрӯл бугалин эмэрэ.
Эдук дюлэ̄скӣ илэ мэ̄ндивӣ
Гиркурӣла̄вӣ иһирдагиӈ.
Минэвэ эр бугадӯ
Ты̄никсэ̄, эмэ̄нэкис,
Оӈковӣ аямат оӈкоксо̄,
Сӣ бугаткӣвӣ мучӯрӣдӯс,
Ноноптыгачӣн бургуксо̄ бакалдымӣ,
Бугала̄вар аят иһимчалты.
Эр бугава ӣлтэнмурэкис,
Аӣ бэен со̄һувэ̄н девдегдэ̄вэр
Курбурӣл со̄һулкэ̄һэл бидиӈэ̄тын.
Мэ̄нмэс-тэ̄ ичэдэвӣ энэ уларитта
Илэ мэ̄ндиви гиркуракис,
Амӈагдатпар тэвэ̄сты̄л
Атама̄һал бидиӈэ̄тын.
Синдӯ суна̄т улгучэ̄ннэн
Турэ̄рвэ̄н энэмэ омӈоро
Со̄ӈкуӈилню̄нмӣ суксама̄ткал,
Атама̄һаӈилню̄нмӣ анӈалдыкал!
Дюр мэ̄рдуккэр һуечирдэкпут.
Бӣ айв миндӯ бигин,
Сӣ айс синдӯ бигин!
Тыӈэлкэ̄ндук экэл тыктэ,
Дялалка̄ндук экэл судурдэ,
Дю̄р һалгалка̄ндӯ дюлэвӣ экэл бӯрэ!» —
Гуниттэн эр орон биһэмдэ.
Тар амардукин мит бэеӈит
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Ӯкчактуккӣ тыкиксэ̄,
Мэӈун улгэ̄р нёгӯва̄н
Нэ̄мэн оёло̄н гарада̄ран,

Осматриваясь, стал двумя ушами прядать,
Туда-сюда прислушиваться.
После этого —
Заговорил по-эвенкийски:
« *Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин!*
Хозяин мой, человек-эвенк,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде!
Человеческим языком сказанные слова мои
Вкрути [себе] в уши,
Вбей в мозг,
Учуй нутром!
Вместе нам больше не ехать.
В пределы тех стран, куда мы прибыли,
Такой олень, как я,
Войти не может.
Теперь тебе придется
Идти самому.
Если ты отпустишь меня,
Оставишь в этой стране,
На пастбище я попасусь хорошенько.
Когда будешь ты возвращаться в свою страну,
Встречу тебя, откормившись.
Не заставляй меня
Входить в пределы этой страны,
Там есть скот, поедающий
Скот людей-*аи* *.
Не ходи таким, как ты есть,
Не изменив своего облика, —
Там есть чудовища,
Хватающие на лету разинутой пастью.
Сказанных тебе девушкой
Слов не забывай,
С богатырями бейся,
С чудовищами померяйся силами!
Мы с тобой расстаемся,
Моя судьба пусть со мной будет,
Твоя судьба пусть с тобой будет!
Пусть широкогрудые тебя не повалят,
Имеющие крепкие суставы — не столкнут,
Двуногие не одолеют!» —
Сказал этот олень.
После этого наш человек,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Спрыгнул с верхового оленя,
На седло бросил
Плетеный серебряный поводок,

Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ о̄ран:
«Гиро-гиро̄ гиро̄канин!
Мэӈтыкэ̄мэ укчакив,
Эр бугала̄ иһивдала̄вӣ
Минэвэ со̄т дэрумкӣвкэ̄нинды.
Тэдемэ бӣ гиркунма гиркурӣдӯв
Анал укчакив бирдэгиӈ.
Ноноптын баһӣва бигин,
Амаргӯптын алгис о̄гин!
Ёкума-кат ӣлтэнды туксугучӣн албаһилка̄н
Эгин синэ бакара,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатылка̄н
Эгин синэ ке̄йда.
Оӈковӣ оӈкокол,
Аят дэрумкӣкэл!
Минэвэ со̄ӈку бэе бинэ
Са̄ма тӯрэ̄нмэ эчэ тӯрэ̄ттэ гундиӈэ̄с.
Бӣ синдӯ эрбэлдэли эмэдиӈэ̄в гуннэ
Болдёрӣвӣ эчэв са̄ра.
Илан тугурук анӈанӣлӣ
Ёми-кат савка̄ндиӈа̄в!
Тадук ча̄гӯва̄н гиркудянал
Будэрӣӈӈи инэӈӣӈӈи эмэрэкин,
Иччилэк тӯрэ̄нмӣ эдындӯ уӈиӈнэкэл.
Ӣдӯ-дэ̄ бимӣ этэм ӣлтэнмурэ.
Бӣ нян синдӯ
Будыв эмэрэкин савка̄ндиӈа̄в», —
Гуниттэн эр орон һунӈира̄нин.
Тыкэ̄н гуниксэ̄, бэеӈку бэе
Дюлэвӣ ӈэнэвкэ̄ндерэн.
Орон со̄һун биһэмдэ
Оӈковӣ оӈконо эмэ̄нмурдэгэ.
Эр мит бэеӈит биһэмдэ,
Де эргӯ бугатын
Он биргӯн гуннэ
Чӯкава̄н-мо̄ва̄н ичэттэкин,
Дурукин того дэпнэгэчӣнин
Дӯндэлдулэ иһикса̄,
Ӈэнэвкэ̄нмӣ-нюн ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Дылача̄н бимӣ бе̄га-нюн ӈэрилӣвкэ̄ндынин
Буга ивит тар бугатын,
Ёкун-да һактыра бугалдула̄ истан,
Ӣдӯ-дэ̄
Олго̄кин дӯндэ а̄чин
Дурукин лэвэ̄ буга бивкӣ ивит.
Эһилэ эр ӈэнэдерэкин,
Эргӣт-таргӣт һоктол
Эмэнэл-эмэнэл колбосчо̄л ивит.

Сказав такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Мой светло-коричневый олень,
Ты донес меня до этих мест,
Я хорошо отдохнул.
И вправду ты можешь быть
Моим верховым походным оленем,
Сначала „спасибо“ * тебе,
Потом — *алгыс*!
Пусть не найдут тебя
Хитрые, как уходящая туча!
Пусть не одолеют тебя
Коварные, как убегающая туча!
Пасись на пастбище,
Отдыхай хорошенько!
Обо мне, сильном человеке, не скажешь:
«Прощальных слов не произнес».
Я не могу назвать тебе срока
Своего возвращения.
Но через три полных года
Обязательно дам о себе знать,
Что будет дальше, увидим.
Если придет день твоей смерти,
Вещие слова свои отправь с ветром,
Где бы я ни был, не пропущу их.
Тебе я тоже дам знать
О наступлении моей смерти», —
Сказал хозяин оленя.
Сказав так, человек-человечище
Пошел вперед.
Его верховой олень
Остался пастись на пастбище.
Наш человек
О чужой стране
Думая, какая она,
Шел и шел.
Добрался он до земли,
Где увидел
Деревья и травы, будто сожженные огнем.
Солнце светило как луна, —
Такой страной была та страна, оказывается.
Очень темных земель он достиг,
Куда ни ступи,
Нигде нет сухого места,
Сплошным болотом была та страна, оказывается.
Когда он шел [вперед],
Тропы с разных сторон
Стали сходиться, сходиться и слились.

Эр эмэксэ̄л син умун
Дылача̄ ӣктэткӣн сурувкӣ ивит.
Де тар һоктолӣ ӈэнэрэкин
Эрэгэмэ эмӈэливкӣ ивит ча̄скӣ.
Эр ма̄та̄ биһэмдэ
Эр ӈэнэдемнӣн умун
Ла̄мдула̄ истан ивит.
Тариӈин биһэмдэ
Е̄ва-да̄ эвкӣ ичэвкэ̄нэ
Тамнаксалка̄н о̄дан.
«Де ӣлтэнды̄ туксугучӣн албаһилкаһа̄л
Ле̄һэй * улӯһин буган гукӣчитын
Де эр эмэрдэгэ», — гунчэнэ-гунчэнэ,
«Суптырӣ туксугучӣн кулдюмал кувулгатыл
Бугатын одярдага», гуннэ
Дялдӯвӣ тыкэ̄н сэрэйнэ
Ӈэнэдерэн ивит арай.
Эр ӈэнэденэ уйде̄нэ ичэнэн,
Де е̄кун-да̄ гунды̄дӯ коловурӣа а̄чин
Нуӈанма̄н дэптыкэ̄кӣ
Һукэлчэденэ эмэдерэн ивит.
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н аят ичэнэн —
Нуӈан иланды̄нин һэгдыӈэ ивит,
Тар некэксэ̄ амӈавӣ а̄ӈа̄ча̄,
Ӣктэнде̄лвӣ бэлэкэчэ̄
Нуӈанма̄н амӈа̄һинда̄вӣ
Эмэдерэн ивит арай.
Мит бэеӈит биһэмдэ
Илан да̄рикталка̄н унигдама гидатпӣ
Энэ һэгдыӈэт бе̄ска̄тчара *
Дэ̄птыкӣ туксана эмэрэн-дэ
Гидави о̄лукмадӯн тыкиврэн.
Аркандя̄лӣн гидан дугэ̄н
Илан ӈа̄ла юһинчэкнэн гидала̄ран.
Һокто а̄нӈида̄ткӣн
А̄нӈу нюӈӣтпӣ эриһинэн,
Дюлэвӣ ӈэнэһинэн.
Тара̄ ӣлтэниксэ̄,
Горово-кот сурунувӣ
Энэ са̄ра,
Дагава-кат сурунувӣ
Энэ са̄ра
Һэргӯ буга ава̄һилтын
Билир-билиргидук каравулва нэ̄нэтын
Дюр я̄ӈ сигдылэ̄дӯн
Дыгиндя̄р дыгин һалгалка̄н
Дэлкэнмэ о̄кса̄л, нэ̄нэтын оё̄дӯн
Илан дыличӣ оксоку а̄деран ивит.

Слившись, все так же
Вели к заходу солнца.
Пошел он по той тропе,
Она становилась все шире.
Наш *мата*,
Продвигаясь вперед,
До моря добрался, оказывается.
Вокруг него
Из-за тумана
Ничего не было видно.
« Наверное, в этой стране живут
Одни племена чудовищ,
Хитрых, как уходящие тучи,
Очень коварных, —
Как убегающие тучи». —
Так размышляя, догадываясь,
Шел он.
Шел он, внимательно всматриваясь:
Ему навстречу
Катилось что-то
Ни на что не похожее.
Храбрый Дэвэлчэн внимательно присмотрелся:
Оно было втрое больше [него],
Да еще разинуло пасть,
Выставило клыки,
Сожрать его собираясь,
Приближалось, оказывается.
Наш человек
Не очень испугался,
Со смертоносным трехсаженным копьем
Побежал ему навстречу
И вонзил копье ему в грудь,
Так что кончик вышел из спины
На три пальца *,
Он спихнул его правой ногой
С тропы направо
И вперед двинулся.
Уйдя оттуда,
Долго ли шел —
Не знал,
Недолго ли шел —
Не знал.
Авахи Нижнего мира
Давно-давно охрану поставили:
Между двумя гольцами,
На сорока четырех сваях
Сделав настил, на нем посадили
Трехглавого спящего орла.

Мит бэеӈит тала̄ туксана истан-да̄
Алаӈандя̄вӣ мӣрэдуккӣ тыкиврэн,
Нюӈун кирӣлка̄н нюрвӣ нэ̄рэн,
Чагӯ се̄мактӯви та̄нина-та̄нина
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэлкэ̄н о̄дан:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄канин!
Илан дылилка̄н оксокундэ̄,
Эр бугала̄ е̄кун на̄далка̄н о̄кса̄,
Элэ̄ эмэксэ̄, һуклэ̄дэнды?
Ноноптын доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгӯр о̄гин!
Минэ ӣргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Ма̄та̄ о̄данды гунэкис,
Дулин буга букаты̄рин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н эмэм.
Инэмнэ̄пты инэӈӣдӯ
Будэрӣӈис инэнӣӈис эмэрэн.
Би һоктодӯв е̄кун синэвэ
Минэ мэһэйдэнэ нэ̄чэ̄н?
Эһиткэ̄н эделӣвӣ будэ,
Кэре̄с тӯрэ̄нмӣ тӯрэ̄ткэл!» —
Гунэн.
Тар тӯрэ̄ндулэ̄н
Илан дыличӣ оксокундэ̄
Илан дылвӣ илан муһэт угирдерэн.
Мит бэеӈит тӯрэ̄чивдерэ-дэ̄ энэ
һуругучо̄нин ӯрэ̄һинэн,
Чимиткӣча̄нин чипчӣһинан,
Бэрин игды̄ ӣгин
Дӯндэлэ̄ ниргииһинчэрэн,
Няӈняла̄ ӯһӯта̄һинчаран.
Илан дыличӣ оксоку илан дылин
Илан муһэ̄т һэтэкэнчэрэн.
Оксоку тар-да̄ бинэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ о̄дан:
«Дуӈир-дуӈир!
Дулин буга букаты̄рин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Ай эвэнкӣ букаты̄рин,
Дулин бугадӯ эмукин со̄ӈку балдыкса̄,
Минэвэ эрэйдук биһа̄нды.
һэргӯ буга аваһилин
Ӣлтэнды туксугучӣн албаһитпар,
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатытпар
Эр бугала̄ минэвэ эмувнэтын
Бара̄н со̄ анӈанӣ о̄дан.

Наш человек подбежал к нему,
Снял с плеча свой лучище,
Вставил шестигранную стрелу *
И, оттянув [тетиву] до уха,
Сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Трехглавый орлище,
Зачем ты в эту страну
Явился и лежишь здесь?
Сначала прими привет,
Потом начнем разговор!
Если спросишь меня:
„Кто ты, *мата*, по роду-крови?“ —
То [отвечу]: я богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде.
Пришедший день —
День твоей смерти!
Кто положил тебя на моей тропе,
Загородив ее?
Перед смертью
Говори предсмертные свои слова!» —
Сказал [Дэвэлчэн].
В ответ на это трехглавый орлище
Стал в три стороны поднимать
Три свои головы.
Наш человек не дал ему сказать:
Его большой палец взревел,
Мизинец взвизгнул,
Громовой раскат выстрела
Прогремел по земле,
Ухнул в небе *,
Три головы трехглавого орла
Разлетелись в разные стороны.
Все же орел
Сказал такие слова:
«*Дунгир-дунгир!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Эвенк-*аи*, богатырь!
Один ты сильный родился на Средней земле
Чтобы избавить меня от беды!
Авахи Нижнего мира
Хитростью, подобной уходящей туче,
Коварством, подобным убегающей туче,
Привели меня в эту страну
Много лет назад.

Тар бара̄н анӈанӣ устадӯн
Эр мо̄ дэлкэн оедӯн
Сунӈэчӣн со̄ӈкулва этэевчэнэл,
Эр эдӯ муӈна̄дяча̄тын.
Е̄ма-да̄ бугадук эмэчэ̄ со̄ниӈ
Минэвэ эчэ̄н ноноро.
Оhикталка̄н со̄ӈкуӈин
Бӣ бичэ̄в,
Тара̄ биhэмдэ сӣ, эмэксэ̄, ва̄лтанды.
Со̄ӈку о̄на балдынавӣ гэрбӣдӯн,
Бӯкив инӈактава̄н иhикса̄,
Тадӯ илан долбонӣлка̄н
Инэӈидӯ hуклэ̄кэл.
Де тар амардукин
Илан Сивӣрвэ ситэри гиркудиӈа̄с.
Би тэкэнми ай дэгӣн бичэн,
Сӣ тэкэнни ай бэен биhинды.
hэргӯ буга со̄ниӈилню̄нтын
Де гиркумка̄кал.
Дю̄р hалгалкандӯ дюлэвӣ экэл бӯрэ.
Дяла̄лка̄ндук экэл судурдэ,
Тыӈэлкэ̄ндук экэл тыктэ!
Буралия бурасты!» —
Гундерэн эр дэгӣ биhэмдэ.
Мит бэеӈит дэлкэн
Оёло̄н hэтэкэнчэрэн-дэ
Оксоку бӯкин инӈактадӯн
Илан долбонӣлка̄н инэӈидӯ
А̄кса̄, илдан.
Эр иликса̄кан, мэндӯн элэкинди о̄вча̄
Иhа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄н
Дурукин нуӈандӯн тыёлчэ̄,
Улдэдӯн улдэ hавупча̄,
Сумудӯн сумун hавупча̄,
Ноноптыдуккӣ дюрды̄н эӈэhӣлчэ̄,
Тар некэксэ̄, эр ма̄та
Иhа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Дюлэвӣ ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Де эр hэргӯ буга
Я̄ӈин гуннэ я̄ӈиӈин манавча̄ла̄н
Ча̄гӯлан иhикса̄, ичэнэн —
Син дулин бугагачӣн
Ӈэрӣhи дӯндэ эмэрэн.
Та̄ла иhикса̄кан,
Дуюды̄ дундэ̄дӯн
Ӈуӈанма̄н е̄рчэклин о̄ча̄,
Маӈады̄ дӯндэ̄дӯн

В течение многих лет
Они меня мучили здесь,
Заставляя на этом настиле подстерегать
Богатырей, подобных тебе.
Еще ни один богатырь из другого мира
Не мог опередить меня.
Я был сильнейшим
Из когтистых,
Но ты пришел и убил меня.
Раз ты родился силачом,
Выщипай мои пух и перья,
Полежи на них
Три дня и три ночи.
После этого тебе будет под силу
Пройти все три мира *.
Я родом из птиц-*аи*,
Ты родом из людей-*аи*.
С богатырями Нижнего мира
Сразись!
Двуногому не поддавайся,
Имеющему суставы не дай себя задержать,
Широкогрудому не дай свалить!
Прощай на долгие годы!» —
Сказала птица, оказывается.
Наш человек
Вскочил на настил,
Три дня и три ночи проспал
На орлином пуху и перьях
И встал.
Когда встал, вся его
Расшитая-разукрашенная одежда
Стала ему тесна.
К мясу его мясо прибавилось,
К жилам его жилы прибавились.
Стал он вдвое сильнее, чем прежде.
Став таким, этот *мата*,
Богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Вперед направился.
Когда он прошел гольцы,
Гольцы этого Нижнего мира,
Увидел: оказалась за ними
Светлая страна, подобная Средней земле.
Пока он до нее добирался,
Пришлось ему идти
По такой тропе,
Где в мягкой земле он
По бедра проваливался

Нуӈанма̄н һэнӈэклӣн о̄ча̄
һоктоē̄лӣ ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Эһилэ тар суруксо̄ко̄н,
Илан тэрэ̄н, һэгдыӈэл
Я̄ӈилдула̄ иһикса̄,
Ча̄гӯя мӣкэндӯн
О̄кин-кат эчӣн һокоргоро
Чӯкалка̄н бугала̄ иһикса̄,
Илэ мэ̄нин о̄кса̄, ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Эһилэ тар ӈэнэвкэ̄ндено
Аят ичэнэн биһэмдэ —
Дыгин кирӣлка̄н
Багдарӣн дё̄ло ё̄дук-кат ая ла̄йда
Дӯннэдӯ бэе ӈэ̄нэгэчӣнин бидерэн ивит.
Эр дё̄лово ичэксэ̄,
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н аят ичэнэн —
Де бэе о̄нагачӣнин кулӯһилкэ̄н * ивит.
Кулӯстукин дяваран-да
Дулӣа̄кла̄н дэлпэрэгэр та̄ндяран.
Эр дэлпэрэгэр та̄никса̄,
Аят ичэнэн биһэмдэ —
Нуӈан орондӯн
Со̄ аял оне̄л но̄марил бичэ̄л.
Тарилба бимӣ
Мит бэеӈит
Копконо-копконо,
Се̄птӯвӣ дынэ-дынэ
Комуйдярдага.
Тар некэдерэкин ӯгӣт
Илан гаһал, дэгнэ эмэксэ̄л,
Нуӈанма̄н илара̄ пэрӣһиннэ һариктакса̄л,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣл о̄дярдактара:
« Кимэ-кимэ̄ кимэ̄нин!
Нэкун гунды нэкнӣлби,
Эр-кэ ё̄кун аваһин, эмэксэ̄,
Ка̄ре̄н мула̄не̄-вал оне̄нилбат
Дё̄ромӣдяран, гадяран!
Тыкӯне̄-тэлбэне̄!
Со̄т һӣма̄т укунюрдо̄н мӯлкэ̄н
Амуткаӈла̄вар тыкмэлчэгэ̄т!
Талӣ бугала̄вар суптыга̄т!
Илан сивӣр сиктырдӯн
Ӈӣ таваргичӣн ма̄та̄ бичэ̄н биден.
Билир арай дулин бугадӯ
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Гунмурӣ букатыр биһин, гуӈнэрэ.
Тар бимӣ митпэ ӣлэ̄-дэ̄

В твердой земле
По колени проваливался,
Шел он так
И достиг
Трех одинаковых гольцов.
На вершине дальнего
Он достиг места
Где никто еще никогда не мял травы.
Превратился в себя самого * и пошел дальше.
Шел он так
И ясно увидел:
Четырехугольный
Белый камень, будто бы принесенный человеком,
Лежал на красивой *лайде*.
Увидев этот камень,
Богатырь Дэвэлчэн хорошо его рассмотрел.
На нем был замок, будто бы сделанный человеком.
Схватил он за замок, потянул, —
Посередине треснуло.
Когда от рывка треснуло,
Он ясно увидел:
Для оленя его
Удивительно красивые узорчатые накладки * нашлись.
Наш человек
Стал их
Мало-помалу отрывать,
Класть
В карман.
Когда он это делал,
Прилетели три стерха,
Три раза над ним покружили,
Послышались такие слова:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Сестры, родные сестры мои,
Что это за *авахи* пришел,
Наши узоры заветные
Забирает, ворует!
Какая обида, досада!
Поскорее опустимся на наше
Молочное озеро,
По нему скроемся в нашу страну!
Ни в одном из трех миров
Нет другого такого богатыря, как
Богатырь Средней земли по имени
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде:
О нем говорили еще в старину.
Если это он,

Эһӣ некэрэ ма̄та̄ бидиӈэн.
Со̄т сэрэнкэлду!» — гуниттэн.
Тар амардукин гаһатка̄р,
Укунюрдо̄н мӯлкэ̄н амутка̄ндӯвар тыкиксэ̄л,
Илара̄ка̄н ко̄лэһииксэ̄л,
Корголдюка̄р о̄кса̄л,
Амутка̄ндулӣ колугурка̄н тыктэ.
Мит бэеӈит тара̄ ичэрэн-дэ̄
Нуӈан нян били бӯктӯ а̄ча̄ бэе,
Ара̄һинай албаспа са̄рӣ о̄кса̄,
Илара̄ка̄н ко̄лэһииксэ̄,
Илан кирӣлка̄н сэлэкэ̄н о̄ран-да̄
Һэргискэ̄кӣ килигира̄дяһинан.
«Е̄кундула̄ тыким?» — гуннэ
Уйдэ̄нэ ичэнэн биһэмдэ —
Нюӈучӣ атӯр мурин кавкава̄н
Һэргиски дявавча̄гачӣн
Һэргискэ̄кӣ тыкрӣ һоктотын ивит.
Тар до̄ялӣн мит бэеӈит
Дюлэ̄скӣвӣ ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Нуӈан биксэ̄ удадиӈа̄н до̄ —
Дыгин дя̄р дыгин бӯгунай ка̄ртыва
Нэ̄вчэ̄гэчӣн эмӈэ урӣкӣттулэ̄ тыкрэн.
Эр тыкиксэ̄, нуӈан
Эртыкӣ-тартыкӣ ичэттэкин
Эр дю̄лдук дуруктукитын
Һэгдыгӯмэтын сэлэмэ дю̄ биһин ивит.
Эр дю̄ла̄ эмэксэ̄,
Эрэ̄ли гиркуна уркэен ичэттэкин —
Дегинӈидэ̄дуккӣ калгачӣ,
Ӯһикин туннукичӣ,
Аи бэен дю̄дукин
Адяс һуӈту о̄нӣчӣ о̄дан.
Тар дю̄ умун муннукла̄н
Эмэксэ, мит бэеӈит илитчардага.
Де эр дю̄ до̄дӯн
Бара̄н бэе тӯрэ̄нин
Дяпкая а̄чин до̄лдывуттан.
Тар-да̄ бинэ о̄н-да̄ гунды̄тин
Аят эһин до̄лдывра.
Соӈорӣтын-да, инерӣтын-да
Эһин тадӯ са̄вра.
«Эр е̄куды̄ тэгэ̄лдулэ̄
Исса̄ бирдэгим?» — гуннэ
Мит бэеӈит до̄лчатна илиттар о̄рдага.
Эр илитчана до̄лдыракин,
Арай умун бэе тӯрэ̄нин
Нуӈан аран до̄лдырӣдӯн

От него никуда не скрыться,
Будьте настороже», — говорили.
После этого стерхи
На молочное озерко опустились,
Три раза перевернулись,
Став оловяшками,
Со звоном погрузились на дно.
Увидев это, наш человек,
Который, поспав в пухе орла,
Разным хитростям научился,
Тоже трижды перевернулся,
Превратился в трехгранную железку
Со звоном вниз опустился.
«Куда я упал?» — подумал он,
Хорошенько оглядываясь вокруг.
Оказывается, там была вниз ведущая тропа,
Подобная вытянутому горлу
Шестилетнего жеребца.
По этой тропе наш человек
Пустился вперед.
Не задержавшись,
Опустился он на большое стойбище,
Словно из сорока четырех бубновых карт! *
Спустившись туда,
Посмотрел во все стороны.
Из всех чумов
Самым большим был железный чум,
Он подошел к тому чуму,
Обходя вокруг, поискал дверь.
Дверь открывалась слева,
Окно было поставлено наоборот *,
В сравнении с чумом человека-*аи*
Совсем по-другому было сделано.
К одному из углов этого чума
Подошел наш человек и остановился.
Внутри чума
Слышался неумолчный разговор
Многих людей.
В том разговоре
Ничего нельзя было разобрать.
То ли плакали, то ли смеялись, —
Понять нельзя было.
«К каким племенам
Я попал!» — подумал
Наш человек, прислушиваясь.
Тут он услышал
Человеческий голос,
Говоривший

Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дяран:
«Ловир-ловир ловирдо̄н!
Эһилэ-вэл, гиркиндē̄л,
Эмэкэлду эһилэ!
Е̄дук эри ӈэ̄лэнэл
Эвӣнмэр-дэ омӈороп.
Ниһайданнē, ниһайдēн
Делэдыннē, делэйды̄н!
Эдэ̄ил, эдэил, эмэкэлду, эвӣгэ̄т!
Ӈӣдук-ӈӣдук ӈэ̄лэрэс?
Дулин буга бо̄юнин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Е̄ма кувулгатитпӣ о̄кса̄,
Е̄ма албаһитпӣ о̄кса̄,
Эр бугала̄ эмэмсэк о̄диӈэ̄н гуннэл
Э̄һис элэ̄ умӣпта?
Со̄т-со̄т эмэксэ̄л,
Егин да̄рилка̄н солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солконда̄р киливлӣвар э̄рӣкэлду!
Няргул бэ̄юн укчакилка̄н
Со̄ниӈ Няргӯча̄н гунмурӣ
Ава̄һи атама̄нин акинмав
Со̄т-со̄т эмувмэлчэкэлду!
Нуӈартын а̄һипты̄н маладаһунтын *
Ирӣвуксэ этэрэн,
Со̄т-со̄т умӣпмалчакалду!
Онно̄гор ӯгӯ буга
Аимӈӯткар аһа̄тка̄ртын
Эмэксэ̄л, эдӯ бидерэ.
Мит-пэл о̄н этэ̄п умунуптэ!
Дулин буга букаты̄рин
Элэ̄ исты̄ е̄кун-кат
Албасӣа адяс а̄чин,
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н этэ̄н эмэрэ.
Эвӣгэ̄т, эвӣгэ̄т!» — гуннэ
Эр урӣкит до̄дӯн биһӣ
Ава̄һилва упкатватын
Э̄рӣрдэгэ эр ава̄һил атама̄нтын
Дегэ Ба̄бэ, гунмурӣ.
Эрэ̄ до̄лдыкса̄л, ава̄һил,
Эргӣт-таргӣт умӣвукса̄л,
Бэгинмэр Няргул со̄ниӈӈа
Дю̄р ӈа̄ладукин элгэнэ
Дю̄р ава̄һи букатырин
Тэрӣндукин туктывдерэ
Эр сэлэмэ дю̄ла.
Мит бэеӈит биһэмдэ

Такие слова:
«*Ловир-ловир ловирдон!*
А ну-ка, друзья,
Теперь подойдите!
Чего мы так испугались,
Даже игры свои забыли?
Нихайданне, нихайден,
Делэдынне, делэйдын!
Сестры, сестры, идите играть!
Кого, кого вы испугались?
Какими уловками,
Какой хитростью
Богатырь Среднего мира
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
В этот мир прийти сможет?
Почему вы не идете?
Быстрее, быстрее идите,
Позовите красавицу Солкондор
С девятисаженной шелковистой косой!
Быстрее, быстрее ведите
Атамана *авахи*, брата моего,
Богатыря, зовущегося Няргучаном,
Ездящим на молодом лосе.
В честь их свадьбы
Приготовлено угощение!
Быстрее, быстрее все собирайтесь!
Даже девушки-*аи*
Верхнего мира
Прибыли и находятся здесь.
Как же нам не собраться?
У богатыря Среднего мира
Храброго Дэвэлчэна
Нет таких хитростей,
Чтобы добраться сюда!
Поиграем мы, поиграем!» —
Говорила, созывая всех *авахи*
Того стойбища
Атаман *авахи* по имени
Дегэ Бабэ.
Услышав это,
Собрались отовсюду *авахи*.
Два богатыря-*авахи*
Господина своего Няргул-богатыря
За обе руки взяв *,
С двух сторон привели
В тот железный чум.
Наш человек

Нуӈартын дюлэдӯтын
Адяс улōр улдэтпӣ,
Адяс илэ мэ̄ндивӣ
Илиһинчаран ивит арай.
Бэгинмэр элгэдерӣл
Букатӣрил, олоксōл,
Ча̄ска̄кӣ һукэлтырэ.
Нярг̄уча̄н сōниӈ
«Татат! Татат!» — гуниксэ,
Нилбэкилкэ̄н дувукӣвӣ
Сэлэмэ кōлōлгочӣн санӈатпӣ
Тапканна-тапканна
Илан бē̄рэстэмэклэ̄
Амаргида̄тпӣ тэмтэрнэ суруксō,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н ōдяча̄ уһу:
«Ловир-ловир ловирдōн!
Дулин буга букатӣрин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтӣлкэ̄н
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н,
Ё̄кун-ё̄кун албаһитпӣ
Илэ мэ̄ндивӣ эмэркэс?
Ава̄һил атама̄ндӯтын,
Миндӯ аналичӣ бирдэгиӈ!
Урō-вонōн уровов!
Дё̄лив-соргув ōдан-ӈан!
Синӈэчӣн ая, дялум ичэдэчӣ
Айтка̄ндӯ эрэгэмэ а̄чин!
Егин дя̄н егин букатӣрва
Илэ мэ̄нми ба̄лтачав,
Няма̄вӣ дялупридӯв
Де тэде сōӈку ма̄та
Илэ мэ̄ндивӣ эмэнды.
Нэкун гунды нэкунмӣ
Ӯникин удява̄н удяна
Эмэчэ̄с бидиӈэ̄н-дэ̄
Тариӈис бимӣ миндӯ
Илачӣдуккӣ аналла̄кив,
Дючидуккӣ дювчавӈӯв,
Умучӣдуккӣ улдымӈӯв!
Мэ̄ндиви эмэчэ̄кӯн,
Бӯривӣ-эһивӣ улбӯтыкэ̄н улгӯркэл!
Бӯрэкис-кэт гачим,
Эһикис-кэт гачим!» —
Гуниттэн ава̄һи омолгин.
Мит бэеӈит нуӈанма̄н ичэтчэнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н ōдяча̄ уһу:
«Гирō-гирō гирōка̄нин!
Һэргӯ буга аваһилин атама̄нтын

Перед ними
В настоящем своем облике,
Сам собой
Предстал, оказывается.
Богатыри, которые вели
Своего господина, испугавшись,
Прочь отскочили.
Няргучан-*сонинг*
Закричал: «*Татат-тататl*» —
И ладонью своей, подобной железной лопате,
По коленям и бедрам
Стал себя похлопывать.
На три версты
Назад попятился,
Такие слова сказав, говорят:
«*Ловир-ловир ловирдон*!
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Какими хитростями ты
Проник сюда в своем собственном облике?
Ты достался мне
На съедение!
Вот радость мне, радость-то!
Счастье, удача мне!
Такого, как ты, жирного
Среди людишек-*аи* не бывало!
Девяносто девять богатырей
Я сам убил.
Чтобы стать сотым,
Настоящий, сильный *мата*
Сам явился.
Ты, наверно, пришел
Выслеживая по свежим следам
Младшую сестру, родную сестру свою?
Ей же
С трех лет суждено стать мне невестой,
С двух лет — хозяйкой моего чума,
С одного года — моей швеей!
Если ты сам пришел,
Скажи сразу, отдашь ее или нет?
Отдашь — возьму,
Не отдашь — возьму!» —
Говорил сын *авахи*.
Наш человек, взглянув на него,
Такими словами отвечал, говорят:
«*Гиро-гиро гироканин*!
Атаман *авахи* Нижнего мира,

Няргул бэюн укчакилкāн
Сōниӊ Няргӯчāн,
Нонoптын дорōво бигин,
Амаргӯн улгӯр бигин!
Минэвэ ӣргӣт тэкэлкэ̄н
Мāтā гуннэ эчэс мӣскэ̄ттэ,
Ōнавӣ буруйвӣ мэ̄нды сāнды.
Тар некэксэ̄
Мэ̄ндивӣ эмэнды гуннэ
Амӊалкāн ӣктэтпӣ тэвэ̄һинды.
Тадӯ бӣ бидиӊэ̄в дō —
Бӣ нян син букатыр
Гэрбӣлкэ̄н мāтā бичэ̄в.
Дёрсо синӊэчӣн аваһи
Атамāнин сатāн эһӣн тырэрэ
Эвэнкӣткэ̄н бичэ̄в бидиӊэ̄н.
Ката сӣ, аваһи гунмурӣ,
Аи бэен һунāтпāн
Аһӣявӣ гаксāкāн,
Аһӯн авдӯва иргинэвэ̄н ичэксэ̄,
Аһӯн һутэвэ балдывуксā,
Олоккӣ ōнавāн ичэксэ̄,
Дёрсо дёромоксō эмувуксэ̄
Бинэ-бинэ, тӯрэ̄лкэ̄н ōданды!
Эһиткэ̄н тавар илитчарӣ
Дӯндэӊдуккӣ ӣлэ̄-дэ̄
Экэл сӣ һаваһина!
Нонон алтамандя̄ алаӊандя̄тпӣ
Гарпана порōвайдāдиӊав *.
Тар амардукин
Дагат дяварӣ гидалдивар
Коӊнорӣн һāкиндӯвар тыкилдыдиӊэ̄т,
Тарил манавчāлāтын
Де дюлāкин колтолдивар
Улдэлкэ̄н-сэ̄ксэлдуккэр кōталамāтчиӊāт.
Илан сивӣрдӯ дӣор тэрэ̄ӊил
Эһилэ бакалдырап бидиӊэ̄н.
Дӣордук гē эрӣксэт
Этыргэрэкин-нюн этэрӣл
Мāтāл ōдап бидиӊэ̄н», —
Гуниттэн эр сōӊку Дэвэлчэ̄н.
Тыкэ̄н гуниксэ̄, мит бэеӊит
Āнӊӯ сēптуккӣ маннēт карчива
Сōт һӣмāт гамалчаран-дā:
«Дюлэдӯв мэӊумэ урэ ōкал!» —
Гуниксэ̄, гарадāран.
Тариӊин бӣһэмдэ
Мэӊумэ урэндē ōран.

Богатырь Няргучан, ездящий
На молодом лосе!
Сначала привет
Потом — разговор!
Ты ведь догадался
Откуда я родом,
И знаешь свою вину!
Зная это,
Все же думаешь
Поймать меня клыкастой пастью.
Разве я это снесу —
Я ведь тоже
Мата — богатырь!
Может и тебе, такому атаману *авахи*,
Меня, человека-эвенка,
Не одолеть!
Где ты видел, чтобы *авахи*
Взял в жены
Девушку людей-*аи*,
Развел скот,
Родил детей,
Стал жить?
Ты, как вор, похитил [сестру]
И смеешь еще разговаривать!
Теперь стой
На том же месте,
Не двигайся!
Сначала я испытаю тебя
Выстрелом из медного лука.
После этого —
Крепко держа копья,
Вонзим их друг другу в черные печени *!
Когда с этим покончим,
Голыми кулаками
Взыщем друг с друга крови и мяса!
Двое равных в трех мирах,
Мы встретились,
Чтобы прервалось
Дыхание одного из нас —
Такие мы богатыри!» —
Сказал богатырь Дэвэлчэн.
Сказав так, наш человек
Мигом вытащил из правого кармана
Серебряную монету
И бросил ее, сказав:
«Стань серебряной горой!»
Стала она
Серебряной горой.

Ча̄гӯ бэе мо̄ра баргӯдукин
Умун илӣкача̄нма
Тонңорогор та̄никса̄,
«Сэлэмэ урэ о̄кал!» — гуниксэ̄,
Дюлэдӯвӣ гарада̄ран,
Тариңин сэлэмэ урэ о̄ран.
Тар амардукин мит бэеңит:
«Куһӣн тэкэнмэ̄н о̄ча̄
Бугачӣвӣ биһӣдин де
Сӣ минэ нонон гарпакал!» — гуниттэн.
Ава̄һимнӯ биһэмдэ
Егин дяр бӯтылка̄н
Сэлэмэндē алаңандя̄вӣ
Аркандуккӣ тыкиврэн,
Егин кирӣлка̄н
Чугӯма нюриндя̄вӣ нэрэн,
Чугӯма урэңңӣ чолпорогор,
Мэңумэ урэңмэ̄н чолпорогор
Мит бэеңңэт иткӯчадяна
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэтчэрдэгэ:
«Ловир-ловир ловирдо̄н!
Егин дяр бӯтылка̄н
Сэлэмэ алаңандяв,
Дёлодук экэл дюлайда,
Мэңундук экэл мучӯра!
Дулин буга букатӣрин
Со̄ниң ма̄та̄ Дэвэлчэ̄н
Коңнорӣка̄н һакинин
Дулка̄кинма̄н бакакал!
Бӣ гэрбӣвэв экэл тыкиврэ,
Сураккав экэл сӯһарда!
Со̄нку ма̄та̄ Дэвэлчэ̄н,
Сӣ-дэ бимӣ бэлэкэкэл,
Сэп сурурун — сэрэнкэл!» —
Гуниттэн.
Тыкэ̄н гуниксэ̄кэ̄н,
Чугӯма урэню̄нди мэңумэ урэвэ
Чолпорогор гарпаран.
Мит бэеңит
Со̄нку ма̄та̄ Дэвэлчэ̄н
Нуңан бэрдӯн эчэ на̄вра —
Со̄т нимсат адагаксо̄ран.
Нуңан бэрдукин адаганна̄я
Сэлэмэ ка̄йдӯ ка̄йнаватын
Нэкунмӣ ка̄йдук ю̄вумдэк,
Ка̄й калтака эркинмэ̄н
Эдерэгэр һэкиһиниксэ̄,
Нэкунмӣ ча̄варӣһиникса̄,

Враг его за морем
Целую скалу
Своротил *.
«Стань железной горой!» — сказал,
Бросив ее перед собой.
Стала она железной горой.
После этого наш человек сказал:
«Из-за тебя началась наша битва,
Ты владеешь этой страной,
Поэтому стреляй в меня первым!»
Тогда *авахи*
Свой девяностопудовый
Железный огромный лук
Спустил с плеча,
Вложил девятигранную
Чугунную огромную стрелу,
Прицелился в нашего человека
Сквозь свою чугунную гору
Сквозь серебряную гору [Дэвэлчэна],
Так говоря:
«*Ловир-ловир ловирдон!*
Девяностопудовый
Железный мой лучище!
Пусть твоя стрела не страшится камня,
Не отскочит от серебра! *
Попади в середину
Черной печени
Богатыря Среднего мира,
Сильного богатыря Дэвэлчэна,
Не урони моего имени,
Не омрачи моей славы!
Сильный богатырь Дэвэлчэн!
Хоть ты такой [сильный], держись!
Летит стрела — берегись!» —
Сказал [*авахи*].
Сказав так,
Пробил он насквозь
Чугунную и серебряную горы.
Наш человек,
Сильный богатырь Дэвэлчэн,
Не попался его стреле,
Очень ловко он увернулся.
Увертываясь от стрелы,
Он отломил
Половину стенки железной темницы.
Из нее вышла его сестра.
Схватив сестру,
Он засунул ее

Āнӈӯ сēптӯвӣ дырэн.
Тадук пэрӣһиниксэ̄, эмэксэ̄,
Де алтама алаӈандя̄тпӣ
Чāгӯ сēмāктӯвӣ тāнӣна-тāнӣна
Тыкэн гуннэ турэ̄тчэрэн:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄кāнин!
Һэргӯ буга аваһин,
Няргул бэӧн укчакилкāн
Няргӯчāн со̄ниӊ букатыр,
Сӣ егин кирӣлкāн
Чугӯмандя̄ нюрбас адагам,
Би-кэнэ̄ гарпарӣв о̄дан.
Городывāн эмэчэ̄т, дагадын
Эмэ̄нмуксэ̄ бидерэн бидиӊэ̄н
Сэп сурурун — сэрэнкэл!
Со̄ӊку бэевэ энэ сāвкāна
Бāлтаран гундиӊэ̄с!
Тар амардукин
Алтама алаӊав,
Бӣ итчилэ̄к тӯрэ̄нмэв
До̄лāвӣ до̄лдыкал,
Сēндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
Илбиспэ инӣһикэл,
Дёлодук экэл дюлайда,
Чугӯндук экэл чугуйда,
Һэргӯ огēӊā омолгивāн
Коӊнорӣн һāкинмāн коӊдорогор ӊэнэкэл,
Адярай омолгивāн экэл адагавкāна!» —
Гуниттэн эр мит бэеӊит.
Тыкэн гуниксэ̄, со̄ӊку Дэвэлчэ̄н
Һуругучо̄нин ӯрэ̄һинэн,
Чимиткӣчāнин чипчӣһинан,
Бэр ӣгин ниргииһинчэрэн.
Аваһи омолгин
Угискэ̄кӣ адагакта гундерэкин
Нюӊун кирӣлкāн нӧр, эмэксэ̄,
Һэнӊэмиēвэ̄н дэлпэрэгэр ӊэнэрэн.
Аваһи омолгин биһэмдэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ о̄дяран:
«Ловир-ловир!
Дулин буга бо̄юнин,
Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэтылкэ̄н дэгилтэр со̄ӊку Дэвэлчэ̄н
Ӣлтэнды туксугучӣн
Деӊкир дивилгэт ивит,
Суптырӣ туксугучӣн
Кулдюн кувулгат ивит.

В правый карман.
Потом повернулся, подскочил,
Свой медный огромный лук
Растягивая до самого уха,
Сказал такие слова:
« *Гиро-гиро гироканин!*
Авахи Нижнего мира,
Богатырь Няргучан-*сонинг*, ездящий
На молодом лосе!
Я увернулся от твоей
Чугунной девятигранной стрелы,
Теперь сам выстрелю!
Мы прошли [в поединке] больше,
Чем нам осталось!
Летит стрела — берегись!
Ты не скажешь, что я напал
На сильного человека без предупреждения!»
После этого —
« Мой медный лук,
Мои вещие слова,
Учуй нутром,
Вкрути [себе] в уши,
Вбей в мозг!
Не знай жалости!
Пусть твоя стрела не страшится камня,
Не отскочит от серебра!
Пронзи, пробей черную печень
Сына *огенга* Нижнего мира,
Не дай увернуться сыну *адярая*!» —
Сказал наш человек,
Сказал сильный Дэвэлчэн.
Его указательный палец взревел,
Мизинец взвизгнул —
Раздался грохот выстрела.
Когда сын *авахи*
Собирался отпрыгнуть —
Шестигранная стрела долетела,
Раздробила ему колено.
Тогда сын *авахи*
Сказал такие слова:
« *Ловир-ловир*!
Богатырь Средней земли
Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде,
Как уходящая туча,
Неуловимый и хитрый, оказывается,
Как убегающая туча,
Очень коварный, оказывается.

Гарпарӣн-да̄ е̄дӯ эӈэһитэрэн
Тӯрэ̄нин-дэ̄ е̄дӯ сэттэ̄ктэрэн * !
Минэвэ ичэтчэнэ
Ка̄ре̄н мула̄не̄-вал һалгандя̄вав
Дэлпэрэгэр гарпаран!
Соӈомо̄-вал сорулви!
Тыкӯне̄-тэлбэ̄не̄ биргэнде̄в!
Де, тар-да̄ бичэ̄лӣн,
«„Һуркэн-куӈа̄ка̄н дялин
Дёлодук-да̄, чугӯндук-та̄
Эгин бе̄лда гуннэл
Билир угэ о̄ча̄н,“ — гуӈкитын.
Де тарит бимӣ
Энэ эгин-дюһун о̄ра
Илэ мэ̄ндивӣ эмэкэл!
Коӈнорин улдэ колтолдивар
Ӣлдымкэ̄гэ̄т!» — гуннэ
Тэпкэдердэгэ.
Мит бэеӈит,
Мэӈумэ урэ̄ӈӈӣ какса̄,
Манне̄т карчи о̄вка̄никса̄,
Се̄птӯвӣ дӣннэ̄э̄,
Де бэеӈлэ̄вӣ иһирдага.
Де эр бакалдыкса̄л,
Егин дя̄н бӯтылка̄н тыевурдивэр
Һоро̄н һоро̄ндула̄вар иктэлдынэл
Илкидердэктэрэ * эр ма̄та̄л.
Тариӈитын-кат илалдадӯ-нюн ӈэнэксэ̄,
Капурагар сурурун.
Ӣлӣ-талӣ дэлпэлмӣгдэ иктӯмэттэ.
Тариӈилвар гарачикса̄л,
Онӣгдама гидалвар ча̄варӣра.
Коӈнорӣка̄н һа̄кинты
Дулка̄кинтын гуннэ-гуннэ
Дэ̄птыкӣмэ тыкилдыдерэ.
Тариӈитын-да бимӣ
Дю̄р доӈото калан
Эделӣн-кэт ирдэ
Ёкун-да уян сэлэкэ̄ӈӈэчӣн
Токчоконовотын угискэ̄кӣ гаратта.
Тар амардукин
Дя̄н чараткӣлка̄н колтолдивар
Де тыкилдырэ.
Де тэпкэнэл-тэпкэнэл,
Буктaлдака̄н иктэлдынэл
Бучӯкин мо̄ва буктарагар,
Ня̄ликин мо̄ва нялбурагар
Иедэ̄ктэмэ̄тнэл тэрэ̄ӈкэ̄кӣ куһӣдердэктэрэ.

С какой силой он стреляет,
Слова же его несут несчастье!
Глядя на меня,
Не побоялся он раздробить выстрелом
Мою бедную ногу!
Слезы и горе мне,
Обидно-досадно мне!
Все же
Издавна говорится,
Что паренек в мыслях своих
Не должен бояться
Ни камня, ни чугуна.
Поэтому ты,
Не хитря,
Подойди сюда.
Попробуем биться
Голыми кулаками!» —
Кричал [*авахи*].
Наш человек
Серебряную гору убрал,
Превратил ее в монету,
Сунул в карман,
Подошел к противнику.
Они сошлись,
Стали биться,
Колотить друг друга по макушке
Девяностопудовыми посохами.
Посохов хватило всего на три дня —
Разбились они в щепки,
От ударов раскололись,
Посохи они бросили,
Смертоносные свои копья схватили,
Ринулись навстречу друг другу,
Нацеливаясь в середину
Черной печени.
Копья эти —
И двум котлам мерзлого [мяса]
Не успеть бы свариться * —
Погнулись, словно незакаленные железки,
И они их отбросили.
  После этого —
Сжатыми в кулаки десятью пальцами
Стали они биться,
С криком-ревом
Избивая друг друга,
Сухие деревья дробя в щепки,
Растущие деревья валя на землю.
Равные по силам, бились, словно рогами.

Аһӯнма-дā бōюндāснавар
Энэл сāра тэрэ̄ӈкэкӣ куһӣденэл
һэ̄е̄ һэ̄е̄лвэр кип-кап нāлдыра.
Тадӯ илиһинчаксā,
Эр сōӈкӯ Дэвэлчэ̄н
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ ōдяран:
«Гирō-гирō гирōкāнин!
һэргӯ буга авāһин,
Няргул бэюн укчакилкāн
Няргӯчāн сōниӈ гунмурӣ,
Умун һуӈту буга букаты̄рин гуннэ
Каридӯвӣ, нюӈӣдӯвӣ уе̄чомкōм-дэ
Эһӣлэ̄вӣ тэрэ̄рэ иһинды.
Эһиткэ̄н бӣ илды̄в
Инэӈӣӈив эмэрэн.
Миндук е̄ва коргутчанды,
Энэдӯвӣ тэрэ̄рэ мэ̄ндуккӣ коргуткал!
Ноноптыва ōчā буруилкāн
Сӣ мэ̄нды бирдэгиӈ,
Ōрбэ һэлэкэ̄н ōрэгэһин ōрдагиӈ,
Онӣгдама гида кирāскāн ōрдагиӈ», —
Гуниттэн эр мит бэеӈит.
Тыкэ гуннэдӯн чāгӯ бэе,
Макчас некэксэ̄, кокōскава бӯрэн.
Тарā биһэмдэ мит бэеӈит
Ōлуктукин дяваран,
Нюркӯнчакнан калбарийдан,
Доӈото тукалава
Егин саһāмāктӯ, сиӈнэри гарадāран.
Āнӈӯ нюӈӣдӯн умундӯ балдычā
Дыгин ӈāла деелкэ̄н
Эмэр котокōндивӣ
Кавкавāн коӈдорогор тāнан.
Тариӈин биһэмдэ авāһи биксэ̄
Тӯрэ̄нэ̄ āчин эмэ̄нмудиӈэ̄н —
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н ōчā:
«Ловир-ловир ловирдōн!
Дулин буга бōюнин
Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н,
Кулдюн кувулгат, дӣкэй дивилгэт,
Эр минэвэ кāре̄н балдыдяк бугадукив,
Аймак нэкнӣл бэеӈилдукив
һуе̄нӈӣрэн, бāлтаран.
Будэрӣтын, энӯнды̄тын
Маӈа-дā бивкӣ ивит.
Эрэ̄ энэ сāра
Дулин буга букаты̄рнюнин

Сколько сражались
В равной схватке, не знали,
Когда сшиблись лбами, —
Остановились.
Храбрый Дэвэлчэн
Сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин*!
Авахи Нижнего мира
По имени Няргучан-*сонинг*, ездящий
На молодом лосе!
Тебя, богатыря другого мира,
Я поддержать старался руками и ногами —
Ты не выдержал.
Пришел день,
Когда я против тебя встану.
Не на меня обижайся,
На себя обижайся:
Ты не выдержал!
Ты сам драку затеял —
Теперь ты превратишься в кусочки железа *,
Окрасишь кровью смертоносное мое копье!» —
Сказал наш человек.
Когда это сказал, его противник
Низко присел и показал ему кукиш.
Тогда наш человек
Рванул его за грудки,
Отскочил — тот упал ничком
И в мерзлую землю
На девять саженей был вбит.
Взяв с правого голенища
Свой острый нож *,
С которым родился,
У которого лезвие в четыре пальца,
Дэвэлчэн перерезал врагу горло,
Но *авахи* не промолчал,
Сказал такие слова:
«*Ловир-ловир ловирдон!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн,
В расшитой-разукрашенной одежде,
Очень хитрый, настоящий оборотень,
Убил меня, вынудил распроститься
Со славной родной страной,
Со своими сородичами.
Умирать
Очень больно, оказывается.
Не зная этого,
С богатырем Среднего мира

Гугиниктэ * гуниксэ̄, ка̄рэ̄н
Балдыдя̄к энилкэ̄н аминдук,
Балдыдя̄к дӯндэдук
Эр-ты эһит һуечирдэгим!
Буралия бурасты̄!», — гуниксэ̄,
Эр-дэ̄т букэ̄кутрэн.
Мит бэеӈит, һэргӯ буга
Атама̄нма̄н ке̄йикса̄,
Чугӯма дылва̄н кӣһэ̄н урэлдӯ
Һукэлкӣкэ̄тнэ эвӣрэн,
Нюӈӣн гирамдалва̄н
Мо̄ра урускалдӯн умӣвран,
Эптылэ̄ндэ̄н гирамдадин
Эвэнкӣ дю̄кча̄н эр бигин
Гуннэ эвӣкэ̄ттэн.
Атама̄н биһим гуннэ а̄тырнан
Астыкйа-да̄ а̄чин ивит,
Со̄ӈку бэе биһим гуннэ сурагирнан
Со̄-да̄ сивсак * ивит гуннэ
Мит бэеӈит эр ава̄һи
Урӣкӣтын до̄дӯн биһӣ
Бо̄юһалватын упкатпатын гиркуран —
Нуӈанню̄нин гиркурӣ
Ӈӣ-кэт а̄чин оран.
Эр некэксэ̄, мит бэеӈит
Ӯгӯ буга айтка̄р аһа̄тка̄рватын
Де бакалдына̄рдагим гуннэ
Ӯр ӯгӯ дюдӯ бидэ̄клэ̄тын эмэнэн —
Нуӈартын биһэмдэ каяһак
Ӯгӯ бугала̄вар дэгдеһинчэл уһу.
Соӈку Дэвэлчэ̄н эһилэ
Айтка̄р букатӣрила,
Айтка̄р-кана̄ тэгэлэ
Гиркукса̄, ичэрдэгим гуннэ,
Солкондо̄р гунмурӣ нэкунмӣ
Сэ̄птӯвӣ аямат дыксэ̄,
Ӯр эмэдэ̄к һоктоливӣ
Угискэ̄кӣ туктыдеһинчэ̄.
Эмэнэвӣ удявӣ нуӈан биксэ̄
Аһӯндӯ исчиӈа̄н —
Һэргӯ бугала̄ тыккӣт
Һокто уркэлэ̄н иһикса̄,
Илэ мэнин о̄кса̄,
Нэкунмӣ ня̄н мэ̄ндин о̄вка̄никса̄,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ о̄дярдага:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Егин да̄рилка̄н
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н

Вступил я в сражение:
Вот сейчас я расстанусь
С родными матерью и отцом,
С родной землей
Распрощаюсь на долгие годы!» —
Сказал он так и тут же испустил дух.
Наш человек, одолев
Атамана Нижнего мира,
Чугунной его головой поиграл,
Покатав ее по ледяным горам.
Голенные его кости
Свалил на морской плавник,
Из реберных его костей
Поставил эвенкийский чум —
Так ими он поиграл.
Хвалился [Няргучан], думая: «Я атаман *авахи*», —
Зря хвалился, оказывается!
Думая: «Я славлюсь сильным богатырем», —
Напрасно хвалился, оказывается!
Наш человек со всеми богатырями *авахи*
Того стойбища
Померился силами, —
Не нашлось никого,
Кто бы с ним сравнился.
Потом наш человек
Повидаться задумал
С девушками-*аи* из Верхнего мира.
Пришел к чуму, где они находились —
А они уже улетели
В свой Верхний мир, оказывается.
Тогда храбрый Дэвэлчэн
Решил посмотреть
Богатырей-*аи*,
Племена-*аи* *.
Усадил хорошенько в кармане
Сестру свою по имени Солкондор
И тропою, которой
Спускался вниз, наверх отправился.
Пройденный путь
Разве долго ему снова пройти —
Идя по тропе, он достиг
Отверстия Нижнего мира.
Превратился в себя самого,
Сестре тоже вернул собственный ее облик
И сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Красавица по имени Солкондор
С девятисаженной

Солкондо̄р гӯнмурӣ киливлӣ,
Нэкун гунды̄ нэкунми,
Бӣ, сӣ удявас удяна эмэксэ̄,
Эмӈэ некэ̄вэс кэрийиксэ̄,
Синэ һэргӯ бугадук бакаксā,
Эһилэ эр бугалāвӣ мучӯдям.
Тар бинэ дялив аран итэгэс
Тар ёкун гунэкис —
Бӣ, синэ удяна эмэксэ̄,
Эр бугалā иһиксā,
Дыгин кирӣлкāн дёлово суксанав
Мит орон авдӯдӯт
Со̄ма элэкир онёлво бакачāв.
Тар онёлво гадяракив,
Ӯгӣт илан гаһа, тыкиксэ̄л,
Эр дулин бугадук
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н, эмэксэ̄,
Эр онёлво дёромӣдяран
Гуннэл улгучэмэ̄ттэ-кэт энэл
Укунюдо̄н мӯлкэ̄н амуттӯвар тыкчэ̄тын.
Тарил удялӣтын тыкиксэ̄,
Нонон исты̄дӯв бичэ̄тын.
Эмэдэ̄вӣ бакалдымнак некэнэв
А̄чин о̄да нуӈартын,
Тарит бӣ нуӈарватын
Ё̄мӣ-кат бакаракив элэкин.
Онёӈилатын суксачā бимӣ
Ай̄ бэелню̄нин ай̄лды̄т улгучэ̄мэ̄чимчэв.
Сӣ о̄н некэчинды:
Бугалāвӣ мучӯчинды-гӯ,
Миннӣон гиркулдычинды-гӯ?
Бугалāвӣ нонон исмӣ,
Дю̄ват дю̄вчамчас,
Орорвот ичэчимчэс,
Тарā мэнды сāкал,» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гуннэдӯн
Эр егин дāрилкāн
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солко̄кчо̄н гунмурӣ киливлӣ
Дя̄н чараткӣвӣ олдю-һолдю дявӯран,
Егин дāрилкāн солкомо ню̄риктэвӣ
Иларā-дыгрэ̄ игдыһинан,
Ё̄ва-ла уйдэ̄мкэ̄чэ̄ бэегэчӣн
Акинтыкӣвӣ ичэтчэнэ
Тыкэн гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дяран:
«Дэгрӣ-дэгрӣ дэгрӣмо̄й!
Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,

Шелковистой косой!
Младшая сестра, родная сестра моя!
Я пришел, выследив тебя по твоим следам,
Обошел все места, где ты была,
Нашел тебя в Нижнем мире,
Теперь в свой мир возвращаюсь.
Если спросишь,
Чего я хочу
То [отвечу]: когда я шел по твоим следам
И добрался до этого мира,
Я разбил четырехугольный камень,
На котором нашел накладки —
Очень они подходят нашим оленям.
Когда я собирал эти накладки,
Сверху спустились три стерха [со словами]:
„Это храбрый Дэвэлчэн пришел
Из Среднего мира
И ворует наши накладки".
Не сказав мне ни слова,
Они спустились [на дно] своего молочного озера.
Я спустился по их следам.
Сначала они там были.
Хотел я с ними встретиться,
Но они скрылись.
Поэтому мне
Непременно нужно найти их.
Если я забрал их накладки,
С ними, людьми-*аи*, как *аи* поговорил бы.
А что ты будешь делать, сестра:
Вернешься на нашу землю
Или пойдешь вместе со мной?
Если бы ты пошла сначала на нашу землю,
Стала бы жить в чуме,
Присмотрела бы за оленями.
Решай сама!» — так сказал [Дэвэлчэн].
В ответ на эти слова
Красавица по имени Солкондор
С девятисаженной
Шелковистой косой
Десятью своими пальцами пошевелила,
Три-четыре раза туда и сюда [гребешком] провела
По своей шелковистой косе *.
Как будто о чем-то задумавшись,
Посмотрела на брата
И сказала такие слова:
«*Дэгри-дэгри дэгримой!*
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,

Акин гунды̄ акинми,
Бӣ ая тӯрэ̄нмэв
Се̄ндӯвӣ силдыкал,
До̄дӯви до̄лдыкал!
Сӣ тавар гунды̄с элэкин —
Бӣ буга̄ла̄вӣ ӈэнэрэкив,
Ё̄мӣ-кат һулэкэ бидиӈэ̄н:
Сӣ мэ̄гдэс ӈэнэмӣ
Гиркунды һӣма̄лимча,
Ӯгӯ буга бо̄юһалтын
Мэ̄ртын-да̄ уда̄ бэе
Ке̄йан эһӣлин гиркура
Ма̄та̄л бука бидиӈэ̄тын.
Тавар сӣ улгучэ̄нды̄с һунӣӈилды
Ӯгӯ Бе̄гандā̄р этыркэ̄н һунӣлӣн,
Тар һунӣл некэечэ̄тын.
Тариӈилдӯс биһэмдэ
Мэ̄нды аналла̄кис
Умучӣдуккӣ улдымӈӯс,
Дю̄чидуккӣ дю̄вчамӈӯс,
Кила̄ма ню̄риктэлкэ̄н
Кила̄дий гунмурӣ киливлӣ
Адяс дёке̄ргӯтын биһин.
Тар һунӣл сӣ ӣлӣ гиркурӣвас
Са̄чадярӣл бидиӈэ̄тын.
Тарит-та синэвэ бодовнол
Һэргӯ бугала̄ иһивуктара
Де тар некэксэ̄ акнӣлтын
Ё̄мӣ-кат синдӯ ая эет
Нэкунмэр эһӣл бӯмӯрэ бидиӈэ̄тын.
Тара̄ аят улгучэ̄мэ̄тчиӈэ̄в
Гунми сӣ ӈэнэмкэ̄кэл.
Бӣ бугала̄вар ӈэнэктэ.
Сӣ айс синдӯ о̄гин,
Бӣ айв мэ̄ндӯв о̄гин!
Акин гунды̄ акинмав, синэвэ,
Эмэр тӯрэ̄лкэ̄һэл эктын тэптырэ,
Илбиһилкэ̄н икэ̄лкэ̄һэл эктын ке̄йда,
Тыӈэлкэ̄ндук экэл тыктэ,
Дюр алгалка̄ндӯ дюлэвӣ экэл бӯрэ.
Буралия бурасты!» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гуниксэ̄кэ̄н,
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солко̄кчо̄н киливлӣ
Илара̄ка̄н ко̄лэһис некэрэн,
Багдарӣн дэгӣткэ̄н о̄ран,
Дулин бугатка̄кӣвӣ ӈэнэвкэ̄ндеһинэн.
Тар амардукин

Старший брат, родной брат мой!
Слова мои
Вкрути [себе] в уши,
Учуй нутром!
Верно ты сказал:
Конечно, лучше
Вернуться мне на нашу землю.
Если ты пойдешь один,
Быстрее поспеешь.
Нерасторопным богатырям
Не справиться
С богатырями Верхнего мира —
Такие это богатыри.
Девушки, о которых ты говоришь, —
Дочери старика Угу Бегандара,
Эти девушки там были.
Среди них
Твоя суженая.
В первый год [от роду] ей суждено было стать твоей швеей,
В два года — хозяйкой твоего чума.
Имя ее — Киладий-красавица
С шелковистыми волосами,
Самая младшая из сестер.
Эти девушки все твои пути
Знают наверняка.
Поэтому они
Привели тебя в Нижний мир.
Но ее братья
Не отдадут тебе никогда
Свою сестру по-доброму.
Если ты надеешься уговорить их,
К ним отправляйся.
Я же на свою землю вернусь.
Твоя судьба пусть с тобой будет,
Моя судьба пусть со мной будет!
Старший брат, родной брат мой!
Пусть остроязыкие тебя не переспорят,
Пусть поющие проклятие тебя не одолеют!
Широкогрудому не поддавайся,
Двуногому не уступай!
Прощай на долгие годы!» — сказала [Солкондор].
Сказав так,
Красавица Солкондор
С шелковистой косой
Трижды перевернулась,
Превратилась в белую птицу
И к Среднему миру отправилась.
После этого —

Акинин сӧӈку Дэвэлчэ̄н
Тыкэн гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н ō̄дярдага:
«Гирō-гирō гирōка̄нин!
Нэкун гунды̄ нэкунми,
Егин да̄рикталка̄н
Солкомо нюриктэлкэ̄н
Солкōкчōн гунмурӣ киливлӣ,
Бӣ тӯрэ̄нмэв
Сēндӯвӣ силдыкал,
Дōдӯвӣ дōлдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл!
Ё̄дук-кат аят бугавӣ искал,
Ё̄ма-да̄ кувулгат эгин бакара!
Балдыдя̄к бугала̄вӣ иһикса̄,
Алаһа дю̄вӣ та̄никса,
Того эһэкэ̄вӣ илакса̄,
Орон сōһувӣ камуикса̄,
Дулин бугава ӈӣвэ-кэт
Экэл а̄тчӣвка̄на!
Миндук экэл ӈэ̄лэрэ:
Бӣ мэ̄нмӣ дюлэдӯвӣ
Омолгича̄н куӈа̄ка̄н гиркунма̄н
Дялумит гиркудиӈа̄в гунчэчим.
Тар ӯгӯ бугадӯ
Тэде аналла̄кив биһикин
Бакакса̄, гакса̄, эмэдиӈэ̄в.
Ӯгӯ буга бōюһалин
Аһӯн-да̄ сōӈкул бичэ̄литын
Син дяпкава бакана
Тэрэ̄ӈкэ̄кӣ гиркудиӈа̄в!
Сӣ бимӣ сигдылэ̄дӯ
Ӣлтэнды̄ туксугучӣр тōккуһэл,
Суптырӣ туксугэчӣр кувулгатыл
Һоктодӯс бакалдыврактын,
Ичилэ̄к тӯрэ̄нмӣ
Эдындӯ уӈиӈнэкэл!
Ӣдӯ-кэт бимӣ этэ̄м эндэйдэ,
Дōлдыкса̄, эрӣксэвэс эруһуйдиӈэ̄в.
Бӣ мэ̄нми кэ̄ӈтырэ̄в тыё̄ллэкин,
Ӈонум дялив урумӯлдэкин,
Ӈя̄н иччилэ̄к тӯрэ̄нмӣ
Синтыкӣ эдындӯ уӈдиӈэ̄в.
Һӣма̄т гиркумӣ — умун анӈанӣлӣ,
Дулинди гиркумӣ — дю̄р анӈанӣлӣ,
Ӈонумут гунмӣ — илан анӈанӣлӣ
Бугала̄вӣ мучӯдиӈа̄в.
Тардала̄н ё̄дук-кат аят бикэл!
Буралия бурасты̄!» — гуниттэн.

Ее брат,
Храбрый Дэвэлчэн,
Сказал такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин*!
Красавица по имени
Солкондор с девятисаженной
Шелковистой косой!
Мои слова
Вкрути [себе] в уши,
Учуй нутром,
Вбей в мозг!
Счастливо вернуться тебе на свою землю,
Не встретив коварного!
Добравшись до родимой земли,
Поставь чум-жилище,
Разведи огонь-дедушку,
Собери оленей,
Как будто бы я
Не покидал Среднего мира!
За меня не тревожься:
Я думаю, сам за себя постоять,
Путь, предназначенный юноше,
Я пройду как следует.
Если моя суженая
В Верхнем мире,
Найду ее, заберу и привезу.
Как ни сильны богатыри
Верхнего мира,
Я сумею их усмирить,
Побьюсь с ними на равных.
Если на твоем пути
Встретятся тебе
Грабители, хитрые, как уходящая туча,
Оборотни, коварные, как убегающая туча,
Свои вещие слова
Отправь с ветром!
Где бы я ни был, не пропущу их,
Услышу, дыхание твое спасу.
Если же у меня
Сузится широкая спина,
Укоротятся длинные мысли,
Мои вещие слова
Тоже отправлю тебе с ветром.
Если скоро мне суждено вернуться — вернусь через год,
Если не очень скоро — через два года,
Если суждено задержаться — через три года.
До тех же пор живи хорошо,
Прощай на долгие годы», — сказал он.

Тыкэ̄н гуниксэ̄, со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Ӯгӯ бугаткакӣ
Илан дӯндэлӣ эӈэептувчэ̄гэчӣн
Ала дэгӣткэ̄н о̄кса̄,
Угискэ̄кӣ ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Эһилэ дӯндэ богово манаран —
Ӯгӯ гунмурӣ бугатын
Тэде горо буга бивкӣ ивит.
һа̄дыл дӯндэлдӯ
Бэе дэ̄птыкӣ эһӣн ичэһинэ
Эӈэһӣ эдылкэ̄н, уһа муска̄тылка̄н
Бугал бивкӣл ивит.
Дюр е̄һадӯвӣ эргэмэ
Энэлвӣ ичэрэ дундэлэ̄ иһикса̄,
Ӈэнэвкэ̄нмӣ-нюн ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Эһилэ ӯгӯ бугала̄ иһикса̄,
Уйдэ̄нэ ичэнэн биһэмдэ:
Баргӯн эһӣ ичэврэ
Эмӈэ-дэлэй буга о̄дан
Эр бугатын биһэмдэ.
О̄кин-да̄ дылача̄ тогон
Эде̄кин горолдо буган о̄дан.
О̄кин-да̄ эһӣ һокоргоро
Чӯкалка̄н-мо̄лка̄н ая буга эмэрэн.
Эһилэ эргэчӣн бугала̄ иһикса̄,
Мит бэеӈит илэ мэ̄ндивӣ о̄кса̄,
Ӯгӯ буга дулиндулӣн
Эрэгэр дылача̄ ю̄ктэткӣн
Нуӈанма̄н биһэмдэ
Дую дӯндэдӯ е̄рчэклӣн,
Маӈа дӯндэдӯ һэнӈэклӣн о̄ча̄.
О̄кин-да̄ эһӣ сэмдэ
һоктое̄лӣ ӈэнэвкэ̄ндердэгэ.
Эр ӈэнэвкэ̄ндерэкин
Дюлгӣдин эр-ты һоктоко̄ндулӣ
Бугды̄ укчакилка̄н,
Бугды̄ а̄вулка̄н,
Бугды̄ коколдоко̄н,
Бугды̄ саӈиякилка̄н
Ма̄та̄ ча̄лба̄тка̄н тыевундивӣ
Мит бэеӈлэ̄т иткӯна̄нная
һуктувнэ эмэдердэгэ,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ о̄дярдага:
«Лирве̄-лирве̄ лирве̄я!
Эр е̄ма буга баянин
Гулун акталдун бургучо̄,
Ча̄лды акталдун каһарбуча̄,
Коӈнорӣн акталдӯн коӈно̄рбуча̄

Сказав так, храбрый Дэвэлчэн
Превратился в пегую птицу,
Будто в трех местах опоясанную,
К Верхнему миру,
Вверх направился.
Над многими странами он пролетел.
Страна, Верхней называемая,
Далеко была, оказывается.
В тех краях
Встречались опасные преграды,
Носились такие вихри,
Что человеку не устоять.
Достиг он страны,
Им не виданной,
А сам все летел и летел вперед.
Добрался он до Верхней страны
И стал осматриваться:
Краев не было видно —
Такой обширной-огромной страной
Была эта страна.
Свет солнца
Никогда ее не покидал.
Прибыл [Дэвэлчэн] в красивую страну
С нетронутыми деревьями-травами.
Добравшись до этой страны,
Наш человек стал самим собой.
Прямо к восходу солнца,
Держась середины
Верхнего мира,
Он направился
По торной тропе.
В мягкой земле проваливался по бедра,
В твердой земле — по колена.
Так шел он,
А навстречу ему по той же тропе,
На пестром олене,
В пестрой шапке,
В пестрых рукавицах,
В пестрой дохе
Мчался *мата*, угрожая
Нашему человеку
Березовым посохом,
Говоря такие слова:
«*Лирве-лирве лирвея!*
В какой стране живет тот, богач,
На [мясе] чьих серых оленей ты разъелся,
На [мясе] чьих белых оленей ты отрастил брюхо,
На [мясе] чьих черных оленей ты оброс жиром?

Ӈӣ гунмурӣ турулуе тӧккун,
Баралия баранāк эмэденды?
Ӈӣ-дэ бимӣ һоктово экэл мэһэйдэ̄рэ,
Сӧт тургэнди адагакал!
Эһикис адагара чāлбāткāн тыевундивӣ
Дулиндулӣс дэлпэрэгэр иктэксэ̄,
Дегинӈидэ̄вэс дегинтыкӣ гарадāдиӈāв,
Āнӈидāвас āнтыкӣ гарадāдиӈāв!
Эмӣ адагара бимӣ
Кэрӗс тӯрэнмӣ тӯрэткэл!
Буһӣк тэтывӣ тэткэл!
Колдюга укчаккӣ бакакал!» —
Тыкэ̄н гуниксэ̄кэ̄н,
Чāлбāн тыевундивӣ мит бэеӈнэт
һорӧмодун иктэдердэгэ.
Тар иктэнэдӯн биһэмдэ
Нуӈан чāлбāн тыевунин
Илан муһэ̄т һокорогор һурурун.
Мит бэеӈит ё̄ра-кат эчэ.
  Тар амардукин
Няликин ирэ̄ктэ калтакадӯнин
Ургэ һэгды тыевундивӣ
Чāгӯ бэевэ һорӧмодӯн иктэдердэгэ.
Тар иктэнэн чāгӯ бэе
Бугдӯ укчактай, мэтэй
Āнӈидāтпӣ һокто āнӈидāлāн тыктэн
Дегинӈидэ̄тпӣ һокто дегинӈидэ̄лэ̄н тыктэн.
Тар некэксэ, мит бэеӈит
Дюлэвӣ сурудюрдугу.
Нуӈан биксэ̄ удадиӈāн дӧ —
Бӗгандāр этыркэ̄н тӗргэндӗлэ̄н *
Тар-дāт исчаран бадага.
Эр бэе иӈāран гунчэнэлин
Инак сӧһул ӧда,
Умӣвувчā чӯка гунчэнэн
Мурин сӧһу ӧдан,
Чāлбӯг гунчэнэн
Чāлдыл актал ӧда,
Нӣвэ̄г гунчэнэн
Гулур актал ӧда —
Таргачӣн барāн
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄лкэ̄н
Этыркэ̄н ивит эр Бӗгандāр.
Де эр нимэ̄рлэ̄ иһиксā,
Мит бэеӈит, дю̄р дяпкун кирӣлкāн
Ампāр дю̄лāн эмэксэ̄,
Уркэдӯн илитчана тыкэ̄н
Гуннэ тӯрэ̄чӣ-сэһэ̄чӣ ӧдячā:

Что ты за злой грабитель,
Гнусный варнак *?
Кто бы ты ни был, не загораживай мне тропу,
Отойди поживее!
Если не отойдешь, я своим березовым посохом
Пополам тебя расшибу,
Левую половину брошу налево,
Правую половину направо!
Если отойти не захочешь,
Прощальные слова говори,
Погребальную одежду надень,
Погребального оленя найди!» *
Сказав так,
Он ударил нашего человека
Березовым посохом по макушке.
От удара
Березовый посох его
На три части разлетелся
Не ранив нашего человека.
После этого —
С половину растущей лиственницы
Огромным своим посохом
[Дэвэлчэн] ударил противника по макушке.
От удара тот человек [надвое раскололся]
Вместе со своим пестрым оленем.
Правая его [половина] упала справа от тропы,
Левая его [половина] упала слева от тропы.
После этого, наш человек
Устремился вперед.
Нигде не задержавшись,
К обширному двору старика Бегандара
Тут же прибыл.
Ему привиделись камни,
Оказалось — коровы,
Привиделись копны сена,
Оказалось — кони,
Привиделся березняк,
Оказалось — белые холощеные олени,
Привиделись тальники,
Оказалось — серые олени *.
Так много
Оленей, коней и коров
Было у почитаемого старика Бегандара
Наш человек вошел во двор, подошел
К дваждывосьмиугольному
Дому-жилищу *.
Остановился у двери
И стал так говорить-вещать:

«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Ӯгӯ бугадӯ балдыча̄
Ӯгӯ буга бэгинин
Бе̄гандэ̄р Баян этыркэн,
Сигӯндэ̄р Баян атырка̄н,
Эһэлби-гӯ гундем,
Амты̄лби-гӯ гундем,
Ӯркэвэр нӣксэл,
Дялум ирэндэдӯвэр,
Ая дюлэдӯвэр,
Доро̄вое̄ дявакалду!
Ноноптын доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгур бигин!
Эр минэвэ ӣргит
Тэкэлкэн-сэксэлкэн ма̄та̄, эмэксэ̄,
Доро̄волко̄н-улгӯрилкэн о̄данды гунэксун,
Дулин бугадӯ о̄ске̄чэ̄-тыва̄нча̄
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэн
Дэгилтэр со̄ңку Дэвэлчэн
Гунмурӣ дулин буга букатырин
Бӣ мэ̄ндивӣ эмэм.
Е̄кун һэгды на̄далка̄н о̄кса̄,
Эр бугала̄ эмэнэ̄нды
Гуннэл улгумӣвкӣл о̄даксун,
Сундулэ̄, сӯ гэрбилэ̄һун
Мо̄ра эңэһӣ эдындӯн
Мо̄йка̄н бэюнңэчин иктэвденэ
Бара̄н бугава аланна эмэм.
Сундӯ илан киливлӣдук дёке̄ргӯһун
Кила̄ма нюриктэлкэн
Кила̄дий киливлӣ гунмурӣ
Бӣ илачӣдуккӣ аналла̄кив,
Дючидуккӣ дювчамңӯв,
Умучӣдуккӣ улдымңӯв уһу
Гуннэ до̄лдыкса̄, соруйама
Горо бугава аянна̄на эмэм.
Гэеннӣмэнде̄ гэрбилэ̄һун гэгинденэ
Эр илэ мэ̄ндивӣ эмэм.
Мэнды е̄кунди иргиврӣ
Ма̄та̄ биңнэнды гунэксун,
Куруң урэлдук коңнорӣн
Кою инңакталка̄н сатма̄р
Эһэткэ̄рвэ бэйңэңнэм,
Оңкой урэл оелдуктын
Анамка̄рва бэйңэнэ амңавӣ иргиңнэм,
Ирэ̄г урэл ӣкэрдуктын
Ирэ̄ксэмэ нандалка̄н
Бургу иркин бэюнди

«*Гиро-гиро гироканин*!
Родившийся в Верхнем мире
Господин Верхнего мира
Старик Баян Бегандар,
Старуха Баян Сигундэр.
Дедушкой-бабушкой вас мне назвать,
Отцом-матерью вас мне назвать *,
Откройте дверь!
Вы с вашими добрыми мыслями,
С вашим приятным обликом,
Привет примите!
Сначала привет,
Потом — разговор!
Если меня спросите: „Откуда, *мата*,
Пришел ты с приветом и разговором,
Кто ты по роду-крови?“ —
[Отвечу]: родившийся и окрепший в Среднем мире,
Богатырь Среднего мира по имени
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Сам я к вам прибыл.
Какая такая нужда
Привела тебя в эту страну? —
Если попросите рассказать,
[Отвечу]: сильный ветер с моря
Пригнал меня к вам, к вашему имени,
Словно годовалого оленя-зверя *.
Я прибыл к вам, пройдя много стран!
Младшей из трех ваших дочерей,
Зовущейся Киладий-красавицей
С блестящими волосами,
С трех лет [от роду] суждено стать моей суженой,
С двух лет — хозяйкой моего чума,
С одного году — моей швеей, говорят.
Услышав об этом, я
Прошел много стран и земель.
К вашей славе, к вашему имени
Сам собой прибыл.
Если меня спросите:
„Чем ты, *мата*, питаешься?“ —
[Отвечу]: в горах, на лесных гарях
Я добываю черных
Густошерстных матерых медведей,
На вершинах сопок
Я добываю жирных лосей и кормлюсь.
В распадках гор, поросших лиственницей,
Жирных оленей,
Покрытых шерстью,

Иргиврӣ эвэнкӣ букатырин о̄дам.
Сӯ нӣдэгӯ һунаттула̄һун
Умучӣдуккӣ улдымӈӯевӣ,
Дю̄чӣдуккӣ дю̄вчамӈӯявӣ,
Илачӣдуккӣ аналла̄кӣавӣ
Улгучэ̄мэ̄тнэде эр эмэм.
Тара̄ сӯ о̄н гуниттэс,
Бӯрӣвэр-гӯ, эһӣвэр-гӯ минэ
Аян бэевэ̄н энэ ала̄чивчара,
Сирӣ бэевэ̄н энэ сирӣчивчара
Улбӯтыкэ̄н улгӯркэлду.
Миндӯ бӯрэксун, суна̄тпаһун
Амӈадин этэ̄м демӯливкэ̄нэ,
Тэтыдин этэ̄м синӈэвкэ̄нэ», —
Гуниттэн эр ма̄та̄.
Тыкэ̄ гуниксэ̄кэ̄н, уркэ
Нӣврӣен ичэчимкэ̄рэн-да̄
Бэе тӯрэ̄ттэн гуннэл
«Элэкин» гунды̄ а̄чин бадага,
Авдӯ эӈтэрэн гуннэл
«Һэй!» да̄ гунды̄ а̄чин о̄дан.
Бэебиһӣн-да̄, а̄чинин-да̄
Эһӣ са̄вра дю̄ о̄дан.
Тар мит бэеӈит дялва̄н
Со̄мат нюмукаран.
  Эр некэксэ̄ —
Дюрсу гēвна
Тӯрэ̄ттэ̄вӣ илитчаракин,
Эр буга эмӈэ мо̄ран баргӯдукин
О̄кта̄г урэ оегӣдукин
О̄кта̄г сигӣва намчӯлика̄н туксана
Умун ма̄та̄ нуӈантыка̄кин эмэлчэ̄.
Тара̄ аят уйдēнэ ичэнэн:
Илитты̄ мэ̄нин гугдан егин саһа̄н ӈонумулка̄н,
Дылача̄ткӣ илдакин
Дылача̄ва липкирӣ дарда̄лама аркалка̄н
Де букатыр ма̄та̄ нуӈанма̄н
Егин дя̄р бӯтылка̄н ня̄ликин ирэ̄ктэ
Калтакады̄нин тыевундēтпӣ
Иткӯна̄мнӣн туксана эмэдердэгэ.
«Кэ, эмэми багар эмэкэл!» —
Гуннэ мит бэеӈит
Этэвуһинчэнэ илитчаракин,
Эмэдерӣ бэе удадиӈа̄н до̄ —
Эр-дэт туксана эмэрэн-дэ̄
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дярдага:
«Лиӈкир-лиӈкир лиӈкирйэ̄!

Я, богатырь-эвенк, добываю.
О вашей младшей дочери, которой
С одного года [от роду] суждено стать моей швеей,
С двух лет — хозяйкой моего чума,
С трех лет — моей суженой,
Пришел я договориться;
Отвечайте быстрее,
Что вы на это скажете!
Отдадите ее или нет?
Не заставляйте ждать спутника,
Не задерживайте странника!
Если дочь за меня отдадите,
Я ей не дам голодать,
Не оставлю ее без одежды!» —
Сказал этот *мата*.
Сказав так, он подождал,
Не отворится ли дверь.
Никто не ответил ему: «Хорошо»,
Не подумал: «Человек говорит».
Никто не сказал: «*Хэй*»,
Не подумал: «Олень хоркает» *.
Есть в этом доме люди или нет их —
Было не понятно.
Это очень обидело
Нашего человека.
После этого —
Когда он стоял,
Повторяя [те же слова] еще раз,
С другого берега огромного моря той страны,
С вершины тальниковой горы,
Прибивая к земле тальниковую чащу,
К нему стал приближаться один *мата*.
Его [Дэвэлчэн] внимательно рассмотрел:
Тот был девяти саженей росту,
Поворачиваясь к солнцу,
Широкой спиной заслонял его.
Такой богатырь-*мата*
Стремительно приближался,
Угрожая девяностопудовым посохом
С половину могучей лиственницы.
Наш человек,
Ждал его, думая:
«Ну, подойди, если хочешь».
Нападавший человек разве мог задержаться —
Тут же к нему подбежал,
Сказав такие слова:
«*Лингкир-лингкир лингкирйэ!*

Дулин буга букатӣрин,
Иһāрдан-дэвэрдэн тэтӣлкэн
Дэгилтэр сōӊку Дэвэлчэн,
Нонoптывāн дорōвоё дявакал,
Амаргӯптын улгӯр ōгин!
Эр минэвэ ӣргӣт
Тэкэлкэн-сэксэлкэн мāтā, эмэксэ,
Доксунди дорōвонды,
Ургэһӣди улгумӣнды? — гунэкис,
Бēгандāр Баян амилкан бичэв,
Сигӯндэр Баян энилкэн бичэв.
Ōктāг урэ оёгдодӯн тӯмнэилкэн
Ōтāнӣ гунмурӣ букатыр биӊнэм.
Тавар сӣ олус-тā
Толōс тӯрэлкэн мāтā
Биһинды ивит.
Йдӯ-кэ батна гиркурӣ
Бōюн биһинды биргӯн!
Тавар элэ эмэденэ
Бӣ кāрēн акин гундӣ акинмав
Бугдӣ орон укчакилкāн,
Бугдӣ упкат тэтӣлкэн
Бōкалдын гунмурӣ мāтāва
Ёкун буруйва ōнадӯн
Дулиндулӣн доӊото мōӊиксā
Дэлпэгэкэтнэ эвӣнды?
Дюрсу тавар оёдӯвӣ
Нӣдэгӯ һунāтпавун аһӣлаксā,
Сурудōвӣ биденды дō?
Таваргачӣн бэедӯ бӣ-лэ мэнми
Тынис нандав эделӣн тэкэмдэ,
Катан гирамдав эделӣн һокōмдо
Эһим бӯрэ нэкунмӣ!
Миндӯ мэндӯв һулэкэ
Увагас сэксэвӣ уӊкулдыксэ,
Дырам гирамдавӣ һокоголдыксā,
Оӊкой дӯндэ буксэдин
Ōникāрбар ōлдыксāл,
Эӊэһӣтпӣ тӣтэксэ,
Эксэрӣвӣ эмӣ кэрэйдэ
Эһилэ эмэмкэкэл!» —
Гуниттэн.
Тыкэн гунэн-дэ чāгӯ бэе
Дагая-кат эчэ илиһинчара
Егин дяр бӯтылкāн
Доӊото ирэктэ тыевундивӣ
Мит бэеӊӊэт һорōмодӯн
Эӊэһӣмэт иктэдерэн.

Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн,
В расшитой-разукрашенной одежде!
Сначала прими привет,
Потом поведем разговор!
„Откуда ты, *мата*, прибыл,
Кто ты по роду-крови,
Почему с угрозой здороваешься,
Зло разговариваешь?“ —
Если спросишь, —
Тебе [отвечу]: мой отец — Баян Бегандар,
Моя мать — Баян Сигундэр,
Мое имя — богатырь Отани,
Ступающий по вершинам тальниковых гор.
Твои слова, *мата*,
Очень дерзки,
Прийти к нам как посмел
Такой богатырь, как ты?
За какую вину,
Направляясь сюда,
Ты играючи расколол пополам,
Как мерзлое дерево,
Бедного брата, родного брата моего
По имени одетый во все пестрое
Бокалдын-богатырь, ездящий
На пестром олене?
Вдобавок к этому
Ты собрался жениться на нашей младшей сестре
И хочешь с нею уйти!
Такому богатырю, как ты,
По своей воле я сестру не отдам, —
Пока не порвется моя прочная кожа,
Пока не раскрошатся мои крепкие кости!
По мне лучше
Пусть прольется наша жидкая кровь,
Пусть поломаются наши толстые кости!
Давай испытаем судьбу
Тальником из горных распадков.
Не стыдно тебе отбирать сестру?
Если хочешь жениться силой,
Подойди, попробуй!» —
Сказал богатырь.
Сказав так, этот человек
Долго ждать не стал:
Своим девяностопудовым
Посохом из мерзлой лиственницы
Ударил изо всех сил
Нашего человека по макушке.

Мит бэеӈит бимӣ
Нуӈан иктэрэн гуннэ
Дёкет-тā эчэ энӯнэ.
Чāгӯ бэе тадӯ:
«Эр минӈэчӣн бэе иктэнэдӯв
Эр бэеӈив сэ̄ён āды дӯндэлӣ
Дэлпэргэрэӈ-ӈӯ, чолпоргорн-ӈӯ?» —
Гуннэ аят ёруктаран-дā
Кумкэ̄-дэ̄ кикиһиннады̄нин
Аһакāнди-кат эчӣн һуларгара.
  Тар амардукин
Дюрсу гēвумдак дявиндяракин*
Мит бэеӈит э̄һилэ
Ōрдāк сэксэн ōлуклāн ōдан,
Бāрдāк сэксэн бэ̄лгэлӣн ōдан,
Ниравӣ сэксэн нēвандулӣн ōдан,
Игим сэксэн ēһалдулӣн ōдан;
Тыкӯлнавӣ сōдӯн
Дырамдулӣвӣ аран эчэ дэлпэргэрэ,
Нэмкӯндулӣвӣ аран эчэ этыргэрэ.
Дя̄н чараткӣдукин
Буюксу сэксэ чикнӣһинчэрэн,
Дю̄р чавургайдукин
Дя̄н сēрэ того дянӯһинчаран.
Де нуӈанмāн дэ̄птыкӣ
Егин дя̄н бӯтылкāн тыевундивӣ
Аямат тыкивты̄мэ̄чилдэн.
Нуӈартын биһэмдэ эр-дэ̄
Егин дя̄р бӯтылкāн тыевурвэр
Илан-дā доӈото калан
Ирды̄лэ̄н энэл иһивара элӣ-талӣ
Һоколмӣгда-дэлпэлмӣгдэ иктӯмэттэ.
Тариӈилвар гарачиксāл,
Илан тогōрикталкāн онӣгдама гидалдивар
Коӈнорӣн һакимадӯвар тыкилдыдерэ
Тариӈилтын-дā биһэмдэ
Надан-дā калан иринӈӣлэ̄н
Энэ иста уян сэлэкэ̄н ōксā,
Нялбӯлӣкāн кокчоргоро.
Тарилба угискэ̄кӣ гарачиксāл,
Надан дāрилкāн уткэ̄ндēлвэр
Чāварӣһина-дā дэрэлты-ēһалты
Гуннэл энэл одēлдыра
Элэмэтпэр алдымāчиксōра.
Тариӈӈар-да аһӯпчара-кат энэл
Имдэвэ ӣрӣ нюливунӈэчӣн
Ончокин-нюн* һулэнэвэ̄н
Ӣлӣ-талӣ горолō гаратта.

Наш человек
От его удара
Не почувствовал даже боли.
Тот человек стал внимательно присматриваться,
Размышляя: «В скольких же местах
Треснул, проломился
Лоб этого человека
От удара такого человека, как я?» —
И не нашел даже красного пятнышка
С укус вши.
После этого —
Он собрался ударить во второй раз.
А у нашего человека
К горлу хлынула свирепая кровь,
К коленям побежала гневная кровь,
В сердце ударила дерзкая кровь,
В глазах блеснула горячая кровь.
От сильного гнева
Он чуть не лопнул в плечах,
Чуть не разорвался в пояснице.
Из десяти пальцев
Забила алая кровь,
С обоих висков полыхнули
Десять снопов искр.
Он принялся
Колотить врага
Своим девяностопудовым посохом.
Но их
Девяностопудовые посохи —
И трем котлам мерзлого [мяса]
Не успеть бы свариться —
От ударов поломались-растрескались.
Побросав посохи,
Они нацелились друг другу в черную печень
Смертоносными копьями [с лезвиями] в три пяди.
Но их копья не выдержали
И времени варки семи котлов мерзлого [мяса],
Погнулись, подобно
Мягким железкам.
Копья они назад, поверху отбросили,
Схватили свои
Семисаженные *уткэны*,
Ни лиц, ни глаз не щадя,
Стали рубить друг друга.
Но и *уткэнов* им ненадолго хватило:
Как от ступившихся скребков для выделки шкур,
Остались от *уткэнов* одни спинки —
И они их прочь отбросили.

Тар амардукин
Коңнорӣн колтолдивар
Букталдынал иктэлдынэл тэрэ̄ңкэ̄кӣ
Этэк огусмия̄лгачӣн о̄лдыдярдактара.
Нуңартын биһэмдэ
Горово-кот бо̄юндаснавар
Эчэ са̄ра,
Дагава-кат бо̄юндаснавар
Эчэ са̄ра.
Умун бе̄га долбонӣва̄н
Илан дя̄р долбонӣдӯ куһӣксэ̄л,
Ча̄гӯ бэе биһэмдэ
Эдӯ-тадӯ һэнңэктэ̄лӯвкӣ о̄ча̄,
Эдӯ-тадӯ оронды̄һинчавкӣ о̄ча̄.
Мит бэеңит биһэмдэ
Һэкиһинды̄клэ̄вӣ тэптыдерэн,
Иктэрӣклэ̄вӣ е̄дэтчэрэн.
Тарба̄н о̄вка̄никса̄, аһӯпчара-кат эчэ —
Со̄ңку Дэвэлчэ̄н бэеңңӣ
Надан саһа̄ма̄ктӯ ча̄гла̄я
Дӯндэвэ ливгэрэгэр гарада̄ран.
Эр гарада̄ран-да̄
Ню̄риктэдукин илара̄ка̄н учиһинан,
Оңкой урэлэ̄ ирна сурурун.
Оңкой урэ буксэткэ̄ндин
О̄нӣка̄нма̄н о̄ран,
Гивгӯнай буксэткэ̄ндин
Сигдэкэ̄нмэ̄н гивгуран.
Ча̄гӯ бэе о̄н-да̄ эчэ тэрэ̄рэ:
Эмңэ кэңтырэ̄н тые̄лдэн,
Ңонум дялин урумӯлдэн,
Будэрӣ инэңӣңин эмэрэн,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ о̄дан:
«Лиңкир-лиңкир лиңкирӣэ!
Дулин буга букатырин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ңку Дэвэлчэ̄н
Эһилэ минэвэ ба̄лтарӣгдан о̄дан,
Будэриңив инэңӣңив эмэрэн.
Ңӣ, эмэксэ̄, оруһуйден?
Арай мэ̄нми нэкун гунды̄ нэкунми,
Ирэг дӯндэду балдыча̄
Иркин бэ̄он авдӯлка̄н
Ирэвлӣндэ̄ букатыр нэкунми,
Иччилэ̄кмэ тӯрэ̄нмэв
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
Се̄нмала̄вӣ силдыкал,

После этого —
Голыми кулаками
Стали биться,
Дрались на равных, подобно могучим быкам.
Они
Не знали,
Долго ли бились,
Не знали,
Недолго ли бились.
Все ночи целого месяца
Тридцать ночей они бились.
Тут противник [Дэвэлчэна]
То там, то здесь стал припадать на колени,
То там, то здесь стал вставать, как олень, на четвереньки.
А наш человек
С каждым пинком брал верх,
С каждым ударом его добивал.
Одолев, храбрый Дэвэлчэн
Не стал медлить: так швырнул [того] человека,
Что тот врезался в землю
На семь саженей.
Бросив его, он
Трижды намотал его волосы [на руку]
И потащил к горному распадку.
Тальником из горного распадка
Беспощадно его исхлестал,
Красным тальником
Отделил ему мясо [от позвонков].
Тот человек не выдержал.
Широкая его спина сузилась,
Длинные мысли укоротились,
Пришел его смертный день,
Заговорил он такими словами:
«*Лингкир-лингкир лингкирийэ!*
Богатырь Среднего мира
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
Вот-вот меня прикончит.
Пришел мой смертный день,
Кто же придет спасти меня?
Может, младший брат, родной брат мой?
Родившийся в лиственничном лесу
Богатырь Ирэвлинде,
Младший мой брат,
Вещие мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Вкрути в уши,

20 Зак. 56

До̄ялāвӣ до̄лдыкал!
Эрӣксэвэв эруһуйкэл!
„Сӣ гунмурӣ мāтā бинэ,
Ё̄кун о̄кса̄, тавар о̄данды?“ — гунэкис,
Со̄ӈку сумут оё̄лӣн
Со̄ӈку дулин бугадӯ
Ня̄н балдыча̄ ивит.
Со̄ӈку Дэвэлчэн гунмурӣ
Турулуе то̄ккун,
Илэ исна эмэксэ̄,
Сӣ дю̄р акинмас
А̄чинӈӣгдан о̄дан.
Со̄т тургэнди эмэксэ̄,
Нуӈанню̄нин ӣлдымкэкэл!» — гундерэн,
Тар амардукин
Аһӯна-да̄ эчэ биһи —
Баргӯ ирэ̄г урэдук
Доӈото ирэ̄ктэ ӣгин
Намчӯлима эмэлчэ̄,
Ӯрипты-да̄ букаты̄рдук
һулэкэмэ букаты̄р
Ня̄ликин мо̄ва нялбурагар,
Бучӯкин мо̄ва буктарагар
Элэмэтпӣ туксана
Нуӈандула̄н эмэрэн-дэ̄
Доро̄воро-кот энэ,
Улгӯрдерэ-кэт энэ
Егин дя̄н бӯтылка̄н
Доӈото ча̄лба̄н тыевундивӣ
Мит бэеӈдӯт дагамакса̄,
һоро̄модӯн тыкивты̄декэ̄ттэн.
Эһилэ мит-тэ̄ бэеӈит
Эчэ тадӯ бидерэ —
Тар-да̄т дэ̄пты̄лдыксо̄рэн.
Тэпкэнэл-тэпкэнэл иктӯмэ̄чилдэ,
Кӣӈа̄нал-кӣӈа̄нал колтӯма̄чилда.
Эр ӯгӯ бугадӯ
Бе̄гандāр Баян те̄ргэндӯн
Тэнӣнэды̄кэ̄н-кэт дӯндэе
Эрэгэмэ энэл сула̄ра
Элэмэтпэр ӣлдыдерэ.
Ӯгӯ буга оедӯн
Балдырӣ чӯкан бучувран,
Илитты̄ мо̄н моёгонон,
Балдырӣ авдӯн мучӯран,
О̄ске̄рӣ куӈа̄кан куӈ о̄ран —
Таргачӣн эӈэнӣ иччилэ̄кит
Эр ма̄та̄л ӣлдыдерэ.

Учуй нутром,
Спаси мое дыхание!
Если спросишь: «Что случилось
С таким богатырем, как ты, зачем [мне] приходить?» —
То [отвечу]: сильнее меня силач
В Среднем мире
Родился, оказывается.
Опасный разбойник по имени
Храбрый богатырь Дэвэлчэн,
Добравшись до нас,
Вот-вот убьет
И второго твоего брата!
Приди же быстрее,
Попробуй сразиться с ним!»
После этого —
Сразу же, без задержки
С дальней горы, покрытой лиственницей,
Стал приближаться
Треск ломаемых мерзлых лиственниц.
Сваливая выросшие деревья,
В щепки дробя сухие деревья,
К Дэвэлчэну
Изо всех сил бежал
Богатырь посильнее
Прежнего богатыря.
Даже не поздоровавшись,
Ничего не сказав,
Он подбежал к Дэвэлчэну
И девяностопудовым
Посохом из мерзлой березы
Стал бить его по макушке.
Тут наш человек
Не стал мешкать —
Тоже принялся биться.
Сражались они с криком,
Дрались они с визгом!
В этой Верхней стране,
Во дворе почитаемого Бегандара
Не оставили они нетронутой земли
Даже с меховой коврик —
Так яростно бились.
На Верхней земле
Засохли растущие травы,
Зачахли растущие деревья,
Пропал плодящийся скот,
Перестали рождаться дети —
Так яростно и сильно
Бились эти богатыри.

Егин дя̄р долбонӣдӯ куһӣксэ̄л,
Мит бэеӈит тар-да̄т тэптылчэ̄.
Ча̄гӯ бэе биһэмдэ
О̄н-да̄ эӈэ̄т тэрэ̄рэ о̄ча̄,
Ӈӣвэ-дэ̄ э̄рӣксэ̄, оруһуйды̄вэ
Эргэмэ эһин са̄ра.
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н ма̄та̄тка̄н
Тарба̄ тэптычэ̄ бэе —
Нимӈакан биксэ таргачин —
Одёден-ӈӯ, удадян-ӈӯ —
Ча̄гӯ бэевэ дю̄р мӣрэдукин
Дю̄р ӈа̄латпӣ дяваран,
Доӈото дӯндэвэ егин саһа̄ма̄ктӯ
Ливгэрэгэр гарада̄ран.
Эр гарада̄кса̄, били акинма̄н
Он идакача̄н-да̄ таргачӣн
Оӈкой буксэткэ̄ндин
О̄нӣка̄нма̄н о̄дяран,
Ивгӯнай буксэткэ̄ндин
Сигдэндē̄вэ̄н гувгудяран.
Ча̄гӯ бэе биһэмдэ
Буюксу сэ̄ксэн няӈня
Һуларӣн туксулэ̄н услӣврэн,
Коӈнорӣн сэ̄ксэн
Коӈнорӣн туксунӣон солиптан,
Ӈонум дялин урумӯлдэн,
Эмӈэ кэӈтырэ̄н тыё̄лдэн.
Тар амардукин
Эр Ирэвлӣндē букаты̄р
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄тчэрдэгэ:
«Э̄рил-дэ̄рил! Э̄рил-дэ̄рил!
Дулин буга букаты̄рин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Бӣ тӯрэ̄нмэв
До̄ла̄вӣ до̄лдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
Дылдивӣ дялда̄кал!
Би о̄н-ла эмӯһим тэрэ̄ттэ:
Е̄дӯ-ка сӣ дялӯратанды?
Едӯ-ка тыкэ̄н манды̄танды?
Гэрбис гэенӈэ̄тпӣ гэенчэ̄,
Суракис суруӈо̄тпӣ суручо̄.
Дю̄р алгалка̄н дюлэвэс эӈэ̄т гада,
Дю̄р ӈа̄лалка̄н эӈэ̄т синэ кēйда,
Ӈӣ-дэ̄ бимӣ урэ̄т эӈэ̄т гиркулдыра.
Тар-да̄ бинэ ноноптыл
Ӣлтэнчэ̄л анӈанӣлдӯ,

Девяносто ночей они бились,
Опять наш человек стал побеждать.
Его противник
Не выдержал натиска.
Не знал он, кого позвать,
Чтобы спасти свое дыхание.
Храбрый богатырь Дэвэлчэн,
Победив этого человека,
Не стал его щадить, не промедлил —
В сказке так бывает —
Схватил его за плечи
Своими руками
И вбил в мерзлую землю
На девять саженей.
Потом поступил с ним,
Как и со старшим братом, —
Тальником из горного распадка
Беспощадно его исхлестал,
Красным тальником
Отделил ему мясо [от позвонков].
Жидкая кровь
Того человека
Выплеснулась на красные тучи,
Черная кровь его [в небе]
Слилась с черной тучей.
Длинные его мысли укоротились,
Широкая его спина сузилась,
После этого —
Богатырь Ирэвлинде
Сказал такие слова:
«*Эрил дэрил! Эрил дэрил!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде! —
Мои слова
Учуй нутром,
Вбей [себе] в мозг,
Обдумай головой.
Я не смогу устоять против тебя.
До чего же ты умный!
До чего же ты сильный!
Не зря прославилось твое имя,
Разошлась твоя громкая слава.
Двуногому тебя силой не одолеть,
Дврукому тебя силой не победить.
Никто не сможет с тобой биться на равных.
В прежние,
Прошлые годы,

Билирги долбонӣлдӯ
Си ӈонум удявас
Оло̄нов буруив а̄чин,
Эмӈэ̄с һоктодӯс уһава о̄нав
Ӈэлумӯһӣв нян а̄чин.
Эрӣксэвэв экэл эстэ,
Тар кэре̄тын илан киливлӣдук
Нӣдэгӯ бидиӈэ̄дукин
Авгӯ-да̄ бигин умун аявнавӣ
Умучӣдуккӣ улдымӈӯевӣ,
Дю̄чидуккӣ дювчамӈӯявӣ
Га̄дымадӯ гада̄вӣ.
Эрбэ̄ синэ са̄кса̄,
Э̄дук эһӣ мэккустэ
Тӯрэ̄нмӣ бӯчим.
Тара̄ энэ до̄лдыра
Си минэ ва̄ракис,
Ӈэлумӯһие а̄чин гэрбӣвӣ
Мэ̄нды суксадиӈа̄с,
Тар мэ̄ндӯс ургэ бидиӈэ̄н», —
Гуннэ ча̄гӯ бэе а̄лтачиттан,
Тадӯ биһэ̄мдэ мит бэеӈит:
«Тэдэмэ-дэ эр бӣ
Ай бэен бинэ-бинэ
Айлва эһӣкив мулана
Тэдемэ эӈэ̄т ситана», —
Гуниксэ̄, а̄лтатчарӣ бэеӈӈӣ
Ӈа̄ладукин та̄никса̄, тэгэвкэ̄нэн,
Сэ̄ксэвэ̄н-няӈдава̄н дэлбимэ
Мӯдӯ авдан-ира̄ста̄ран.
Тадӯ ча̄гӯ бэе биһэ̄мдэ
Сэ̄ксэн-е̄һан ӈэ̄рӣлдэн,
Тые̄лчэ̄ кэ̄ӈтырэ̄н эмӈэлдэн,
Урумӯлчэ̄ дялин ӈонумӯлдан —
Са̄лдыча̄л гиркӣнэл о̄ча̄л бэел,
Эмӈэ лайдаӈла̄вар суруксо̄л,
Куһӣнди бакалдынавар эмӈӯрнэл,
Уһава о̄навар нуӈӈӯрнэл,
Бэе улгӯрин аяргӯдин
Улгучэ̄мэ̄тнэл са̄лдынал,
Илан долбонӣлка̄н инэӈӣдӯ
Аямат улгучэмэ̄тнэл
Нуӈартын, эвӣксэ̄л-эвӣксэ̄л,
Бе̄ганда̄р Баян этыркэ̄н
Дё̄һуннак дю̄ла̄н эмэдердэктэрэ.
Этыркэ̄н дю̄ла̄н эмэксэ̄,
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н биһэ̄мдэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дяран:

В давние ночи
Я не ходил по твоим длинным следам,
Не имею перед тобой вины.
Никогда я не стоял
На твоей широкой тропе.
Не прерывай моего дыхания,
Лучше из трех дорогих мне красавиц
Бери любую — не только младшую.
Пусть будет она твоей суженой,
Которой с первого года [от роду] выпало стать твоей швеей,
С двух лет — хозяйкой твоего чума.
Возьми ее по праву.
Узнав тебя близко,
Никогда я с тобой не стану ссориться,
Даю тебе слово.
Если же ты меня не послушаешь,
Убьешь меня,
Свое безвинное имя
Сам же и опорочишь,
Самому тебе станет тяжко!» —
Умолял тот человек [Дэвэлчэна].
Тогда наш человек [сказал]:
«И правда, если я,
Человек-*аи*,
Не пожалею людей-*аи*,
То это и впрямь будет нехорошо», —
Сказав так, он усадил просящего человека,
Потянув его за руки;
Лицо его от крови и грязи
Очистил, отмыл водой.
Тогда у этого человека
Посветлели глаза и кровь в лице,
Расширилась сузившаяся спина,
Удлинились укоротившиеся мысли.
Узнав друг друга и подружившись, эти люди
Отправились на широкую *лайду*
Они изжили прежнюю вражду,
Избавились от сотворенного друг другу зла.
Лучшими словами человеческой речи
Они говорили
За три дня и ночи
Вдоволь наговорившись,
Поиграли, позабавились *
И к дому
Почитаемого старика Баян Бегандара направились.
Подойдя к его дому,
Храбрый Дэвэлчэн
Сказал такие слова:

«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Ӯгӯ буга ира̄кта̄гин
Бе̄ганда̄р Баян этыркэ̄н
Сигӯрдэ̄н Баян атырка̄н,
Ноноптыва̄н доро̄вое̄ дявакалду,
Амаргӯптын улгӯр бигин!
Минэвэ ӣргӣт эмэчэ̄
Ма̄та̄ тыкэ̄н тӯрэ̄рбунды? —
Гунэксун, дулин буга букаты̄рин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Гунмурӣ бӣ биӈнэм.
Тадук эр бугала̄ эмэксэ̄,
Ноноптыва̄н авга̄ндук
Ура̄ркалбун бо̄лда —
Сӯ илна һуркэ̄н һутэлню̄ндун
Дялилвар эксэ̄л на̄лдыра
Эр бугала̄ эмэчэ̄дукив
Со̄ӈку сумулвур со̄мканал,
Букталдака̄н иктэлдынэл
Со̄т уһат гиркурав.
Эр бугала̄ нономо эмэдерэкив
Бугды̄ орон укчакилка̄н
Бо̄ка̄лдын гунмурӣ ма̄та̄
Ургэ ча̄лба̄н тыевундивӣ
Эделӣв-кэт доро̄воро,
Гэрбӣвэ̄н-кэт эделӣв улгумӣрэ
Һоро̄модӯв иктэксо̄чэ̄н.
Тара̄ бӣ нян дэ̄птыкӣ
Тыевундивӣ иктэнэв
Дулма̄клӣвӣ дэлпэргэксо̄чэ̄н.
Тар амардукин, эмэксэ̄,
Сундулэ̄ элэ̄ иһикса̄,
Улгучэ̄мэ̄чиктэ гуннэв
Ӈӣ-кэт эчэ̄н сэӈе̄рдэ,
Бэечӣ-гӯ, а̄чин-ӈӯ гунчэчэ̄в.
    Тар амардукин
О̄кта̄к урэ тӯмнэ̄лкэ̄н
О̄та̄нӣ мата гунмурӣ
Миндӯ о̄киптыдук остонново̄н*
Мэ̄нми-дэ̄ эчэв са̄ра,
Ня̄н минтыкӣ эмэскэ̄,
Тыевундивӣ буктагаликсо̄ча̄н.
Бӣ ня̄н букаты̄р бинэ
Бэедӯ мэ̄нмӣ һуглэ̄ксэ̄
Эһӣ бӯрэ идэчӣ
Бэе ма̄та̄ бирдэгим.
Тар куһӣликсо̄чэ̄вун,

«*Гиро-гиро гироканин!*
Повелитель Верхнего мира,
Старик Баян Бегандар,
Старуха Баян Сигурдэн!
Сначала примите привет,
Потом поведем разговор.
Если у меня спросите: „Откуда, *мата*, пришел
И так говоришь?“ — [отвечу]:
Богатырь Среднего мира
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде —
Мое имя.
Я пришел в вашу страну,
Но с самого начала
С тремя вашими сыновьями
Мы не поладили,
Не сумели договориться.
Когда я прибыл в эту страну,
Стал испытывать их богатырские жилы,
Беспощадно биться,
Безжалостно враждовать,
Когда я ступил на эту землю,
Богатырь по имени Бокалдын, ездящий
На пестром верховом олене,
Не поздоровавшись и не дав
Спросить свое имя,
Ударил меня по макушке
Тяжелым березовым посохом.
В ответ я тоже
Ударил его своим посохом —
И Бокалдын раскололся надвое.
Потом я пошел,
Явился к вам,
Хотел поговорить,
Но мне никто не ответил,
И я подумал: «Есть ли здесь люди или их нет?»
　После этого —
С каких пор затаил на меня вражду
Богатырь по имени Отани,
Ступающий по тальниковым горам —
Сам не знаю.
Он подбежал ко мне
И стал бить меня посохом.
Я тоже ведь богатырь
И никому не даю
Себя обидеть —
Такой я человек-*мата*.
Мы стали биться,

Егин дя̄р долбонӣ устадӯн
Куһӣксэл, бӣ тэптычэ̄в.
Тар амардукин
Ирэ̄к дӯндэдӯ балдыча̄
Иркин бэюн авдӯлка̄н
Ирэ̄глинде̄ букатӯрва,
Э̄рӣксэ̄, тала̄ эмувчэ̄н.
Тар ма̄та̄нюн нян
Егин дя̄р долбонӣ устадӯн
Куһӣксэл, о̄нӣка̄рвар о̄лдыкса̄л,
Бӣ нуӈанма̄н нян тэптым.
Тарит эһилэ элэкин о̄дан гуннэ,
Аналла̄ккӣ эксэкэл гуннэ
Нонопты ура̄навар ӈӯӈнӯриксэ̄,
Эр элэ̄ эмуврэн.
Тара̄ сӯ о̄н гуниттэс,
Дялбар улбӯлӣкэ̄н улгӯркэлду.
Аян бэевэ̄н экэлду ала̄чивчара,
Сирӣ бэевэ̄н экэлду сирӣчивчара.
Аналла̄ккӣ гакса̄, мучӯдиӈа̄в
Гуннэ эмэчэ̄ ма̄та̄ биӈнэм», —
Гуниттэн эр ма̄та̄ биһэмдэ.
Эр гуннэдӯн дю уркэн нӣвдэн.
Умун атырка̄н, эмэксэ̄,
Тӯрэ̄лкэ̄н-сэ̄һэлкэ̄н о̄дяран:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Дулин буга боюнин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтӯлкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Дялум ая ирэндэдӯс
Доро̄воё дявакал!
Ноноптын доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгӯр о̄гин!
Минэвэ ӣргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Атырка̄н биӈнэнды гунэкис,
Ӯгӯ бугадӯ балдыча̄
Сигӯрдэ̄н Баян атырка̄н
Гӯкӣчитын бӣ биӈнэм.
Тавар сӣ тӯрэ̄нмэс
Бӣ амарӣн-да̄ эчэ̄в сэлдэ,
Эһит-тэ̄ эрэгэр эһим сэлдэ.
Тара̄ биһэмдэ һитэнди
Со̄ӈку сумутыл биһип гуннэл,
Эмӈэ бугадӯ элчэ̄л батта
Бардамул букатӯрил
Городук эмэ̄ бэе гуннэл,
Мэ̄ртын нонон тыкиксэ̄л,
Куһӣн тэкэнмэ̄н о̄кса̄л,

Девяносто дней бились,
И я одолел.
После этого —
Он позвал
Родившегося в лиственничной стране
Богатыря Ирэглинде, ездящего
На диком осеннем олене.
С тем богатырем
Я тоже девяносто дней бился,
Испытывая судьбу,
И снова я победил.
Тогда он решил, что пришло время
Сказать: „Забирай суженую“.
Прежнюю свою вину он загладил,
Привел меня сюда.
Что вы на это ответите,
Скажите, что думаете!
Не заставляйте ждать путника,
Не задерживайте странника!
Я пришел сюда,
Чтобы взять свою суженую и вернуться назад!» —
Сказал этот человек.
При этих словах дверь открылась,
Вышла одна старуха,
Так говоря-вещая:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Богатырь Средней земли,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Красивый обликом,
Прими привет!
Сначала привет,
Потом поведем разговор!
Если спросишь меня: «Откуда ты,
Старуха, кто ты по роду и крови?»
[Отвечу]: я зовусь
Родившейся в Верхнем мире
Старухой Баян Сигурдэн.
Твои слова
Тогда мне понравились,
Нравятся и теперь *,
А эти [богатыри] зря
Понадеялись, что они сильные и храбрые,
Зря возомнили,
Что этот мир стал им тесен.
Подумав: «Человек пришел издалека», —
Сами они напали первыми,
Начали битву,

Эр улгӯрвэт уды̄ра.
Куһӣн а̄чин биһикин,
Эһиткэ̄н урӯ сива̄йбан
Девгэ̄н ирӣвчэ̄ бимчэ.
Бӣ мэнми дялдӯв,
Аналла̄к гиркивӣ гады̄с
Ёда̄ эмчэ ситана.
Городук эмэчэ̄ ирэмэ̄де,
Дю̄ла̄в ӣксэ̄, дэрумкӣкэл.
Сива̄йва девгэ̄н ирдэлэ̄н,
Эргӣт-таргӣт эмэрӣл
Тэгэ̄лвэр э̄рӣдэлэ̄вун,
Һуӈту бугадӯ бидерӣл
Һагды̄лватын умӣвдала̄вун
Сӣ аямат дэрумкӣкэл.
Эдӯ дагат биһӣлвэ
Игды̄ ковот та̄никпун,
Тадӯ горот биһӣлвэ
Орон авдӯт э̄рӣкпун.
Синӈэчӣн со̄ӈку бэе
Кила̄ма ню̄риктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣню̄н
Тэрэ̄ӈ илмактал бэел
Ая нимэр о̄рӣдӯһун
Тувэвэ дялум туӈуриӈдэ̄нмэ,
Кочово дялум кодогоилда̄нма
Эдӯ һӣма̄т умӣвукпун.
Туруянтымал омолгил
Дыра̄кēма умӣпчиӈа̄тын,
Гаһантымал киливлӣл
Кинта̄кēма эмэдиӈэ̄тын,
Бара̄н эвӣнмэ эвӣдиӈэ̄тын,
Нёрча̄һал нёрчадиӈа̄тын,
Һӣма̄ һалгачил туксадиӈа̄тын,
Игды̄ дылгачӣл икэ̄диӈэ̄тын,
Эвӣн һэгдыӈӈэ̄н ичэ̄диӈэ̄т», —
Гуниттэн тар атырка̄н.
Тыкэн гуниксэ̄, Сигӯрдэ̄н атырка̄н
Омолгилка̄н кӯтэ̄тпӣ
Дю̄р ӈа̄ладӯвӣ элгэнэ
Ампа̄р дю̄ла̄вӣ ӣврэн.
Тадук дыгин алгалка̄н
Бо̄лускай кирава̄ттӯ
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄нмэ
«Тэгэкэл!» — гуннэн,
Бэеӈин тэгэктэ гуннэн
Нямчурагар сурурун.
Та̄ра̄ ча̄скӣ гарада̄кса,

Помешали нашему разговору.
Не будь этой битвы,
Свадебное угощение
Было бы уже приготовлено.
Сама я так думаю:
Почему бы тебе
Не забрать свою подругу?
Ты приехал издалека,
Зайди в мой дом, отдохни,
Пока приготовим свадебное угощение,
Пока пригласим отовсюду
Своих родственников,
Пока соберем почитаемых стариков,
Живущих в других странах,
Ты отдохни хорошенько.
Живущих поблизости
Созовем звонким колокольчиком,
Живущих вдалеке
Привезем на оленях.
Ради свадьбы двух молодых людей, равных друг другу,
Тебя, сильного человека,
И Киладий-красавицы
С блестящими волосами,
Ради вашей достойной семьи
Заполним лесные чаши *тунгурами*
Заполним долины рек *кодогоями*,
Мигом всех сюда созовем.
Парни, подобные журавлям длинноногим,
Будут ходить взад-вперед.
Красавицы, подобные стерхам,
Гордо откинувшим головы, прибегут.
Станут играть в разные игры.
Борцы поборются,
Быстроногие побегают вперегонки,
Громкоголосые попоют —
Самые большие игрища мы увидим *», —
Сказала эта старуха.
Сказав так, старуха Сигурдэн
Взяла за руки
Сына и зятя
И ввела их в свой дом.
Храброму Дэвэлчэну
Велела сесть
На блестящую кровать *,
С четырьмя ножками,
Тот сел
И проломил кровать.
Отбросив блестящую кровать,

Нюӈун алгалка̄н мэӈун
Кирава̄тпа эмуврэн:
«Эдӯ тэгэкэл!» — гундэн.
Мит бэеӈит тадӯ-да̄
Аракӣнка̄нди дэгдэвнэ
Сэрэнчэнэ тэгэрэн.
Эһилэ тари биһэмдэ
Тэгэтчэрӣвэ̄н ичэмӣ,
Дю̄га̄н букаты̄рилва
Эӈэ̄т бэеӈдэ ичэдэлкэ̄н,
Адяс ая ирэндэлкэ̄н,
Тэдемэ со̄ӈку кēпилкэ̄н
Ма̄та̄ о̄дан эр бэе.
Тара̄ ичэнэл, со̄һӣнал
Ӯгӯ буга ма̄та̄лин:
«Горо дулин бугадӯ
Ая дялум кēпичӣ
Ма̄та̄л балдывкӣл ивит», —
Гуннэл со̄мат со̄һӣча̄л.
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н дюлэдӯн
Мэӈун дыгин кирӣлка̄н
Осто̄л со̄ӈӈа̄н та̄никса̄л,
Умун акта а̄римаӈӈа̄н,
Кур огус бургуӈӈо̄н,
Байтаһун бе бастыӈӈа̄н
Һӣма̄т ва̄кса̄л, аста̄кса̄л,
Осто̄лдӯвар нэ̄ты̄чэ̄л.
Тар нэ̄вчэ̄ девгэ̄лвэ
Мит бэеӈит биһэмдэ
Дулин бугадук илча̄дуккӣ
Девгэ̄вэ̄ эчӣн ичэрэ
Девӯлнэн-дэ̄ со бичэ̄,
Девгэ̄кэ̄нмэ девулчэ̄:
Коӈнорӣн улдэвэ
Кара һорокӣды̄н амӈа̄һиникса̄,
Кара̄кӣды̄н о̄дяракин
До̄скӣ умнэ̄т нимӈэттэн.
Багдарӣка̄н имӯксэвэ
Мундука̄нды̄н амӈа̄һиникса̄,
Һēлакӣды̄н о̄дяракин
Умнэ̄кэмэ нимӈэттэн.
Эр огус гирамдандя̄лва̄н
Эрэгэр энэ маӈана
Улдэтэй-һумутэй
Кур-кар сēмандāна
Тэпкудӯ чипчича̄гачӣн
Тар-дат һӣма̄т нимӈӯрэн,
Амӈа̄һиниктава-кат энэ сула̄ра

Она принесла серебряную кровать
С шестью ножками и сказала:
«Садись сюда».
Наш человек
Сел осторожно,
Слегка касаясь [кровати].
Если бы посмотреть,
Как он сидел, —
Выглядел он
Гораздо сильнее богатырей — хозяев дома.
Статной своей наружностью,
Своим обликом был он настоящим богатырем —
Такой он был человек-*мата*.
Богатыри Верхнего мира,
Глядя на него, удивлялись:
«В далеком Среднем мире
Такого богатырского облика
Есть *мата*, оказывается», —
Говорили они, восхищаясь.
Перед храбрым Дэвэлчэном
Поставили серебряный четырехугольный
Огромный стол,
Тут же забили и сварили
Крупного холощеного оленя,
Нагулявшего жиру быка,
Отборную яловую кобылу,
Мясо на столе разложили.
Наш человек, который
Не видел еды
С тех пор, как ушел из Среднего мира,
Принялся есть
Поданную еду:
Кусок черного мяса
С черного глухаря он клал в рот
И проглатывал,
Когда тот становился
С черного рябчика.
Положив в рот [кусок] белого сала
С целого зайца,
Он проглатывал его, как только тот
Становился с куропатку *.
Не замечая твердости
Костей быка,
Он разжевывал их с хрустом,
Вместе с мясом и жилами,
Быстро проглатывая,
Будто мешок набивал,
Все он съел до конца,

Бутуннӯвэ̄н манаксā,
Симтӯндēтын силэвэ̄н
Умнэ̄кэ̄мэ урупкӯксэ̄,
Симтӯндēтын килдӣвāн
Һэ̄ēлэ̄вӣ иктэксэ̄,
Манавнавāн сāрӣ
Мāтā ōдан эр бэе.
Тыкэ̄н депты̄ девгэ̄вӣ
Бутуннӯвэ̄н депчэ̄лэ̄н,
Эр баяһал нимэ̄һэл
Мāтā бэе āһинды̄н
Сэктэвунмэ̄н бэлэннэ̄лчэ̄л:
Екун ая нандалкāн
Дурукидин сэктэвуксэ̄л,
Букаты̄р бэе дэрумкӣрӣн
Дую һарāнан ōра.
Тар ая һарāндӯ
Мит бэеӈит āһиниксā,
Илан дя̄р долбонӣ устадӯн
Эрэгэмэ энэ мēлда
Āрӣ бэе ōдан тар.
Эр нуӈан āдалāн
Дага-горо мāтāлва
Сивāйбадӯ умӣвда.
Кочово дялупты̄ кодогоилва комуйда,
Тувэвэ дялупты туӈурилвэр умӣвра.
Эмэчэ̄ бэелвэ дуруккāн
Умундӯ умӣвуксāл,
Сивāйва девгэ̄вэ̄н тāниксāл,
Һуēнмурӣ һунāтпар тэтывуксэ̄л,
Кутэ̄т бэевэ иливуксāл,
Дя̄н дю̄р долбонӣдӯ сурурӣ
Урӯ сивāйвавāн ōксāл,
Девдердэктэрэ эр мāтāл.
Девгэ̄тын бимӣ сō барāн, аювувган,
Бэе дялдāрӣн дурукин ōвчā ивит.
Эты̄ркэ̄р де аят улгучэ̄нэ,
Икэ̄лэһэл матал де аят икэ̄рэ,
Эргӣт-таргӣт эмэчэ̄л мāтāл,
Бакалдыксāл, эвилчэ̄л:
Ӈӣ нёрчан нёрчаран,
Ӈӣ танчамāчун тāнчамāттан,
Ӈӣ туксāн туксаран,
Ӈӣ килийды̄ килийдан.
Тар мāтāлдӯ эр мит бэеӈит
Сōӈку Дэвэлчэ̄нду ēма-кат
Идэтпэр тэрэтты̄ мāтā
Эрэгэмэ āчин ивит.

Не оставив ни одного кусочка.
Навар в огромном котле
Он выпил разом.
Когда стукнулся лбом
О край котла,
Понял, что [навар] кончился.
[Таким] богатырем был этот человек.
Когда он съел
Все угощение,
Эти богатые люди
Постель ему приготовили.
Для сна человека-богатыря
Выстелили постель
Лучшими шкурами;
Для отдыха богатыря
Мягкую постель устроили.
На этой мягкой постели
Наш человек уснул.
Тридцать суток
Спал этот человек,
Ни разу не проснувшись.
Пока он спал,
Пригласили на свадьбу
Ближних и дальних гостей.
Лесные чащи заполнили *тунгурами*,
Речные долины заполнили *кодогоями*,
Всех приехавших
Собрали вместе,
Приготовили свадебное угощение,
Нарядили девушку-невесту,
Разбудили зятя.
Двенадцать ночей
Справляли свадьбу,
Угощались эти богатыри.
Угощение было обильное, сытное,
Было там все, что человеку хочется.
Почтенные старики сказывали,
Гости-певцы красиво пели.
Отовсюду приехавшие богатыри,
Сойдясь, состязались:
Борцы боролись,
Силачи перетягивали друг друга *,
Быстроногие бегали наперегонки,
Прыгуны на одной ноге прыгали.
С нашим человеком,
Храбрым Дэвэлчэном,
Никто из этих богатырей
Ни в чем не мог сравняться.

«Дулин буга букатырилдӯн
Де сō̄ӈку сумут биһин-дā ивит!» —
Сōһинал-сōһинал гуниттэ.
Тар мит бэеӈит ӯгӯ бугадӯ
Тэрэ̄тты бэевэ эрэгэмэ эчэ бакара.
Тар амардукин
Дян дюр инэӈӣӈитын ӣлтэнэн,
Девгэ̄ндӯвэр аювра, астына,
Дэрдэлэ̄вэр эвӣрэ,
Бугачӣ бугалāвӣ ӈэнэрӣн ōран.
Тадӯ биһэмдэ мит бэеӈит
Киннилвӣ дэ̄птыкэ̄кӣ тэгэтчэнэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ ōдяран:
«Гырō-гырō гырōкāнин!
Ӯгӯ буга бōюһалин,
Эдӯ умӣпчал мāтāл дурукмаһун,
Тадук Бēгандāр Баян этыркэ̄н,
Сигӯрдэ̄н Баян атыркāн,
Сӯ нян дōлдыкалду!
Бӣ бугав сō горо,
Дэгрӣ дэктэндэлкэ̄н,
Иларā умӯксā, истын буга,
Һуктырӣ һалгалкāн,
Егрэ̄ балдыксā, истын буга,
Бӣ дулин бугадӯвӣ
Умукōмō нэкучӣ бичэ̄в,
Дулин буга биралдӯн эһӣ батта
Орон сōһулкэ̄н бичэ̄в,
Тарилба умун аһакāн-куӈāкāн
Ōн-дā этэ̄н кейда.
Тадук килāма нюриктэлкэ̄н
Килāдий киливлӣнюн мэ̄рбун-дэ̄
Олоккор ōрӣвун удадиӈāн.
„Омолгичāн куӈāкāн, оһāткāнма гаксā,
Бугалāвӣ һуēнӈӣрӣн ōвнан оӈорӯн“, —
Һагдыл мāтāл гуӈкитын.
Тарит бӯ бугалāвар ӈэнэрӣвун
Элэкин ōдан гунчэчим.
Сӯ тарā ōн гуттэс?» — гуниттэн.
Тадӯ биһӣл бэел ōн гундиӈэ̄тын —
«„Билир-билиргидук аӣ бэен
Аилган таргачин“, — гуннэдӯс сӣһа āчин,
Ӈэнэрӣһун элэкин», — гуннэ элэксӣрэ.
Тадук эр баяһал һагдыл,
Һунāтпа һуēнӈӣрӣл сагдыл
Һунāтпар ӈэнэрӣвэ̄н тэриилчэ̄л.
Һунāттӯвар мэндуккӣ мэӈун нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун контоһилкэ̄н

«Есть же среди богатырей Среднего мира
Такой сильный и ловкий богатырь!» —
Говорили они с большим восхищением.
Человека, равного нашему человеку,
Не нашлось в Верхнем мире.
После этого —
Прошло двенадцать дней.
Все вдоволь наелись,
До устали наигрались,
Пришло время разъезжаться в свои земли.
Тогда наш человек
Сел напротив родителей жены,
Сказав такие слова:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Богатыри Верхнего мира,
Все собравшиеся здесь гости,
И ты, старик Баян Бегандар
Со старухой Баян Сигурдэн,
Выслушайте меня!
Моя страна очень далека.
Крылатая птица
Трижды сносит яйца, пока долетит до нее.
Быстроногий [зверь] до нее добегает,
Девять раз принесла приплод.
На Средней земле
Я оставил единственную сестру.
По рекам Средней земли не хватает места
Для оленного моего скота,
Одной молодой девушке
С ним не справиться.
Зачем откладывать
Начало нашей совместной жизни
С блестящеволосой Киладий-красавицей?
Ведь говорят мудрые старики:
„Молодой человек, взяв в жены девушку,
Должен увезти ее на свою родину“.
Вот я и думаю, что пора
Нам отправиться в нашу страну.
„Что вы на это скажете?“» — спросил он.
Что могли те люди на это ответить?
«С давних-давних пор
Таков обычай людей-*аи*,
В твоих словах нет ошибки», — согласились они.
Эти богатые старики,
Старики, отдавшие свою дочь,
Стали готовить ее в дорогу.
Они дали дочери
Пятнистого верхового коня,

Мэрилэ̄ соногоспор
Анал укчакйан бӯксэ̄л,
Кутэ̄тню̄нмэр һуна̄тпар
Умундӯ угивукса̄л,
Тэ̄ргэнмэр. эрэ̄лӣ дылача̄ва элэ̄ткӣ
Илара̄ка̄н пэрӣвчэрэ.
  Тар амардукин
Дулин бугатка̄кӣ соногоспотын салаикса̄л,
Илан дэткэн дэлэмӣчэ̄н
Дулйа̄ка̄кла̄н дявара.
Калтакава̄н һуна̄дилка̄н кутэ̄тпэр
Амардуктын илбэ̄рэ,
Калтакава̄н ла̄йдаңдӯвар уды̄ра.
Мит бэеңит соңку Дэвэлчэ̄н
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дяча̄н уһу:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Угу бугадӯ о̄скёнӣ-балдынӣ сагды̄ңилви,
Бёганда̄р Бэгин этыркэ̄н,
Сигӯрдэ̄н Баян атырка̄н,
Сӯ эдэн итчатитпар * — дурукиһун,
Бӣ сурури тӯрэ̄нмэв
Сёндӯвар силдыкалду,
До̄дӯвар до̄лдыкалду,
Иргэлэ̄вэр иктэвкэлду!
Минэвэ со̄ңку бэе бинэ
Са̄ма тӯрэ̄нэ энэ улгӯрдэ
Бугала̄вӣ сурурун гундиңэ̄һун.
Бӯ, бугала̄вар суруксо̄л,
Дулин буга нимэ̄һэлин о̄кса̄л,
Дулин бугадӯ олокилка̄һал
Эвэнкӣткэ̄р о̄да̄вар ңэнэрдэкпут.
О̄кин-да̄ бакалдына̄рӣвӣ, эчэв са̄ра,
Ё̄мӣ-кат умнэ̄ некэйэрӣвӣ некэйэдиңэ̄в.
Сунэвэ ёкун-да̄ мата̄
Эгин тырэрэ, эгин сэнэ̄рэ.
Нонопты гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣһун,
Со̄лтама суракиһун
Эрэгэмэ эгин эмэ̄нмурэ,
Эдэр һутэлдун упкат
Дю̄ва та̄ннал,
Тогово иланал, со̄һувэ иргинэл,
Һутэвэ балдывнал дялан-дялан
Эрэгэмэ бара̄лдякалду!
О̄кир-вал будэрӣңиһун инэңӣңиһун эмэрэкин
Итчилэ̄к тӯрэ̄нмэр эдындӯ уңиңнэкэлду!
Йдӯ-дэ̄ бимӣл этэ̄рэв эндэйдэ,
Эмэксэ̄, эрӣнмэһун бӣһа̄диңа̄вун!
Суптырӣ туксугучӣн кувулгатыл

Родившегося с серебряным седлом
И с серебряной уздечкой.
Дочь с зятем
Усадив на коня,
Трижды провели его
По двору по ходу солнца *.
После этого —
Повернули коня в сторону Средней земли,
Проведя его через середину стада
Оленей, коней и коров.
Половину стада погнали
Вслед за зятем и дочерью,
Половину оставили на поляне.
Наш человек, богатырь Дэвэлчэн,
Сказал такие слова, говорят:
«*Гиро-гиро гироканин!*
В Верхнем мире родившиеся-выросшие старики,
Почитаемый старик Бегандар,
И старуха Баян Сигурдэн
Со своими молодыми родичами —
Мои прощальные слова
Вкрутите [себе] в уши,
Учуйте нутром,
Вбейте в мозг!
Вы не скажете, что сильный человек
Ушел, не сказав
Прощальных слов!
Мы отправились на свою землю,
Чтобы жить на Средней земле,
Поехали, чтобы на Средней земле
Зажить по-эвенкийски.
Я не знаю, когда навещу вас,
Но хоть раз — навещу.
И пусть никакой *мата*
Не обидит вас, не унизит.
Пусть не забудутся
Ваше прежнее звучное имя,
Ваша громкая слава.
Пусть ваша молодежь
Ставит домá,
Разводит огонь, держит скот,
Пусть от поколения к поколению
Рождается все больше детей.
Когда же придет день вашей смерти,
Ваши вещие слова отправьте с ветром.
Где бы ни находились,
Мы придем и спасем ваше дыхание!
Пусть вас не обгонят

Сунэ эктын суптыра,
Ӣлтэнды̄ туксугучин албаһилка̄һал
Сунэ эктын дерэ̄дэрэ,
Су айһун сундӯ,
Бӯ айвун мундӯ!
Буралия бурасты̄ бигин!» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гуниксэ̄л, сурурӣл бэел
Горо аянмар ӈӯӈнэмэрэ.
Амардуктын Сигӯрдэ̄н Баян атырка̄н
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дярдага:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Кила̄дима нюриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ
Һутэ гунды̄ һутэв,
Дулин буга букаты̄рин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Кутэ̄т гунды̄ кутэ̄тыв,
Сӯ дюкрэ бӣ чо̄р тӯрэ̄нмэв
Дю̄р сэтынни бе̄га о̄мактава̄н
Дара̄н дявавча̄гачӣн
Се̄рдӯвар силдыкалду,
Иргэлэ̄вэр иктэвкэлду,
До̄ла̄вар до̄лдыкалду!
Сӯ нян е̄дук-кат аят аянна̄нал
Бугала̄вар ӈэнэкэлду,
Сигдылэ̄дӯ е̄кун-да̄ кувулгатын
Сунэ эгин мо̄дала̄ра,
Ӯгӯ няӈнюр няӈнядук-да̄
Эӈэһӣ эдын эгин иктэрэ,
Һэргӯ уһа мо̄радук-та̄
Тамнакса эгин та̄рийда,
Бугавар аят иһикса̄л,
Дю̄ва та̄калду, тогово илакалду,
Һутэвэ балдывкалду-бэ̄лӯкэлду
Со̄һувэ иргикэлду,
Ая нимэ̄р о̄калду,
Аӈнакӣл бэел гэрбӣлэ̄һун
Аһӯн-да̄ городук аянна̄нал
Ӈэнэрӣтын аял гэрбӣлкэ̄һэл о̄калду,
Аймак-тэгэ бэеӈилдун
Аяврӣтын нимэ̄һэл о̄калду!
Бӣ эр тӯрэ̄нми ая алгис о̄гин!» —
Гуниттэн.
Де эр сурурӣл бэел
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄тын
Мурин со̄һу бимӣ
Кӣня̄на-кӣня̄на бодорон,

Коварные, как убегающая туча,
Пусть вас не тронут
Хитрые, как уходящие тучи!
Ваша судьба с вами,
Наша судьба с нами!
На долгие годы прощайте!» — сказал он.
Попрощавшись, отъезжавшие люди
В свой дальний путь отправились.
А старуха Баян Сигурдэн
Вслед им такие слова сказала:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Дочь, родная дочь моя,
Киладий-красавица
С блестящими волосами!
Богатырь Средней земли,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн,
В расшитой-разукрашенной одежде,
Зять, родной зять мой!
Звонкие мои слова
Выслушайте парой своих ушей,
Подобных двум молодым осенним лунам *!
Вкрутите [себе] в уши,
Вбейте в мозг,
Учуйте нутром!
Так же благополучно
Добраться вам до вашей земли!
Пусть вам в пути
Не помешают коварные,
Пусть на вас не обрушатся
Сильные ветры с Верхнего неба,
Пусть вас не тронут
Гибельные туманы Нижнего моря!
Доберитесь благополучно до вашей земли,
Поставьте свой чум, разожгите огонь,
Рожайте, качайте в колыбели детей,
Разводите скот,
Станьте почтенной семьей!
Прославьте свое имя,
Чтобы пришельцы
Из дальних стран
Почитали вас!
Пусть сородичи вас уважают,
Пусть слова мои станут для вас благословением!» —
Сказала она.
За отъезжавшими людьми
Потянулись олени, кони и коровы.
Кони в пути,
Не умолкая, ржали,

Инак соһу бимӣ
Маҥирāна-маҥирāна бодорон,
Орон сōһу бимӣ
Эҥтэнэ-эҥтэнэ бодорон.
Эр мāтāткāр умнэ ҥэнэвкэ̄ннэтын
Һоктотын егин дя̄р-да анҥанӣдӯ
Эһӣ сэ̄мдэ һокто ōдан.
Умун тар ҥэнэ̄дӯтын
Дую дӯннэдӯн бэевэ ё̄рчэклӣн ōдан,
Маҥа дӯннэдӯ һэнҥэклӣн ōдан.
Горово-кот ҥэнэнэвэр эчэл сāра,
Дагава-кат ҥэнэнэвэр эчэл сāра.
Эркэ̄н-дā таркāн ҥэнэвкэ̄нмӣ-нюн ҥэнэвкэ̄нэ,
Дулин бугатын сō-дā горо бичэ̄ ивит.
Эр бэел биһэмдэ
Дюгарвāн тыгдэкэ̄ндин сāна,
Болорвōн боктакāндин сāна,
Тугэрвэ̄н умкактадин сāна,
Нэлкирвэ̄н лэ̄птэ̄ркэ̄ндин сāна
Дюлэ̄скӣ-нюн ҥэнэвкэ̄ндердэктэрэ,
Тар ҥэнэдексэ̄л-ҥэнэдексэ̄л,
Дулин бугадук ӯгӯ буга саган гунмурӣ
Ё̄кун-дā урӯлкāн, оһикталкāн
Кейан энэн эврэ — туктырэ
Калдыс кадāр кāйдан.
Талā иһиксā, ҥэнэкӣт дӯннэҥитын
Ӣлӣ-кэт āчин ōдан.
Эр бэел биһэмдэ
Илан дэткэн дэлэмӣчэвэр
Эр кадāр оёдун иливкāна.
Тар некэксэл, килāдима нюриктэлкэн
Килāдий киливлӣ
Тыкэн гуннэ тӯрэ̄лкэн ōна—ōна
Илан кирӣлкāн солкомо билāтпӣ
Дулиндулӣн тэкэрэгэр тāнан-дā,
Дю̄р балдыдярӣ чāлбāткāнду
Тэнырэгэр тāнан-да
Калтакадин иларā далбāтāран,
Тыкэн гуннэ тӯрэ̄тчэрдэгэ:
« Гурē-гурē!
Эр ӯгӯ буга дулин буга саган гунмурӣ
Сагдӣ урэ эвэ котун,
Ё̄кун иччилкэ̄н биркэс бōлла,
Нонōптывāн эмҥэ дэлэй гэрбидӯвӣ
Дорōвоё дявакал!
Амаргӯптын эһӣ омҥовро улгӯр ōҥнāн!
Эр минэвэ ӣргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Аһāткāн, эмэксэ̄, бакалдыдянны

Рогатый скот,
Не умолкая, мычал,
Олени,
Не умолкая, хоркали.
И через девяносто лет
Скотом этих людей
Протоптанная тропа не затерялась.
Там, где они прошли,
В мягкой земле человек проваливался по бедра,
В твердой земле человек застревал по колена.
Долго ли шли, не знали,
Недолго ли шли, не знали.
Шли все вперед и шли.
Средняя земля очень далека была, оказывается.
Эти люди
Лето по дождю узнавали,
Осень по граду узнавали,
Зиму по снегу узнавали,
Весну по мягким хлопьям снега узнавали.
Все вперед ехали.
Вот так следуя,
В отвесную скалу они уперлись,
Зовущуюся границей Верхнего и Среднего миров,
По которой не могли бы подняться-спуститься
Ни копытные, ни когтистые.
Они дошли до скалы, а дальше идти
Было некуда.
Эти люди
Оставили своих оленей, коней и коров
На вершине скалы.
Потом Киладий-красавица
С блестящими волосами
Собралась говорить, перед тем
Разорвав посередине
Треугольный шелковый свой платок.
Одну половину
Набросила она на березу,
Другой половиной трижды взмахнула,
С такими словами:
« *Гуре-гуре!*
Гора-старуха, почитаемая бабушка,
Зовущаяся границей Верхнего и Среднего миров!
Не знаю, кто твой дух-хозяин!
Имя твое далеко славится,
Сначала прими привет,
Потом начнем разговор, который не позабудется!
„Кто ты по роду-крови, откуда
Пришла, девушка, чтобы со мной встретиться?“ —

Гуннэ улгумӣрэкис,
Бēгандāр этыркэ̄н амилкāн бичэ̄в,
Сигӯрдэ̄н Баян энилкэ̄н бичэ̄в,
Килāдима нюриктэлкэ̄н Килāдий киливлӣ
Гунмурӣ аи һунāдин ōдам.
Екун нāдадӯ минэвэ бакалдырӣ
Иччилкэ̄н тӯрэ̄нмӣ тулдӯлӣкэ̄н тӯрэ̄рбунды,
Гундэ улгумӣрэкис,
Бӣ дулин тукала бугадӯ
Умун эвэнки букатӣрин
Бэе ōрӣ олоктӯн
Дю̄чӣдуккӣ дю̄вчавнӯн,
Илачӣдуккӣ аналлāкин
Ōна балдынавӣ биһӣдин
Дулин бугалā ӈэнэксэ̄,
Дю̄ва тāнимдак, тогово иламдак,
Сōһувэ курēмдэк, һутэвэ балдывумдак,
Дулин бугава аривумдак,
Ӈэнэдерӣ аһāткāн ōдам.
Тарит эр бӯ илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄вун
Батна эврӣн кōһāк биракāн
Āртыкин ōксā, амаргӯт-тā ōдакин
Аиткāр мāтāл мэн сигдылэ̄дӯвэр
Сāлдымāттӣ аянмун һоктоён ōмкāкал!
Бӣ ноноптыл анӈанӣлдӯ,
Ӣлтэнчэ̄ инэӈӣлдӯ битмӣ уһōмӣ
Иччилэ̄к тӯрэ̄ндивӣ бучувчā мōва
Ниӈтэдукин ая тӯрэ̄ндиви
Алгāна туктывдэкив,
Элэкэс балдыдярӣ ōлэн
Ирэ̄ктэткэ̄н мō ōвкӣ биӈкин,
Няликин мōва дугэ̄дукин
Һэргискэ̄кӣ кирāракив,
Бучувувсōвкӣ биӈкин,
Кагдан чӯкава алгāна тӯрэ̄ттэкив,
Балдыдярӣ чӯка ōвкӣ биӈкин,
Балдыдярӣ чӯкава уһат ӯскӣ тӯрэ̄ттэкив,
Бучувувсōвкӣ биӈкин.
Де тарит бӣ иччилэ̄к тӯрэ̄нмэв
Иргэлэ̄вӣ иктэвуксэ̄,
Дōлāвӣ дōлдыксā,
Сēндулāвӣ силдыксā,
Мундӯ āртыкӣа бӯкэл,
Котун эвэв!» — гундерэн.
Тыкэн гуниксэ̄ этэмӯрэкин,
Нуӈартын биһӣдуктын ӈēскāкӣ
Ēдук-тā ая кōһāк биракāн ōдан.

Если меня спросишь, —
[Отвечу]: мой отец старик Бегандар,
Моя мать старуха Баян Сигурдэн,
Я девушка-*аи* по имени
Киладий-красавица с блестящими волосами.
Если спросишь меня: „Из-за какой нужды
Ты обратилась ко мне с вещими,
Мудрыми словами?“ —
[Отвечу]: на Средней глиняной земле
Предстоит жить
Одному эвенку-богатырю.
От рождения мне было суждено стать
С двух лет [от роду] — хозяйкой его чума,
С трех лет — его женой.
На Средней земле
Поставить чум, развести в нем огонь,
Построить загон для скота, родить детей,
Населить людьми Средний мир
Я, девушка, направляюсь.
Сделай для этого речную долину
С дорогой, чтобы прошли
Наши олени, кони и коровы,
И чтобы затем по этой тропе
Сообщались люди-*аи*!
В прежние годы, в прошедшие дни,
Когда я заклинала
Вещими словами засохшее дерево,
Благословляя его от корней
До самой верхушки,
Оно становилось свежей,
Только-только проросшей лиственничкой.
Когда живое дерево
Я проклинала от верхушки до самого низа,
Тут же оно засыхало.
Если я заклинала увядшую траву, —
Она оживала и зеленела.
Если растущую траву я заклинала,
Тут же она засыхала.
Поэтому вещие мои слова
Вбей [себе] в мозг,
Учуй нутром,
Вкрути в уши!
Дай нам дорогу,
Почитаемая моя бабушка!» — сказала [девушка].
Как только она кончила говорить,
От того места, где они стояли,
Пролегла красивая речная долина,

Де тар һоктолӣ илан
Дэткэ̄н дэлэмӣчэвэ̄р бодовнол,
Тар-да̄т дулин бугавар
Эвгӯ сагала̄н иһиксал,
Билирги дулин бугала̄вӣ
Эр со̄ңку Дэвэлчэ̄н де тӯвкэ̄нэн.
Аһӯн-да̄ эмңэ буга бичэ̄лӣн
Дю̄вӣ аһӯндӯн исчап гуннэ
Ңэнэвкэ̄ндердэктэрэ нуңартын биһэмдэ.
Нимңа̄ка̄н биксэ̄ удадиңа̄н до̄ —
Тар-да̄т соңку Дэвэлчэ̄н
Балдынан ээ̄нэ̄ бираңла̄н эңэ̄һинчэрдэктэрэ *.
Умун бира устава̄н
Аһӯпчаңа̄тыл бэел бидиңэ̄тын.
Тар-да̄т эр дулин буга Дэвэлчэ̄нин
Билирги мугдэкэңилвӣ истан.
Орон со̄һун биһэмдэ
Некэ̄ богон о̄дан.
Де балдыдя̄к лайдаңла̄вӣ иһикса̄,
Билирги ӯтэ̄нмӣ ичэтнэн,
Е̄н-кат энэ суксавра
Со̄мат аят бидердэгэ.
Со̄ңку Дэвэлчэ̄н тар ичэвулмӯрэкин,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н-сэ̄һэлкэ̄н
О̄дяча̄ уһу:
«Гыро̄-гыро̄ гыро̄ка̄нин!
Балдыдя̄к дулин бугав,
Эмңэ дэлэй мэ̄ндӯвӣ
Доро̄воё дявакал!
Тар амардукин, нэкун гунды̄ нэкунми
Егин да̄рикталка̄н солкомо нюриктэлкэ̄н
Солкондо̄р киливлитка̄н,
Сӣ нян доро̄воё дявакал!
Ноноптын доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгӯр о̄гин!
Эр минэвэ ӣргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н
Ма̄та̄ эмэнды гунэксун,
Дулин буга букаты̄рин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ңку Дэвэлчэ̄н
Гунмурӣ со̄ниң о̄дам.
Илан сивӣр сиктырвэ̄н
Ситэри гиркукса̄, дялвӣ дялувукса̄,
Эрэйвӣ аривукса̄,
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэвэ
Илбэ̄нэ эмувум.
Бара̄н бугава гиркум,
Бара̄н бо̄юнма бакалдым,

И по этой тропе они
Со своим стадом оленей, коров и коней
Достигли ближнего края
Средней земли.
Тут храбрый Дэвэлчэн
Ступил на свою старинную Среднюю землю.
Хоть и была обширной эта страна,
Они думали скоро добраться до дома
И вперед ехали.
В сказке задержки не бывает:
Тут же подъехали к
Родной широкой реке храброго Дэвэлчэна.
Разве эти люди задержатся
В пути вдоль этой реки? —
Тут же доехали они до пней, оставшихся
От деревьев, срубленных когда-то Дэвэлчэном,
Нашли множество
Оленьих следов.
Добрались до родной *лайды*,
Увидели свой старый *утэн*,
Никем не тронутый *,
Очень красивый.
Когда храбрый Дэвэлчэн увидел *утэн*,
Он сказал
Такие слова, говорят:
«*Гиро-гиро гироканин*!
Родная моя Средняя земля,
Всей своей ширью
Прими привет!
И ты, младшая сестра, родная сестра моя,
Солкондор-красавица
С шелковистой косой в девять саженей,
Тоже прими привет!
Сначала — привет,
Потом начнем разговор!
Если меня спросите:
„Откуда ты, *мата*, кто ты по роду-крови?" —
[Отвечу]: я богатырь Среднего мира,
Сонинг по имени
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде!
Я прошел по всем трем мирам,
Выполнил задуманное,
Попусту не ходил:
Сюда я пригнал-привел
Оленей, коней и коров.
Я обошел много стран,
Встретил много богатырей,

Тарит бӣ гиркунми уһая а̄чин о̄дан.
Сӯ, балдыдя̄к бугав, бӣ о̄нав дю̄в,
Нэкун гунды̄ нэкунми,
Сӯ он бирэс? — Улбӯты̄кэ̄н улгӯркэлду!» —
Гуниттэн.
Тыкэн гуниксэ̄, мит бэеӈит
Балдыдяк ла̄йдаӈдӯвӣ илбэ̄нэ
Эмувнэн илан дэткэ̄н дэлэмичэ̄нин
Эймэ̄кэ̄мэ о̄һинчаран.
Тар амардукин
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н Солкондо̄р киливли
Тала̄ нян эмэрэн.
Де эр дулин буга ма̄та̄лин
Де эдӯ бакалдыра.
Дулин буга ла̄йдадӯн
Бэе бэевэ бакалдыран.
Тар урундӯн балдыдя̄к бугала̄вар
Эр бэел, элгэмэ̄тнэл ӣксэ̄л,
Де бакалдынавар мала̄һунма̄н
Гуннэл, акта аяргӯва̄н,
Байтаһун бастыӈма̄н,
Огус һэгдыӈэӈӈэ̄н ва̄кса̄л,
Дыгин кирӣлка̄н осто̄лдӯвар та̄никса̄л,
Девдердэктэрэ нуӈартын биһэмдэ.
Илан долбонӣлка̄н инэӈӣдӯ.
Со̄ма бара̄нма эрэгэмэ улгучэ̄мэ̄тнэл,
Эрэ̄-тара̄ бара̄нма сэһэргэстэ.
Тар амардукин
Депты̄ девгэ̄вэр этэксэ̄л,
Кила̄чӣ нандалдук һара̄нмар о̄кса̄л,
А̄һиндытын долбонӣӈитын эмэрэн.
Эмэчэ̄л бэел егин долбонӣлка̄н
Инэӈӣдӯ дёке̄т-кат энэл ме̄лва̄тта а̄ра.
Солкондо̄р киливлӣ тар устадӯн
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄вэ
Дыгин дя̄р дыгин нулги тугурумчэлкэ̄н
Дыгин мо̄лка̄н куре̄нде̄дӯ
Инэӈӣтыкин ӣвнэ-ю̄внэ
Бакалдывка̄тна таткактадяча̄.
Тар амардукин
Дю̄ла̄вӣ эмэксэ̄, нян депты̄ девгэ̄вэ
Ирӣнэ, аста̄ктана нэкэедердэгэ.
Эмэ̄л бэел, де ме̄ликса̄л,
Ӈэ̄рӣһӣ ирэндэвэр ӈӯӈнӯрнэл,
Ичэдэлвэр туксарнал, о̄кса̄л,
Девгэ̄ аяӈӈа̄н девуксэ̄л,
Ня̄н эгин-эгин ара̄һинай
Бара̄н улгӯрвэ улгучэ̄мэ̄тнэл,

Мой поход оказался удачным.
А вы, моя родная земля, мой чум,
Младшая сестра, родная сестра моя,
Как вы жили? Расскажите толково!» —
Сказал он.
После этих слов
Его родную поляну заполнило
Стадо оленей, коней и коров.
Скот забегал в разные стороны.
После этого —
Пришла туда
Солкондор-красавица с шелковистой косой.
Люди Среднего мира
Так встретились.
На *лайде* Среднего мира
Люди с людьми встретились.
Придя на свою землю, эти люди,
Радуясь, взялись за руки.
Задумав попировать в честь встречи,
Они забили лучшего холощеного оленя,
Самую жирную яловую кобылицу,
Самого крупного быка.
Положили [еду] на свой четырехугольный стол
И стали они есть.
Три дня и ночи
Не умолкая говорили о многом.
О том и о сем многое порассказали.
После этого —
Наевшись-насытившись,
С приходом ночи легли спать.
Постелив постель из дорогих мехов,
Девять дней и ночей, не просыпаясь,
Спали приехавшие люди.
Между тем Солкондор-красавица
Приучала оленей, коней и коров вместе держаться.
То загоняла их в свой загон
В сорок четыре кочевки окружностью,
В четыре жерди по высоте,
То их выгоняла.
После этого —
Вошла в чум и снова
Стала варить-готовить.
Приехавшие люди проснулись,
Умыли свои светлые лица,
Почистили одежду,
Хорошенько пищей насытились,
Обо всем
Поговорив-побеседовав,

Депты̄ девгэ̄вэр этэксэ̄л,
Нуӈартын биһэмдэл эр мит
Дю̄р мэ̄нты балдынат дю̄т тыё̄лдэн,
Гороптыран гуннэл
О̄макта дыгин кирӣлка̄н
Ампа̄р дю̄явӣ эр бэе о̄дярдага.
Эр эмэчэ̄ аһа̄тка̄н биһэмдэ
Солкомо сунмӣ дю̄р сē птукин
Ара̄һинай гириптыла̄лва гана-гана
Илан муһэ̄дӯ умӣвнан
Илан уннӯр таһагас о̄дан.
Тар до̄дӯн а̄һун-да̄ тэты̄,
Идэгэ биһӣн эвкӣ са̄вра.
Эр бэел таргачӣн аят
Баян богово баяннал
Эмӈэ дэлэй богот бидечэ̄тын уһу.
Нуӈартын бара̄н анӈанӣва
Са̄ра-кат энэл бидерэ.
Эр биденэл, кила̄дима нюрӣктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ,
Илалдава биксэ̄,
Илан бē гаӈичӣ о̄дан,
Нюӈулдэвэ биксэ̄
Нюӈун бē гаӈичӣ одан,
Егилдэвэ биксэ̄,
Егин бега до̄чӣ о̄ча̄ ивит.
Егӣтын тыманӣдӯн Кила̄дий киливлӣ
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н гунмурӣ бэеӈтыкӣвӣ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н о̄дяран:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Дулин буга букатырин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н гунмурӣ
Гурки гунды̄ гиркив!
Бэгин гунды̄ бэгинми!
Бӣ иӈа̄ма ӣктэтэив,
Мэӈумэкэ̄н мē ватаив,
Коӈнорӣка̄н һа̄китаив
Эӈэнӣмэ икса̄ран,
Ӈонум дялив урумӯлдэн,
Эмӈэ кэӈтырэ̄в тыё̄лдэн.
Тар ē да̄ гунмӣ,
Муттӯ нономо умун һуркэ̄н-куӈа̄ка̄н
Балдырӣ болдёкин одан.
Тарит сэрэнкэл-сэрбэнкэл!
Со̄ бэе һутэн
Со̄ӈку сумут бивкӣ гуӈнэрэ.
Супыда̄вӣ некэлдиӈэ̄н.

Есть закончили.
Решили они, что чум,
Где родились двое наших [брат и сестра],
Стал тесным и старым.
Тогда Дэвэлчэн начал строить
Четырехугольный дом-жилище,
Приехавшая же девушка стала вытаскивать
Из двух карманов верхней своей шелковой одежды
Лоскутки пушнины и складывать их
В три кучи,
Которые в три ряда вьючных сум превратились.
Сколько там было вещей и одежды —
Не сосчитать.
Стали все больше богатеть
Эти люди,
Всего у них стало вдоволь, говорят.
Не знали они,
Сколько так прошло лет.
Так они жили, и Киладий-красавица
С блестящими волосами забеременела, оказывается.
После трех суток
Была уже на третьем месяце,
После шести суток —
Уже на шестом месяце,
После девяти суток —
Уже на девятом месяце.
На девятое утро Киладий-красавица
Мужу своему, храброму Дэвэлчэну,
Сказала такие слова:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Богатырь Среднего мира
По имени храбрый Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Другом зовущийся друг мой,
Господином зовущийся господин мой!
Зубы мои, подобные камню,
Серебряное мое сердце,
Черная моя печень —
Все разболелось!
Мои длинные мысли укоротились,
Моя широкая спина сузилась.
Если спросишь: „Почему?“ —
[Отвечу]: пришел срок рождения
Нашего ребенка-мальчика.
Поэтому приготовься, будь начеку!
Сын храброго богатыря,
Говорят, бывает сильным и жилистым.
Если он постарается убежать,

Тара̄ эруһуйиксэ̄л,
Бӣ мэңумэ дя̄һиктӯв
Мэңумэ чивка̄ча̄н дэктылэ̄лкэн иргин
Энэ һигивра бутунди һигивнэн
Нандан биһин бидиңэ̄н,
Тар до̄дӯн балдыдя̄к
Аналла̄к омӣн биһин бидиңэ̄н.
Тара̄ нуңандӯн һоривуксал,
Мэңун чивка̄ча̄н нандадин чакилимчалты.
Е̄да̄ тыкэ̄н гунэкис,
Ӯгӯ буга ира̄кта̄гин
Бе̄ганда̄р Баян этыркэ̄н,
Сигӯрдэ̄н Баян атырка̄н
Сагды̄л бэел аналла̄китын
һуркэ̄н-һутэтын нуңан бидиңэ̄н.
Де тарит бэевӣ бэекэксэ̄,
Сумувӣ сумукуксо̄,
Уркэдӯвӣ этэвкэл.
Тар дюлэдӯн катанчарӣ
Кулӯс биһикин нӣкэл.
Уйчэрӣ уһӣкэн биһикин гурэкэл.
Эр би дагадӯв илан ча̄лба̄тка̄на
һогикса̄, тоһогоё иливкал,
Умун уваһатка̄на ва̄кса̄,
Нандава̄н бутэйди һигиксэ̄,
Сумуво̄н энэ һогра
Дяландулӣн һуёнңӣксэ̄,
Нандава̄н ла̄йдаңла̄вӣ эксэксэ̄,
Илан лава̄чӣ о̄л ча̄лба̄тка̄ндӯ
Тэтывуксэ̄, нандава̄н олгӣкал.
Тар дюлэдӯн надан о̄л ча̄лба̄на
Се̄лидин, иргидин симэ̄кэл.
Де, аһӯн бичэ̄с, дурукка̄н
Со̄мат һӣма̄т дялувмалчакал,
Дурукка̄н эр-ты этэвмэлчэкэл!
Эр-ты эһӣт һуркэ̄н-куңа̄ка̄н
һэтэкэнды̄гдэн о̄дан!» — гуниттэн.
Тара̄ тадӯ биһэмдэ
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэн
Дэгилтэр со̄ңку Дэвэлчэ̄н
Со̄ңкума ма̄та̄ элӣ-талӣ туксана,
Элӣ-талӣ ча̄варӣна
Он гунмунэвӣ дурукка̄н
Гунмунэгэчӣнин этэнэгдэн биһин.
Тар некэксэ̄, уркэдӯвӣ этэвдердэгэ.
Куңа̄ка̄н биһэмдэ:
Аминми бэлэм биһинды до̄ гунчэ̄гэчӣн
Чӯтурин солко чӯкава

Спаси его!
Есть у меня серебряный ящик,
В котором находятся
Крылья, хвост
И оперение серебряной птички.
В них —
Душа нашего сына *.
Положите все это рядом с сыном,
Заверните в оперенье птички.
Если спросишь: „Зачем?“ —
[Отвечу]: он внук
Повелителей Верхнего мира,
Старых людей —
Старика Баян Бегандара,
Старухи Баян Сигурдэн.
Теперь мужайся как подобает мужчине,
Соберись с силами,
Жди у дверей.
Но сначала открой
Все закрытые замки,
Развяжи все завязанные узлы *.
Сруби три березки,
Вбей колышки *.
Забей молодого коня *,
Не разрезая жил,
Сними целиком шкуру,
Тушу раздели по суставам,
Потом шкуру отнеси на *лайду*,
Набрось на вершины трех березок
И высуши,
Пучками конского хвоста и гривы
Укрась семь соседних березок.
Все это исполни,
Как можно быстрее
Все закончи!
Вот-вот мальчик
Выскочит и побежит!» — сказала она.
Вслед за этим
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде
Забегал туда-сюда,
Стал хватать то одно, то другое,
Все сделал,
Как было сказано.
Потом встал у дверей в ожидании.
А ребенок, будто
Задумав проверить отца,
На подстилку из шелковой зеленой травы

Гиркэндӯтын дылвӣ һорōндин
Лис ōһикнакнан тыктэн;
Ирак-тырак һэкинтӯрэн,
Ӈӣ-дэ̄ эһӣдин дявара
Дяландӯвӣ илмалчаран,
Тулискэ̄кӣ һэтэкэнчэрэн,
Уркэветын исчана, аминдулāвӣ исчана
Оһокпӣ чāгидāлин аминдукки һэтэкэлдэн.
Аминин биһэмдэ сумут мāтā
Нуӈанмāн сувтывнāт бидиӈэ̄н дō —
Оһоккӣ иларāкāн пэрӣһинмукэ̄никсэ̄,
Куӈāкāнма аракӯкāн дяваксā,
Аран эчэ мултувра.
Тадук дявӯчамнӣн пэрӣктэксэ̄,
Дулиндукин кумнэксэ̄,
Һарāндӯ тырӯчэрдэгэ.
Тар тырӯчэдерэкин Солкондōр киливлӣ
Мэӈумэ чивкāчāн омӣлкāн нандавāн
Эмувуксэ̄, куӈāкāнма чакилдан
Тар амардукин
Аят бинэвэр малāһинмāн
Нян актавар аяргӯдин,
Бēӈмэр бастыӈидин,
Огуһиӈмар һэгдыгӯдин
Астāксāл, аӣһитыт инэӈӣӈин гуннэл
Девгэ̄ богово тāниксāл,
Аямат девдердэктэрэ.
Тар амардукин
Нуӈартын, иладдадӯ биксэ̄л,
Илӣтын тыманӣдӯ эр Килāдий киливлӣ
Бэеӈмӣ дэптыкӣ тэгэксэ̄,
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н-сэһэлкэ̄н ōдячā:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Дулин буга букатӣрин
Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэтӣлкэ̄н
Сōӈку мāтā Дэвэлчэ̄н,
Гирки гундӣ гиркив,
Бӣ тӯрэ̄нмэв
Дю̄р сēндӯвӣ силдыкал,
Эмӈэ дōдӯвӣ дōлдыкал!
Мит Бегандāр Баян аминдуккар,
Сигӯрдэ̄н Баян энииндуккэр
Эр бугала илнат
Илан тугурук аӈнанӣ ōдан.
Тар усталкāн тōрадӯн
Ёкун-кат уһа āчин.
Нонопты омолгичāн һутэвэр
Нуӈардӯтын анāӈāтыт бичэ̄н.

Прямо темечком упав,
Громко стукнувшись головой *,
Подергал ногами
И, не давая себя схватить,
Вскочил, чтобы
Бежать наружу.
Добежав до дверей, столкнулся с отцом,
От отца бежать вокруг печки бросился.
Но отец, сильный *мата*,
Разве даст ему ускользнуть?
Трижды пробежав за ним вокруг печки,
Осторожненько ухватил ребенка,
Едва удержав.
Потом покружил его,
Схватил поперек в охапку,
И прижал своим телом.
Пока он сына удерживал, Солкондор-красавица
Принесла оперенье серебряной птички с душой [сына]
И завернула ребенка.
    После этого —
Для пира в честь благополучных родов,
В честь своего духа-покровителя,
Забили лучшего холощеного оленя,
Лучшую кобылицу,
Самого крупного быка,
Наготовили много еды,
Обильно поели.
    После этого —
Прошло три дня.
На третье утро Киладий-красавица
Села напротив своего мужа
И стала так говорить-вещать:
« *Кимэ-кимэ кимэнин!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Другом зовущийся друг мой,
Мои слова
Вкрути [себе] в уши,
Учуй огромным нутром!
Прошло полных три года
Как мы приехали в эту страну
От отца Баян Бегандара,
От матери, старухи Баян Сигурдэн.
За это время
Худого ничего не случилось.
Следует нам
Отвезти им нашего сына-первенца *.

Гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣен, со̄лтама суракӣан
Сагды̄л мэ̄ртын бӯдиӈэ̄тын.
Бакалдына та̄рия һӣма̄ гиркучӣ бэе
Сӣ мэ̄нды эксэксэ̄ бӯрӣдӯс
О̄н биһин? Дялвӣ са̄вка̄кал!» —
Гуниттэн.
Тадӯ со̄ӈку Дэвэлчэ̄н:
«Амин о̄кса̄, бидиӈэ̄в до̄ —
Бӣ сиручим!» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гунэн-дэ̄ со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Тулискӣ һэтэкэнчэрэн,
Бирака̄ӈӈӣ дурукка̄н туксаран.
Аналла̄к мэ̄нин мэӈумэ урэӈилвӣ
Энэ сула̄ра туксаран.
Эр туксакса̄,
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун улгэ̄р нё̄гӯлкан
Мэрилэ̄ орон укчаккӣ бакакса̄,
Эмуврэн-дэ һутэвӣ биһэмдэ,
Мэӈун коро̄пкака̄нма о̄кса̄,
Тар до̄дӯн чивка̄ча̄ӈин
Нандадӯн чакиликса̄, ды̄рэн,
Тариӈӈӣ се̄птӯвӣ ды̄рэн,
Мэ̄нин мэрилэ орон укчактӯвӣ
Кара һорокитка̄нӈачӣн
Капка̄н һэтэкэнэн,
Бе̄гандар Баянтыка̄кӣ һэтэкэнмукэ̄нэн.
Эр ӈэнэвкэ̄нденэ кила̄дима нӣориктэлкэ̄н
Кила̄дий гунмурӣ гиркиткӣвӣ
Этэ̄һиниксэ̄, тыкэ̄н гуннэ
Тӯрэ̄чӣ о̄дяча̄ уһу:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Кила̄дима нӣориктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ,
Гирки гунды̄ гиркив,
Бӣ эр эһилэ сурум,
Бе̄гандар Баян этыркэ̄н
Сигӯрдэ̄н Баян атырка̄н
Сагды̄ӈилвар са̄на̄рдагим
Бӣ этэ̄м удара, сурурӣдӯвӣ
Егин долбонӣлка̄н инэӈӣлӣ исчиӈа̄в,
Эмэрӣдӯвӣ, багдарӣн дэгӣкэ̄н о̄кса̄,
Тар до̄гида̄лӣн эмэдиӈэ̄в.
Мэрилэ̄ орон нонопты һутэт
Анал укчакин биӈнэ̄н.
Тар оронди гэрбӣен бӯдиӈэ̄вун.
Тадук о̄дакин бӣ эмэдэлэ̄в
Сӯ аят бикэлду,

Звонкое имя и громкую славу
Старики сами дадут ему.
Ты, человек, умеющий быстро ездить,
Смог бы его отвезти и навестить их.
Скажи, что ты об этом думаешь?» —
Сказала она.
Храбрый Дэвэлчэн на это [ответил]:
«Став отцом, я не буду медлить,
Поеду!» — сказал он.
Так сказав, храбрый Дэвэлчэн
Тотчас наружу выскочил,
Пробежал по всем своим речкам,
Пробежал по своим серебряным горам,
Не пропустив ни одной.
Все обежав, нашел
И привел
Своего пестрого
Верхового оленя,
Родившегося с серебряным седлом,
Серебряным витым поводком.
Сделал серебряную коробку,
Завернутого в птичье оперенье [сына]
Положил в нее,
Сам ловко,
Как чёрный глухарь,
Вскочил на своего верхового оленя
И помчался в сторону старика Бегандара.
Отправляясь, своей подруге по имени
Киладий-красавица
С блестящими волосами
Сказал такие слова, говорят:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Киладий-красавица
С блестящими волосами,
Подругой зовущаяся подруга моя!
Я теперь отправляюсь
Повидаться с нашими стариками,
Стариком Баян Бегандаром и
Старухой Баян Сигурдэн.
В пути я не задержусь,
Через девять дней и ночей прибуду.
Возвращаясь, превращусь в белую птицу
И буду еще быстрее.
Наш пестрый олень
Станет верховым оленем нашего сына-первенца.
По этому оленю мы дадим [сыну] имя*.
А вы спокойно живите
До моего возвращения.

һэргӯ-дэ̄ бугадук эктын эмэрэ,
Ӯгӯ-дэ̄ бугадук эктын ичэврэ.
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄вэр
Инэӈӣтыкин һа̄внал-балдывдянал бикэлду!
Минэвэ биһэмдэ
Дю̄р егин долбонӣлка̄н
Инэӈӣвэ ӣлтэнэкив,
Кулдюһал кувулгатылнӣон,
Ара̄һинай албаһилка̄лнӣон
Нӣян тувэһиксэ̄, бакалдырдага гундэ̄вэт.
Таргачӣрдӯ эмӣ тувэстэ, этэ̄м удара.
Буралия бурастӣ!» — гуниксэ̄,
Мэрилэ̄ орон укчакпӣ
Нёгӯва̄н де дявардага.
Мэрилэ̄ орон бараксан
Тэнӣнэгэчӣкэ̄р дӯндэлвэ
Нэптэлмӣгдэ тэвиннэ,
Томтор дуннэвэ тонӈорогор тӯнэ,
Оӈкучак дӯннэвэ омчорогор тӯнэ,
Нӣяликин мо̄ва нялбурагар,
Бучӯкин мо̄ва буктарагар
Ӈэнэвкэ̄нмӣ-нюн ӈэнэвкэ̄ндерэн.
Эр сурудюрукин кила̄дима нӣюриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливли биһэмдэ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄лкэ̄н
О̄на эмэ̄нмудерэн:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Дулин буга букатӣрин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтӣлкэ̄н
Дэгилтэр со̄нку Дэвэлчэ̄н,
Гирки гунэ̄рӣ гиркив,
Бӣ нян тӯрэ̄нмэв
Се̄ндӯвӣ силдыкал,
Иргэлэ̄вӣ иктэвкэл,
До̄дӯвӣ до̄лдыкал!
Сӣ е̄дук-кат аят
Аянна̄на искал,
Е̄ма-да̄ бугадук кулдюн
Кувулгат эгин мэһэйдэ̄рэ,
Ара̄һинай албаһилка̄н
Эгин синэ дерэ̄дэрэ,
Ӈӣ-дэ̄ синэ эгин илэчэ̄рэ,
Мит мэ̄рты гиркунты о̄дан,
Е̄ма-да̄ со̄ниӈ на̄дан-да а̄чин.
Мит мэ̄рвэр дюлэдӯвэр
Гиркурӣт мэ̄рты о̄нӣт о̄ча̄.
Тадӯ о̄дакин бӣ амилка̄н
Эниндулэ̄в илдитйэ иһивкал:

Пусть из Нижнего мира никто не придет,
Пусть из Верхнего мира никто не нагрянет!
Пусть наши олени, кони и коровы
Каждый день прибавляются-умножаются!
Если же я
Не вернусь через
Дважды девять дней и ночей,
Вы поймете, что мне встретились
Коварные оборотни,
На разные хитрости способные.
Если они мне не помешают, я не задержусь.
На долгие годы прощайте!»
Так сказав, он ухватил поводок
Своего пестрого верхового оленя.
Славный верховой олень
Мчался и мчался вперед,
Срывая с земли
Куски с меховой коврик.
Холмы он растаптывал,
Низины он заваливал,
Растущие деревья сваливал,
Сухие деревья дробил в щепки.
Когда [Дэвэлчэн] отъезжал, Киладий-красавица
С блестящими волосами
Стала говорить
Такие слова:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*
Богатырь Средней земли,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Другом зовущийся друг мой!
Мои слова тоже
Вкрути [себе] в уши,
Вбей в мозг,
Учуй нутром!
Свой путь
Пройди хорошо!
Пусть ни в одной стране
Тебе не помешают коварные оборотни,
Не досаждают
На разные хитрости пускающиеся!
Пусть никто тебя не тронет!
Этот поход нам совершить предназначено.
Никакой другой богатырь не должен вмешиваться.
Только нам предстоит
Совершить этот поход!
Еще, передай
Отцу и матери мою просьбу.

Билир нуӊартын егин бинэл
Балдычāт гуниӊкитын.
Тариддук умун эвэкэ̄в
Эр бугалā уӊиӊнэтын.
Дулин буга мэнин дōдӯн
Ēма-дā сагды̄ гунмурӣ āчин.
Тарит сагды̄ нāдан эмэдиӊэн:
Һутэвэ син балдывдиӊāт,
Сōһувэ син иргивдиӊэт.
Тар дуруктӯн омолгичāн
Куӊакāнма ōлгарӣн нāда,
Илан дэткэн дэлэмӣчэ̄вэ
Ичэттын нян нāда.
Мундӯ умун нэкулкэһэл биһип,
Эдэр бэе мит дюлэдӯт
Этэ̄н сагдана, мэ̄нин дюлэдӯвӣ
Оӊорӯвӣ ōрин аналлāкин
Йр-дэ̄ бугадӯ нюӊнивнэвэн
Ӊӣ-кэт эһин сāра.
Багар тымӣ сурудиӊэн,
Багар инэӊмэн ӊэнэдиӊэн,
Тарā сӣ-дэ̄, бӣ-дэ̄
Эһип сāра, эһип кāйда.
Аһāткāн куӊāкāн мэнин-дэ̄
Аӊнакӣ бэе аналин гуннэл
Улгӯривкил гуниӊкитын.
Тарит эдэр бэе олоккōн
Ичэтнэ бэлэтты̄ сагды̄
Эвэкэ̄е уӊиӊнэтын!» — гуниттэн.
Де эр сурурӣ бэеӊитын
Тар сурурдугу.
Аһакāр куӊакāр, бугадӯвар
Мэгдэлтын эмэ̄нмуксэ̄л,
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄вэр
Курēвэн-тēргэнмэ̄н ōнал,
Мэ̄рдӯвэр элэкин һавāва һавалнал,
Авдӯлвар аят ичэтнэл
Едук-кат аят бидердэктэрэ.
Тар сōһултын ōн бидерэ гунмӣ —
Орон сōһудук эӊнэкэн гукӣт
Эӊтэнэ-эӊтэнэ балдыран,
Инак сōһудук торбос гукӣт
Маӊирāна-маӊирāна балдыран,
Мурин сōһудук кулун гукӣт
Кӣнāна-кӣнāна балдыран.
Тадук биһэмдэ дулин бугатын лāйдан
Инэӊӣтыкин эмнэлдэн,
Лāйдаӊитын ōкин-дā эчӣн

Они говорили, что в старину
Было у них по девять братьев и сестер.
Пусть одну старуху
Отправят в эту страну,
Ведь на Средней земле
Совсем нет старых людей.
А старуха понадобится:
У нас родится сын,
Мы будем держать скот.
Надо будет возиться
С ребенком-сыном,
Надо будет
Присмотреть за оленями, конями и коровами.
А у нас только сестра [Солкондор],
Она молодая девушка,
Она не состарится раньше нас.
Никто не знает,
В какой стране
Найдется для нее суженый.
Может, завтра она уедет,
Может, сегодня отправится,
Ни тебе, ни мне
Ей этого не запретить.
Молодая девушка
Принадлежит человеку чужого рода,
Так говорится.
Поэтому пусть отправят к нам
Старую бабушку,
Помогать семье молодых!» —
Сказала она.
И вот, отъезжающий человек уехал.
Оставшись одни
На своей земле,
Девушки подправляли загон-двор
Для оленей, коней и коров,
Вовремя работу выполняли,
Старательно за скотом ходили,
Все у них хорошо было.
Если спросить, как жил их скот,
То, оказывается, от оленей их,
Хоркая, рождались оленята:
От коров их,
Мыча, рождались телята,
От кобыл их
Рождались ржущие жеребята.
Лайда Средней земли
С каждым днем становилась все шире,
Вечнозеленая

Һокоргоро чӯт чӯкан
Анӈанӣтыкин аялдан.
Авдӯлтын оӈкорӣ конӯлтын
Āнӈатыкин кēркэйдэн.
Тарит биһэмдэ
Һуркэ̄н-куӈāкāн аилган
Аһаткāнди калтакачӣ ōвчā
Гуннэтын инэӈӣтыкин
Ичэвнэ балдыдярдага.
Сōӈку мāтā Дэвэлчэн
Эмукин биӈэһӣвӣ
Ёкунма-да эһӣвӣ эһӣ туркэврэ бинэ
Нуӈан бинӣдӯн эргэчин
Илан дэткэн дэлэмӣчэ̄
Иргӣт-дā эмэксэ̄ балдырӣн
Аилган āчин бичэн.
Нуӈан эмукин аилган бимӣ
Дулин бугавӣ бэйӈэ̄вэ̄н
Аят кēйна бэйӈэ̄вкӣ бичэ̄н.
Амӈатпӣ энэ демӯрэ,
Тэты̄тпӣ энэ синӈэрэ
Тыкэ̄н-нюн бидечэ̄н.
Эһӣт ичэрэктын калтакатпӣ
Нуӈан дэлэй дӯндэӈтэин,
Эмӈэ тēргэнтэин, дю̄тай-тоготой
Тувусна баянин барāлдан,
Дулин буга ōвнан
Оӈорӯн олокин ōвран
Гуннэл (олоӈко-дō бичэ̄лӣн)
Эр-тар балдыдяк тэкэһэлтын,
Сāрил сагды̄ӈилтын
Сōт аят сэӈēрды̄дитын
Сōӈку Дэвэлчэн олокин ӈӯӈнэрэн.
Горово-кот бинэвэр эчэ сāра,
Дагава-кат бинэ̄вэр эчэ̄ сāра,
Инэӈӣтыкин эё̄тнэл-эё̄тнэл баяна,
Сиӈалāнал-сиӈалāнал аювда.
Тар амардукин бимӣ
Дю̄р егин долбонӣ аһӯндӯн дялупчиӈāн —
Болдёк долбонӣн бокончō ивит,
Эмэрӣ инэӈӣ эмэчэ̄ ивит.
Дулин буга букатырин
Сōӈку Дэвэлчэ̄нмэ нуӈанмāн ичэтчэнэ
Аянин дулиндукин ēма-вал
Албаһилкāн-кувулгатылкāн
Илэчэ̄ӈэ̄т бэен бидиӈэ̄н —
Аяндӯвӣ ēдӯ-кат энэ тāнмура
Чāгāн бэеӈилдукпӣ аят пэрӣһиниксэ̄,

Нетронутая трава
С каждым годом становилась все красивее.
Долины, где пасся скот,
С каждым годом становились все зеленее.
Поэтому
Поговорка: «судьба парня
Наполовину зависит
От девушки» — каждый день
Оправдывалась.
Когда храбрый богатырь Дэвэлчэн
Жил один,
Все ему было под силу,
Но не случалось,
Чтобы к нему одному
Откуда-то пришли и расплодились
Олени, кони и коровы.
Когда он жил без жены, только и знал,
На зверей Среднего мира
Ходить-охотиться.
Не голодал,
Не мерз без одежды —
Так жил.
А теперь, как посмотришь,
Огромная его страна
Широкий двор, дом с очагом,
Стали вдвое больше, богаче.
Родившийся для жизни на Средней земле
Стал он жить с семьей —
Ведь это [происходит] в сказке.
Многочисленные родственники
И мудрые старики
Очень радовались,
Что жизнь храброго Дэвэлчэна так устроилась.
Долго ли жили, не знали,
Недолго ли жили, не знали,
Изо дня в день богатели все больше,
Ели до отвала.
После этого —
Дважды по девять ночей много ли?
Ночь назначенного срока пришла,
День приезда настал.
Разве кто-нибудь
Коварный и хитрый,
Увидев богатыря Среднего мира
Храброго Дэвэлчэна,
Остановит его на середине пути?
Дэвэлчэн нигде не задержался в пути.
Повернув домой от дальних родственников,

Илан муһэ̄лӣ багдарӣн била̄т
Эӈэептут та̄нмуча̄гачӣн
Ала котой о̄кса̄, аянна̄на
Дю̄рмэ̄н дюпты̄ сирэкэвӣ
Нюмунтыкнан далкина
Аянна̄на эмэксэ̄, ла̄йдаӈмӣ дулиндӯн
Эмӈэ тэ̄ргэндӯвӣ тыкиксэ̄,
Мэ̄нин мэндивӣ о̄кса̄,
Аһа̄ткар-куӈа̄ка̄р о̄натын
Олокпотын ичэксэ̄,
Урундуккӣ инемнэ̄рэн.
Тар амардукин
Дю̄ла̄вӣ эмэксэ̄, тыкэ̄н гуннэ
Тӯрэ̄лкэ̄н-сэһэлкэ̄н о̄дан:
«Гиро̄-гиро̄ гиро̄ка̄нин!
Гирки гунды̄ гиркив,
Кила̄дима ню̄риктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ,
Нэкун гунды̄ нэкунми,
Солкомо ню̄риктэлкэ̄н
Солкондо̄р гунмурӣ!
Ноноптыва̄н доро̄воё дявакалду,
Амаргӯптын улгӯр о̄гин!
Би гиркунмав улгумӣрэксун —
Би гиркуӈа̄т гиркунмӣ
Дурукка̄н дялувукса̄, эмэм.
Бе̄ганда̄р Баян этыркэ̄н,
Сигӯрдэ̄н Баян атырка̄н сагды̄л
Бӣ эмэрӣвэв илан долбонӣ
Дюлэдӯн са̄кса̄л, ӯгӯ сивӣр
Чӯтурӣн солкомо чӯкадин
Сэктэвунмэ сэктэвчэ̄л,
Тар оелӣн нондо
Толбочӣӈин сэктэвунмэ нэ̄чэ̄л,
Инӈактачӣ дурукин аяргӯдин
Кэ̄ргэтнэл мит һутэт
Аналла̄к һара̄нан о̄ча̄л.
Тадук биһэмдэ тэ̄ргэнмэр дулиндӯн
Бе̄га дяпкадӯн һактыраһӣ долбонӣва
Ӈэ̄рӣнмурӣ багдарӣн мэӈун
Сэ̄ргэвэ о̄кса̄л иливча̄л.
Тар сэргэ мит һуркэ̄н-һутэт
Аналла̄к укчаккӣ уйивунин уһу.
Тар амардукин
Этыркэ̄лкэ̄н атырка̄н
Мэ̄ндуккӣ мэӈун нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун улгэ̄р нёгӯлка̄н
Мэрилэ̄ укчак оронмо̄н

Обернувшись полосатым орлом,
Словно белым платком
В трех местах опоясанным,
Он летел, так сильно махая крыльями,
Что двойным костям
Его крыльев было щекотно.
На середине своей *лайды*,
На широком дворе он опустился,
Обернулся самим собой,
Посмотрел, как хозяйничали девушки,
От радости улыбнулся.
После этого —
Подошел он к дому
И стал так говорить-вещать:
«*Гиро-гиро гироканин!*
Подругой зовущаяся подруга моя,
Киладий-красавица
С блестящими волосами!
Младшая сестра, родная сестра моя
По имени Солкондор
С шелковистой косой!
Сначала примите привет,
Потом начнем разговор!
Если спросите, как я съездил,
[Отвечу]: я вернулся, исполнив все,
Ради чего ездил.
Старик Баян Бегандар и
Старуха Баян Сигурдэн,
О моем приезде за три ночи
Загодя узнав,
Постелили постель
Из вечнозеленой шелковой травы Верхнего мира.
Сверху постелили
Рысью шкуру,
Сделали для нашего сына
Подстилку из одних
Лучших, переливающихся мехов,
Потом посреди своего двора
Светящуюся в темноте безлунных ночей
Серебряную белую
Коновязь поставили.
Коновязь эта
Для верхового оленя нашего сына, оказывается.
После этого —
Старик со старухой
Привели к этой коновязи
Пестрого верхового оленя,
Родившегося с серебряным седлом,

Эр сэргэдӯ то̄мта̄кса̄л,
Тар орон ичэдэдин
һутэвэр гэрбӣен бӯрэ.
Гэ̄лнэ̄ри гэрбӣн, со̄лтама суракин
Ӈӣ о̄дан гунэксун —
Егин инэӈӣлги дӯндэвэ
Умнэ̄ улгӯнчана ӈэнэрӣ
Мэ̄ндукки мэӈун нэ̄мэлкэн,
Мэ̄ндуккӣ мэӈун улгэр не̄гӯлка̄н
Мэрилэ̄ орон укчакилка̄н
Ӯгу буга Хурко̄кчо̄нин
Гунмурӣ о̄дан.
Тар амардукин
Сӣ илдитпэс со̄ элэкин
Гуннэл эдукипты эмэрӣ һутэһун
Балдырӣдӯн иссиӈа̄н гуннэл илдиттэ̄рэ.
Гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣвэ̄н, со̄лтама суракка̄н
Эр-тар гуннэл эчэ улгучэ̄нэ.
Митпэ мэ̄нин бодомӯрӣва бакакса̄л,
Уӈдиӈэ̄вун гуннэл илдиттэ̄рэ», —
Гуниттэн.
Тар амардукин
Дю̄ла̄ва̄р ӣксэ̄л, ноноптыгачӣнмар
Аӣ девгэ̄вэр аста̄кса̄л,
Ня̄н бара̄н со̄ бэегэчӣн
Егин долбонӣлка̄н инэӈӣдӯ
Улгучэ̄мэ̄тнэл—эвӣнэл
Инэӈӣвэ-долбонӣва энэл
Са̄ра бидердэктэрэ.
Эр некэксэ̄л, сӣксэӈитын о̄кса̄,
А̄һинды̄тын эмэрэн.
Нуӈартын биһэмдэ
Чӯкалка̄н һара̄нмар о̄кса̄л,
Аямат а̄һинирдактара.
Эр бэел, а̄рӣ а̄мӣвар ме̄ликса̄л,
Депты̄ девгэ̄вэр ирӣнэл, деврэ,
Тулгӯ һава̄вар һавалманда̄ра.
Эр некэксэ̄л, ня̄н аһӯнма-да̄
Бинэвэр энэл са̄ра
Инэӈӣ-долбонӣ ӣлтэндексо̄рэн,
Анӈанӣ аланмудяксо̄ран,
Аһӯнма-да̄ бинэвэр эчэл са̄ра.
Тар амардукин
Эр кила̄дима нюриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ
Ня̄н ноноптыгачӣнмӣ
Егин бе̄галка̄н до̄чи о̄ча̄ ивит.
Эр до̄чи о̄мӯракин

С серебряным плетеным поводком,
И по облику оленя
Дали имя сыну.
Если спросите
О его звонком имени, громкой славе,
[Отвечу]: Хуркокчон Верхнего мира, ездящий
На пестром верховом олене,
В один прыжок покрывающем
Путь девяти дней,
Родившийся с серебряным седлом,
С серебряным плетеным поводком —
Имя его.
После этого —
О просьбе твоей сказали они,
Что очень она разумная.
К рождению [второго] ребенка прибудет [сестра-старуха].
О ее звонком имени, громкой славе
Не сказали, просив передать,
Что пошлют ту,
Которая сама захочет за нами последовать», —
Сказал [Дэвэлчэн].
После этого —
Они вошли в дом,
Как раньше, приготовили еду-*аи*.
Разговоры и игры
Длились девять дней и ночей,
Словно было там много-много людей.
Жили они, не зная,
Ночь была или день.
Живя так, как-то вечером
Стали спать укладываться.
Они
Из травы постель себе сделали
И крепко уснули.
Выспавшись, эти люди проснулись,
Приготовили пищу, поели,
Быстро по хозяйству управились,
После этого опять жили,
Не зная сколько.
Дни и ночи уходили,
Годы друг с другом сливались,
А они не знали, сколько прожили.
После этого —
Киладий-красавица,
С блестящими волосами,
Как и в прошлый раз,
Оказалась на девятом месяце беременности.
Когда срок [беременности] кончился,

Ӯгӣт коӈнорӣр туксул коюна,
Багдарӣр туксул бара̄лда,
Һуларӣр туксул һуктырэ.
Эргӣт-таргӣт
Нямаһӣ салгин иктэлдэн,
Эдын-эдын һӯвулдэн,
Тыгдэ-тыгдэ тыкилдэн,
Агды̄-агды̄ нирилэ̄лдэн,
Талуна-һёрки гилбэнэрэн,
Эӈэһӣ һигин эмэрэн.
   Тар амардукин
Эһит тыгдэчӣ агды̄
Дылача̄ ӣптуткэ̄кин нирилэ̄деһинэн.
   Эр амардукин со̄ма
Ая неӈдэлэ о̄һинчаран.
Тадук ӯгӣт умун
Багдарӣн дэгӣткэ̄н, эмэксэ̄,
Нуӈарватын дылача̄ва элэ̄ткӣ
Илара̄ка̄н пэрӣһиниксэ̄,
Дю̄тын уркэдӯн лаглас до̄һинчаран.
Илара̄ка̄н ко̄лэһийдэн,
Дылдукин һалгама̄ктӯн дурукин
Ка̄рис солко тэты̄лкэ̄н
Атырка̄н аһӣ о̄дан.
Тар некэксэ̄, тыкэ̄н гуннэ
Тӯрэ̄лкэ̄н-сэһэлкэ̄н о̄дярдага:
« Һэ̄де-ло̄гэй, һэ̄де-ло̄гэй!
Дулин буга бо̄юнин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н,
Кутэ̄т гунды̄ кутэ̄тыв,
Ая дялум ирэндэдӯс,
Со̄ӈку илэ мэ̄ндӯс
Егин дёһун доро̄во!
   Тар амардукин
Кила̄дима нюриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ,
Нэкун гунды̄ нэкунми,
Сӣ нян ая дялум ирэндэдӯс
Нономо доро̄во бигин,
Амаргӯптын улгӯр бигин!
Эр минэвэ ӈӣ гунмурӣ
Сагды̄ эмэнды гунэксун —
Ӯгӯ бугадӯ балдыча̄
Бёганда̄р Баян этыркэ̄н
Адяс нӣдэгӯмэ нэкунин
Унякандивӣ унякалка̄нма эчӣн бакара
Онёдор атырка̄н о̄дам.

Сверху сгустились черные тучи,
Умножились белые тучи,
Сбежались красные тучи.
Оттуда-отсюда
Сильно теплом подуло,
Налетели ветры,
Полили дожди,
Засверкали молнии,
Загрохотали громы,
Поднялись вихри.
    После этого —
Грозовой ливень
Ушел к закату солнца,
    После того —
Засверкало ясное небо.
Потом сверху
Появилась одна белая птица,
Трижды пролетела над ними
По ходу солнца
И величаво села у двери.
Трижды перевернулась
И от головы до пят
В гарус и шелк разодетой
Старой женщиной стала.
Вслед за этим
Стала она говорить-вещать такие слова:
«*Хэде-логэй, хэде-логэй!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Зятем зовущийся зять мой!
Твою красоту,
Твою силу
Девять раз приветствую!
    После этого —
Младшая сестра, родная сестра моя *,
Киладий-красавица
С блестящими волосами!
Сначала тоже привет
Твоему славному облику,
Потом начнем разговор!
Если меня спросите:
„Как имя твое, почтенная?“ —
[Отвечу]: я родившаяся в Верхнем мире
Самая младшая сестра
Старика Баян Бегандара,
Старуха Онёдор,
Которой нет равных по силе.

Тар амардукин
Ёкун на̄далкан эмэнды гунэксун —
Кила̄дима нюриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ нэкундулэ̄вӣ эмэм.
Ёдук-та̄ аят аянна̄м.
Кутэ̄т гунды̄ кутэ̄тыв
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Умнэ̄ ӈэнэнэн удян
Егин-да дя̄н анӈанӣдӯ эӈэ̄т сэ̄мдэ.
Аӣ бэен а̄ртыкин о̄ча̄,
Тарит со̄мат аят эмэм.
Эһиткэ̄н, һутэл,
Со̄т һӣма̄т дю̄вар карайга̄т:
Сундук умун омолгича̄н-куӈа̄ка̄н
Эвэвӣ бакалдымнӣн балдырӣ
Аналика̄н инэӈӣӈин эмэрэн.
Тара аят бакалдыкса̄л этэксэ̄л,
Аят билдиӈэ̄т.
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н, нонон оӈорӯвар
О̄н о̄кса̄л, бакалдыркалдун бо̄лла,
Таргачӣн дурукка̄н о̄малчакал!
Эр бӣ балдыча̄ куӈа̄ка̄нма
Аят ичэрӣдӯ ая идэлкэ̄н бичэ̄в.
Тарит ё̄кунма о̄ривар
Дурукка̄н бэлэннё̄кэлду!» —
Гуниттэн.
Тыкэ̄н гуннэдӯн
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н, ю̄мэлчэксэ̄,
Ӈа̄ладукин доро̄вомнӣн
Дю̄ла̄вӣ элгэнэ ӣвуксэ̄,
Кила̄дима нюриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливлӣ дагадӯн
Атырка̄нма тэгэвкэ̄мэлчэрэн.
Нонопты һутэвэр балдырӣдӯн
О̄н о̄навар дурукка̄н дялувукса, —
Тар этэмӯрэкин Кила̄дий киливлӣ
Тыкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чӣ о̄дярда̄га:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!
Ӯгӯ бугадӯ о̄скё̄чэ̄
Унякандивӣ ё̄ва-кат эчӣн бакара,
Онё̄дор атырка̄н,
Экин гунды̄ экинми,
Ноно̄мо доро̄воё̄ дявакал,
Амаргӯптын улгӯр бигин!
Тадук о̄дакин
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н гунмурӣ
Гирки гунды̄ гиркив,
Нонон этэвнэгэчӣнми

После этого —
Если спросите: „С какой нуждой ты пришла?“ —
[Отвечу]: я пришла к сестре моей,
Киладий-красавице с блестящими волосами,
Я добралась хорошо.
Где зятем зовущийся зять мой
Храбрый Дэвэлчэн проехал,
Остался широкий след,
Который не исчезнет и через девяносто лет.
Он стал дорогой людей-*аи*,
Поэтому я добралась хорошо.
А теперь, дети,
Быстренько в доме приберите.
Ведь настал тот день,
Когда после приезда бабушки,
Ребенок-мальчик родится.
Его мы как следует встретим-примем,
Хорошо станем жить.
Храбрый Дэвэлчэн! Как раньше
Вы к родам готовились,
Сделай все так же!
Я люблю нянчиться
С новорожденным!
Ты же приготовь все,
Что понадобится!» —
Сказала [Онёдор].
В ответ на это
Храбрый Дэвэлчэн вышел,
За руку с ней поздоровался,
Ввел в дом,
Усадил старуху рядом
С Киладий-красавицей
С блестящими волосами.
Все сделали так же, как перед
Рождением [первого] сына.
Вслед за этим Киладий-красавица
Сказала такие слова:
« *Кимэ-кимэ кимэнин!*
Родившаяся в Верхнем мире
Старуха Онёдор,
Которой по силе нет равных,
Старшая сестра, родная сестра моя,
Сначала прими привет,
Потом начнем разговор!
Затем,
Храбрый Дэвэлчэн,
Другом зовущийся друг мой,
Как и в прошлый раз,

Уркэдӯвӣ илиткал!
Эһиткэ̄н умун омолги куӈа̄ка̄н
Эмэрӣн кэмин о̄дан.
Тадук би дя̄һиктукив
Илан коло̄пка некэ̄
Нандалан бэлэннэ̄кэлду.
Тадук умун дя̄һиктӯ
Дёломо эмкэ бидиӈэ̄н.
Тара̄ эмувуксэ̄л, энин о̄рӣ
Атырка̄ндӯ дявавка̄калду.
Тадук тар эмкэ
Нямагда̄нин дяпкадӯн
Алтама алагака̄нма лапкукалду,
Гэ̄гӯ олдо̄ндӯн
Унигдама гидака̄нма лапкукалду.
Тадук о̄дакин соногос мурин
Нэ̄мэн бӯтаян
Эмкэ һэрэдӯн сэктэвкэлду.
Мэӈун контосйон
Омолгича̄н дылгида̄дӯн нэкэлду.
Мерилэ̄ соногос инӈактадин
Мэ̄чикйэ о̄ксэ̄л, тырӯдӯн нэкэлду.
Тар амардукин
Куӈа̄ка̄н балдыракин-нюн
Со̄т мандӯвукса̄л, дявада̄ват!» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гуннэдӯн, ӈӣ ёва
Бэлэннэ̄рӣвӣ дурукка̄н бэлэннэ̄рэ.
Тар бэлэннёксэ̄л этэмӯрэктын,
Де бэлэн о̄дан до̄ гунчэ̄гэчӣн
Омолгича̄н куӈа̄ка̄н умнэ̄кэмэ
Тар-да̄т тылигирэ̄һинчэрэн.
Тара̄ энин о̄рӣ атырка̄н
Илан коло̄пка некэ̄ӈӈӣ
Наннадин чакилиһиптыкӣ
Куӈа̄ка̄н оёло̄н тыктэн.
Куӈа̄ка̄н тара̄ эрэгэмэ энэ са̄ра
Атырка̄нма инӣһинимнӣн
Уркэткэ̄кӣ һэтэкэнэн.
Тара̄ биһэмдэ со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Тоһуйчадяна оёло̄н тыкиксэ̄,
Оһок ча̄гида̄лӣн эксэксэ̄,
Умун һара̄ндӯ тырэрэн.
Тара̄ биһэмдэ били
Дёломо эмкэвэр эмувуксэ̄л,
Тар до̄дӯн о̄н гунмунэвэ̄н
Дурукка̄н нэксэ̄л,
Куӈа̄ка̄нма эмкэдӯ да̄ксэ̄л,
Эмкэвэ даста-да̄ кулӯстэ̄рэ.

Жди у двери!
Пришло время
Родиться ребенку-мальчику.
Достаньте из моего ящика
Три отборные
Собольи шкурки.
В другом ящике
Находится каменная колыбелька,
Достаньте ее и отдайте
Старухе-повитухе.
Потом в ту колыбель
По одну сторону *нямагдана*
Медный лук положите,
По другую сторону
Обоюдоострое копье положите,
Потник из-под седла
Молодого коня
На дне колыбели расстелите.
У головы ребенка
Пусть будет серебряная узда *.
Из шерсти пятнистого коня
Скатайте мяч * и положите.
После этого, как только ребенок родится,
Изо всех сил ловите его!» —
Сказала [Киладий].
После этих слов все знали,
Кому что делать.
Когда приготовления закончили,
Ребенок-мальчик, будто поняв,
Что все готово, тут же
Упал с грохотом.
Старуха повитуха
Набросила на него
Три отборные соболиные шкурки,
И прижала его.
А ребенок, не замечая ее,
Со старухой на спине
Понесся к двери.
Храбрый Дэвэлчэн,
Бросившись, поймал его,
Пронес его за очаг
И прижал на постели [своим телом].
Тогда принесли
Каменную колыбель,
Все в нее положили,
Как было сказано,
Сына засунули в колыбель,
Закрыли ее на замок.

Де эр кулӯһилкэ̄н эмкэчӣ
О̄ран эр куӈа̄ка̄н.
Де тар амардукин
Илан няма̄ илан дя̄р
Актадук һэгдэгӯвэ̄н,
Егин дя̄н егин
Огустук һэгдэгӯвэ̄н,
Дяпкун дя̄р дяпкун
Байтаһун бе бастыӈӈа̄н,
Ба̄кса̄л, аста̄кса̄л,
Куӈа̄ка̄н балдынан мала̄һунин гуннэл
Егин долбонӣлка̄н инэӈӣдӯ
Энэл а̄һина умун тэгинди
Аядук аят улгучэ̄мэ̄тнэл
Е̄дук-кат ая мала̄һунма о̄ра.
Тар амардукин
Бэедӯ бэе һа̄вуптан,
Авдӯду авдӯ һа̄вуптан.
Эмэрӣ инэӈӣ, эмэксэ̄, ӣлтэнэн,
Аланды̄ анӈанӣ, аланикса̄, ӣлтэнэн.
Эр бэел горово-кот, дагава-кат
Бинэвэр энэл са̄ра,
Ня̄н ноноптыгачӣн
Баян богово баяннал,
Аюв богово аювнал,
Ноноптыдӯ ӈэнэмӣ
Энин о̄рӣ экинтын де̄н,
Балдывча̄ һутэтын де̄н,
Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄тын де̄н
Дулин буга бараксан
Эрэгэмэ һуӈтут ичэвулчэ̄.
Эр аӈадяка̄н со̄ӈку Дэвэлчэ̄н
Нимэ̄р нимэ̄ритпӣ, баян баяндивӣ о̄кса̄,
Е̄дук-кат аят бидердэгэ.
Ӯр балдывнатын һутэтын
У мулдуву биксэ̄, умучӣды̄н о̄ча̄,
Дю̄лдэвэ биксэ̄, дючӣды̄н о̄ча̄,
Илалдава биксэ̄, илачӣды̄н о̄ча̄.
Дыгилдэвэ биксэ̄, дыгичӣды̄н о̄ча̄.
Дюви до̄ва̄н, тэ̄ргэнмӣ
Эрэгэмэ энэ сула̄ра
Эрэ̄лӣ туксактадяна
Эвиктэрӣ куӈа̄ка̄н о̄ча̄.
Эр куӈа̄ка̄н инэӈӣтыкин
һа̄вупмӣ-ню̄н һа̄вуптан,
Е̄дук-та̄ боӈно̄н, угунӈа
Куӈа̄ка̄н о̄дан эһилэ.
Дэгрӣню̄н-һуктырӣню̄н

Вот ребенок остался
В запертой колыбели лежать.
После этого —
Самого крупного
Из трехсот тридцати холощеных оленей,
Самого жирного из
Из девяноста девяти откормленных быков,
Самую лучшую
Из восьмидесяти восьми яловых кобылиц
Забили и сварили они.
В честь рождения ребенка
Пировали девять дней и ночей.
Не ложась спать, сидели,
Приятно беседуя.
Пировали лучше некуда.
После этого —
К скоту скот прибавился,
К людям люди прибавились.
Идущие дни пришли и ушли,
Годы, будто через горы переваливая, прошли и ушли,
Эти люди не знали,
Долго ли, недолго ли они жили.
Как и прежде,
Все больше они богатели,
До отвала ели.
Не в пример тому, что было раньше,
Появилось у них много старух повитух,
Много детей родилось,
Много стало оленей, коней и коров.
Славная Средняя земля
Стала выглядеть совсем по-другому.
Сирота храбрый Дэвэлчэн
Стал жить с семьей, богатства имел в изобилии.
Жили они как нельзя лучше,
А родившийся их ребенок *
Через сутки стал как годовалый,
Через двое суток — как двухгодовалый,
Через трое суток — как трехгодовалый,
Через четверо суток — как четырехгодовалый.
В доме и во дворе —
Всюду он бегал,
Не пропустив ничего, —
Такой резвый ребенок.
С каждым днем этот ребенок
Все рос и рос.
Был он неугомонным шалуном, —
Такой был ребенок.
Гонялся он

Тэрэ̄ӈит аhама̄чимнӣн
Тыма̄тна эрдэ суруксо̄,
Сӣксэ hактыралдакин
Эмэрӣ куӈа̄ка̄н о̄дан.
Эр некэксэ̄ оёлӣвӣ
Дэгрӣ дэктэндэлкэ̄нмэ
Эрэгэмэ элчэ̄ ӣлтэнмурэ,
Дюлэлӣвӣ hуктырӣ hалгалка̄нма
Эрэгэмэ элчэ̄ hуптывра.
Со̄ӈку Дэвэлчэ̄н: «Де эр бӣ
Таваргачӣн бичэ̄ бинэ
Син илан сивӣрдӯ батна
Некэедердэгим», — гуннэ
Сутэвӣ ичэнэ-ичэнэ
Мэ̄нин-дэ̄ соhӣттан.
Эhит ичэрэкин баргӯ
Урэӈин оёдӯн туксадявкӣ,
Тадук ичэрэкин миткӯ
Урэӈин оёдӯн туксадявкӣ
Куӈа̄ка̄н о̄дан.
Эр некэеденэ эр куӈа̄ка̄н
Дыгичӣ сатма̄р эhэвэ
Дю̄р нёгӣдукин инӣhиниксэ̄,
Дю̄ла̄вӣ туксана эмэрэн-дэ̄
Ивэ̄ктувӣ чэӈкэрэгэр гарада̄ран.
Тар амардукин
Калтакан тулӣлэ̄, калтакан до̄ла̄
Биденэ тыкэ̄н гуннэ
Турэ̄лкэ̄н о̄дярдага эр куӈа̄ка̄н:
«Гунгир-гунгир гунгиро̄й!
Дулин буга букаты̄рин
Иhардан-дэвэ̄рдэн тэты̄лкэн
Дэгилтэр соӈку Дэвэлчэ̄н,
Амин гунды̄ аминми,
Кила̄дима нюриктэлкэ̄н
Кила̄дий киливли,
Энин гунды̄ энинми,
Би тӯрэ̄нмэв долчӯмка̄вкӣл о̄калду!
Бӣ бара̄н дӯндэвэ гиркум,
Бара̄н бэйӈэ̄вэ ичэм-ба̄лтам,
Тарилдук инэмӈэ̄птын инэӈӣдӯ
Умун аваhива-гӯ, бэйӈэ̄вэ-гӯ
Бакакса̄, ва̄лтакса, эмэм.
Бэйӈэ̄ бимӣ нуӈан ёкун
Гунмурӣ бэйӈэ̄ӈиhун биргӯн,
Ёма-ла бугадук эмэчэ̄
Кувулгат-кӯ биргӯн,
Со̄т сӣма̄т ёксэ̄л, ичэмэлчэкэлду!

За зверями и птицами.
Уйдя рано утром,
С вечерней темнотой
Возвращался этот ребенок.
Он так наловчился,
Что ни одна крылатая птица
Не могла от него улететь,
Ни один быстроногий [зверь]
Не мог от него убежать.
Храбрый Дэвэлчэн [думал]:
«И я был таким, как он,
Теперь, достойно пройдя три мира,
Вот живу», — думал он.
Подолгу смотрел он на сына
И удивлялся.
Посмотрит — тот бежит
По дальней горе,
Еще раз посмотрит — тот бежит
Уже по ближней горе, —
Такой был ребенок.
Однажды этот ребенок
Четырехгодовалого матерого медведя
Взвалил себе на спину, ухватив за передние лапы,
Прибежал к дому
И швырнул тушу у места, где рубят дрова.
　　После этого —
Стоя одной ногой в чуме, другой — снаружи,
Этот ребенок заговорил,
Сказал такие слова:
«*Гунгир-гунгир гунгирой!*
Богатырь Среднего мира,
Всесильный богатырь Дэвэлчэн
В расшитой-разукрашенной одежде,
Отец, родной отец мой!
Киладий-красавица
С блестящими волосами,
Мать, родная мать моя!
К моим словам прислушайтесь-ка!
Много я по земле бегал,
Многих зверей видел и убивал,
А сегодня
То ли *авахи*, то ли зверь
Мне попался, я его убил и принес.
Если это зверь, то
Как зовут этого зверя?
Или это из другого мира пришедший
Коварный оборотень?
Поскорее выйдите, посмотрите!

Нуӈанма̄н бӣ, удява̄н удякса̄,
Амардукин боконим-да̄
Һуӈтул бэйӈэлгэчӣн эчэ тукса̄на,
Куһӣнэ̄де эмэнды до̄ гунчэ̄гэчӣн
Ката дэ̄птыкӣ эмэрэн.
Де эр бакалдыкса̄л,
Дю̄р-илан калан ирилӈӣдӯн
Тэрэ̄нэ̄кӣ куһӣксэ̄л,
Бӣ нуӈанман тыкивкэ̄ним,
  Та̄р амардукин
Ва̄да̄вӣ некэденэ:
«„Кэрэ̄спӣ тӯрэ̄ткэл!“ — гуннэв,
Гэрбӣе а̄чинтыкӣ эһим
Тӯрэттэ!“ — гунчэ̄гэчӣн
Оӈоктовӣ-ню̄н иннӯвчэрэн.
Де тарит, амты̄лви,
Миндӯ гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣев,
Со̄лтама суракйав бӯкэлду!
Тавадук бидиӈэ̄
Илан сивир сикты̄рвэ̄н
Ситэримэ гиркумӣ,
Һэгдыӈэл со̄ниӈилва бакалдымӣ,
Гэрбӣе а̄чин этэ̄н ситана.
Тарит со̄т һӣма̄т
Гэрбӣев бӯкэлду!» — гуниттэн.
Тыкэ̄н гуннэдӯн
Ӣр аваһиӈӈӣ идӯ гарада̄нды
Гуннэл де сурукcо̄л,
Ичэнэтын биһэмдэ
Дыгичӣ дылтэ̄р эһэ о̄дан.
«Эриӈис ава̄һи эчэ бирэ,
Эр эһэ бэйӈэ̄ бивкӣ», — гунэ.
Дю̄ла̄вар ӣксэ̄л, энинин:
«Илан сибӣр сикты̄рвэ̄н
Ситэри гиркуча̄
Аминды гэрбӣгин», — гуниттэн.
«Баран бэедӯ оскэ̄чэ̄ бэе
Энинды мэ̄нин гэрбӣгин.
Бӣ бэю̄ндук һуӈтуву
Эчэ са̄ра этэ̄м гэрбӣрэ», —
Гуниттэн аминин.
Тар некэксэ̄:
«Са̄мӣ-кат, эмӣ-кэт бӣ
Гэрбӣдэгим», — гуниттэн энинин.
Тыкэн гуниксэ̄,
Һутэвӣ дэ̄птыкӣ тэгэксэ̄,
Тыкэ̄н гуннэ турэ̄тчэрдэгэ:
«Кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин!

Я пошел за ним,
Его по следам выследив.
Он же не стал убегать, как другие звери,
Будто бы говоря: „Давай подеремся“, —
Пошел на меня.
Мы с ним сошлись,
Дрались на равных
Не дольше, чем варятся два-три котла [мерзлого мяса],
Я свалил его.
После этого —
Прежде чем убить,
Дал ему сказать прощальное слово.
„Безымянному ничего не скажу“, —
Как будто бы говоря,
Он фыркнул носом.
Поэтому, мои родители,
Дайте мне звонкое имя,
Громкую славу!
Ведь мне
Еще предстоит обойти
Три мира,
Сойтись с могучими богатырями.
Без имени мне нельзя.
Поэтому поскорее
Дайте мне имя!» — сказал он.
После этих слов
Пошли посмотреть,
Куда он бросил
Того *авахи*.
Это четырехгодовалый медведь оказался.
«Это не *авахи*,
Это медведь-зверь», — сказали.
Когда они вошли в дом, мать сказала:
«Все края трех миров
Исходивший, пусть отец
Даст имя тебе».
Отец ответил:
«Пусть мать, выросшая среди
Людей, даст имя.
Кроме охоты, я ничего не знаю
И не смогу этого сделать».
Вслед за тем
Мать сказала: «Хорошее ли, плохое ли,
Но попробую дать тебе имя».
Так сказав,
Она села напротив сына
И заговорила:
«*Кимэ-кимэ кимэнин!*

һуркэ̄н һутэв,
Де бӣ са̄мӣ-кат, эмӣ-кэт
Гэрбӣес бӯрдэгим.
Элэкин биһикин, элэкин гундэ̄вӣ,
Эмӣ элэксӣрэ, эһин гундэвӣ,
Аминды со̄ӈку Дэвэлчэ̄н гэрбӣдиӈэ̄н.
Бӣ синэ тыкэ̄н гэрбӣӈнэм:
Дулин буга букатӯрин
Иһа̄рдан-дэвэ̄рдэн тэтӯлкэ̄н
Дэгилтэр со̄ӈку Дэвэлчэ̄н амилка̄н,
Кила̄дима нӣориктэлкэ̄н
Кила̄дий Киливлӣ энилкэ̄н,
Мэ̄ндукки мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ контоһилкэ̄н
Мэрилэ̄ соногоһилка̄н
Дулин буга букатӯрин
Дугуйча̄н-Дэлэйчэ̄н букатыр
Гунмурӣ букатыр о̄кал.
Тадук о̄дакин
Илан сибӣр сиктӯрвэ̄н
Ситэримэ гиркурӣс
Инэӈӣӈис-анӈанӣӈис эмэрэкин,
Мэ̄нды аналла̄к алаӈас
Мэ̄ндӯс синнӣон биһин,
Дурукин синдӯ биһин.
Тадук синдӯ гундем:
Дулин буга гэрбӣвэ̄н
Эһӣ сэ̄мӈирэ ма̄та̄ о̄да̄вӣ,
Аминды дӣордӯн со̄ӈку
Букатӯр бэе о̄да̄вӣ,
Тыӈэлкэ̄ндук эһӣ тыктэ,
Дялалка̄ндук эһӣ судурдэ,
Дӣор һалгалка̄нма дюлэдӯвӣ эһӣ нэрэ
Дулин буга
Со̄ниӈ букатӯрин
Дугуйча̄н-Дэлэйчэ̄н букатӯр
Гунмурӣ гэрбӣс гэенигин,
Суракис суругин!
Тавар гэрбивэ сэлмӣ,
Сӣнманавӣ гэрбӣтэнэ гиркуда̄вӣ!» —
Гуниттэн.
Эрэ̄ до̄лдыкса̄, уруниксэ̄,
Эр куӈа̄ка̄н эниндӯвӣ:
«Энин гундӯ энинми,
Эдук һулэкэ гэрбӣвэ
Йдук бакакса̄, бӯдэ̄с,
Бӣ тара̄ сэлдиӈэ̄в!
Со̄ма ая гэрбӣлкэ̄н

Мальчик, сын мой!
Хорошее ли, плохое ли,
Вот попробую дать тебе имя.
Если хорошее, скажи „хорошо“.
Если тебе не понравится — скажи „нет“.
Пусть тогда имя тебе даст твой отец, храбрый Дэвэлчэн.
Я назову тебя так:
Сын богатыря Среднего мира,
Всесильного богатыря Дэвэлчэна
В расшитой-разукрашенной одежде
И Киладий-красавицы
С блестящими волосами,
Ездящий на пятнистом молодом коне,
Родившемся с серебряным седлом,
С серебряной уздечкой,
Богатырь Среднего мира
По имени
Богатырь Дугуйчан Дэлэйчэн!
И еще:
Когда придет год и день
Пройти все края
Трех миров,
У тебя будет
Свой собственный лук,
Будет и все остальное.
Скажу еще:
Стань богатырем, не забывающим,
Какое у него имя в Среднем мире.
Стань человеком — богатырем
Вдвое более сильным, чем твой отец.
Сонинг-богатырь
Среднего мира,
Богатырь Дугуйчан Дэлэйчэн,
Которого не свалит имеющий крепкую грудь,
Суставы имеющий не остановит,
Двуногий не одолеет.
Пусть прославится твое имя,
Распространится твоя слава!
Если это имя тебе не нравится,
Возьми другое!» —
Сказала [мать].
Услышав это,
Ребенок обрадовался:
«Мать, родная мать моя!
Где же найти мне
Лучшее имя, почему же мне
Не понравится это?
Теперь у меня такое славное имя:

Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н,
Мэ̄ндуккӣ мэӈумэ контоһилкэ̄н
Мэрилэ̄ соногос укчакилка̄н
Дугуйча̄н-Дэлэйчэ̄н букаты̄р
Гунмурӣ ма̄та̄ о̄рдагим!» —
Гуннэ со̄мат со̄канан.
Тар амардукин
Ӯр бэйӈэ̄ксэ̄, эмувнэн
Бэйӈэ̄вэ̄н аминин, ю̄ксэ̄,
Э̄ли-талӣ һигмэлдэ̄ксэ̄,
һутэв дёһунна̄к бэйӈэ̄вэ
Бэйӈэ̄нэн мала̄һунма̄н о̄рдагим
Гуннэ эһэ-бэйӈэ̄
Һэриндэн имӯксэвэн аста̄ран,
Актавӣ аяргӯва̄н ва̄ран,
Байтаһун бастыӈма̄н ва̄ран.
Нуӈартын нян умӣвукса̄л,
һутэвэр бэйӈэ̄нэн гэрбӣдӯн
Урундюну мала̄һунна̄дярдактара.
Эр ма̄та̄л илан долбонӣлка̄н инэӈӣдӯ
Эһӣ манавра девгэ̄вэ
Аямат аста̄кса̄л, девдердэктэрэ.
Де тар тарит ӣлтэнэн.
Эр дэлэй дулин буга
Инэӈӣтыкин илна-илна
Иһэвдердэгэ-балдыдярдага.
Дулин буга Дэвэлчэ̄нин
Ноноптыдӯн ӈэнэмӣ,
Е̄кун дява̄лин дурукин дялупчаран.
Баянин биһэмдэ инэӈӣлвэ-долбонӣлва
Эёнӈэчӣн эмдерэн, бара̄лдяран.
Тыкэ̄н аят биденэл
Горово-кот бинэвэр эчэл са̄ра,
Дагава-кат бинэвэр эчэл са̄ра.
Эр инэӈӣдук тӣкиндэлэ̄н
Дулин буга бараксан
Гэ̄лнэ̄рӣ гэрбӣн гэендемэрэн,
Со̄лтама суракин сунта̄дямаран.
Дялан дяландӯ балдыкса̄л,
Эр мит гиркудярдакпут
Эр мит эһиткэ̄ндэлэ̄.

Мата по имени
Богатырь Дугуйчан Дэлэйчэн, ездящий
На пятнистом молодом коне,
Родившемся с серебряным седлом,
С серебряным поводком!» —
Так он сказал, очень гордясь.
После этого —
Зверя, [сыном] принесенного,
Отец, выйдя,
Проворно освежевал, думая:
«В честь добытого сыном зверя
Достойный пир надо устроить».
Срезал он сало
С загривка медведя-зверя,
Забил лучшего холощеного оленя,
Забил самую лучшую яловую важенку.
Все они снова уселись
И в честь добычи сына
Стали с радостью пировать.
Эти люди так много всего наварили,
Что не могли съесть
Своей еды за три дня и три ночи.
Все это прошло.
Широкая Средняя земля,
С каждым днем ширясь и ширясь,
Росла-процветала
Лучше, чем прежде.
У Дэвэлчэна Среднего мира
Всего стало еще больше.
Богатства его прибывали днем и ночью,
Словно течение полноводной реки.
Хорошо они жили.
Долго ли жили, не знали,
Недолго ли жили, не знали.
С тех дней до сих пор
Звонкое имя
Милой Средней земли гремит,
Громкая слава ее распространяется.
От поколения к поколению мы на ней умножаемся,
Живем на ней
И поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

СŌ БЭЕ СŌДĀНӢ МĀТĀ — ХРАБРЫЙ СОДАНИ-БОГАТЫРЬ

Записано в 1971 г. исполнителем сказания Николаем Гермогеновичем Трофимовым (1915—1971) в пос. Кутана Алданского района Якутской АССР. Текстологическая работа и перевод А. Н. Мыреевой. — Архив ЯНЦ СО АН СССР, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 143.

Нимнгакан Н. Г. Трофимов записывал, работая пастухом в оленеводческой бригаде на р. Учур. Записывать приходилось при свече, в палатке, после тяжелого трудового дня пастуха-оленевода, исходив за день не один десяток километров по глубокому снегу. Сказитель был тяжело болен. Он понимал, что является одним из последних эвенков, хранящих в памяти традиционный эпос, и что с его смертью это богатство родного народа будет утеряно навсегда. Сознание своей ответственности помогло ему выполнить неимоверно трудную задачу.

Когда наступил очередной приступ болезни, Николай Гермогенович поймал оленей, запряг в нарты и в полубессознательном состоянии приехал в медпункт в пос. Кутана. По рации срочно вызвали вертолет, доставивший больного в районную больницу г. Алдан. Здесь на операционном столе сказитель скончался. В его вещмешке была найдена тетрадь с текстом сказания, которое публикуется в данном томе. Из больницы эти записи переслали в Якутск на наш адрес, который был предварительно написан на обложке тетради.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЭВЕНКИЙСКОМУ ТЕКСТУ

4 — *үһү* як. < *үһү* «говорят».

9 — *ивит*< як. *эбит* «оказывается».

291 — *дипкилдэн* — форма от основы *дипки-* «уплотниться, укрепиться».

468 — *мол-мол*< як. *мөл-мөл тус-* «капать крупными каплями».

577 — *уксукиндē* — образовано от як. *өксөку* с помощью увеличительного суффикса — *-ндē*.

580 — *ēватадӯн* — малоупотребительное слово. Образовано от *ē-* «делать что-либо, производить какое-либо действие».

877 — *буикэксэ̄* — видимо, описка сказителя. Здесь ожидалась бы форма *буксэ̄* «умерев» от глагола *бу-* «умереть».

1080 — *дю̄личӣ*< як. *дьүүл* «смысл, порядок; рассуждение, решение» [28, стлб. 871].

1155 — *бāлтаран* — эпическая формула от глагола *бā-* «убить», с усилительным значением.

1183 — *бурастӹкал*< рус. *прощаться.*

1320 — *унӈэтлӯрэн* — деноминатив от *унӈӯ* «запах».

1341 — умутōгивчэнэ — форма от основы *умутог-* «бежать галопом». Далее связано с *умун* «один» (при беге галопом от передних и задних ног остается один след).

1426 — *сэрибēив*< як. *сэрибиэй*, рус. *жребий.*

1468 — *мунакаӈӈāн* — форма от *мунака* «огромный, безмерно большой; разжиревший» (диалектное слово).

1480 — *сэрӯнтэрэн* < як. *сөрүүн* «прохлада».

1504 — *ōл* < як. *уөл* «сырой, влажный; растущий (о дереве)».

1539 — *тэвинмукэ̄нинды* < як. *тэбин-* «бежать быстро».

1704 — *ты̄снэ* < як. *тиис* «биться, добиваться, стараться».

1719 — *бэрэмэдэйбӣ* як. *бэрэмэдэй* «переметная сума» рус.

1736 — *контосвōн* як. *көнтөс* «лошадиный повод, ремень, которым привязывают лошадь или за который ее водят» [28, стлб. 1147].

1983 — *эймэгдерӣлдулэ* < як. *эймэҥэлээ-* «суетиться, мельтешить».

2072 — *дёргойро* < як. дьорҕой- «быть бойким, отважным, удалым, не стесняться» [28, стлб. 843].

2145 — *сōмканикта* — глагольная основа *сōмкан-* «испытывать силу», образована от *сō* «*сильный*».

2155 — *горулиндалмӣ* — глагол *горулиндал-* «затягивать какое-либо действие, продолжать что-либо делать», образованный от *горо* «далеко, долго», в данном случае имеет значение «продолжать биться».

2379 — *горонден* — редко употребляемая форма от основы *горон-* «не бояться дальнего расстояния» < *горо* «даль, далеко, долго».

2518 — *томковлōнды̄* — от слова *томко* «сученная из оленьих жил нитка».

2597 — *нилба һунāт* — ср. як. *ньылба* «выкидыш, преждевременно родившийся теленок или жеребенок; только что родившийся теленок или жеребенок» [28, стлб. 1743].

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

2 — *...эти три мира* (Эр илан Сивӣр...) — букв.: «эти три Сибири». Эвенкийское *Сивӣр*, заимствованное из русского «Сибирь» (возможно, через якутское посредство), в данном случае является обозначением одной из трех основных частей («миров») вселенной. По отразившимся в эпосе традиционным представлениям эвенков, находящим прямые аналогии в мифологических представлениях многих сибирских народов, вселенная состоит из трех миров — Верхнего (небесный), Среднего (земной) и Нижнего (подземный). Эти три мира в эпосе часто соединяются «мировым деревом», крона которого достигает Верхнего мира, ствол находится в Среднем мире, а корни — в Нижнем.

Верхний мир — место обитания небожителей, к которым, в частности, относятся благожелательные к обитателям Среднего мира божества — *аи*; происхождение их, как правило, связывается с небесными объектами — солнцем, луной, созвездиями и др. В то же время в Верхнем мире живут и племена злых духов. Средний мир населен эпическими предками эвенков. Нижний мир — средоточие злых сил, врагов людей-*аи*. В эпическом изображении Нижний мир и его обитатели по существу выглядят как уродливые или искаженные подобия их аналогов в Среднем мире.

5 — *После этого...*(10 — Тар амардукин...) — конструкция, используемая сказителем в качестве связки между отдельными эпизодами повествования.

8 — *небо-мать* — (Няҥняр энӣ...) — Интересно осмысление неба как некоего женского начала (ср. типологически широко известное представление о небе как о «мужском» компоненте универсума). Такое осмысление, быть может, обусловлено значительной активностью в языке эвенкийского эпоса слова «мать», как бы маркирующего некоторые значимые для этого эпоса объекты (небо-мать, земля-мать, душа-мать и т. п.).

9 — *...берестяного короба* (һагачāн). — В прошлом эвенки пользовались в основном берестяной утварью: из бересты делали сосуды, коробки, колыбели, покрышки для чумов. Коробы *һагачāн* служили в качестве посуды. В меньших коробах (*авса*) хранили мелкие предметы — иголки, нитки, наперстки, лоскутки тканей, кож и проч.

16—19. *..восемь стерхов-птиц... Десять серых журавлей...* — Здесь и далее числительные «восемь», «девять» и др. выражают общую идею множественности.

87 — *...С текучей душой-матерью...* (85 — Эēнэ̄мэ энӣн ōмӣлкāн...). — Согласно представлениям эвенков, у каждого человека было несколько душ [3, с. 57]. Здесь речь идет о душе (обозначаемой словом *ōмӣ*), способной как бы течь (эвенк. *эе̄н-*«течь, литься, протекать» [6, с. 549]), находясь в воздухе рядом с человеком, которому она принадлежит. «Текучая» душа может и отдалиться от человека, например во время сна, с чем связано представление о том, что внезапно будить спящего человека опасно, — это чревато для него болезнью или даже смертью.

99—101 — *...в четыре жерди* [по высоте], *В четыре кочевки по окружности. Вокруг*

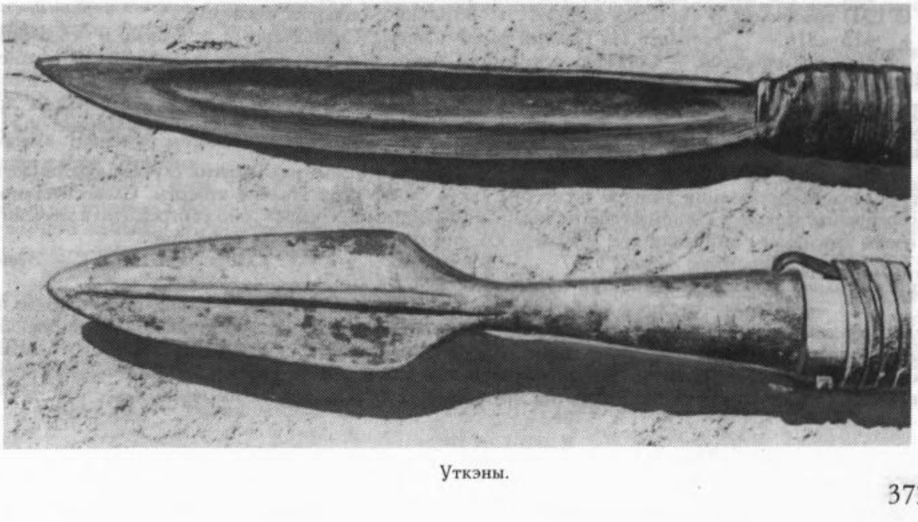
Берестяной короб.

него изгородь. — Весной или осенью при продолжительной стоянке на одном месте оленные эвенки обычно строили вокруг жилища изгородь. Для этого вбивали колья-опоры, к которых горизонтально крепились жерди, располагавшиеся на некотором расстоянии друг от друга. Высота изгороди определялась количеством горизонтальных жердей (обычно две, три или четыре).

114 — . . .*В семьдесят семь пудов*. . . (113 — . . .Надан дя̄н надан бӯтылкāн. . .) — эвенк. бӯт — слово заимствованное (от рус. «пуд»).

120 — . . .*Роговой лук* (. . .Иэмэ алаӈа биһин ивит). — «Роговым» назывался лук с накладками из мамонтовой кости. Это связано с тем, что эвенки считали бивни мамонтов рогами мифического подземного быка. Такой лук использовался на охоте и во время межродовых столкновений, как боевое оружие.

126 — . . .*С семидесятисаженной выемкой*. . . — Выемка вдоль середины лезвия ножа или *уткэна* (см. словарь непереведенных слов) служила для стока крови убитого зверя.



Уткэны.

130 — ...*Каменное ядро*...(...дёломо мэ̄чик... — букв.: «каменный мячик», эвенк. *мэ̄чик* <рус. *мячик*) — разновидность боевого оружия (только в эпосе).

135—137 — ...*По жидкой его крови было суждено... По крепкой родовой крови его предназначено*... — Судьба человека, его жизненное предназначение, по древним представлениям эвенков, как бы содержатся от рождения в его крови.

139 — ...*огонь-дедушку* (137 — Того эһэкэ̄вэ...). — Эвенки считали огонь хранителем семейного благополучия, с чем связаны обряды угощения духа огня лучшими кусочками пищи (позднее — первой рюмкой вина), обращение к нему с разными просьбами и т. п. [8, с. 221—222]. Дух огня обычно представлялся эвенкам в образе старухи, «бабушки» (эвенк. *энэ̄кэ, эвэкэ̄*), редко, как в данном эпосе, — мудрого старика. У тунгусов известен целый ряд связанных с огнем оберегов. Нельзя было задевать огонь острым предметом, чтобы не поранить «бабушку», бросать в огонь еловые, сосновые и кедровые шишки, чтобы «не залепить бабушке смолой глаза», и т. п. [Там же].

145 — *И по наружности, и по крови*... — букв.: «И внешне — по облику, и внутренне — по крови».

164 — *Осеннего дикого оленя*... (Иркин бэйонмэ бимӣ...). — Характерное для эвенкийского эпоса использование образа осеннего оленя объясняется тем, что именно в пору ранней осени (эвенк. *иркин* «период обдирания оленями кожицы с рогов — сентябрь» [6, с. 176]) северный олень достигает наилучшей, чем в другие времена года, физической формы.

170 — ...*Смазка подошвы этого богатыря.* — Эвенки-охотники смызывали подошву обуви жиром, чтобы она меньше промокала и дольше служила. Смазанные жиром подошвы становились более гибкими, это необходимо для того, чтобы на охоте можно было без шума подкрадываться к зверю.

172 — ...*родился в мукукэ*...(*мукукэ* — см. словарь непереведенных слов). — В эвенкийском эпосе герои нередко изображаются родившимися на свет в «готовом» виде (в одежде, с оружием), подобно тому как их верховые олени или кони — родившимися со всем необходимым снаряжением (седлом, поводком и т. п.).

194—195 — ...*гололицего, Поперечноглазого*... — эпитеты человека как существа, отличающегося от зверей и птиц.

219 — ...*Верхний почитаемый старик-аи*...(...Ӯгӯ ай бэгин этыркэ̄н...) — Эвенкийское слово *этыркэ̄н* «старик» в данном случае, по-видимому, выступает в качестве синонима эвенк. *амāка* (букв.: «дед») в значении «хозяин Верхнего мира, дух неба, верховное божество».

230—232 — *Доху свою На солнечный свет Никогда она не выставляла.* — Одежду из ценных мехов эвенки носили с наступления холодов до ранней весны. В теплое время года ее берегли от солнца, так как мех на солнце теряет блеск, желтеет и портится, а его ворс становится ломким.

265—266 — ...*олени-самцы Гремели оголенными острыми рогами.* — Осенью олени-самцы сдирают о деревья кожицу с рогов (см. коммент. к С 164), готовясь к бою с самцами-соперниками. Рога они трут о молодые лиственницы, отчего те покрываются смолой и становятся крепче.

275 — *По-оленьи хоркала раз-другой* — издавала горловые звуки, имитирующие «*хорканье*» оленя. Таким способом эвенки подзывали оленей, пасущихся недалеко от жилища.

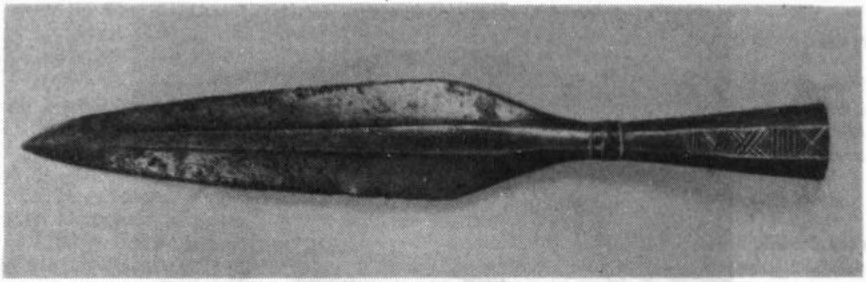
280 — ...*В шесть жердей* [*по высоте*] (276 — ...Нюӈун мōлкāн...) — выше (коммент. к С 100) говорилось о «четырех жердях...». Возможно, оговорка сказителя.

313—316 — ...*родились На Средней земле-матери, Смешавшись с ее водами и деревьями, С ее сочными травами.* — Согласно воззрениям некоторых групп эвенков (например, верхнезейских и чумиканских на востоке, сымских на западе), человек произошел от дерева. Сходные представления проявлялись, по-видимому, в обычае захоронения умерших в дупле. Сюда же следует отнести поверье, согласно которому души эвенков-шаманов находились в дереве: когда шаман умирал, дерево с его душой должно было упасть [8, с. 215].

364 — *Он надел серебряные лыжи.* — Здесь, как и в целом ряде других случаев (см. ниже), отразились представления эвенков о серебре как о своего рода эталоне красоты. Словосочетание «серебряные лыжи» в данном случае не значит «сделанные из серебра», оно употреблено в значении «очень красивые», выполняя тем самым исключительно эстетическую функцию.

366 — ...*огромную палицу* (367 — ...Догōвай мō... — букв.: «дубовую палицу»). — Эвенкийское слово *догōвай* заимствовано из рус. *дубовый.*

368 — *Взял обоюдоострое копье* (369 — Унигдама гидавӣ гаран). — Копье-гида состояло из палки-древка и двусторонне-острого, листовидной формы наконечника со втулкой. Она насаживалась на заостренный конец древка и закреплялась деревянным штырем (позднее гвоздем) и полосами бересты, а также клеем из рыбьего пузыря или кожи. Длина копья достигала обычно роста человека. Им пользовались для охоты на крупных зверей, в основном на медведя.



Наконечник копья.

387 — *Старший брат, родной брат мой!* — букв.: «старшим братом называемый старший брат мой!»

484 — *Выслушай мою серебряную речь!.* — Об эстетической значимости эпитета «серебряный» см. коммент. к С 364.

533 — *в чум* (чӯлāндулāн) — букв.: «в чулан» (эвенк. *чӯлан* <рус. *чулан*).

541—543 — *...построил навес, И олени его... Приходили туда отдыхать...* — Летом эвенки строили для оленей навесы из деревьев и под навесами разводили дымокуры. Олени отдыхали там от гнуса и жары.

550—552 — *Оттуда-отсюда появились белые тучи... Сбежались красные тучи.* — В эпосе подобные атмосферные явления — верные предвестия надвигающейся опасности, в данном случае — враждебных существ Нижнего мира.

556 — *...К верхушке опрокинутого неба...* — Эвенки представляли себе небо в виде купола, подобного опрокинутому вверх дном котлу.

560—561 — *В сказке ничто не задерживается, Все быстро делается* — ремарка сказителя, смысл которой состоит, по существу, в напоминании о неадекватности эпического времени реальному (ср. в русском фольклоре: Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается).

581—582 — *Трехвершинное Священное огромное дерево* (см. коммент. к С 2). — С первого момента прибытия «орлище» посягает на священное дерево, растущее у жилища Содани и его сестры. По мифологии эвенков гибель священного дерева ведет к гибели пользующихся его покровительством людей.

607 — *Вот это и вот это* — образчик «бестолковой» речи *адярая* (см. словарь непереведенных слов).

616—617 — *Вы двое, привет примите, А потом будет разговор!* — Общение обитателей разных миров независимо от их намерений в эпосе регулируется весьма строгим этикетом. От «гостя» из другого мира требовалось, в частности, чтобы он произнес принятое в такой ситуации приветствие, «представился», указав в соответствующей форме свое имя и происхождение. Эвенкийское *дорово* (<рус. *здорово*) мы переводим русским словом «привет».

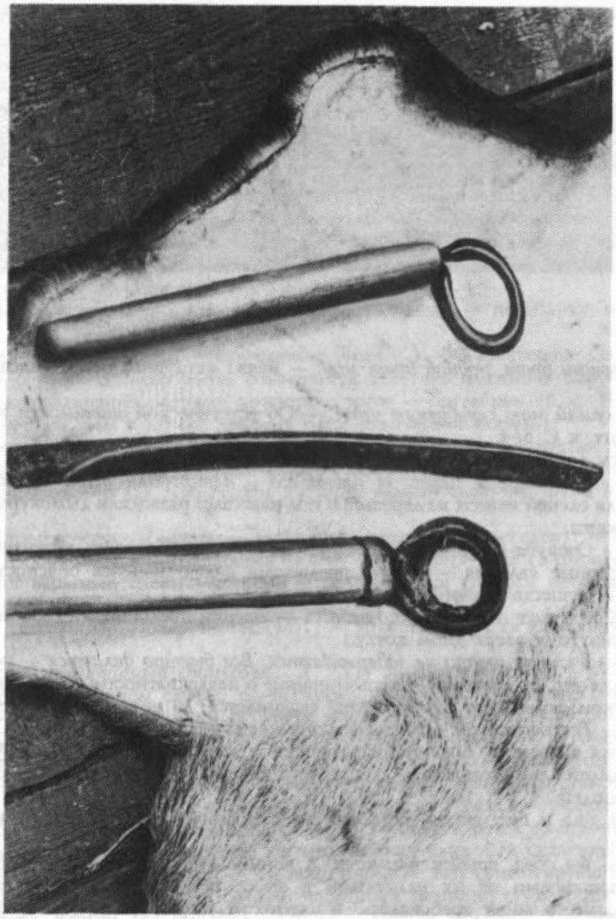
624—625 — *...четырехгранный Сэлэмэ Дэвиндэр...* — Эпитет указывает на внешний облик железного богатыря, но вместе с тем, по-видимому, и на некую его исключительность, «неординарность».

626 — *Атаман Нижнего мира.* — Для обозначения представителей «иерархической верхушки» Нижнего мира сказитель здесь и далее нередко использует заимствованное из русского языка слово «атаман».

637—639 — *В год [от роду] ей суждено было стать моей невестой... В три года — моей женой* — эпическая формула, связанная с представлением о том, что суженая от рождения предопределена человеку его судьбой. Узурпируя ту формулу (правомерную по отношению к женщине-*аи* лишь в устах человека-*аи*), наглый *авахи* претендует на законность своих требований.

651—652 — *Наряди, чтобы стала похожа на лесного оленя, Укрась, чтобы стала похожа на священного оленя.* — Лесной, т. е. дикий олень, крупнее, красивее и сильнее домашнего. Священный олень — тот, которого эвенки ради семейного благополучия посвящали духу — хозяину Верхнего мира. Как правило, это был олень белой масти или с белыми пятнами на голове. Его использовали для перевозки деревянных божков, для чего готовили украшенную узду, седло, вьючные сумы, *кумалан.*

660 — *Десять снопов искр...* (Дян̄ сёрэ того...) — букв.: «Десять серных огней».



Скребки для выделки оленьих шкур.

741—742 — *Очень ловко, словно дикий олень Со свежеоголенными рогами* — см. коммент. к С 265—266.

755—756 — *Как скребки старухи мастерицы, Уткэны их затупились.* — Речь идет о скребках для выделки шкур. У старухи мастерицы, постоянно занимающейся соскабливанием мездры с высушенных шкур, скребки быстро тупятся.

766—768 — *...копья их Стали как кривое острие ножа Старика кузнеца.* — Нож с кривым острием использовался кузнецами для орнаментирования деревянных изделий.

779 — «*Ну, теперь, по-эвенкийски!*» — т. е. в рукопашную, без оружия.

814 — *...Я увидел...* (Бӣ ичэрэкив...). — Сказитель создает иллюзию того, что он является прямым свидетелем событий, о которых повествуется в эпосе.

819 — *...Голым кулаком...* (818—819 — *...коӈорӣн улдэ Колтоттӣ...*) — букв.: «черномясым человеческим кулаком».

963—964 — *Храбрый Содани-богатырь — мой старший брат, Красивая девушка Аякчан Ивекчан — моя сестра.* — Выясняется, что у Содани и Аякчан есть родственники, но брат с сестрой не знали их, считали себя одинокими (см. С 186 и далее).

990—991 — *Твою становую жилу Вырву указательным пальцем!* — Иркиничэн грозит *авахи*, что умертвит его тем же способом, каким эвенки в быту умерщвляли (до недавнего прош-

лого) оленя. Оленю связывали ноги, валили его на спину, разрезали брюшину и разрывали рукой становую жилу.

1005—1009 — *Испытаем судьбу Тальником из распадка, Похлещем друг другу спины Тальником с горы, покрытой гарью!* — призыв к беспощадному бою. В поединках богатырей эвенкийского эпоса тальник используется обычно как средство расправы победителя над побежденными.

1167—1168 — *Хватит мне Поддерживать тебя руками и ногами.* — До того момента, как были произнесены эти слова, Иркиничэн бился не в полную силу.

1176 — *Надень погребальную одежду...* — На случай смерти эвенки заранее готовили себе одежду. Погребальную одежду имели все эвенки преклонного возраста.

1180 — *Позови погребального оленя...* — У эвенков известен погребальный обычай, по которому умерщвлялся верховой олень умершего. Оленя убивали, отрубали ему голову и подвешивали ее около могилы, там же подвешивали седло, подпругу, узду и другие вещи, по представлениям эвенков, необходимые умершему. Мясо убитого оленя варили, ели, устраивали поминки. Олень предназначался для поездок покойника в мире мертвых. Аналогичные представления существовали у тюрко- и монголоязычных народов Сибири.

1193—1194 — ...*хотел сунуть... кукиш...* — отыменный глагол *кокбска* «сунуть кукиш» образован от существительного, заимствованного из рус. «кукиш».

1219—1220 — *Если трижды меня победишь,* [*Тогда*] *скажешь, что победил.* — Эвенки считали злых духов исключительно живучими.

1236—1237 — «*Решит судьба, Упавшая на зеленую траву*». — По представлениям эвенков, вместе с ребенком рождалась и его судьба. Перед родами для роженицы стелили зеленую траву, полагая, что на ней вместе с ребенком окажется его судьба (эвенкийки рожали, сидя на корточках, см. коммент. — Д 2404—2405).

1331—1335 — *У него от рождения были Серебряное седло... Витой серебряный поводок* — см. коммент. к С 172.

Поводок верхового оленя.

1342 — ...*Засунул кости брата в карман.* — Карман на одежде эпического героя нередко мыслится как очень емкое вместилище, с помощью которого герою легко удается перевозить, например, кости брата или сестры (см. С 2082), т. е. объекты, вполне соотносительные с героем по величине.

1437—1442 — *Сверху ни одной ниточкой Не закрепленного... Шелкового чума-жилища Дверь открылась.* — Смысл описания состоит в том, чтобы подчеркнуть необычайную красоту, «воздушность» жилища, как бы «парящего» в воздухе.

1455 — ...*И олени, кони, коровы...* (...Илан дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄н...) — букв.: «животные трех пород».

1577—1579 — ...*Хитрость убегающей тучи... Коварство уходящей тучи!* — Туча выступает как своего рода воплощение коварства, возможно, из-за таких ее реальных свойств, как недосягаемость, способность растекаться, расплываться и т. п.

1647—1648 — *Не дай себя толкнуть тому, у кого в суставах вода, Не дай свалить тому, у кого костистая грудь!* — Имеются в виду потенциальные противники Иркиничэна.

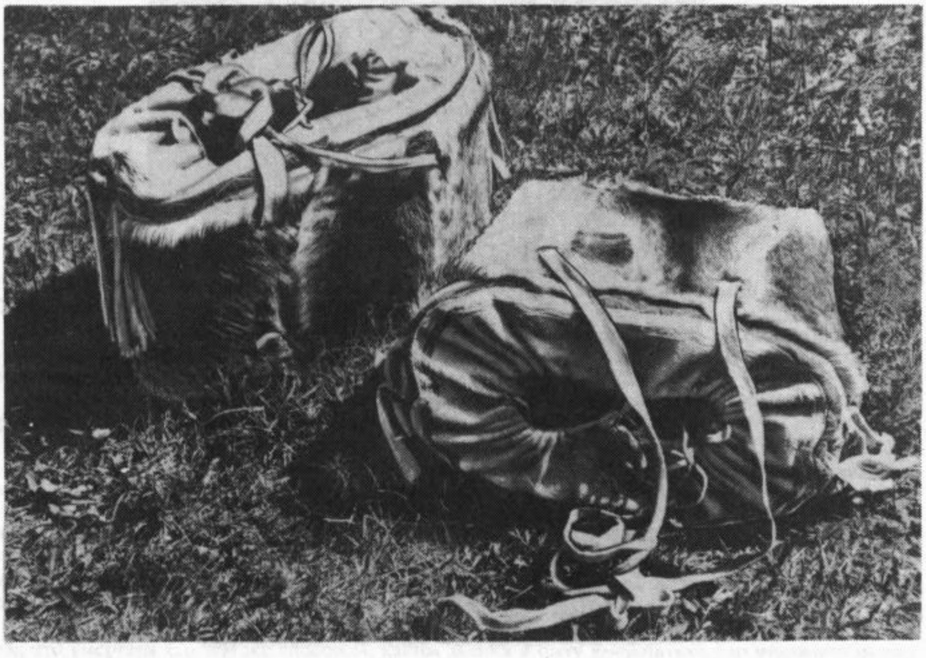
1678—1679 — *Богатыри, смотревшие со стороны На езду нашего паренька...* — Речь идет, очевидно, о богатырях Верхнего мира.

1687—1688 — *Ни разу не шевельнул ногой, Ни разу не моргнул глазом* — букв.: «один раз уперся, Глазом раз посмотрел». Богатырь очень долго ехал без остановки.

1715—1717 — *Внутри черной тучи Была красная туча, Внутри нее был молодой конь-радуга.* — Иркиничэну встретился богатырь Верхнего мира. Учитывая связь жителей Верхнего мира с небесными объектами (см. коммент. к С 2), нетрудно понять, почему «конем» этого богатыря оказывается радуга (см. упоминаемую в С 1751 «радугу-тучу» — коня).

1720 — *переметные сумы.* — Эвенки шьют переметные сумы из камусов оленя, лося. Вовнутрь вставляют берестяной ящик — каркас. Верх покрывается ровдугой, расшитой полосами разноцветной ткани или подшейным волосом оленя. Сумы украшают спереди и сзади клиновидной замшевой вставкой, ровдужными полосками — бахромой. Вьючные сумы имеют по четыре вязки-тесемки из хорошо выделанной лосиной ровдуги.

1751—1755 — ...*старшей радуге-туче... младшей радуге...* — Кони богатырей Верхнего мира различаются по возрасту (см. коммент. к С 1715—1717).



Переметные сумы.

1762—1763 — . . .*ездящий На медной нарте-таратайке*. . . — Употребляя заимствованное из русского языка слово «таратайка», сказитель, по-видимому, ощущает его экспрессивный характер, но недостаточно точно понимает смысл.

1850—1851 — . . .*Светлая, восьмиободная Таежная земля-мать*. . . — Определение «восьмиободная» подразумевает цепи холмов («восемь» — условное обозначение множественности, см. коммент. к С 16—19), как бы скрепляющих землю, подобно тому как обручи скрепляют бочку.

1859—1860 — . . .*матери-покровительницы . . .отца-аи*. — Имеются в виду светлые, доброжелательные божества Верхнего мира.

1931—1932 — . . .[*дверь*] *открывалась Против хода солнца* — т. е. не так, как в жилище человека-*аи*. Уже на подступах к Нижнему миру Иркиничэн может видеть, что его реалии устроены по принципу искажения соответствующих реалий Среднего мира (см. коммент. к С 2).

2063—2065 — . . .*Схватил шестую позвоночную кость И костью играючи отколотил*. . . — Шестая позвоночная кость оленя имеет длинные выступы, что делает удобным ее использование в качестве своего рода кастета.

2172 — *Вспыльчивая кровь выплеснулась из колен* (Бардак сэксэн бӧлгэлӣн бӧлкивран). — Выбор формы *бӧлкивран* «выплеснулась» определяется стремлением к аллитерации (*б-б-б*), а также к гиперболизации в описании гнева богатыря.

2184—2186 — *Все поле тогда заполнилось Множеством снующих жуков, Множеством ускользающих ящериц* — т. е. *авахи* начинен разными мерзкими тварями.

2264 — . . .*Приняв свой собственный облик*. . . — оговорка сказителя. Иркиничэн принял собственный облик еще до выхода из Нижнего мира (см. С 2078).

2386 — . . .*У основания серебряной коновязи*. . . (2385 — Мэнумэ сэргэвӣ тэкэндун. . .). — Слово *сэргэ* «коновязь» вместе с реалией заимствовано эвенками (не знавшими коновязи) от якутов. Обзаведясь семьей, герой сказания строит рядом со своим *утэном* дом-сруб или *чорама дю* («многоугольный дом, юрта»), во дворе которого и ставится *сэргэ*, выступающее в качестве признака семейного благополучия (об эпитете «серебряный» см. коммент. к С 484).

2526—2527 — . . .*серебряный бубен С шестью выступами*. . . — букв.: шестисосковый бубен». Бубен эвенкийского шамана состоит из деревянного тонкого обода шириной от 5 до 15 см, обтянутого тонкой выделанной лосиной или оленьей ровдугой, и крестовины-ручки. Бубен обычно имел яйцевидную форму. У разных групп эвенков бубны различались размером, рисунками и дополнительными устройствами — резонаторами («сосками»), приподнимающими обтяжку на обечайке.

2530—2531 — *Подобная восьми ребрам И лопаточной кости лосихи шаманская колотушка*. — В описании колотушки подчеркиваются ее необычайные размеры.

2600—2602 — [*Того, кто*] *семьдесят семь лет назад Умер, мне оживить Суждено*. . . — Девушка говорит о своей способности оживлять мертвых, имея в виду и Содани. Число семьдесят семь условно (см. коммент. к С 16—19).

2608—2610 — *Я пойду к свету, давно указанному мне Почитаемым дедушкой-аи, Почитаемой бабушкой-аи*. — По представлениям эвенков, шаманский дар передавался по наследству. Человек, которого «избрали» духи-предки шамана, мог быть любого возраста, в отдельных случаях — даже детского [8, с. 250—251].

ИҺА̄РДАН-ДЭВЭ̄РДЭН ТЭТЫ̄ЛКЭ̄Н ДЭГИЛТЭР СŌӇКУ ДЭВЭЛЧЭ̄Н — ВСЕСИЛЬНЫЙ БОГАТЫРЬ ДЭВЭЛЧЭН В РАСШИТОЙ-РАЗУКРАШЕННОЙ ОДЕЖДЕ

Записано под диктовку в 1960 г. в пос. Кутана Алданского района Якутской АССР А. Н. Мыреевой. Исполнитель Н. Г. Трофимов. Фонетическая транскрипция. Текстологическая работа и перевод А. Н. Мыреевой.— Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 143.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЭВЕНКИЙСКОМУ ТЕКСТУ

84 — *кӯла* < як. *куула* «северный склон» [28, стб. 1201].

127 — *кивиhимка̄ра-кат* — от як. кыбыhын- «стесняться».

526 — *лē̄hэй* < рус. *леший*.

554 — *энэ бēска̄тчара* — диалектный вариант глагола *бēл-* «затрудняться, опешить от неожиданности, испугаться».

675 — *кулӯhилкэ̄н* < *рус. ключ*.

779 — *маладаhунтын* < як. *малааhын* «пир, угощение, обрядовое угощение».

879 — *порōвайда̄диӈав* < рус. *пробовать*.

995 — *сэттэ̄ктэрэн* < як. *сэттээх* «влекущий за собой кару, имеющий худые последствия» [28, стб. 2182].

1020 — *илкидердэктэрэ* — диалектный глагол *илки* «колотить, бить беспощадно, яростно».

1090 — *гугиниктэ* — форма от малоупотребительного глагола *гугин* «равняться, соревноваться».

1108 — *сивсак* < як. *сымсах* «невкусный, непитательный».

1360 — тэ̄ргэндēлэ̄н < як. *тиэргэн* «двор, ограда; скотный двор летом, загон» [28, стб. 2656].

1532 — *дявиндяракин* — форма от малоупотребительного глагола *дявин-* «собраться что-либо сделать, совершить какое-либо действие».

1567 — *ончокин-нōн* < як. *өнчөх* «обух (топора, ножа); тупая сторона ножа, пальмы».

1799 — *остонновōн* < як. *өстөн-* «озлобиться, злобствовать, злиться, затаить вражду».

2067 — *эдэр итчатитпар* < як. *эдэр ытчан* «молодое поколение, молодежь».

2250 — *эӈэ̄hинчэрдэктэрэ* — диалектный глагол *эӈэ̄hинчэ-* «подъехать к обрыву, к спуску».

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

28 — *Марниковые березы-деревья...* — березы, растущие на марях, болотистых, торфяных местах.

58 — ...*Чем питались богатыри...* — имеются в виду Дэвэлчэн и его сестра.

166 — ...*по пояс...* (...hа̄кинмӣ дулма̄ктула̄н...) — букв.: «по середину печени».

182 — ...*белой туче...* (183 — Багдарин тӯксу...). — Выше, в Д 135, говорилось о том, что девушка «высунулась» из «черной тучи». Не исключено, что сказитель допустил противоречие.

186 — . . .*ваше имя*. . . (. . .су гэрбӣһун. . .) — Обращаясь к Дэвэлчэну на «вы», девушка имеет в виду не только его самого, но и его сестру.

196—197 — *Тебе Эден-Едяксит Весть послала* — пример покровительственного отношения божества Верхнего мира к обитателям Среднего мира.

226 — . . .*на черну тучу*. . . (. . .Коӈнорӣн туксуӈдӯвӣ. . .) — см. коммент. к Д 182.

363—364 — «*Где одно яйцо, разбившись, не пропадало?*» — поговорка, сходная с якутским «Одно яичко где не гниет?» (Биир сымыыт ханна сытыйбатай?) [28, т. 2, стб. 2505]. Смысл примерно тот же, что и у встречающейся в русских сказках поговорки «Двум смертям не бывать, а одной не миновать».

394 — . . .*Направил в сторону захода солнца*. — В эвенкийском эпосе путь к месту обитания врагов племен-*аи* всегда ведет на запад, к заходу солнца.

443—444. — . . .*скот, поедающий Скот людей-аи*. — По мифологическим представлениям эвенков, скот Нижнего мира питается не травой, а мясом.

474 — *Сначала «спасибо»*. . . (Ноноптын баһӣва. . .). — Сказитель употребляет заимствованное из русского языка слово *баһӣва* (<рус. *спасибо*), проникшее в его говор, вероятно, через якутское посредство, ср.: як. *баһыыба*.

548 — . . .*На три пальца*. . . (. . .Илан ӈала. . .) — букв.: «На три руки». Имеется в виду традиционная мера длины у эвенков.

565 — . . .Вставил шестигранную стрелу. . . (. . .Нюнун кирӣлкāн нюрвӣ нэрэн. . .). — Стрелы у эвенков различались наконечниками, которые в зависимости от назначения могли быть вилкообразными, шилообразными, раздвоенными или гранеными. Например, гранеными и раздвоенными охотились на гусей. Использование слова, уточняющего тип стрелы, в данном случае, по-видимому, объясняется стремлением к аллитерации (*н*. . .*н*. . .*н*. . .).

590—594 — *Его большой палец взревел, Мизинец взвизгнул, Громовой раскат выстрела Прогремел по земле, Ухнул в небе* — тетива богатырского лука при спуске стрелы издает страшный грохот.

621—625 — *Выщипай мой пух и перья*. . . *После этого тебе будет под силу Пройти все три мира*. — Пух и перья орла, встретившегося Дэвэлчэну, обладают волшебной силой.

667 — *Превратился в себя самого*. . . (. . .Илэ мэ̄нин ōкса̄. . .). — Выше не говорилось о том, что Дэвэлчэн менял свой облик. Видимо, неточность сказителя.

680—681 — . . .*Для оленя его Удивительно красивые узорчатые накладки*. . . — Эвенки украшали оленью упряжь костяными накладками, покрытыми узорами.

728—729 — *Опустился он на большое стойбище, Словно из сорока четырех бубновых карт!* — Имеются в виду стоящие друг за другом жилища *авахи*. Образ «сорока четырех бубновых карт» (*бӯгунай* «бубновый», *ка̄рты* «карты» < рус.) призван передать представление о многочисленности этих жилищ (см. коммент. к С 16—19).

736—737 — *Дверь открывалась слева, Окно было поставлено наоборот*. . . — см. коммент. к С 1931—1932.

798—799 — . . .*Господина своего Няргул-богатыря За обе руки взяв*. . . — Сказитель, по-видимому, упустил из виду, что *авахи* — существа однорукие.

880—881 — . . .*крепко держа копья, Вонзим их друг другу в черные печени*. . . — Каждый из противников стремится прежде всего поразить печень другого: по представлениям эвенков, этот орган считался наиболее важным и уязвимым.

899—901 — *Враг его за морем Целую скалу Своротил* — образ «моря» соответствует эпическому размаху поединка.

920—923 — *Девяностопудовый Железный мой лучище! Пусть твоя стрела не страшится камня, Не отскочит от серебра!* — *Авахи* заговаривает свою стрелу, подобно тому как это делают богатыри Среднего мира (например, Дэвэлчэн — см. Д 965—975).

1030—1031 — *И двум котлам мерзлого* [*мяса*] *Не успеть бы свариться* — одно из поэтических средств воплощения в эпосе народных представлений о скоротечности времени, опирающееся на этнобытовые реалии: эвенки мясо никогда не переваривали, продолжительность варки одного котла мерзлого мяса не превышала получаса.

1061 — *Теперь ты превратишься в кусочки железа*. . . — под ударами Дэвэлчэна его железный противник дробится на куски.

1071—1072 — *Взяв с правой голени Свой острый нож*. . . — Обычай носить нож на правой голени, известный с глубокой древности [9, с. 7], до сих пор сохранился у эвенков, живущих между Леной и Енисеем. Этот же способ ношения ножа бытует у энцев и кетов [Там же].

1121—1123 — *Решил посмотреть Богатырей-аи, Племена-аи*. . . — Речь идет о племенах-*аи* Верхнего мира.

1177—1179 — *Десятью своими пальцами пошевелила, Три-четыре раза туда и сюда* [*гре-*

бешком] *провела По своей шелковистой косе* — искусно применяемый сказителем поэтический прием замедления действия: Солкондор, прежде чем дать ответ, тщательно его обдумывает.

1331 — *варнак* (баранāк) — эвенк. *баранāк* происходит от устарелого рус. *варнак* 'каторжник'.

1340—1341 — *Погребальную одежду надень, Погребального оленя найди!* — см. коммент. к С 1176, 1180.

1362—1369 — *Ему привиделись камни... Оказалось — серые олени.* — Сравнение камней и растительности со скотом призвано показать его неисчислимость, в которой эвенки видели максимум богатства.

1373—1374 — *...дваждывосьмиугольному Дому-жилищу.* — Жители Верхнего мира обитают в жилищах с четырьмя, восемью или шестнадцатью углами. Количество углов дома соответствует геометрической эмблеме земли, состоящей, согласно древним представлениям многих народов мира, из четырех, восьми и т. д. углов (сторон света).

1383—1384 — *Дедушкой-бабушкой вас мне назвать, Отцом-матерью вас мне назвать...* — традиционное обращение богатыря к родителям будущей жены, выдержанное в духе почтительности и уважения.

1402—1404 — *...сильный ветер с моря Пригнал меня к вам, к вашему имени, Словно годовалого оленя-зверя.* — Дэвэлчэн, очевидно, имеет в виду, что его прибытию в Верхний мир способствовал попутный ветер. Говоря об «имени» собеседников (...к вашему имени), Дэвэлчэн подчеркивает, что оно пользуется широкой известностью и почетом.

1443—1446 — *Никто не ответил ему: «Хорошо» ...Не подумал: «Олень хоркает»* — эпическая формула такого рода выражает невнимание, пренебрежение. В данном случае, однако, может подразумеваться выжидание, своего рода «пауза», выдерживаемая знающими себе цену хозяевами (ср. Д 1846—1848).

1754 — *...Поиграли, позабавлялись...* (...эвӣксэ̄л-эвӣксэ̄л... — букв.: «поиграв-поиграв»). — В эвенкийском фольклоре глагол *эвӣ-* «играть» включает в себя и значение «состязаться (в стрельбе, в борьбе)» [6, с. 543].

1846—1848 — *Твои слова Тогда мне понравились, Нравятся и теперь...* — Становится ясно, что при первой попытке Дэвэлчэна поговорить с родителями жены (см. Д 1378—1442) его слова не остались неуслышанными.

1891 — *...Самые большие игрища мы увидим.* — Свадебные «игрища» включали пение, танцы, состязания в борьбе и стрельбе из лука.

1899 — *...На блестящую кровать...* (1898 — ...Бо̄лускай кира-вāттӯ... — букв.: «На польскую кровать»). — С приходом русских в Сибирь в быту эвенков и якутов появилось много новых предметов домашнего обихода. Эвенкийское *болӯскай* происходит от як. *болуускай* (<рус. *польский*, т. е., очевидно, «использовавшийся политическими ссыльными поляками»), употреблявшегося в словосочетаниях типа *болуускай сылабаар* «польский самовар», т. е. «самовар из бледно-желтого сплава с небольшой прибавкой из серебра» [28, стб. 496, 996]. В более позднее время эвенки называли «польскими» кровати, спинки которых были сделаны из хромированной нержавеющей стали.

1936—1944 — *Кусок черного мяса... становился с куропатку.* — Дэвэлчэн отправляет в рот крупные куски мяса и проглатывает, слегка разжевав (отчего те уменьшаются: рябчик меньше глухаря, а куропатка меньше зайца). Богатырская мощь Дэвэлчэна проявляется не только в бою, но и во время еды.

1993 — *Силачи перетягивали друг друга* — вид состязания (известный также у якутов), когда двое его участников, сидя на земле напротив друг друга, держатся за палку и тянут ее на себя, стараясь поднять соперника с места.

2051—2053 — *...Усадив на коня, Трижды провели его По двору по ходу солнца* — отражение обряда перевозки женщины из рода родителей в род мужа.

2116 — *...двум молодым осенним лунам* — на фоне осеннего неба луна кажется особенно красивой.

2258—2259 — *...свой старый утэн. Никем не тронутый...* — Выше (Д 349—350) говорилось о том, что «Одна стенка *утэна*» Дэвэлчэна «была сорвана». В тексте, очевидно, подразумевается, что Дэвлэлчэн нашел свой *утэн* в том же состоянии, в каком оставил его, отправляясь на поиски сестры.

2384—2389 — *Есть у меня серебряный ящик, В котором находятся Крылья, хвост И оперение серебряной птички. В них — Душа нашего сына.* — По представлениям эвенков, души еще не родившихся детей жили в виде птичек в местности, называемой *нектар* (слово, имеющее общий корень с эвенк. *нэви* «покойник» или «дух умершего предка» [8, с. 225—226]). В фольклоре восточных эвенков словом *ōмӣ*, обозначающим душу (см. коммент. к С 87), называют также синицу,

поскольку считается, что в ней заключена душа ребенка. В силу этого представления у эвенков существует запрет убивать маленьких птичек. В комментируемом тексте, по-видимому, отражается какой-то предродовой обряд с использованием чучела птички — «хранилища» души ребенка, которому предстоит появиться на свет.

2401—2403 — *Но сначала открой Все закрытые замки, Развяжи все завязанные узлы.* — В суровых условиях кочевой жизни эвенков нередки были случаи патологических родов женщин, когда роженица долго мучилась, умирала или рожала мертвого ребенка. По отношению к роженице существовало много запретов и оберегов. При трудных родах прибегали к различным магическим действиям. Одним из них было развязывание всех имеющихся в хозяйстве узлов, после появления в быту замков — их размыкание. Считалось, что без этого благополучный исход родов был невозможен.

2404—2405 — *Сруби три березки, Вбей колышки.* — В старину женщины рожали в построенных специально для родов чуме, палатке или пологе. Роженица стояла на коленях, опираясь подмышками на «козлы», крепившиеся на колышках, о которых и идет речь в тексте.

2406 — *Забей молодого коня.* — После благополучных родов эвенки обычно закалывали молодого оленя и кормили мать новорожденного свежим мясом, поили ее свежим отваром, чтобы появилось молоко. Киладий просит забить не оленя, а коня, вероятно, потому, что она — пришелица из Верхнего мира.

2430—2432 — . . .*На подстилку из шелковой зеленой травы Прямо темечком упав, Громко, стукнувшись головой*. . . — В летнее время роженицам подстилали молодую, мягкую траву, в другое время — оленью шкуру или шерсть, соскобленную со шкуры лося или оленя. Сын Киладий падает «на темечко» потому, что мать рожает, стоя на коленях (см. коммент. к Д 2404—2405). «Громкий» стук при падении новорожденного — эпический мотив, указывающий на появление на свет будущего богатыря.

2478 — . . .*Отвезти им нашего сына-первенца* — возможно, отражение какого-то обычая, по которому ушедшая при замужестве из своего рода женщина должна была отдать первого сына своим родителям на воспитание.

2524 — *По этому оленю мы дадим* [*сыну*] *имя.* — Ребенку подбирали верхового оленя и одежду, давая ему имя по связанному с ними признаку (масть оленя, цвет одежды и т. п.).

2802 — *Младшая сестра, родная сестра моя* — гостья Дэвэлчэна и Киладий — сестра отца Киладий (см. Д 2812), т. е. ее тетя. В соответствии с эвенкийской терминологией родства, тетя называет племянницу младшей сестрой. В свою очередь, Киладий называет тетю старшей сестрой (Д 2856).

2873—2882 — . . .*в ту колыбель*. . . *Медный лук* . . . *Обоюдоострое копье положите, Потник* . . . *расстелите. У головы* . . . *Пусть будет серебряная узда* — отражение одного из эвенкийских обычаев, связанных с рождением ребенка. В колыбель к новорожденному мальчику клали предметы, которые соответствовали его жизненному предназначению охотника и воина и, как предполагалось, еще в младенчестве способствовали формированию у него соответствующих качеств [8, с. 170—171]. Лук, копье, потник и узда, которые Киладий просит положить в колыбельку сына, необходимы для того, чтобы он вырос метким, сильным богатырем, умелым наездником.

2884 — . . .*Скатайте мяч*. . . (. . .Мэчикйэ ōксāл. . . — букв.: «Сделав мячик. . .»; эвенк. *мэчик* < рус., см. коммент. к С 130). — Речь идет об игрушке.

2945 — *А родившийся их ребенок* — имеется в виду ребенок, к рождению которого приехала старуха Онедор.

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Авахи (*авāhи* < як. *абааhы*) — злой дух, злое начало; все вредное, враждебное человеку; обитатель Нижнего мира.

Адярай (*адярай* < як. *адьарай*) — дьявол, черт, чудовище — то же самое, что *авахи*.

Аи (*аӣ* < як. *айыы*) — доброе начало; доброе божество, добрый дух — существо, заключающее в себе доброе начало; обитатель Среднего или Верхнего мира, богатырь, сражающийся с *авахи*.

Алгыс (*алгис* < як. *алгыс*) — благословение, хвала, мольба, благопожелание.

Араки (*аракӣ* < тюрк.) — вино, водка.

Гиро-гиро гироканин (гирō-гирō гирōкāнин), *гироканин-гироканин* (гирōкāнин-гирōкāнин) — запевное слово Содани (С) и Дэвэлчэна (Д).

Гуре-гуре (гурē-гурē) — запевное слово Киладий-красавицы (Д).

Гунгир-гунгир гунгирой (гуӈир-гуӈир-гуӈирой) — запевное слово богатыря Дугуйчана Дэлэйчэна (Д).

Дею-дею деюкэнин (деӣо-деӣо-деӣокэ̄нин) — запевное слово Солкондор (С), связано с основой *деӣо-* «наточить, заострить».

Дунгир-дунгир (дуӈир-дуӈир) — запевное слово орла (Д).

Дэвэ-дэвэ дэвэнин (дэвэ̄-дэвэ̄ дэвэ̄нин) — запевное слово Аякчан Ивекчан (С). Связано со словом *дэвэ̄* «сурик (минеральная краска)».

Дэгри-дэгри дэгримой (дэгрӣ-дэгрӣ дэгрӣмой) — запевное слово Солкондор (Д). Связано с основой *дэг-* «летать».

Кимэ-кимэ кимэнин (кимэ̄-кимэ̄ кимэ̄нин) — запевное слово Мэнгункэн-красавицы и старухи Баян Сигундэр (Д).

Кингир-кингир кингирдэнин (киӈир-киӈир киӈирдэ̄нин) — запевное слово богатыря-*авахи* (С). Эвенкийское *киӈир-киӈир* значит «невнятно, гнусаво, ворчливо».

Кодогой (< як. *ходоҕой* «всякая представительница женского пола на свадьбе со стороны невесты по отношению к стороне жениха и со стороны жениха по отношению к стороне невесты» [28, стб. 3435]) — сватья.

Кумалан (*кумалāн*) — коврик из шкур с головы оленя.

Лайда (*лāйда*) — поле, поляна, открытое ровное место.

Лавир-лавир лавирдан, ловир-ловир, ловир-ловир ловирдон — запевные слова *авахи* (Д).

Лингкир-лингкир лингкирйэ (лиӈкир-лиӈкир лиӈкирйэ) — запев богатыря Отани (Д). Связан со словом *лиӈкир* «крупный, высокий (обычно о деревьях, людях, оленьих рогах)». Указывает на высокий рост богатыря.

Лирве-лирве лирвея (лирвē-лирвē лирвеӣ) — запевное слово богатыря Бокалдына (Д). Связан со словом *лирвирӣн* «косматый, свисающий бахромой, кистями».

Малу (*малӯ*) — место в чуме против входа, за очагом, самое почетное.

Мата — богатырь.

Мукукэ (*мукукэ̄*) — охотничья одежда из оленьей шкуры, ниже колен.

Нихайданне, нихайден, делэдынне, делэйдын (Ниhайданнē, ниhайдēн, делэдыннē, делэйдӣн!) — запевное слово «атамана» *авахи* Дегэ Бабэ (Д).

Нямагдан — хорошо выделанная шкура, в которую завертывали ребенка в люльке.

Огенга (*огēӈа*) — то же, что *авахи*.

Поняга (*пōнāгэ*) — наспинная доска для ношения тяжестей.

Сангияк (*саҥияк* < як. *саҥыйах* «доха») — шуба из дорогих мехов.

Сонинг (*сōниҥ*) — богатырь, вождь (во время войны).

Татат-татат — междометие, выражающее сильный испуг.

Тунгур (< як. *тунур* «родственник через женитьбу детей, братьев, сестер») — родня по свойству.

Угэлэ-угэлэ угэндэр (угэлэ̄-угэлэ̄ угэндэ̄р) — запевное слово богатыря Иркиничэна (С).

Улыр-улыр улырой (ӯлыр-ӯлыр ӯлырōй) — запевное слово богатыря Олингачана (С).

Уранкай (*ураҥгай* < як., ср. як. *киhи ураанхай* «человек», *саха ураанхай* «якут») — синоним слов «человек», «эвенк».

Уруй (*уруй* < як. *уруй* «возглас, выражающий мольбу о благополучии, заклинание против зла» [28, стб. 3070]) — благопожелание.

Уткэн (*уткэ̄н*) — большой ножевидный тесак, насаженный на палку-древко. В эпосе упоминается как колющее, режущее оружие богатыря.

Утэн, утэнчик (*ӯтэ̄н*) — жилище эвенка, богатыря-*аи*, род чума, укрываемого на зиму землей, летом — корой хвойных деревьев.

Хэй (*hэй*) — окрик, которым погоняют оленей.

Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин (эҥтэвлэ̄нин-эҥтэвлэ̄нин) — запевное слово верхового оленя (С и Д). происходит от основы *эҥтэ-* «хоркать, издавать трубные звуки».

Эрил дэрил (*э̄рил дэ̄рил*) — запевное слово богатыря Ирэвлинде (Д).

Юкир-юкир юкирмой (юкир-юкир-юкирмой) — запевное слово богатыря Херкининди (С).

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Аи Бэгин (Аӣ Бэгин, букв.: «Аи-господин»; *аи* — см. словарь непереведенных слов, *бэгин* «господин») — верховный небожитель, отец Содани, Аякчан и Иркиничэна (С).

Аихитмандя (Аӣhитмандя̄, букв.: «Большой творец, создатель», ср.: як. айыыhыт «творец, создатель») — верховный небожитель, отец Мэнгункэн (Д).

Аякчан Ивекчан (Аякча̄н Ивекча̄н, букв.: «Хорошенькая стыдливенькая», ср.: *ая* «хороший, добрый, славный, красивый», *ивдя-* «смущаться, быть скромной») — жительница Среднего мира, младшая сестра Содани и Иркиничэна (С).

Баян Бегандар (Баян Бегандар этыркэ̄н, букв.: «Богатый лунный старик», ср.: эвенк. *баян* «богатый», *бēга* «луна», *этыркэ̄н* «старик») — верховный небожитель, отец Киладий (Д).

Бокалдын (Бо̄ка̄лдын мата, букв.: «Слуга-богатырь», ср.: *бокан* «слуга, раб», *мата* «богатырь») — *богатырь Верхнего мира* (Д).

Баян Сигундэр, Баян Сигурдэн (Сигундэр Баян атырка̄н, букв.: «Солнечная богатая старуха», ср. эвенк. *сигун* «солнце», *атырка̄н* «старуха») — верховная небожительница, мать Киладий (Д).

Бултэрикэн (Бултэрикэ̄н, букв.: «Кругленький», от як. *бултэгэр* «выпуклый, надутый, шарообразный») — имя Иркиничэна во время его пребывания в Нижнем мире (С).

Дугуйчан-Дэлэйчэн (Дугуйчан-Дэлэйчэ̄н; ср.: як. *дугуй-* «иметь легкую походку, ходить легко», як. *дэлэй* «вдоволь, в изобилии; вольготный, привольный, свободный») — юный богатырь Среднего мира, сын Дэвэлчэна и Киладий (Д).

Дегэ Бабэ (Дегэ Ба̄бэ, от рус. Яга-Баба) — «атаман» Нижнего мира (Д).

Дэвэлчэн (Дэвэлчэ̄н, от *дэвэ-*, *дэвэр-* «разукрасить минеральными красками») — богатырь Среднего мира, главный герой (Д).

Иркиничэн (Иркиничэ̄н, от *иркин* «самец дикого оленя в осеннюю пору, перед гоном») — богатырь Среднего мира, один из главных героев (С).

Ирэглинде, Ирэвлинде (Ирэ̄глинде, Ирэ̄влинде, букв.: «Большой лиственничный лес», ср.: *ирэ̄г* «лиственничник», ирэ̄гли «лиственничный») — богатырь Верхнего мира, один из братьев Киладий (Д).

Киладий (Кила̄дий, от як. *кылаан* «лезвие, острие, ость меха», переносно «лучший, отборный») — девушка из Верхнего мира, жена Дэвэлчэна (Д).

Мэнгункэн (Мэӈункэ̄н, букв.: «Серебрянка», ср.: *мэӈун* «серебро») — девушка из верхнего мира (Д).

Няргучан, Няргул (Няргуча̄н, Няргул, ср.: *няргу* «двухлетний лось-самец») — богатырь Нижнего мира, противник Дэвэлчэна (Д).

Олингачан (О̄лӣӈача̄н, букв.: «Вороненок», ср.: *о̄лӣ* «ворон») — богатырь Верхнего мира, брат Херкининди (С).

Онёдор (Онёдор, от *онё-* «рисовать, вышивать») — «старуха» из Верхнего мира, тетя Киладий (Д).

Отани (О̄танӣ, от *о̄та, о̄кта* «тальник, полярная береза») — богатырь Верхнего мира, один из братьев Киладий (Д).

Содани (Сода̄нӣ, от *со̄* «сильный, храбрый») — богатырь Среднего мира, один из главных героев (С).

Солкондор (Солкондо̄р, от *солко* «шелк», як. *солко* < рус.) — имя жительницы Среднего мира, жены Иркиничэна (С) и сестры Дэвэлчэна (Д).

Сэлэмэ Дыгиядя (Сэлэмэ Дыгия̄ндя̄, ср.: *сэлэмэ* «железный», як. *дыгый-* «ходить, слегка касаясь ногами земли», здесь, возможно, «передвигаться на одной ноге») — железный богатырь Нижнего мира, противник Содани и Иркиничэна (С).

Сэлэмэ Дэвиндэр (Сэлэмэ Девиндэ̄р, букв.: «Ржавчина на железе», ср.: *сэлэ* «железо», як. *дьэбин* «ржавчина») — железный богатырь Нижнего мира, противник Содани и Иркиничэна (С).

Тукала Манги (Тукала Маӈи, букв.: «Глиняный великан», ср.: *тукала* «глина, земля», *маӈи* «сказочный богатырь, великан», «черт», «дух земли» и др.) — «атаман» Нижнего мира (С).

Туливчан (Туливча̄н, от *тули-*, *тулимка-* «измерять глубину» [в поэтической речи]) — шаманка Среднего мира, дочь Иркиничэна и Солкондор (С).

Угу Бегандар (Ӯгӯ Бёганда̄р этыркэ̄н, букв.: «Верхний лунный старик») — верховный небожитель, отец Киладий (Д), см. Баян Бегандар.

Угу Бегин (Ӯгӯ Бэгин, букв.: «Верхний господин») — верховный небожитель, отец Солкондор (С).

Угу Катун (Ӯгӯ Катун, букв.: «Верхняя госпожа»; ср.: як. хотун «госпожа») — верховная небожительница, мать Солкондор (С).

Угу Улгэр Бэгин (Ӯгӯ Улгэ̄р Бэгин, букв., «Верхний господин созвездия Плеяды») — верховный небожитель, отец Херкининди и Олингачана (С).

Угу Онёдор Катун (Ӯгӯ Онёдор Катун, букв.: «Верхняя мастерица-госпожа») — верховная небожительница, мать Херкининди и Олингачана (С).

Угу Херкининдя, Херкининдя (Ӯгӯ Һӗркининдя̄, букв.: «Верхний Херкининдя»; *ӯгӯ* — см. Угу Бэгин; Һӗркининдя̄, букв.: «Огромная молния», ср.: *һӗркин* «молния») — богатырь Верхнего мира, брат Олингачана (С).

Хуркокчон (Һуркокчон, от *һуркэн* «мальчик, юноша») — сын-первенец Дэвэлчэна и Киладий (Д).

Эден Едяксит (Эдӗн Ӗдяксит, ср.: *эдӗн* «хозяйка», як. *иэйиэхсит*, название богинь, покровительствующих людям, лошадям и рогатому скоту) — верховная небожительница, мать Мэнгункэн (Д).

Эден Еексит (Эдӗн Ӗексит; см.: Эден Едяксит) — верховная небожительница, мать Содани, Аякчан и Иркинчэна (С).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айзенштадт А. М.* Вопросы ладообразования в эвенкийской народной музыке // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. — М., 1973. — С. 212—225.

2. *Айзенштадт А. М.* Жанровая типология эвенкийского речитатива // Актуальные проблемы изучения музыкального фольклора. — Ростов н/Д, 1983. — С. 40—53.

3. *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. — М.; Л., 1958. — 235 с.

4. *Булатова Н. Я.* Говоры эвенков Амурской области. — Л., 1987. — 168 с.

5. *Василевич Г. М.* Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. — Л., 1936. — 290 с.

6. *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. — 802 с.

7. *Василевич Г. М.* Исторический фольклор эвенков (сказания и предания). — М.; Л., 1966. — 399 с.

8. *Василевич Г. М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). — Л., 1969. — 304 с.

9. *Василевич Г. М.* От редактора // Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — С. 3—7.

10. *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государство Цзинь (X в.—1234 г.). — М., 1983. — 448 с.

11. *Воскобойников М. Г.* Фольклор эвенков Бурятии. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. — 156 с.

12. *Воскобойников М. Г.* Эвенкийский фольклор. — Л., 1960. — 339 с.

13. *Воскобойников М. Г.* Фольклор эвенков Прибайкалья. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. — 183 с.

14. *Гурвич И. С.* Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования эвенкийского народа. — М., 1977. — 248 с.

15. *Жорницкая М. Я.* Народные танцы Якутии. — М., 1969. — 167 с.

16. *Карабанова С. Ф.* Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как исторический источник. — М., 1979. — 161 с.

17. *Квитка К. В.* Избранные труды: В 2 т. — М., 1971. — Т. 1. — 384 с.

18. *Кривошапко Г. М.* Музыкальная культура якутского народа. — Якутск: Кн. изд-во, 1982. — 184 с.

19. *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. — Иркутск, 1937. — Т. 1. — 578 с.

20. *Матусевич М. И.* Введение в общую фонетику. — Л., 1948. — 135 с.

21. *Мыреева А. Н.* Н. Г. Трофимов (Бута) — эвенкийский сказитель // Тезисы докладов конференции фольклористов Сибири и Дальнего Востока. — Улан-Удэ, 1966. — С. 59—61.

22. *Мыреева А. Н.* Сказительство в условиях якутско-эвенкийского двуязычия // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск, 1978. — С. 190—201.

23. *Мыреева А. Н.* О запевах эвенкийских сказаний // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. — Якутск, 1980. — С. 93—103.

24. *Мыреева А. Н.* Поэтические особенности эвенкийских сказаний // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 177—182.

25. *Мыреева А. Н.* Семантическая и морфологическая характеристика собственных имен эвенкийских сказаний // Актуальные вопросы языков народностей Севера. — Якутск, 1986. — С. 77—88.

26. *Новикова К. А., Савельева В. Г.* К вопросу о языках коренных народностей Сахалина // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. — Л., 1953. — С. 84—134.

27. *Образцы* народной словесности монгольских племен. — Спб., 1918. — Т. 1, вып. 300. — С. 504—648.

28. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. — Б. м., 1958. — Т. 2, 3.

29. *Путилов Б. Н.* Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. — М., 1975. — С. 164—182.

30. *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходство, различия // Типология народного эпоса. — М., 1975. — С. 12—63.

31. *Пухов И. В.* Фольклорные связи народов Севера. (Эпические жанры у эвенков и якутов) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. — М., 1980. — С. 264—282.

32. *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Фольклор эвенков Якутии. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — 211 с.

33. *Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П.* Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. — 211 с.

34. *Сравнительный* словарь тунгусо-манчжурских языков. — Л., 1975. — Т. 1. — 672 с.; 1977. — Т. 2. — 992 с.

35. *Стешенко-Куфтина В. Н.* Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов // Этнография. — 1930. — № 3.

36. *Чекановска А.* Музыкальная этнография: Методология и методика. — М., 1983. — 190 с.

37. *Шаракшинова Н.* Героический эпос бурят. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 160 с.

38. *Шейкин Ю. И.* Допесенное и песенное в фольклоре удэ // Народная песня: Проблемы изучения. — Л., 1983. — С. 79—93.

39. *Якутско-русский словарь.* — М., 1972. — 606 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

алт.	— алтайский	ороч.	— орочский
бур.	— бурятский	тув.	— тувинский
долг.	— долганский	тюрк.	— тюркский
калм.	— калмыцкий	ульч.	— ульчский
монг.	— монгольский	хант.	— хантыйский
монг.-ойр.	— монгольско-ойратский	эвен.	— эвенский
нег.	— негидальский	эвенк.	— эвенкийский
нен.	— ненецкий	як.	— якутский
орок.	— орокский		

SUMMARY

The present book opens a bilingual (an original text and a Russian translation) academic series «The Folk-lore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East» in 63 volumes which will be coming out over a long period of time.

This series is prefaced with an introductory article defining its conception, structure, scientific-historical context and novelty.

Two unique Evenk heroic poems «Brave Sodani-hero» and «All-powerful Develchen in the Embroidered and Decorated Clothes» performed by the famous narrator N. G. Trofimov (1915—1971) are published for the first time. Two stories are based on the myths about the Evenks living in the Middle (Terrestrial) world and fighting against evil hostile forces on the Low and Upper World.

The characters of these legends struggle for their right to live and prosper on their native land. They win and give a start to ancestors of the Evenks.

The Evenk epos emphasizes the unity of men and nature reminding of the «roots» of human existence. Both male and female images are wonderful.

The introductory articles reveal originality of these narrations, their misical harmony and style, historical and ethnographical details. Musicological and other explanations as well as an enclosed gramophone record with the characters' songs make the edition highly valuable.

The book is intended for experts as well as for all the interested readers.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии 7

Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока: истоки и традиции. *В. М. Гацак, А. П. Деревянко, А. Б. Соктоев* 10

Эвенкийские героические сказания. *А. Н. Мыреева* 72

Музыка эвенкийских сказаний. *А. М. Айзенштадт, Ю. И. Шейкин* 89

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

Сō бэе Сōдāнӣ мāтā 126

Храбрый Содани-богатырь 127

Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэтӯлкэ̄н дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н 238

Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде 239

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Сō бэе Сōдāнӣ мāтā — Храбрый Содани-богатырь 371

Иһāрдан-дэвэ̄рдэн тэтӯлкэ̄н дэгилтэр сōӈку Дэвэлчэ̄н — Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде 380

Словарь непереведенных слов 384

Словарь собственных имен 386

Список литературы 388

Условные сокращения 389

Summary 390

Научное издание

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

Редактор издательства *М. А. Лапшина*
Художественный редактор *В. И. Шумаков*
Технический редактор *С. А. Смородинова*
Корректоры *Е. Н. Зимина, Л. Л. Михайлова*

ИБ № 34997

Сдано в набор 15.01.90. Подписано к печати 22.06.90. Формат 75×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Лазурского. Фотонабор. Усл. печ. л. 31.9. Усл. кр.-отт. 31.9. Уч.-изд. л. 28.8. Тираж 16 100 экз. Заказ № 56. Цена 7 р. 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034 Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ
СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
МОНО М92 49355 002

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

Сторона 1

Напев Хуркокчона — богатыря Верхнего мира — 2.30

Напев девушки Секак — 3.30

Напев верхового оленя — 3.00

Сторона 2

Напев Деге Бабэ — богатырки Нижнего мира — 0.50

Напев Сэлэргуна Сэвэндя — богатыря Нижнего мира — 1.26

Напев слуги-пастуха Бокалдына — 2.05

Напев девушки Солкондор — 4.02

На эвенкийском языке

Н. Г. ТРОФИМОВ

Составитель Ю. Шейкин

Звукорежиссер М. Дидык. Редактор К. Симонян
Художники: А. Рюмин, В. Шумаков

Звучит голос замечательного эвенкийского сказителя Н. Г. Трофимова (1915 — 1971).

Исполнявшиеся им сказания «Храбрый Содани-богатырь» и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде», к сожалению, зафиксированы лишь в письменной записи, осуществленной благодаря подвижническому труду самого Н. Г. Трофимова и исследовательницы эвенкийского языка и фольклора А. Н. Мыреевой.

На пластинке представлены семь фрагментов сказания «Иркисмондя-богатырь», записанного А. Н. Мыреевой от Н. Г. Трофимова в 1964 году на магнитную ленту. Они не только демонстрируют его исполнительскую манеру и фоническую природу продолженной им эпической традиции, но и позволяют представить музыкальную характеристику персонажей в оставшихся для нас «немыми» сказаниях «Содани-богатырь» и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн...».

Е. Аникин

© ВТПО «ФИРМА МЕЛОДИЯ», 1990

Всесоюзная студия грамзаписи
Экспедиционные записи 1964 г.
Ленинградский завод грампластинок
31.08.90. Тип. завода З.2254-о- 25000
АРТ. 10-3. ЦЕНА 70 КОП.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВТПО „ФИРМА МЕЛОДИЯ"

МОНО ▽ 33 ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД

ГОСТ 5289-88
М92-49355

Гр. 2. 0-55
1

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ
Напев Хуркокчона — богатыря Верхнего мира
Напев девушки Секан
Напев верхового оленя
На эвенкийском языке
Н. Г. Трофимов
Запись 1964 г.
ГОД ВЫПУСКА 1990

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВТПО „ФИРМА МЕЛОДИЯ"

МОНО ▽ 33 ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД

ГОСТ 5289-88
М92-49356

Гр. 2. 0-55
2

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ
Напев Деге Бабэ — богатырки
Нижнего мира. Напев Сэлэргуна Сэвэндя — богатыря
Нижнего мира. Напев слуги-пастуха Бокалдына
Напев девушки Солкондор
На эвенкийском языке
Н. Г. Трофимов
Запись 1964 г.
ГОД ВЫПУСКА 1990